Г. Р. ДЕРЖАВИН

Советский
писатель

Гаврiилъ Державинъ

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА
ОСНОВАНА
М. ГОРЬКИМ

Большая серия
Второе издание

ЛЕНИНГРАД * 1957

Г. Р. ДЕРЖАВИН

СТИХОТВОРЕНИЯ

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Вступительная статья, подготовка текста
и общая редакция
Д. Д. Благого

Примечания В. А. Западова

ГАВРИЛА РОМАНОВИЧ ДЕРЖАВИН

Поэтическое творчество Державина приходится в основном на два последних десятилетия XVIII — первое десятилетие XIX веков. И это не только хронологические границы. Вырастая на почве XVIII столетия, величавое и могучее древо державинской поэзии несет на своих широко раскинувшихся ветвях воистину золотые плоды — зерна будущего, соединяет концы и начала, является живым и действенным связующим звеном между двумя столь различными эпохами в развитии русской поэзии.

Вне всякого сравнения крупнейший поэт-художник XVIII века, Державин явился в своем творчестве закономерным следствием всего предшествовавшего ему развития новой русской литературы от Кантемира, Ломоносова, Сумарокова до Хераскова, Василия Петрова, Василия Майкова, Богдановича.

В творчестве Державина широко и порой с исключительным блеском представлены все основные поэтические жанры, культивировавшиеся в поэзии XVIII века. Но мы находим в нем и нечто другое. В ряде наиболее новаторских своих созданий Державин не только начал стирать резко установленные грани между различными стихотворными жанрами и, соответственно, «штилями» классицизма, но и сумел на равных правах сочетать в рамках одного произведения и утверждающее и критическое начала. Тем самым из области условных литературных схем Державин выходил в мир реальной, живой жизни; делал — пусть еще только первый, но имевший громадное принципиальное значение — шаг к широкому разностороннему изображению как человека, так и окружающей его действительности; открывал путь к преодолению рационалистической эстетики классицизма, к развитию и утверждению тех новых направлений романтизма и реализма,

которые определили собой лицо русской литературы первых десятилетий XIX века.

Младший современник Ломоносова, родившийся за год до смерти Кантемира, Державин явился непосредственным предшественником не только Карамзина, но и Батюшкова, Жуковского, наконец — и это самое главное — Пушкина.

1

Державин происходил из кругов мелкопоместного дворянства. В пику надменным представителям высокопоставленной, придворно-вельможеской среды, в которую Державин позднее, благодаря своему служебному положению, попал, он любил подчеркивать, что происходит тоже от знатного предка — татарского мурзы Багрима. Но родители поэта влачили довольно жалкое существование. Отец, Роман Николаевич, владелец крохотного именьица под Казанью всего с десятью душами крепостных крестьян, поступив на службу рядовым еще при Петре I, почти всю жизнь служил в малых офицерских чинах по провинциальным гарнизонам. Женат он был на своей соседке и дальней родственнице, вдове Фекле Андреевне Гориной, урожденной Козловой, которая принесла за собой еще пятьдесят душ. 3 июля (по новому стилю 14 июля) 1743 года у Державиных родился не то в Казани, не то в одной из их «бедных деревнишек» (это точно не установлено) первенец, названный Гаврилой. Будущий поэт был столь мал и слаб, что, по народному обычаю, его доращивали в своеобразном инкубаторе — запекали в хлебе, «дабы получил он сколько-нибудь живности».[1]

Первые детские годы Державина протекали в типичной обстановке дворянского мелкопоместья. Помимо хозяйственных забот, жизнь Державиных была заполнена нескончаемыми судебными тяжбами, возникавшими главным образом из-за земельных споров с соседями, а порой из-за столкновений по сущим пустякам, живо напоминающих пресловутую гоголевскую ссору Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем.

Державина-мать была женщиной необразованной и даже малограмотной, тем не менее она с раннего детства приохочивала сына, уже в четыре года научившегося грамоте, к чтению духовных книг. Ста-

---

[1] Записки Державина. — Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота, т. 6. СПб., 1871, стр. 414. При дальнейших ссылках на это издание в тексте указываются в скобках том и страница.

рались Державины дать ему и дальнейшее образование; однако поначалу оно носило достаточно примитивный характер. Первыми учителями будущего поэта были мелкие церковные служители; затем, после перевода отца в Оренбург, Державин был отдан «для научения немецкого языка», знание которого со времени Петра I считалось признаком хорошего тона, в школу немца Розе, человека совершенно невежественного и крайне жестокого; наконец, арифметику и геометрию, познания в которых требовались указами о недорослях, Державин прошел под руководством «служивых».

В 1753 году отец повез было Державина в столицу, рассчитывая поместить его в высшее дворянское учебное заведение того времени — Петербургский шляхетный корпус. Но этому помешал недостаток средств. В следующем году отец умер. У вдовы, оставшейся с тремя малыми детьми, не оказалось даже пятнадцати рублей, чтобы заплатить долг покойного. Воспользовавшись ее беспомощным положением, соседи отняли часть принадлежавших Державиным земель. Тщетно простаивала мать вместе с малолетними сыновьями по целым часам в передних у приказных, добиваясь справедливости. Эти тягостные впечатления детства глубоко ранили будущего поэта и запомнились ему на всю жизнь. «Таковое страдание матери от неправосудия, — вспоминает он в своих «Записках», — вечно осталось запечатленным на его сердце, и он, будучи потом в высоких достоинствах, не мог сносить равнодушно неправды и притеснения вдов и сирот» (6, 417—418).

Однако и теперь Державина не отказалась от стремления вывести сыновей в люди. В 1759 году ей удалось отдать их в только что открывшуюся в Казани гимназию, явившуюся вторым учебным заведением этого типа после Московской университетской гимназии, в которой примерно в эти же годы обучался будущий автор «Недоросля» Фонвизин. Директором казанской гимназии, также находившейся в ведении Московского университета, был назначен один из передовых и широко образованных людей того времени, довольно известный впоследствии драматург и переводчик М. И. Веревкин.

Программа гимназического преподавания задумана была весьма широко, по образцу Петербургского шляхетного корпуса, воспитанником которого был Веревкин; но из-за отсутствия сколько-нибудь удовлетворительных преподавателей осуществлялась она плохо.

Следуя традициям Шляхетного корпуса, из стен которого вышел целый ряд крупных писателей того времени, Веревкин старался привить гимназистам любовь к литературе, организовывал театральные представления, заставлял разыгрывать пользовавшиеся в то время широкой популярностью трагедии Сумарокова и комедии Мольера.

В гимназии сразу же проявились незаурядные способности Державина. Уже в первый год учения он был назван в газете «Московские ведомости» в числе нескольких лучших учеников. Особенное влечение он испытывал, говоря его словами, «к предметам, до воображения касающимся», — рисованию, музыке и поэзии. Он обнаружил явные и выдающиеся способности к живописи; начал играть на скрипке; стал пытаться сочинять тайком от всех стихи, сказки, романы, обычно сразу же уничтожая написанное.

Через год после открытия гимназии, готовясь к докладу в Петербурге куратору Московского университета, влиятельнейшему вельможе И. И. Шувалову, о занятиях и успехах гимназистов, Веревкин поручил способнейшим из них начертить карты Казанской губернии, украсив их фигурами и ландшафтами. Работа, выполненная Державиным, столь понравилась Шувалову, что он приказал записать его кондуктором Инженерного корпуса, дав отпуск до окончания гимназии. Веревкин стал усиленно привлекать молодого «кондуктора» к выполнению разного рода поручений: при его помощи был составлен план города Чебоксар; на него фактически выпало предложенное Шуваловым описание развалин древней столицы Болгарского царства и производство там археологических раскопок.

Однако окончить гимназию Державину не удалось. Вопреки обещанию Шувалова, он оказался записанным не в Инженерный корпус, а рядовым в гвардейский Преображенский полк. В 1762 году его потребовали в Петербург к месту службы. Веревкина к этому времени уже сместили, поэтому помочь он не мог. Да и к тому же неожиданный поворот судьбы, по-видимому, не только не огорчил Державина, но даже отвечал его потаенным стремлениям. Мало удовлетворенный гимназическим преподаванием и тяготившийся жизнью в далекой Казани, одаренный и инициативный юноша рвался в столицу. В прошении, поданном им гимназическому начальству, он писал: «...ныне склонность моя и лета долее не дозволяют быть при оной гимназии, а желаю вступить в действительную службу».

Так закончились недолгие ученические годы Державина и началась его нелегкая, полная всякого рода испытаний трудовая жизнь. «В сей-то академии нужд и терпения научился я и образовал себя», — замечал позднее Державин.

По закону, изданному Петром I, все дети дворян должны были начинать службу рядовыми. Но после смерти Петра этот закон стал ловко обходиться. К тому же дворяне-гвардейцы принадлежали обычно к состоятельным семьям, сорили деньгами, обладали влиятельными связями при дворе. Державину пришлось поселиться в тесной солдатской казарме вместе с рядовыми из крестьян (тут же жили и их

жены), выполнять наряду с ними всю «черную» работу: ездить за провиантом, чистить каналы, разгребать снег.

Всего через три месяца с небольшим произошло то, что сам Державин, следуя в этом новой императрице и ее окружению, называл громким словом «революция», — дворцовый переворот 1762 года, в результате которого на российский престол взошла жена убитого заговорщиками Петра III, Екатерина II. Державин вместе со своим полком принимал активное участие в событиях, с этим связанных, в частности в «походе» на резиденцию бывшего императора — Петергоф, которым предводительствовала сама Екатерина; присутствовал он и на коронационных торжествах в Москве, где был свидетелем «славного» уличного сатирического маскарада «Торжествующая Минерва», организованного основателем русского театра Федором Волковым при ближайшем участии поэтов Сумарокова и Василия Майкова. Устроителям было дано официальное задание осмеять пороки предшествующего царствования. Но фактически значение маскарада вышло за эти пределы: перед народом предстала широкая картина многих темных сторон всего самодержавно-бюрократического строя — неправосудия, взяточничества и т. п.; несомненную роль сыграл маскарад и в последующем развитии сатирического направления в литературе.

Все пособники и участники переворота, имевшие те или иные связи с его главными деятелями, были осыпаны высочайшими милостями и наградами. Однако в положении самого Державина никаких изменений не произошло. Живя в Москве, он однажды чуть не замерз, стоя в жестокую стужу и метель на карауле в поле позади дворца; в другой раз, посланный ночью с приказом, попал в огромные снежные сугробы на Пресне и едва не был растерзан собаками. Тяжелые условия заставили Державина «выкинуть из головы науки», забросить и упражнения в рисовании и музыке. Ему лишь удавалось «по ночам, когда все улягутся», читать «книги, какие где достать случалось, немецкие и русские», да «марать» «стихи без всяких правил» (6, 427). Некоторые из этих опытов были тесно связаны с солдатским фольклором; так, Державин переложил на рифмы популярные тогда «площадные прибаски насчет каждого гвардейского полка». По просьбе солдатских жен он стал сочинять для них письма в деревню, стараясь писать их наивозможно просто, на «крестьянский вкус». Несколько позже Державин начал было перелагать в стихи русский перевод знаменитого политико-нравоучительного романа Фенелона «Телемак», с которым познакомился еще в казанской гимназии.

Подобный образ жизни не мог не тяготить Державина еще более, чем пребывание в Казани. Узнав, что И. И. Шувалов, которому

вскоре по приезде в Петербург его представил Веревкин, собирается за границу, Державин явился к нему с просьбой взять его с собой «в чужие края, дабы чему-нибудь там научиться». Покровитель Ломоносова отнесся к этому благосклонно и попросил зайти к нему еще раз. Но об этом узнала двоюродная тетка Державина. О Шувалове шла молва как о «главном начальнике» сравнительно незадолго до этого возникших в России тайных масонских организаций, участников которых тетушка почитала «отступниками от веры, еретиками, богохульниками, преданными антихристу». Угрожая написать матери, она категорически запретила племяннику снова идти к Шувалову. Державину было в это время почти двадцать лет, но, по его собственным словам, он был воспитан «в страхе божием и родительском» и, как это ему было ни горько, счел необходимым повиноваться (6, 437—438). В то же время Державина продолжали обходить при производстве. Тогда, в годовщину дворцового переворота, он обратился с жалобой к одному из активнейших участников его, графу Орлову, и в результате был произведен из рядовых в унтер-офицеры.

Державин смог теперь поселиться уже в дворянской казарме. Таясь от своих новых сожителей, Державин по-прежнему продолжал заниматься чтением книг и «кропанием стихов», на этот раз уже по правилам, которым он научился из трактата Тредиаковского «Новый и краткий способ к сложению российских стихов», и беря за образец сочинения Ломоносова и Сумарокова. Бывая на литературных вечерах своего давнего казанского знакомца Осокина, встречал он на них и самого Тредиаковского. Одно из своих стихотворений — «Похвальную песенку» солдатской дочери Наташе — он показал соседям по казарме и вызвал общее одобрение.

Литературные занятия Державина, очевидно, стали известны и начальству, и в 1768 году он был прикомандирован в качестве одного из «сочинителей» — секретарей к созванной Екатериной Комиссии депутатов для составления нового свода законов. Секретарями в комиссии были и некоторые другие будущие выдающиеся писатели — замечательный русский просветитель и издатель сатирических журналов Н. И. Новиков, автор ирои-комической поэмы-памфлета «Елисей, или Раздраженный Вакх» В. И. Майков, — для которых эта работа, позволившая наглядно увидеть многие неустройства и неблагополучия в стране, явилась своего рода практической школой передовой общественной мысли. Работа Державина в Комиссии продолжалась недолгое время (по каким-то домашним делам он был вызван матерью в Казань), но можно думать, что она также не прошла для него вовсе бесследно.

Жизнь, которую Державин повел после получения унтер-офицерского чина, явно не соответствовала его внутренним стремлениям. Новые товарищи по дворянской казарме постепенно вовлекли его в круг весьма рассеянного существования. Необходимых на это средств недоставало. Державин пристрастился к карточной игре. Во время отпуска в Москве он проиграл деньги, данные ему матерью на покупку «небольшой деревнишки». Стремясь отыграться, он свел знакомство с профессиональными игроками, научился всякого рода нечистым карточным приемам и проводил дни и ночи в трактирах. В результате против него было возбуждено уголовное дело, тянувшееся, по судейским нравам того времени, в течение целых двенадцати лет и так ничем и не кончившееся. «Если же и случалось, что не на что не токмо играть, но и жить, — рассказывает он в своих «Записках», — то, запершись дома, ел хлеб с водою и марал стихи при слабом иногда свете полушечной сальной свечки, или при сиянии солнечном сквозь щелки затворенных ставней» (6, 450—451).

В одном из стихотворений этой поры, выразительно озаглавленном «Раскаяние», Державин горько жалуется на то, что он «в роскошах забав испортил... непорочный нрав», «повеса, мот, буян, картежник очутился» и в результате, вместо того чтобы обратить свой талант на пользу, погубил его «порочной жизнью». Попутно поэт дает резко обличительную картину нового Вавилона — Москвы, «града... роскошей, распутства и вреда» (3, 252—253). Но поэтический дар, сознание своего высокого призвания помогли Державину вырваться из все глубже затягивавшего его омута. «Возгнушавшись сам собою», Державин со свойственной ему решительностью, с трудом достав взаймы пятьдесят рублей, «бросился опрометью в сани и поскакал без оглядок в Петербург». По дороге встретил он одного из прежних своих приятелей, «человека распутной жизни», истратил с ним все деньги, снова занял пятьдесят рублей и на одной из почтовых станций опять проиграл их. В связи с эпидемией чумы перед Петербургом была установлена карантинная застава, на которой Державину предстояло пробыть положенные две недели. Оставшись совершенно без денег и вообще по свойственной ему пылкости и нетерпению, Державин умолял карантинного начальника пропустить его. Главным препятствием оказался багаж, состоявший всего лишь из сундука, наполненного рукописями. Тогда Державин, ничтоже сумняшеся, на глазах караульных сжег сундук со всем, «что он во всю молодость свою чрез двадцать почти лет намарал» (6, 456—457). Сгорели и его переводы из немецких поэтов, и его оригинальные сочинения в стихах и в прозе.

2

Кое-как перебиваясь по возвращении в Петербург, Державин два года спустя, в 1772 году, наконец-то, через десять лет по поступлении в полк, получил офицерский чин, несмотря на происки недоброжелателей, которые настаивали, чтоб его «за бедностью в гвардии офицеры не производить». Положение гвардии офицера действительно требовало больших расходов и вообще обязывало вести соответствующий образ жизни, возможностей к чему у Державина не было. Именно потому-то, по его свидетельству, он настойчиво хотел «употреблен быть в войне или в каком-нибудь отличном поручении», которое позволило бы ему как-то выделиться. Однако это никак не удавалось, что и повергало его «иногда в меланхолию» (6, 463).

В следующем, 1773 году Державин впервые появился в печати. В одном из журналов, «Старина и новизна», был напечатан его стихотворный перевод с немецкого «Ироида Вивлиды к Кавну»; в том же году по случаю брака наследника престола Павла Петровича вышла в свет отдельным изданием его хвалебная «Ода на всерадостное бракосочетание их императорских высочеств, сочиненная потомком Аттилы, жителем реки Ра». Произведение никому неведомого «потомка Аттилы», да к тому же напечатанное в количестве всего пятидесяти экземпляров, прошло совершенно незамеченным.

Как раз в это время появились первые известия о вспыхнувшем в оренбургских степях и сразу же принявшем грозные размеры восстании Пугачева. Это открыло широкие возможности для энергии и честолюбия Державина. Добившись в качестве уроженца Поволжья, хорошо знавшего те места, прикомандирования к главнокомандующему правительственными войсками генералу Бибикову, Державин пробыл около трех лет в краю, где бушевало восстание. Он развил самую кипучую деятельность: совершал походы в различные поволжские города, участвовал в ряде стычек и боев с повстанцами, разъезжал чуть не в одиночку с наиболее ответственными поручениями по самым опасным местам, дважды чуть не попал в плен к Пугачеву, писал воззвания к восставшим, составил для казанского предводителя дворянства речь в честь Екатерины II, «казанской помещицы», как она себя называла, и т. д.

Державин был убежденным монархистом; дворянство считал первенствующим сословием в государстве; крепостное право — незыблемым, Пугачева — «злодеем». Но вместе с тем, не в пример рядовым представителям своего сословия, он сумел достаточно верно оценить общее глубоко ненормальное положение дел в стране, являвшееся питательной почвой восстания. «Надобно остановить грабительство

или, чтоб сказать яснее, беспрестанное взяточничество, которое почти совершенно истощает людей. . .» — писал он после года пребывания в местах, охваченных «колебанием народным», в официальном донесении на немецком языке, направленном казанскому губернатору и начальнику местной секретной следственной комиссии генералу Бранту. «Сколько я смог приметить, — продолжал он, — это лихоимство производит в жителях наиболее ропота, потому что всякий, кто имеет с ними малейшее дело, грабит их. Это делает легковерную и неразумную чернь недовольною и, если смею говорить откровенно, это всего более поддерживает язву, которая теперь свирепствует в нашем отечестве» (5, 109—111). С заявлениями подобного же рода Державин посмел обратиться и по гораздо более высокому адресу — к самой Екатерине II. Боевая обстановка мало благоприятствовала занятиям поэзией. Однако, как только Державину представилась малейшая возможность, он снова обратился к ним. В 1774 году он был направлен, с целью преградить дорогу Пугачеву, в немецкие колонии близ Саратова. У одного тамошнего жителя оказался сборник од короля Фридриха II в переводе на немецкий язык (в подлиннике они были написаны по-французски). Пользуясь передышкой во время стоянки с батареей на холме Шитлагай, Державин перевел четыре из этих од прозой и тогда же написал четыре оригинальные оды. После возвращения в Петербург он издал их, в 1776 году, отдельным сборником без имени автора под названием «Оды, переведенные и сочиненные при горе Читалагае». Сам Державин позднее отрицательно отзывался о своих читалагайских одах, считая, что они «писаны весьма нечистым и неясным слогом».[1] Однако читалагайские оды, при всей их относительной незрелости, представляют несомненный и немалый интерес по своему содержанию и уже несут на себе печать самобытности, а порой и смелого новаторства. Так, «Ода на смерть генерал-аншефа Бибикова», написанная традиционной десятистишной одической строфой, представляет собой скорее элегию и, уже вопреки всякой традиции, сложена белым стихом, ибо рифмы были бы, с точки зрения Державина, украшением, неуместным «в печальном слоге» и стесняющим выражение подлинного чувства. Замечательна энергией тона, благородной смелостью и резкостью выражений «Ода на знатность», явно преемственно связанная со второй сатирой Кантемира «На зависть и гордость дворян злонравных». Эта сатира в форме оды, направленная против тех, кто, гордясь «древностью рода», «гербами предков», не подтвердил своего права на знатность «заслугой, честью и доброде-

---

[1] Н. Ф. Остолопов. Ключ к сочинениям Державина. СПб., 1822, стр. 53.

телью», явилась как бы первоначальным вариантом одной из лучших и справедливо наиболее прославленных од Державина — «Вельможа», написанной им двадцать лет спустя; причем ряд наиболее резких и энергичных стихов «Оды на знатность» без всяких изменений (лучший признак их зрелости и законченности) вошел в текст «Вельможи». Мало того, по смелости обличений, включающих в свой круг не только дурных вельмож, но и дурных царей, «Ода на знатность» даже сильнее «Вельможи».

Не той здесь пышности одежд,
Царей и кукол что равняет
Наружным видом от невежд,
Что имя знати получает,
Я строю гусли и тимпан;
Не ты, седящий за кристаллом
В кивоте, блещущий металлом,
Почтен здесь будешь мной, болван!

Такой разящей строфой открывается «Ода на знатность», в дальнейшем течении которой находим еще более смелые строки, прямо ставящие на одну доску Пугачева и неправедного царя:

Емелька с Катилиной — змей;
Разбойник, распренник, грабитель
И царь, невинных утеснитель, —
Равно вселенной всей злодей.

Конечно, тут же царю-злодею противопоставляется Екатерина II, которая «велела слезы стерть вдовицам, блаженство наше возвратить», но в контексте это выглядит попутной и маловыразительной оговоркой (3, 294—297). Последняя из читалагайских од непосредственно посвящена Екатерине: «Ода на день рождения ее величества, сочиненная во время войны и бунта 1774 г.». Написанная в ярко выраженной стилевой манере Ломоносова, со многими прямыми реминисценциями из его стихов, ода эта, наряду с патетическими восхвалениями царицы, содержит и смелые ей уроки. Если установится кроткое, милостивое и справедливое правление, — утверждает поэт, —

Тогда ни вран на трупе жить,
Ни волки течь к телам стадами
Не будут, насыщаясь нами,
За снедь царей благодарить:

Не будут жатвы поплененны,
Не будут села попаленны,
Не прольет Пугачев кровей...

Как видим, Державин развивает здесь еще далее и полнее те же мысли, которые он высказывал в донесении Бранту: в «колебании народном» повинны царящие в стране несправедливости и утеснения. Местами ода окрашена в ярко гуманистические тона. Поэт выступает против кровавых войн; он призывает Екатерину в борьбе с врагами идти путем не мести, а милости: «Враги, монархиня, те ж люди».

Все эти утверждения Державина в высокой степени знаменательны. О русских писателях-сатириках XVIII века (за исключением Радищева) Добролюбов верно сказал, что они старались не повредить «здания существующего порядка», ибо «убеждены были, что здание само по себе совершенно хорошо, но что его нужно только чистить несколько от накопленного в нем сора».[1] Это положение может быть полностью распространено и на Державина.

В результате непосредственного соприкосновения с крестьянской массой в годы восстания, внимательно вглядываясь в окружающее, прислушиваясь к недовольству народа, Державин воочию убедился, как много грязи и сора, произвола и беззаконий накопилось в здании самодержавно-крепостнической Российской империи. Очищать его от этого сора он поставит основной задачей своей последующей и в высшей степени интенсивной служебной деятельности. В то же время в читалагайских одах — несомненные истоки некоторых ведущих тем и мотивов последующей поэзии Державина, в частности столь характерно окрашивающей ее гражданско-патриотической и вместе с тем обличительной, сатирической струи.

Таким образом, восстание Пугачева сыграло важнейшую роль и в становлении общественно-политических взглядов Державина и в развитии его творчества.

В эти же годы рельефно обозначились отличительные черты державинского характера: неукротимая энергия и активность («действовать, надо действовать» — было его постоянным призывом), пылкость и нетерпеливость, смелость, решительность, прямота, отсутствие умения подлаживаться к начальству и, наоборот, резко выраженное чувство личного достоинства. Все это вызывало сильнейшее раздражение со стороны начальников Державина, в особенности нового главнокоман-

---

[1] Н. А. Добролюбов. Полное собрание сочинений, т. 2. Л., 1935, стр. 165.

дующего, графа Петра Панина, который грозил не более не менее, как повесить его вместе с Пугачевым. В результате Державина не только обошли наградами, но было даже признано, что он «недостоин продолжать военную службу». Тогда поэт решил действовать напролом: не удовлетворившись подачей прошения самой императрице, он несколько раз почти силой «врывался» к ставшему в это время могущественным временщиком Г. А. Потемкину. Однако вырванная им наконец таким способом награда оказалась относительно невелика, к тому же Державин, вопреки его желанию, был «выпущен в статскую» службу. Решение это жестоко оскорбило Державина, но делать было нечего, вернее — оставалось действовать в духе времени. «Очутясь в статской службе, — с полной откровенностью рассказывает он в своих «Записках», — должно было искать знакомства между знатными людьми, могущими доставить место в оной» (6, 537).

Вскоре Державину удалось стать своим человеком в доме одного из влиятельнейших людей екатерининского царствования, генерал-прокурора князя А. А. Вяземского, и с его помощью получить довольно видную должность в Сенате. Наладил Державин и свою личную жизнь: в 1778 году он женился на восемнадцатилетней Екатерине Яковлевне Бастидон — «Пленире», как он стал называть ее в своих стихах.

3

К концу 70-х годов достигает полной зрелости и замечательного расцвета державинское творчество.

Хотя Державин, как мы уже знаем, прорываясь через карантин, сжег свои ранние произведения, в его бумагах сохранились две тетради, в которые он вскоре после этого внес, очевидно по памяти, некоторые свои стихотворения 60-х — начала 70-х годов. Это дает возможность составить представление о постепенном развитии его поэзии.

В русской литературе 60-х годов, в рамках одного литературного направления — русского классицизма, — боролись две школы, две поэтические манеры и традиции. Патетической, ставившей своей задачей утверждение созидающейся национальной государственности и национальной культуры поэзии Ломоносова, который культивировал по преимуществу жанр хвалебной, торжественной оды, противостояла сословно-дворянская традиция Сумарокова, усиленно проводившаяся его многочисленными учениками. Сумароков и его последователи и продолжатели резко восставали против риторической приподнятости, гремящего пафоса, «громкости», «витийства» од Ломоносова, требовали «простоты» и «естественности» стиля и языка. В противо-

вес жанру ломоносовской оды, они усиленно культивировали жанры интимной, камерной лирики (так называемая «анакреонтическая ода», посвященная воспеванию чувственных наслаждений; любовная песня; элегия) и сатирические жанры (сатира, басня, эпиграмма).

Еще в молодости Державин высоко оценил национально-патриотический настрой героической лиры Ломоносова, как и то, что в своих поэтических созданиях он впервые дал почувствовать мощь и богатство русского языка, силу и звучность русского стиха — сделал, говоря его собственными словами, русскую поэзию «красавицей». «Холодный» (эпитет Пушкина), рассудочный Сумароков далеко уступал здесь Ломоносову. Поэтому в ожесточенной борьбе Сумарокова с Ломоносовым Державин решительно стал на сторону последнего. Когда Сумароков выступил по поводу героической поэмы Ломоносова «Петр Великий» (Ломоносов успел написать лишь две песни ее) с язвительной эпиграммой-эпитафией, Державин написал встречную эпиграмму в адрес «Терентия (т. е. Теренция — древнегреческого комедиографа) Облаевича Цербера», в которой сравнивал поэзию Ломоносова с «морем», а творчество Сумарокова с «лужей».

В то же время Державина явно не удовлетворял несколько односторонний, по преимуществу восхваляющий характер поэзии Ломоносова, как и почти совершенная оторванность ее от личной жизни самого поэта. В этой связи его по-своему привлекало жанровое разнообразие, характерное для творчества Сумарокова, выдвинувшего в своей эпистоле «О стихотворстве» положение: «Все хвально, драма ли, эклога или ода, Слагай, к чему тебя влечет твоя природа». И, наряду с одами в духе и стиле Ломоносова, среди ранних стихов Державина мы находим, причем еще в бо́льшем количестве, и любовные песни, и басни, и разного рода стихотворные мелочи — «безделки»: мадригалы, эпиграммы, шуточные двустишия, так называемые «билеты» и т. п.

Мало того, в первом же стихотворении «Идиллия», открывающем одну из уже упомянутых двух рукописных тетрадей Державина, озаглавленную им «Разные стихотворения» (в другую тетрадь вписаны его любовные песни), поэт прямо противопоставляет свой творческий путь «высокому» пути «российского Пиндара» — Ломоносова:

Не мышлю никогда за Пиндаром гоняться
И бурным вихрем вверх до солнца подыматься...
Не треснуть бы с огня.
Стихи мои слагать —
Довольно для меня
Зефиру подражать:

Он нежно на цветы и розы красны дует
И все он их целует;
Чего же мне желать? Пишу я и целую
Анюту дорогую.

Однако сейчас же вслед за этим стихотворением в ту же тетрадь Державин вписывает под названием «Fragmentum» («Отрывок») строфу из оды, написанной им в связи с громкими победами русского оружия в так называемой первой турецкой войне 1768—1774 годов:

Что день, то звук и торжество,
Летят победами минуты.
Коль склонно вышне божество
Тебе, богиня, в брани люты!
На всток, на юг орел парит! —
За славой вихрь не ускорит!
Ты, муза, звезд стремясь в вершины,
Как мой восторг, несись, шуми,
Еще триумф Екатерины,
Еще триумф, звучи, греми.

Здесь, как видим, Державин, вопреки только что заявленному им намерению не возлетать на небеса вслед за Пиндаром, как раз возносится «в вершины звезд», «гремит» в традиционном стиле ломоносовской победной оды. Чередование, порой почти одновременность разработки личной и общественной тематики характерны и для последующего творчества Державина. В своих многочисленных одах, посвященных боевым подвигам и победам русских войск, он и впредь будет во многом следовать ломоносовской традиции. Но сохраняет он ее лишь для жанра победных од. В остальном же творческие принципы Ломоносова уже не удовлетворяют его собственным устремлениям: выйти за рамки условно-мифологизированного мирка, с «вершин звезд» сойти на землю, приблизиться к реальному миру — природе, человеку, высказать в своих стихах самого себя — свои личные мысли, чувства, переживания.

Читалагайские оды Державина, хотя и прошли словно бы незамеченными, по-видимому, сделали его известным в литературной среде. Примерно в это же время Державин вошел в дружеский кружок, состоявший из нескольких талантливых литераторов: разносторонне одаренного, сочетавшего в себе поэта, живописца, архитектора, знатока музыки с механиком, геологом, изобретателем — Н. А. Львова; поэта, будущего автора резко оппозиционной «Оды на рабство»

и острой сатирической комедии «Ябеда» — В. В. Капниста и поэта-баснописца И. И. Хемницера, самого значительного из русских баснописцев до Крылова. Литературные взгляды и Львова, и Капниста, и Хемницера не выходили за рамки классицизма. Однако в большей степени, чем с требованиями законодателя классицизма XVII века Буало, авторитет которого так высоко стоял в глазах и Кантемира, и Тредиаковского, и Сумарокова, они были связаны с эстетической концепцией французского теоретика середины XVIII века Баттё, представителя более поздней стадии в развитии классицизма. Основное назначение искусства, по Баттё, заключается в том, чтобы одновременно и «нравиться» и «поучать», причем поэт должен осуществлять эту цель путем «подражания изящной природе». Из всех классических образцов — поэтов древности — наиболее отвечал этим теоретическим установкам Гораций, который в своих эпизодах, сатирах, посланиях умел сочетать лирический тон с шутливо-насмешливым и сатирическим, соединять этико-философское содержание, «правила любомудрия» (позднейшее выражение о нем Державина), окрашенные в эпикурейско-анакреонтические тона, с простотой и изяществом поэтического выражения. В то же время члены кружка, и в особенности Н. А. Львов, ратовали за национальную самобытность литературы, интересовались народным творчеством. Позднее, в 1790 году, Львовым было издано с его предисловием «Собрание русских народных песен с их голосами», т. е. музыкальными записями, сделанными Прачем.

Тесные дружеские связи, установившиеся у Державина с этим кружком, позднее закрепленные родственными отношениями (Капнист, Львов и — вторым браком — Державин женились на трех сестрах Дьяковых), несомненно способствовали расширению его литературного кругозора и помогли выбору им нового, по сравнению с Ломоносовым, пути.

Сам Державин так рассказывает об этом в набросанной им в 1805 году автобиографической записке, говоря в ней о себе в третьем лице: «Он хотел подражать г. Ломоносову, но как талант сего автора не был с ним внушаем одинаковым гением, то, хотев парить, не мог выдерживать постоянно красивым набором слов, свойственного единственно российскому Пиндару, велелепия и пышности. А для того с 1779 г. избрал он совсем особый путь, будучи предводим наставлениями г. Баттё и советами друзей своих: Н. А. Львова, В. В. Капниста и И. И. Хемницера, подражая наиболее Горацию» (6, 443).

1779 год в качестве начала этого «особого пути» указан здесь Державиным совершенно точно. Однако несомненного влияния друзей

на направление и развитие его творчества не следует слишком преувеличивать, как не следует преувеличивать и его указания на подражательность. В рукописях Державина сохранились многочисленные следы усиленной редакторской правки многих его стихотворных произведений Львовым и Капнистом, к которым позднее присоединился крупнейший представитель нового литературного направления — русского сентиментализма, ближайший соратник Карамзина, поэт И. И. Дмитриев. Все эти поправки преследовали определенную цель. Друзья стремились ослабить порой шокировавшую их резко необычную поэтическую смелость Державина; сгладить некоторую угловатость, иногда и прямо неуклюжесть его художественной формы — языка, стиха, — словом, по возможности ввести громадное и глубоко самобытное, но действительно во многом необработанное, похожее скорее на богатую золотоносную руду, чем на чистый металл, дарование Державина в границы принятых ими «правил», определявшихся наставлениями Баттё, примерами классических образцов и требованиями «изящного вкуса». Державин принимал многие поправки своих добровольных советчиков и редакторов, но в наиболее существенном поступал по-своему. До нас дошел характерный рассказ. Однажды Капнист и И. И. Дмитриев настаивали на внесении Державиным предлагаемых ими то в том, то в другом стихе поправок. «Державин внимательно слушал, сперва соглашался, а потом рассердился и сказал: «Что же — вы хотите, чтобы я стал переживать свою жизнь по-вашему?» Тем и кончилось совещание».[1] В этом случае видна не только непреклонная решимость Державина сохранить свое индивидуальное творческое лицо, но и его замечательный по тому времени взгляд на свои стихи как на отражение действительно им пережитого и перечувствованного, как на своего рода поэтическую автобиографию.

С 1778 года стал выходить в свет новый ежемесячный журнал «Санктпетербургский вестник», издававшийся литератором Григорием Брайко, — самый значительный и прогрессивный из всех существовавших тогда русских периодических органов. В «Санктпетербургском вестнике» печатались почти все члены дружеского кружка. Но особенно деятельным участником нового издания почти с самого его начала стал именно Державин: в журнале с июня 1778 года по январь 1781 года включительно было напечатано около 30 его стихотворений, от четырехстишных надписей до монументальных стихотворных произведений, заключавших в себе от 50 до 100 стихов. Два стихотворения Державина были опубликованы в 1779 году и в другом журнале, который только что начал издаваться «при Академии

---

[1] «Русский архив», 1869, № 12, стлб. 2095.

наук», — «Академических известиях». Все стихотворения Державина печатались без указания имени автора, ибо, по его собственным словам, не будучи уверенным в их достоинствах, он не хотел ставить под ними своего имени. Однако читатели, как сообщал Державину издатель «Санктпетербургского вестника», одобряли творения неизвестного им поэта, и одобряли не зря, ибо, наряду с вещами не очень значительными, в конце 1779 года появилось одно за другим несколько таких созданий Державина, в которых его могучее дарование начало развертываться в свою полную силу. В сентябрьской книжке «Санктпетербургского вестника» было опубликовано стихотворение «На смерть князя Мещерского», в октябрьской — «Ключ», наконец в декабрьской — «Стихи на рождение в Севере порфирородного отрока».

Первое из этих стихотворений, написанное в форме оды, а по существу представляющее элегию, было вызвано известием о смерти одного из близких знакомых Державина, князя А. И. Мещерского, и адресовано к общему их приятелю, С. В. Перфильеву. И Мещерский и Перфильев к правящей верхушке не принадлежали и потому, по понятиям того времени, мало подходили для одического воспевания. Уже это одно придавало оде Державина необычно частный характер, усиливавшийся наличием в ней — в качестве своего рода лирического отступления — интимно-автобиографических строк об уходящей молодости, предвосхищающих некоторые места пушкинского «Евгения Онегина»:

Как сон, как сладкая мечта,
Исчезла и моя уж младость;
Не сильно нежит красота,
Не столько восхищает радость...

В то же время этому «частному» стихотворению Державин придает большое общечеловеческое звучание. Тема стихотворения — мысль о грозной, неодолимой смерти, неизбежно ожидающей все живое. Мысль эта сама по себе не отличалась особой новизной, в частности она неоднократно разрабатывалась приблизительно в том же духе и до Державина и в современной ему русской поэзии (у Хераскова и, особенно близко к Державину, у Сумарокова — в стихотворении «Часы»). Но под пером Державина она, однако, приобрела такую неслыханную ранее энергию поэтического выражения, что его ода-элегия стала в ряд замечательнейших образцов мировой поэзии.

Менее значительно, более связано с условной, традиционно алле-

горической эстетикой классицизма стихотворение Державина «Ключ», посвященное восхвалению творца первой законченной русской эпической поэмы — «Россияда» — Хераскова.

Но вместе с тем в сменяющих друг друга зарисовках Державиным ручья, протекавшего в подмосковном имении Хераскова, Гребеневе, показываемого при разном — дневном, вечернем, ночном — освещении, уже дает себя чувствовать одна из замечательных особенностей поэзии Державина — ее яркая картинность, живописность. Вот, например, выдержанное в «огненной» цветовой гамме описание освещенного утренней зарей «шумного и прозрачного» источника, «текущего с горной высоты»:

Когда в дуги твои сребристы
Глядится *красная* заря,
Какие *пурпуры огнисты*
И *розы пламенны, горя*,
С паденьем вод твоих катятся!

С наибольшей силой становление Державина на «особый путь» в поэзии сказалось в «Стихах на рождение в Севере порфирородного отрока».

В своем знаменитом программном произведении — «Разговор с Анакреонтом» — Ломоносов, противопоставляя друг другу две темы — героико-патриотическую и интимно-личную, любовную, — соответственно этому противопоставлял и два жанра и стиля — торжественной оды и анакреонтической песни. Державинские «Стихи (слово, не имеющее признака жанровой характеристики и употребленное Державиным, несомненно, сознательно. — *Д. Б.*) на рождение в Севере порфирородного отрока» воспевают только что родившегося старшего сына наследника престола Павла Петровича, будущего императора Александра I. Но в них традиционная тема хвалебной торжественной оды впервые облечена в форму легкой и шутливой анакреонтической песенки. Это подчеркивается всем художественным строем стихотворения — системой его образности, языком, отсутствием строфического членения, наконец даже стихотворным размером (взамен канонизированного Ломоносовым для жанра хвалебной оды четырехстопного ямба, державинские «Стихи» написаны четырехстопным хореем).

Отталкивание Державина в его «Стихах» от ломоносовской оды должно было ощущаться тем сильнее, что открываются они строкой, перекликающейся со стихом одной из наиболее прославленных од Ломоносова — «На восшествие на престол Елисаветы Петровны

1747 г.»: «С белыми Борей власами» (У Ломоносова: «Где мерзлыми Борей крылами»). Но традиционный образ Борея выполняет у Державина совсем иную функцию. Ломоносову он нужен для того, чтобы вызвать в сознании читателя ощущение грозного величия. У Державина Борей — условное обозначение морозной русской зимы. И в самом деле, вслед за мифологическим зачином Державин тут же развертывает северный зимний пейзаж, по художественности обрисовки решительно превосходящий все то, что имелось в этом отношении в додержавинской поэзии.

Правда, упоминающиеся в дальнейших строках нимфы и сатиры словно бы не имеют никакого отношения к реальному пейзажу. Но в сатирах, согревающих руки «у огней», легко угадываются русские мужички, раскладывающие костры, чтобы обогреться. Названы же они сатирами в порядке некоего нарочитого литературного приема, шутливого — в духе ирои-комической поэмы — «пересмеивания» традиционно высоких мифологических персонажей, «пересмеивания», способствующего тому общему «снижению» — приближению к реальной жизни — жанра хвалебной оды, которое по всем линиям здесь и проводится.

Новая форма стихов Державина является закономерным художественным выражением возникающего нового отношения поэта-одописца к предмету его воспевания. В своих «Стихах» Державин еще традиционно говорит о рождении будущего царя: «Знать, родился некий бог», несколько дальше называет «порфирородного отрока» «полубогом». Но он же одновременно обращается к нему со следующим, столь новым в устах поэта-одописца и столь знаменательным призывом, на котором лежит несомненный отпечаток передовых идей «века Просвещения»: «Будь страстей твоих владетель, Будь на троне человек!» В частности, эти державинские строки весьма характерно перекликаются с рядом мест «Слова на выздоровление Павла Петровича» Фонвизина (вышло в 1771 г. отдельной брошюрой; в 1772 году перепечатано Новиковым в его «Живописце»).

Взятая здесь Державиным высокая гуманистическая нота становится отныне своего рода лейтмотивом, неизменно снова и снова возникающим в его творчестве. «Я человек», — говорит у него Екатерина II в оде «Изображение Фелицы»; «Владыки света люди те же» («Видение мурзы»); брата временщика Зубова Державин хвалит за то, что он «был в вельможе человек» («На возвращение графа Зубова из Персии»). Не умрут дела лишь того, кто, движимый стремлением «общего добра» в сане «всех вельмож, судей, царей Чтит лишь только человека И желает сам им быть», читаем в позднейшей оде Державина «Время» (1805); причем из контекста ясно, что поэт имеет здесь

в виду самого себя. Еще прямее пишет об этом Державин два года спустя в стихотворении «Признание» (1807), которое он рассматривал как «объяснение на все свои сочинения»:

Я любил чистосердечье,
Думал нравиться лишь им,
Ум и сердце человечье
Были гением моим.

В этом сознании человеком и себя и монарха уже содержится зародыш того нового отношения к верховной власти, которое получит такое замечательное развитие и горько-саркастическое переосмысление в знаменитых строках пушкинского «Анчара»: «Но человека человек Послал к Анчару властным взглядом». Так далеко, как Пушкин, Державин пойти еще не мог. В его сознании понятие «человек», несомненно, еще носит сословно-ограниченный характер. Но и то, что Державин уже сказал, имело исключительно важное значение. Человеку-поэту с другим человеком, хотя бы и сидящим на троне, естественно, по Державину, говорить речью более обычной и простой, чем тот торжественно-приподнятый, порой почти прямо литургический «высокий штиль», на котором обращался к «земным богам» в своей одописи Ломоносов.

В 1780 году Державин передает в «Санктпетербургский вестник» одно из самых замечательных своих произведений — переложение 81-го псалма, которому позднее, в 90-е годы, он придал название «Властителям и судиям». Псалтырь, по которой в XVIII веке учились грамоте, была одной из популярнейших книг того времени. Стихотворные переложения псалмов делали вслед за крупнейшим русским поэтом-силлабиком XVII века, Симеоном Полоцким, и Кантемир, и Тредиаковский, и Ломоносов, и Сумароков и многие другие. Причем, поскольку Псалтырь считалась священной книгой и в то же время в ней имелись обличения неправедных судей и злых земных владык, переложения псалмов давали поэтам того времени возможность легально вводить в свое творчество резко обличительную гражданскую тематику. Последняя начинает звучать уже в переложениях псалмов или «духовных одах» Ломоносова — единственном жанре, в котором нашли выражение некоторые оппозиционные его настроения. Но поистине громовой силы достигает это в оде Державина «Властителям и судиям». С пафосом ветхозаветного пророка Державин призывает здесь небесную кару на «неправедных и злых» властителей народов, «безумцев и средь трона», не внемлющих напоминаниям об их долге — быть справедливыми и правосудными ко всем, «не взирая

на знатность лиц», — забывших, что они такие же люди, как и те, кто им подвластны:

Не внемлют: грабежи, коварства,
Мучительства и бедных стон
Смущают, потрясают царства
И в гибель повергают трон.

Строфа эта, как видим, прямо развивает мотив виновности самих царей в «потрясении царств», в «колебаниях народных», который прозвучал уже в читалагайских одах Державина, но здесь приобрел исключительную прямоту, резкость и силу. Вообще таких смелых и грозных обличений «земных богов», как державинское переложение 81-го псалма, никогда не появлялось еще дотоле в русской поэзии XVIII века. Неудивительно поэтому, что очередная, ноябрьская книжка «Санктпетербургского вестника» за 1780 год, открывавшаяся именно этим стихотворением и уже отпечатанная, была задержана властями, которые разрешили выпуск ее в свет только после того, как лист с одой Державина был вырезан и заменен другим. Мало того, случай с державинской одой оказался роковым и для всей последующей судьбы журнала, который с этого времени был, очевидно, взят под особое наблюдение цензуры: с начала 1781 года «Санктпетербургский вестник» заметно обесцветился, а в середине года «по разным непредвидимым обстоятельствам», как достаточно прозрачно извещала об этом редакция, вынужден был и вовсе прекратить свое существование.

В оде «Властителям и судиям» Державин гневно обличал *бесчеловечье* «земных богов»; в написанной им примерно через год после этого оде «Фелица» он попытался создать некий идеальный образ монарха — *человека* на троне.

В 1779 году на страницах «Санктпетербургского вестника», наряду с надписью к портрету Ломоносова, появляется державинская же надпись к портрету Кантемира, заканчивающаяся строками: «Старинный слог его достоинств не умалит. Порок! не подходи: сей взор тебя ужалит». В устах будущего автора «Фелицы» одновременное и одинаково высокое одобрение двух в известной мере литературных антиподов — поэта-одописца и поэта-сатирика — весьма знаменательно: в предшествующей Державину русской поэзии одическое и сатирическое начала были строго отграничены друг от друга в жанровом отношении. Создать некий промежуточный, смешанный жанр попытался за несколько лет до «Фелицы» один из уже известных нам ближайших друзей и советчиков Державина, В. В. Капнист, в своей

нашумевшей и подвергшейся ожесточенным нападкам со стороны реакционного лагеря литературы «Сатире I», опубликованной в той же июньской книжке «Санктпетербургского вестника» 1778 года, в которой было напечатано и первое в этом журнале стихотворение Державина. В традиционную форму стихотворной сатиры Капнист, наряду с обличениями общественного злонравия, неправосудия, взяточничества, включил чисто одический мотив — похвалы по адресу «просвещенной», счастливящей народ своими благодетельными мероприятиями монархини — Екатерины II.

Державин считал «Сатиру I» одним из лучших произведений молодого поэта (список ее имеется в бумагах Державина). И он, несомненно, учел своеобразный опыт Капниста, когда через несколько лет после этого начал писать свою «Фелицу». Не мог он не учесть и весьма неприятную для автора реакцию, вызванную «Сатирой I» и заставившую Капниста вовсе отказаться от писания дальнейших сатир (при позднейшей перепечатке этого своего произведения он демонстративно назвал его «Сатира первая и последняя»). Конечно, не забыл Державин и своей собственной недавней и неудачной попытки опубликовать обличительное переложение 81-го псалма. Все это, несомненно, могло явиться одной из причин того, что он решил создать свое новое произведение не в форме сатиры с элементами одического славословия, как это было у Капниста, а, наоборот, в форме оды-сатиры. Вместе с тем Державин продвинулся гораздо решительнее, дальше и, главное, с неизмеримо бо́льшими художественными достижениями по только еще нащупывавшемуся Капнистом новому пути.

Основная установка «Фелицы», написанной в традиционной стиховой форме од Ломоносова — четырехстопным ямбом, десятистишными строфами, — совпадает с установкой хвалебной оды обычного типа. Под именем Фелицы поэт, как это было всем очевидно, воспевает царствующую монархиню — Екатерину II. Однако в этом произведении Державина еще ощутимее, чем в «Стихах на рождение в Севере порфирородного отрока», меняется «поза» певца в отношении предмета его воспевания. Многочисленных «подносителей хвалебных од» Державин пренебрежительно уподоблял «нищим, сидящим с простертыми руками и ковшичками на мостах и воспевающим богатырей, которых они нимало или и вовсе не знают» (3, 608). Сам он в своей новой оде порой по-старому наделяет ту, к кому она обращена, «богоподобными» атрибутами; но отношение автора к его Фелице, при всей почтительности, не лишено в то же время некоторой шутливой короткости, воспринятой иными почти как фамильярность.

Екатерина II, сознавая все растущее общественное значение лите-

ратуры и стремясь придать ей надлежащий, с ее точки зрения, характер, неоднократно выступала в качестве литератора. Одним из произведений Екатерины — «Сказкой о царевиче Хлоре» — прямо и подсказан Державину образ Фелицы, Уже одна эта связь оды Державина с произведением самой императрицы, явно и нарочито подчеркиваемая поэтом, ставила обоих авторов в какой-то мере в равное положение и, во всяком случае, снимала тот «пафос расстояния» между «земной богиней» и ее певцом, который столь резко чувствовался в традиционных хвалебных одах.

Начинается «Фелица» непосредственным использованием условно-аллегорических образов «восточной» екатерининской сказки, которыми поэт травестийно подменяет зачин торжественной оды — восхождение на Парнас, обращение к музам. Равным образом в совершенно новой манере, в основном полностью отличающейся от обычной торжественной одописи, дан самый портрет Екатерины — Фелицы. Державин, зная в эту пору Екатерину только по слухам («Слух идет о твоих поступках»), усиленно распространяемым ею самою и ее ближайшим окружением, верил и, во всяком случае, искренно хотел верить, что она и на самом деле является той, за кого все время стремилась себя выдать, — просвещенной «матерью отечества», неустанно трудящейся на благо своих подданных, свято соблюдающей законы. И, взамен торжественно величавого, безнадежно стершегося в руках «подносителей хвалебных од», превратившегося в маловыразительный штамп мифологизированного образа «земной богини», Державин с подлинным воодушевлением и небывалым дотоле поэтическим мастерством изображает Екатерину в облике деятельной, умной и простой — в быту, в привычках, в обращении — «Киргиз-Кайсацкой царевны», не подражающей своим ленивым и роскошествующим «мурзам» и «пашам». На последовательном противопоставлении двух фигур: добродетельной — человек на троне — и порочной — собирательный образ «мурзы» — строится первая половина оды Державина. Вторая — построена на другом контрасте, еще более широком, развивающем идею уже известного нам маскарада «Торжествующая Минерва»: противопоставляются темные стороны предшествующих царствований и благодетельные мероприятия Фелицы.

Сам Державин замечает, что подобным необычным построением своей оды он стремился добиться определенного идейного и одновременно художественного эффекта: «Я для Фелицы сделался Рафаэлем.— Рафаэль, чтобы лучше изобразить божество, представил небесное сияние между черных туч» (5, 369). Столь характерное для Державина перенесение подобного чисто живописного приема в поэзию имело важнейшее новаторское значение. Хвалебные оды, воспевавшие

добродетель, были литературно выдержаны по преимуществу в светлых тонах; сатиры, «жалящие порок», — в тонах главным образом темных. «Фелица» явилась первым русским стихотворением XVIII века, построенным на непрерывной игре светотенью. Именно это и создавало ее жанровое своеобразие — оды-сатиры, в которой тонкие похвалы Екатерине сочетались с памфлетно-сатирическими, шутливыми по форме, но достаточно язвительными по существу, обличениями наиболее влиятельных лиц из ее ближайшего окружения — Потемкина, графа Алексея Орлова, давнего врага Державина — Петра Панина и др. Таким образом, одическое и сатирическое начала оказывались слитыми в рамках одного произведения в нечто целостное и единое.

Соединение «патетического элемента с комическим... есть не что иное, как умение представлять жизнь в ее истине», — справедливо указывает Белинский. С точки зрения общих закономерностей развития русской литературы показательно, что в одном и том же 1782 году появляются два произведения двух крупнейших наших писателей XVIII века, в которых комический элемент и элемент патетический оказались соединенными вместе, — «Фелица» Державина и «Недоросль» Фонвизина с его противопоставлением порочным Простаковым и Скотининым добродетельных Правдиных и Стародумов. Это делало оба данные произведения существенным шагом вперед на пути к изображению «жизни в ее истине», т. е. к реалистическому искусству слова. Причем литературное новаторство Державина должно быть признано здесь едва ли не особенно смелым и значительным, поскольку, соединив патетический и комический элементы в рамках хвалебной оды, он и в самом деле создал, говоря его же словами, «такого рода сочинение, какого на нашем языке еще не было» (5, 370).

Большой победой Державина-художника было также создание им образа «порочного» героя — сатирического образа «мурзы». Еще достаточно примитивным, чисто присоединительным путем он собирает в этом образе в одно целое конкретные пороки и недостатки, свойственные нескольким «подлинникам» — отдельным екатерининским вельможам. Получается своего рода литературный групповой портрет, складывающийся как бы из серии остро отточенных и метко разящих эпиграмм, каждая из которых имеет своего легко угадываемого адресата. Но в то же время Державин придает этому несколько механически составленному групповому портрету индивидуальное единство, неожиданно (отчасти, вероятно, по соображениям тактического порядка — из осторожности) давая его в качестве авторского «я». Тем самым обличение пороков приобретает характер как бы самокритики; сатирический образ окрашивается в автоиронические (к автоиронии Дер-

жавин вообще был склонен) тона, а в высоких патетических местах оды получает и прямое авторское и, тем самым, лирическое звучание; в этих местах перед нами действительно лирическое «я» — сам поэт. Создание подобного сложного образа, сочетающего в себе и объективные и субъективные черты, тоже представляло собой несомненный шаг вперед по пути изображения «жизни в ее истине», выработки метода реалистической типизации действительности, реалистического художественного обобщения.

Фактом чрезвычайно важного значения было и появление в «Фелице», взамен условного одического «я», некоего отвлеченного певца вообще, — живой личности автора со сложным, «многострунным» отношением к действительности. Поэт в оде не только восторгается, но и осуждает, обличает, хулит, лукаво иронизирует. Причем очень важно, что эта впервые ярко заявляющая себя в нашей поэзии XVIII века индивидуальная личность заключает в себе и некоторые черты «народности» — национального характера.

О баснях Крылова Пушкин говорил, что они отражают «отличительную черту в наших нравах» — «веселое лукавство ума, насмешливость и живописный способ выражаться». Из-под условно-«татарского» обличья «мурзы» эта черта явственно проступает уже в державинской оде «Фелица».

Проблески народности проступают также в стиле и языке «Фелицы». В оде имеются отдельные строки, метафоры, сложенные в духе поэтики Ломоносова — «в витиеватом или фигуральном», по определению самого Державина, смысле (7, 508); но в основном она написана, говоря его же словами, «забавным русским слогом» — заимствующей свою лексику из реального бытового обихода легкой, простой, шутливо-разговорной речью, прямо противоположной пышно изукрашенному, нарочито приподнятому стилю од Ломоносова.

Державин именует свою «Фелицу» одой, но по существу это произведение, сочетающее в себе оду и сатиру, лирическое и ироническое начала, патетику и бытопись, далеко выходит за пределы торжественной оды, являет собой весьма сложное и богатое жанровое образование, открывающее и в этом отношении новый и в высшей степени плодотворный путь в литературе, который в широкой исторической перспективе дальнейшего литературного развития приводит нас к «пестрым главам» «Евгения Онегина», к весьма сложному жанру «Медного всадника» и даже к некоторым вещам Маяковского.

Написание «Фелицы» сопровождалось для Державина подлинным литературным триумфом. По свидетельству современников, ода Державина послужила толчком к возникновению нового литературно-публицистического журнала «Собеседник любителей российского сло-

ва, содержащий разные сочинения в стихах и прозе некоторых российских писателей», который начал издаваться от имени Академии наук ее президентом, княгиней Дашковой, при ближайшем участии самой Екатерины. Первая часть (номер) журнала, вышедшая в мае 1783 года, подчеркнуто открывалась «Фелицей». Дальнейшим шагом на том же пути явилось создание Российской Академии, поставившей своей специальной задачей содействовать развитию языка и литературы. На первом же заседании Державин был избран ее членом. Сразу же получила «Фелица» и очень широкую читательскую популярность и, что самое важное, стала знаменем целого нового литературного течения. Вокруг оды на страницах «Собеседника» вспыхнула жаркая полемика, в которой принял участие и сам ее автор. Однако критические замечания немногих хулителей, подходивших к «Фелице» с точки зрения традиционных литературных «правил», тонули в восторженном хоре почитателей, которые видели в оде торжество новизны над полностью изжившей себя стариной. «Оды, наполненные именами баснословных богов, наскучили и служат пищею мышам и крысам; Фелица написана совсем иным слогом, как прежде такого рода стихотворения писались», — заявлял автор одной неподписанной статьи.[1] В многочисленных стихотворных обращениях к «мурзе» — автору оды — Державина восторженно славили за то, что он проложил «на Парнас» «путь непротоптанный и новый», сумел «вознесть себя» над всеми остальными поэтами «простотой». Относительная простота слога, приближение поэзии к жизни действительно составляли новую и отличительную черту творчества Державина, которую он и сам в себе особенно ценил, подчеркнуто именуя свою музу «простою» («Решемыслу»).

Наряду с «простотой» важное значение имела острая сатирическая окрашенность «Фелицы», которая, несмотря на «шуточный» тон, так отчетливо в ней проступала и которую, в частности, так ценил в ней Радищев, подчеркивая вместе с тем, что сатира была поднята поэтом на высоту подлинной художественности, сохраняющейся даже в том случае, если соответствующие места оды пересказать прозой: «Преложи многие строфы из оды к *Фелице*, а особливо где Мурза описывает сам себя.., без стихов останется почти та же поэзия». То, что одой Державина была открыта первая книжка «Собеседника», делало ее своего рода программным произведением. Тем самым после довольно длительного периода гонений на сатирические произведения, наступившего вслед за необыкновенным расцветом в конце

[1] «Исторические, философические, политические рассуждения о причинах возвышения и упадка книги». — «Собеседник любителей российского слова», ч. 16, стр. 6.

60-х — начале 70-х годов сатирической журналистики (в особенности журналов Новикова) и насильственным ее подавлением, сатире как бы снова был открыт широкий доступ в литературу. Правда, это оказалось весьма недолговременным. На опубликованные в одной из первых же книжек журнала знаменитые «Вопросы» Фонвизина к его издателям последовали со стороны самой Екатерины столь неприкрыто угрожающие ответы, что они пресекали всякую возможность спрашивать далее. Но именно появление в «Собеседнике», наряду со стихами Державина, ряда сатирических произведений Фонвизина (перепечатана была в нем и уже известная нам «Сатира» Капниста) сделало этот журнал одним из замечательных литературных явлений того времени.

Едва ли не самым активным сотрудником «Собеседника» стал и сам Державин. Здесь было также перепечатано много его стихотворений из «Санктпетербургского вестника», а главное был опубликован ряд новых произведений, в том числе окончательно упрочившая его славу как первого поэта современности ода «Бог», под которой (в вышедшем через некоторое время отдельном ее издании) он впервые подписал свое имя. Державин пытался поддержать и наметившуюся было сатирическую линию журнала. В той же третьей части, в которой появились «Вопросы» Фонвизина, было напечатано стихотворение Державина «Модное остроумие» — остро сатирический портрет преуспевающего придворного остроумца, перекликающийся с одним из особенно раздраживших Екатерину фонвизинских вопросов о «шутах, шпынях и балагурах». Стихотворение это, которое лишний раз показывает, что Державин и Фонвизин во многом являлись вольными или невольными соратниками, было позднее очень сочувственно отмечено Добролюбовым (не зная, кто является автором этого стихотворения, он полностью приводит его в своей статье о «Собеседнике»). Неудивительно, что Фонвизин в опубликованной им в следующей же, четвертой части «Собеседника» сатирической «Челобитной российской Минерве от российских писателей», в свою очередь, горячо вступается за автора «Фелицы» против оскорбившихся ею вельмож, почитавших «словесные науки... не иначе, как уголовным делом». Заступничество это, как сейчас увидим, было вполне своевременным.

4

Усиленные занятия в конце 70-х — начале 80-х годов поэзией не препятствовали интенсивнейшей служебной деятельности Державина, которая, по понятиям того времени, и должна была быть его основным жизненным делом.

Служба под началом сперва явно покровительствовавшего Державину могущественного князя Вяземского, который совмещал в одном своем лице обязанности трех будущих министров и сверх того занимал зловещий пост начальника тайной полиции, сулила блестящую чиновничью карьеру. Но и тут, как в годы Пугачевского восстания, Державин оказался слишком независим и даровит, чтобы его долго мог терпеть вельможа, о котором современники замечали: «Трудно найти человека более ограниченного; характер у него низкий, злобный, подлый и по ничтожеству равный его познаниям» (8, 257). Между Вяземским и его инициативным, «преданным делу, а не лицам» подчиненным через некоторое время начались довольно резкие столкновения. Особенное недовольство Вяземского вызывала литературная деятельность Державина, поскольку он, как и многие из его круга, считал стихотворцев пустыми и никуда не годными людьми. Державина снова начали обходить производством. Между тем первый номер «Собеседника» с «Фелицей» был отпечатан и представлен Дашковой Екатерине. Императрице не мог не польстить данный в оде ее «портрет». Именно такой хотелось ей казаться и западноевропейским философам-просветителям и своим подданным. На следующий день вызванная к императрице Дашкова застала ее за книжкой журнала со слезами на глазах: «Кто бы меня так коротко знал, который умел так приятно описать, что, ты видишь, я, как дура, плачу?» — сказала ей Екатерина. Узнав имя автора, Екатерина послала ему золотую, осыпанную бриллиантами табакерку с пятьюстами червонцев и с надписью: «Из Оренбурга от Киргизской царевны Мурзе Державину». Подарок этот был передан поэту во время обеда у Вяземского. Узнав, в чем дело, Вяземский с «язвительною усмешкою» поздравил его, затаив к нему, по словам Державина, «ненависть и злобу» (6, 555). Чувства эти должны были удесятериться, когда, прочтя оду, Вяземский не мог не узнать в одной из строф, начинающейся словами «Иль сидя дома я прокажу, Играя в дураки с женой», свой портрет, притом почти в виде фонвизинского Митрофанушки.

Вместе с тем Державин скоро и самым неприятным для Вяземского образом доказал ему, что «сочинитель» может отлично проявить себя и на служебном поприще. Пришло время составлять смету доходов на следующий год. Ссылаясь на мнимое отсутствие сведений по губерниям, Вяземский распорядился новой сметы не составлять и руководствоваться сметой предшествующего года, хотя в связи с только что произведенной ревизией крестьян в новом году предстояло явное увеличение доходов. У Вяземского были свои основания действовать именно так. От императрицы неоднократно поступали

неожиданные, не предусмотренные никакой сметой требования денег: поэтому Вяземскому важно было иметь в своем распоряжении некие резервы, о наличии которых никто не знал. Умение государственного казначея добывать нужные деньги при, казалось бы, полном их отсутствии и было причиной особенной благосклонности к нему Екатерины. Не зная об этом и недоумевая, по его словам, «какая лжи такой и обмана государыни причина», Державин, сказавшись больным, попытался составить примерную смету. Предположения его блестяще оправдались: оказалось, что в новом году доходов должно быть больше, чем в предыдущем, на громадную по тому времени сумму в восемь миллионов. Однако, когда Державин торжественно представил в присутствии всех членов экспедиции Вяземскому свой проект, «вместо благодарности за предостережение и труды, восстала никем не ожидаемая страшная буря». Вяземский приказал проверить составленную Державиным смету другим чиновникам, которые, несмотря на желание угодить князю, вынуждены были признать ее правильность. Вполне понятно, какая «фурия» (бешенство) «представилась на лице начальника, когда он прочел сей акт» (6, 555—556). Тогда Державин, не ожидая ничего доброго, окончательно подал в отставку. Но Вяземского это уже не могло удовлетворить. С этих пор начинается жесточайшее и упорное гонение на Державина со стороны Вяземского и его многочисленных друзей и прихлебателей, причинившее поэту немало как служебных неприятностей, так и личных огорчений и обид.

Позиция самой Екатерины по отношению к Державину оказалась двойственной. Она ничего не имела против сатирических выпадов автора «Фелицы» по адресу ее фаворитов и приближенных: на темном фоне еще ярче выступало ее «сияние». Екатерина даже послала кое-кому из задетых в оде лиц экземпляры ее, подчеркнув места, к ним относившиеся. Но и ссориться всерьез со своими любимцами из-за смелого поэта и непокорного, слишком самостоятельного чиновника она не хотела. Размышляя впоследствии над отношением к себе царицы, Державин замечал: «Должно по всей справедливости признать... что она, при всех гонениях сильных и многих неприятелей, не лишала его своего покровительства и не давала, так сказать, задушить его; однако же и не давала торжествовать явно над ними огласкою его справедливости... или особливою какою-либо доверенностию, которую она к прочим оказывала» (6, 700). Двусмысленность отношения Екатерины проявилась и в этом случае. Она дала Державину милостивую аудиенцию, просьба о которой прямо содержалась в последней строфе «Фелицы». Вместе с тем прошение его об отставке было принято (напротив, отставка Вяземского, который подал в этом

же году аналогичное прошение, возможно, как раз в связи с державинской «сметой», принята не была), и нового назначения не последовало. Екатерина произвела, однако, Державина в следующий чин — действительного статского советника (соответствовал чину генерала) и просила передать, что имеет его в виду, и когда будет нужно, то «позовет». В годовщину со времени опубликования «Фелицы», в мае 1784 года, решив снова «позвать» Державина на службу, она вместе с тем позаботилась услать его подальше от столицы и обиженных им лиц, назначив губернатором в глухую Олонецкую губернию. Сам Державин прямо рассматривал это назначение как своего рода «ссылку» (1, 169). Иронически величал олонецкого губернатора «изгнанным мурзой» и его непосредственный начальник, наместник Тутолмин, который постарался сделать это изгнание возможно тягостнее, заслав Державина еще дальше, на самое побережье Белого моря, в непроходимые тундры и болота, «открывать» новый город — Кемь, как на месте выяснилось, существовавший еще только на бумаге. Из длительного и трудного пути по бездорожью — то водой, то верхом, то в телеге — поэт вынес немало сильных впечатлений: насмотрелся на величественные картины северной природы, видел водопад Кивач, воспетый им позднее в оде «Водопад», чуть не погиб со своими спутниками во время бури на Белом море. Державину были ясны причины нерасположения к нему Тутолмина, близкого друга Вяземского. «Я увидел тогда, что многие знатные люди стихотворства моего не жалуют, а меня гонят, и на несколько лет совсем оставил поэзию». Действительно, в течение своего олонецкого губернаторства Державин написал всего лишь одно стихотворение — подражание псалму «Уповающему на свою силу», навеянное столкновениями с Тутолминым. В следующие же два года (1786, 1787) поэт, видимо, и вовсе ничего не писал. Всю свою энергию Державин обратил на ревностное выполнение служебных обязанностей.

Служебная деятельность Державина изобиловала, по его собственным словам, «частыми, скорыми и неожиданными переменами фортуны» — резкими потрясениями, провалами, подчас прямыми катастрофами. По своим политическим взглядам Державин был человеком достаточно консервативно, а в последний период и прямо реакционно настроенным. Он не только отрицательно отнесся к французской революции, но и вообще не помышлял ни о каких сколько-нибудь серьезных государственных преобразованиях. Но, вместе с тем, чем непосредственнее вступал он по своим служебным обязанностям в соприкосновение с реальной русской действительностью, тем все яснее видел, какое беззаконие, угнетение и произвол царят в стране. До нас дошел первоначальный набросок одной из его наиболее значительных

од «Видение мурзы», написанный в основном прозой, которую он предполагал позднее переложить стихами. В этом наброске развернута утопическая картина превращения вселенной из «вертепа разбойничья» в «блаженный эдем», если «потомки» Фелицы и вообще «цари вселенной» будут идти ее путями. Но тут же дана и самая резкая критика существующего положения вещей, явно подсказанная современной Державину русской действительностью. Здесь говорится и о «сатрапах», угнетающих народ, и о «тиранском самовластии» «мурз»-помещиков по отношению к «невольникам» — крепостным крестьянам. Особенно выразительны следующие строки о будущих идеальных «царях вселенной», прямо связанные с непосредственными впечатлениями Державина в связи с бесчеловечным усмирением Пугачевского восстания: «Они будут мерзить тиранством, и при их владении не прольется кровь человеческая, как река, не будут торчать трупы на колах и головы на эшафотах, и виселицы не поплывут реками возвещать черни о ярости лютых владетелей своих» (3, 607). Еще резче пишет Державин о положении в стране в сохранившейся в его бумагах и до сих пор не опубликованной заметке «О возмущениях и бунтах»: «Многочисленное дворянство приводит в скудость государство, многочисленное духовенство изнуряет державу. Сии два сословия пожирают существеннейшую часть всего государства, то есть народ, бдящий и трудящийся, между тем как другая часть дремлет, переваривает пищу и занимается разве тогда, когда настоит необходимое дело заняться утехами своими». И тут же Державин снова и особенно четко формулирует уже известную нам свою мысль: «Причина возмущений находится в общенародной бедности и во всеобщем неудовольствии».[1] Все это ни в какой мере не вело Державина к революционным выводам. Но в суждениях и высказываниях этого рода — несомненные корни резко обличительных, подлинно гражданских мотивов его поэзии. Этим же определялось главное и основное в его служебной деятельности. Правда, ему приходилось порой, как он сам в этом откровенно признается, идти на компромиссы, поступать против совести. Но, подобно тому как пафосом политической мысли Державина было соблюдение существующих законов, так его служебная деятельность проходила, как правило, под знаком ожесточенной борьбы с неправдой и насилием, от кого бы они ни исходили. В этом отношении Державин имел право утверждать, что он «жил, сколько мог, для общего добра». А борьба эта была нелегкой, во многом безнадежной. Один из совре-

---

[1] Литературные сочинения Державина. Ленинградская Государственная Публичная библиотека имени Салтыкова-Щедрина, Архив Державина, т. II, л. 186—186 об.

менников рассказывает, что Державин еще при жизни Екатерины заготовил себе следующую красноречивую надгробную надпись: «Здесь лежит Державин, который поддерживал правосудие, но подавленный неправдою пал, защищая законы». Эпитафия не понадобилась, но неуклонное стремление «поддерживать правосудие» в соединении с прямотой, пылкостью и крутостью характера Державина приводило к тому, что его восхождение по служебной лестнице сопровождалось неизменными падениями.

Олонецкое губернаторство Державина кончилось открытым и шумным разрывом с наместником, в результате которого их дальнейшая совместная служба сделалась невозможной. В декабре 1785 года Державин был переведен губернатором в Тамбов. Сейчас же по вступлении в должность Державин обратил внимание на состояние тюрем: «При обозрении моем губернских тюрем в ужас меня привело гибельное состояние... несчастных» «колодников» (5, 453). Новым губернатором были немедленно приняты весьма решительные меры: старые тюрьмы были сломаны и построены новые. Развил он и энергичную просветительскую деятельность: стал открывать школы, организовал, обратившись за помощью к Н. И. Новикову, типографию, начал издавать первую местную газету, создал публичный театр, устраивал у себя еженедельные концерты.

Совершенно необычна была самая фигура Державина как губернатора. На протяжении всей своей деятельности Державин выступал решительным врагом бездушной бюрократической машины — приказного крючкотворства, бумажной волокиты. Еще будучи олонецким губернатором, он категорически запретил своим подчиненным наполнять архивы «пустыми бумагами», заводить «не дельные дела». В то же время специальным распоряжением он разрешил «доступ к себе во все часы дня людей всех состояний», чтобы ускорить «исполнение приказаний и помощь угнетенным». Наряду с этим он просил без всякого страха указывать ему и на его собственные ошибки. Все это резко выделяло Державина-администратора из окружающей среды. Просветительская же его деятельность и гуманные мероприятия вызывали величайшее возмущение со стороны ретроградов. В числе явных недоброжелателей Державина через некоторое время оказался и его новый начальник, наместник, генерал И. В. Гудович. Тамбовское губернаторство Державина продолжалось несколько более, чем олонецкое, около двух лет, но завершилось оно прямой катастрофой: в середине 1788 года по донесениям Гудовича Державин был не только отрешен от должности, но и отдан под суд. Правда, год спустя Державин был Сенатом оправдан, но нового назначения не получил. Екатерина по-прежнему заняла двойственную позицию. Когда

Державин попросил об аудиенции, она очень благосклонно приняла его и даже сказала, обращаясь к окружающим: «Это мой собственный автор, которого притесняли» (5, 762). Однако при новой встрече, месяца полтора спустя, она отнеслась к Державину значительно холоднее, напомнив ему пресловутое чиновничье правило: «Чин чина почитает. В третьем месте не мог ужиться; надобно искать причины в себе самом» (8, 580). Но даже и такой исход дела, самого Державина далеко не удовлетворивший, так потряс давнего и лютого врага автора «Фелицы» Вяземского, что его разбило параличом. На этот раз Екатерина долго не «звала» Державина. Около двух с половиной лет, по его словам, он «шатался по площади, проживая в Петербурге без всякого дела» (6, 624). Зато полученное им, наконец-то, в конце 1791 года новое назначение было весьма почетным и ответственным: поэту было предложено стать личным секретарем императрицы при принятии прошений. Казалось, для деятельности Державина открылось давно желанное им поприще. Он стоял теперь лицом к лицу с самодержицей, у самого подножья того трона, «где совесть с правдой обитают, где добродетели сияют», как писал он в «Фелице». Державин рассчитывал, что отныне законы и справедливость всегда будут торжествовать, что все бюрократические хитросплетения и узлы будут мгновенно разрублены единым мановением руки его «богоподобной царевны». Но этим надеждам не суждено было сбыться. Екатерина никак не была заинтересована в том, чтобы ломать ею же в значительной степени заведенную и установленную бюрократическую машину. Она даже не входила в существо большинства дел, с которыми Державин к ней обращался. Довольно скоро Екатерина решила отделаться от беспокойного секретаря. В сентябре 1793 года Державин был назначен сенатором, затем президентом коммерц-коллегии, но по существу это была почетная опала.

После смерти Екатерины (1796) неукротимый Державин продолжал «браниться с царями» — ее преемниками. Павел I, назначивший его было правителем своего Совета, вскоре «за непристойный ответ» «прогнал» его обратно в Сенат. Впрочем, через некоторое время Державин снова сумел завоевать расположение Павла похвальной одой и к концу его царствования получил ряд высоких назначений. Новый царь Александр I, с образованием в 1802 году министерств, поручил Державину пост министра юстиции (по-старому генерал-прокурора — должность, которую занимал при Екатерине бывший начальник Державина Вяземский). Но поэт недолго удержался и на этом посту. Отношение к нему царя становилось все холоднее. Во время одного из докладов Державина Александр гневно прервал его: «Ты меня всегда хочешь учить, я самодержавный государь, и так хочу» (6, 806). В дру-

гой раз на вопрос Державина, чем он провинился перед царем, тот саркастически ответил: *«Ты очень ревностно служишь»* (6, 821). В 1809 году Державин был окончательно «уволен от всех дел».

Многие современники вслед за Екатериной склонны были объяснять непрерывные служебные злоключения Державина — его взлеты и падения — свойственными ему вспыльчивостью, неуступчивостью, неумением ужиться с окружающими. После окончательной отставки Державина один из его многочисленных недоброжелателей иронически писал, что он «из генерал-прокурорского дома взлез опять на Парнас. Опасно, чтоб там не прибил Аполлона и не обругал муз» (8, 841). Сам Державин считал, что он страдает за свою неуклонную приверженность к справедливости, за требование, чтобы не чин почитал чина, а каждый чин превыше всего ставил правду. «Я тем стал бесполезен, что горяч и в правде черт», — восклицал он в стихах периода одной из своих служебных опал; а в своей ранней оде «На великость», входящей в цикл читалагайских од, призывал ополчаться за правду против всех, хотя бы и против самого бога («Пускай сам бог ему грозит»). Державин был человеком своего времени, он отнюдь не был лишен слабостей, недостатков, предрассудков людей своего класса. Но беспристрастное рассмотрение дошедших до нас многочисленных материалов показывает, что в данном случае прав был поэт, а не его враги.

Оглядываясь на всю свою служебную деятельность, Державин не без законной гордости мог сказать: «Без всякой подпоры и покровительства, начав со звания рядового солдата и отправляя через двенадцать лет самые низшие должности, дошел сам собой до самых высочайших». Но и в высших придворно-вельможеских сферах Державин сумел сохранить замечательную самобытность своего характера: своеобразную «демократичность», простоту и вместе с тем страстность натуры, откровенность, правдолюбие, смелую прямоту в обращении с сильными мира, гордое сознание своего собственного достоинства. Эти черты облика Державина с замечательной выпуклостью проступают и в его поэтическом творчестве.

Перед пытливым взором поэта прошла за его долгую жизнь вся современная ему Россия в ее наиболее значительных людях и событиях, в самых ярких и многообразных ее проявлениях. Во время своих служебных скитаний Державин имел возможность соприкоснуться с самыми различными областями русской действительности, с самыми разными классами, сословиями и отдельными представителями общества — от рядовых солдат до величайших полководцев (Румянцева, Суворова), от столичных и провинциальных чиновников всех рангов и степеней до уральских горнорабочих, до закабаленной оло-

нецкой крестьянской бедноты, до крестьян, восставших против своих «тиранов» — помещиков, от образованнейших людей своего времени до иргизских старообрядцев, от Екатерины II до Пугачева.

Этот богатейший, насыщеннейший жизненный опыт Державина дал ему возможность широко отразить в своих стихах всю его современность. И он с замечательной по тому времени красочностью и поэтической силой осуществил это. Поэзия Державина — наиболее яркий и впечатляющий и вместе с тем живой, говорящий, красноречивый памятник одного из примечательнейших периодов русской истории.

5.

В двадцатилетие от 1783 года (опубликование «Фелицы») до 1803 года (уход со службы) громадное поэтическое дарование Державина достигает своей полной зрелости, развертывается во весь свой поистине богатырский рост.

В своей остро критической статье об автобиографических «Записках» Державина Чернышевский подчеркивал: «У Державина напрасно было бы... искать какой-нибудь последовательности в образе мыслей; его понятия представляют самую пеструю смесь мыслей, внушаемых сердцем, по природе благородным, с господствовавшими тогда идеями совершенно иного характера». [1]

Непоследовательность, «пестрая смесь мыслей» характеризуют не только мировоззрение Державина в целом, они отчетливо проступают и в его взглядах на поэта и поэзию. Сам он в духе времени склонен был считать главным и основным в своей жизни деятельность на государственном поприще. Решительно выступая против отрицательного отношения к литературе Вяземского и ему подобных, Державин вместе с тем постоянно утверждал, что писанием стихов он занимался лишь в «свободное от службы время», «от должности в часы свободны» («На новый год», 1781). И это соответствовало действительности: в годы своей служебной занятости Державин, как мы уже знаем, порой ничего не писал или писал очень мало; зато резко усиливалась его литературная деятельность в периоды служебных неудач, опал. Мало того, он неоднократно говорит, что служебную свою деятельность он считает значительнее своих стихов, иронически именуя последние «моими безделками» («Мой истукан», 1794). Он пишет: «За слова — меня пусть гложет, за дела — сатирик чтит» («Храповицкому», 1797).

---

[1] Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. 7. М., 1950, стр. 355.

Утверждение это вызвало известное возражение Пушкина, отразившее сознание совсем другой эпохи: «Слова поэта суть уже его дела».[1] Но, наряду с этим, Державину было присуще совсем иное и даже прямо противоположное отношение к поэзии, взгляд, во многом предвосхищающий пушкинский.

Обычно, говоря об определении Державиным роли поэзии, ссылаются на его афористически звучащие строки в «Фелице», обращенные к Екатерине: «Поэзия тебе любезна, Приятна, сладостна, полезна, Как летом вкусный лимонад». Однако речь явно идет здесь о хорошо известном современникам снисходительно-пренебрежительном отношении царицы к стихам (*«тебе любезна»*). Сам же Державин совсем по-иному определял значение поэзии. В начатом им в 1800-е годы «Послании к великой княгине Екатерине Павловне о покровительстве отечественного слова» он говорит о языке: «. . .человек чрез слово всемогущ: Язык всем знаниям и всей природе ключ; Во слове всех существ содержится картина, Сообществ слово всех и действиев причина. . .»

Еще выше — значение художественного слова, поэзии, которую «недаром. . . языческая древность» нарекла «языком богов». Владеющий языком богов, поэт — служитель «правды», провозвестник «истины»: «Долг Саламандра — жечь; долг Поэта — В мир правду вещать» («Издателю моих песней», 1808). Строки эти невольно приводят на память пушкинское: «Глаголом жги сердца людей», тем более, что Державин неоднократно подчеркивает «пророческий» характер поэтических вдохновений. Таким образом, оказывается, что слово поэта и дело государственного человека по существу преследуют одну и ту же цель: и тот и другой в одинаковой степени должны быть правдоборцами. Именно таким и ощущал себя как в своей служебной деятельности, так и в своем поэтическом самосознании Державин. Но Державин шел здесь и еще дальше. В незаконченном и относящемся к самым последним годам жизни стихотворении «Лирик» поэт, приравнивая себя к псалмопевцу Давиду, с гордостью напоминал, что, будучи вначале пастухом, Давид благодаря своему поэтическому дару — «своим восторгом» — не только «стал царь», но и «с самим стязался богом».

Все преходит, в прах превращаются картины и статуи, древние города лежат в обломках, а песни Гомера — бессмертны: «Громкая правдою лира, Духа печать, не умрет». Бессмертен, как поэт, и сам Державин; этот мотив неоднократно встречается в его стихах. «Меня ж ничто вредить не может, Я злобу твердостью сотру; Врагов моих

---

[1] Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений, т. 8. М., 1952, стр. 229.

червь кости сгложет, А я пиит — и не умру», — заканчивает он, например, оду «На смерть графини Румянцевой» (1788). «Средь звезд не превращусь я в прах», — снова повторяет Державин в стихотворении «Лебедь», поясняя: «Средь звезд или орденов совсем не сгнию так, как другие» (3, 711). И тут же поэт вдохновенно говорит о своей посмертной славе среди многочисленных народов, населяющих его родину:

С Курильских островов до Буга,
От Белых до Каспийских вод,
Народы, света с полукруга,
Составившие россов род,

Со временем о мне узнают:
Славяне, гунны, скифы, чудь,
И все, что бранью днесь пылают,
Покажут перстом — и рекут:

«Вот тот летит, что, строя лиру,
Языком сердца говорил,
И, проповедуя мир миру,
Себя всех счастьем веселил».

Эти гордые и вместе с тем окрашенные в яркие гуманистические тона строки прямо ведут нас к пушкинским стихам о «памятнике нерукотворном», в которых Пушкин, кстати, непосредственно отталкивался от другого державинского стихотворения — «Памятник».

Осуществлять свою высокую миссию поэта — глашатая правды Державину приходилось в определенных условиях времени и места: «Будучи поэт по вдохновению, я должен был говорить правду, — замечал он; — политик или царедворец по служению моему при дворе, я принужден был закрывать истину иносказанием и намеками» (1, 652). Приноравливаясь к требованиям и вкусам своей Фелицы, Державин вынужден был облекать ту истину, которую он провозглашал царям, в специально «улыбательную» (позднейший термин самой Екатерины) форму: «истину царям с улыбкой говорить». Все это вносило в его поэзию много временного и случайного. Но самое значительное и сильное в творчестве Державина определялось его высокими представлениями о роли поэзии и назначении поэта.

Виднейшее место в державинском творчестве занимает общественно-политическая тематика.

И современники и позднейшая критика охотно величали Державина, в значительной степени исходя из его же собственных слов, «певцом Фелицы». И с темой Фелицы действительно связан целый цикл державинских стихов. Самым значительным из этого цикла, если не

говорить о «Фелице», является «Видение мурзы», в котором воспевание Екатерины снова перемежается острыми и смелыми сатирическими выпадами против вельмож, которые возмутились нападками на них поэта в «Фелице» и в ответ выступили с обвинениями его: одни — в «неприличной лести», другие, напротив, в недопустимой смелости — «своевольстве», с каким обращается поэт к императрице. «И словом, — как иронически, в народно-поговорочной форме заключает поэт, — тот хотел арбуза, а тот соленых огурцов» (в этих словах содержится новый намек на Потемкина, известного прихотливостью своих гастрономических вкусов, высмеянных позднее также в «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищева, в рассказе об «устерсах»). Своим недоброжелателям Державин отвечает с полным сознанием своей правоты и чувства собственного достоинства, в тонах, напоминающих позднейший — по аналогичному же поводу — ответ Пушкина «Друзьям». [1]

Искренность державинских признаний подтверждается последующей судьбой в его творчестве темы Екатерины — Фелицы. Сам Державин простодушно признается, что оду «Изображение Фелицы» — наиболее растянутую и, несмотря на отдельные превосходные образы и строки, одну из наиболее риторических его од — он написал с целью вернуть себе расположение императрицы после истории с тамбовским губернаторством. Но тогда он еще продолжал верить в соответствие своего портрета Фелицы «подлиннику». Однако, когда в пору своего секретарства Державин вступил в частое и непосредственное общение с императрицей, он увидел, насколько ошибался, убедился, что отнюдь не все дела Екатерины «суть красоты», понял, что она «управляла государством и самым правосудием более по политике или по своим видам, нежели по святой правде», как прямо говорит он это позднее в автобиографических «Записках» (6, 654). И с этого времени тема Фелицы в поэзии Державина замирает. «Собственный автор» Екатерины, несмотря на то, что последняя не раз заводила речь об его стихах и неоднократно, так сказать, «прашивала» его, чтобы он писал в роде «Фелицы», не мог принудить себя к этому. Державин «обещал, — рассказывает он в «Записках», — и несколько раз принимался, запираясь по неделе дома; но ничего написать не мог, не будучи возбужден каким-либо патриотическим славным подвигом» (6, 632). И в другом месте тех же «Записок» поясняет: «Не мог он воспламе-

---

[1] То, что Пушкин, когда он писал свой ответ, вспоминал стихи Державина, наглядно показывает имеющаяся в нем строка «Языком сердца говорю», непосредственно взятая из державинского «Лебедя».

нить так своего духа, чтоб поддерживать свой высокий прежний идеал, когда вблизи увидел подлинник человеческий с великими слабостями» (6, 693). А другому личному секретарю Екатерины, тоже поэту, Храповицкому, который, выполняя желание самой царицы, призывал Державина поменьше беспокоить ее делами и требованиями правосудных по ним решений, а лучше слагать в ее честь новые хвалебные стихи, поэт со свойственными ему резкостью и прямотой ответил: «Богов певец Не будет никогда подлец».

Прежние свои стихи о Фелице Державин и позднее продолжал высоко ценить, даже усматривая в них чуть ли не главное свое право на литературное бессмертие (см. соответствующие высказывания в стихотворениях «Мой истукан», 1794; «Памятник», 1796). Но так же несомненно, что ценил он теперь эти свои стихи не за сходство портрета с оригиналом, которого, как ему стало совершенно очевидно, не было, а за вложенную в них свою «мечту», за тот образ идеального монарха — человека на троне, который в них нарисован. В этом отношении весьма характерно, что в стихах на день рождения Екатерины, написанных Державиным незадолго до ее смерти, о ней говорится, в сущности, только попутно, а главное — поэт называет ее теперь специально придуманным им другим именем — не Фелицей, а Гремиславой («На рождение царицы Гремиславы. Л. А. Нарышкину»). Не появляется имя Фелицы и в написанных Державиным после смерти Екатерины двух хвалебных эпитафиях.

Правда, положение политика-царедворца обязывало. Вскоре после «Фелицы», по настойчивым просьбам издателя «Собеседника любителей российского слова» княгини Дашковой, которая хотела «в угождение императрице сделать приветствие в журнале Потемкину», Державин вынужден был в конце концов написать ему хвалебную оду: «Ода великому боярину и воеводе Решемыслу, написанная подражанием Оды к Фелице в 1783 году» (имя Решемысл было взято Державиным из другой детской сказки Екатерины — «О царевиче Февее», где под этим именем и был выведен Потемкин). Однако поэт поступил весьма «лукаво». В образе Решемысла он создал свой идеал истинного вельможи, наделяя его такими чертами, которых у Потемкина заведомо не было и которые были прямо противоположны его порокам, высмеянным в «Фелице». Явное несоответствие между «подлинником» и образом Решемысла, к тому же прямо подчеркиваемое Державиным в заключительной строфе его оды, превращало последнюю почти в сатиру.

Приходилось Державину в отдельных случаях идти в своих стихах и столь ненавистным ему путем подлаживания и лести. С едкой горечью, окрашенной вместе с тем в тона высокого гражданского не-

годования, сам он пишет об этом в одном из стихотворных посланий к Храповицкому («Храповицкий! дружбы знаки...», 1797), назвавшему Державина в своих стихах «державным орлом». Оспаривая право называться так, Державин жалуется на «путы», «цепи страха», которые мешают его свободному полету в небо, на «ярмо», тяготеющее над ним, как и над всеми, кто рожден «под жезлом» неправедной власти, под «железным скиптром самодержавства», как называет он его в другом стихотворении. Заканчивается послание выразительными строками: «Раб и похвалить не может, Он лишь может только льстить». Но, даже и льстя, Державин, как правило, умел сохранять чувство высокого человеческого достоинства, что с особенным сочувствием отмечал в нем Пушкин. [1]

Державин страстно искал вокруг себя людей, которые отвечали бы его идеалу государственного деятеля. В его стихах мы находим ряд положительных образов его современников, выставляемых Державиным в качестве образца самых высоких достоинств. Причем все это — люди, как правило, находившиеся в опале: знаменитый полководец екатерининского времени Румянцев, подвергшийся гонениям Потемкина и отстраненный от дел; вызвавший неудовольствие того же Потемкина князь Репнин; наконец, гонимый Павлом I и одно время сосланный под присмотр полиции в свое имение гениальный Суворов. Знаменательно и другое: и Румянцев, и Репнин, и Суворов — все это военачальники, боевые герои. В качестве положительного образа деятеля на гражданском поприще Державин неоднократно упоминает в своих стихах известного сподвижника Петра I, «друга правды» Якова Долгорукова, который прославился тем, что смело возражал Петру, когда считал его неправым, а один раз даже разорвал в Сенате уже подписанный царем указ (образ этот впоследствии был излюбленным и у поэтов-декабристов и у Пушкина). Но среди своих преуспевавших современников Державин не находил деятелей, которые отвечали бы его представлению о том, «каковыми быть вельможам должно» (1, 177). Наоборот, он постоянно сталкивался с людьми, занимавшими самые высокие посты в государстве и представлявшими собой нечто прямо противоположное его идеалу. Именно этим прежде всего и определено столь резко выраженное в поэзии Державина сатирическое начало. «Державин, бич вельмож, при звуке грозной лиры Их горделивые разоблачал кумиры», — точно определит основную сатирическую тему, проходящую почти сквозь все его творчество, Пушкин.

---

[1] См. письмо Пушкина А. А. Бестужеву от 1825 г. — Пушкин. Полное собрание сочинений, т. 13. М.—Л., 1937, стр. 179.

Культ Фелицы был обусловлен стремлением Державина сохранить здание дворянско-помещичьей государственности; обличение вельмож продиктовано страстным желанием очистить это здание от сора — «грязи позлащенной». И лира Державина становилась иногда действительно грозной. Именно такой предстает она в уже известной нам оде «Властителям и судиям», которую, после изъятия ее цензурой из «Санкт-петербургского вестника», Державину удалось в новой, еще более сильной и художественно совершенной редакции опубликовать в 1787 году в журнале Федора Туманского «Зеркало света», выделявшемся своим просветительским духом и политическим радикализмом.[1] Когда много позже, уже в 1795 году, Екатерина прочла эту оду, включенную в поднесенный ей Державиным рукописный сборник своих стихов, она прямо объявила ее «якобинской» и чуть не передала автора страшному начальнику тайной экспедиции — «кнутобойце» Шешковскому, через руки которого за пять лет до того прошел Радищев. «Царь Давид не был якобинцем», — ответил Державин. Тем не менее ему пришлось писать специальную оправдательную записку по этому поводу. Не пропущена была эта ода цензурой и в начатом Державиным в 1798 году, при Павле, издании своих стихов.

Якобинцем Державин, мы знаем, действительно ни в какой степени не был. Нападая в своих сатирических одах на «боярских сынов», «дмящихся» (гордящихся) не личными заслугами перед отечеством, а «пышным древом предков дальних», на «жалких полубогов», «истуканов на троне», на «мишурных царей на карточных престолах», Державин противопоставляет им «истинную подпору царства» — «росское множество дворян», которое во время восстания Пугачева «спасло от расхищения империю», «утвердило монаршу власть», а ныне «талантом, знаньем и умом» «дает примеры обществу», «пером, мечом, трудом, жезлом» служит его «пользе». Но и в яром политическом противнике якобинцев Державине и во французских революционерах, среди которых в самом деле тот же 81-й псалом пользовался очень большой популярностью, жил дух века Просвещения. Именно этим объясняется присутствие в державинской оде-псалме исключительно смелых и резко звучащих строф по адресу «земных богов» — «царей», строф, по грозному и негодующему чувству приближающихся к пафосу радищевской оды «Вольность».

В своих сатирических одах, самым ярким образцом которых является справедливо прославленная ода «Вельможа», Державин развивает основные образы и мотивы предшествующей и современной ему

[1] См. об этом журнале в книге Г. П. Макогоненко «Радищев и его время». М., 1956, стр. 280—308.

русской сатирической литературы — от сатир Кантемира и сатиры Сумарокова «О благородстве» до сатирических журналов Новикова и Крылова (в частности, знаменитое описание передней вельможи в оде «Вельможа» непосредственно подсказано одним из писем крыловской «Почты духов»). Но под пером Державина эти ходовые мотивы достигают столь высокого эмоционального звучания и одновременно такого небывалого словесного чекана, что, при всей ограниченности политических взглядов поэта, именно он должен, наряду с Радищевым, который недаром так высоко ставил его творчество, считаться зачинателем русской гражданской поэзии. Знаменитое послание Рылеева «К временщику» восходит к традиции державинской обличительной оды. Некоторые же места «Вельможи» — произведения, отозвавшегося в «Вольности» Пушкина (кстати, последняя написана той же строфой), — вплотную подводят нас к «Размышлениям у парадного подъезда» Некрасова. Недаром Рылеев завершает в своих «Думах» галерею патриотов и героев свободы именно Державиным, прямо приравнивая его гражданский пафос — «к общественному благу ревность» — к пафосу своего собственного поэтического творчества. Звучавшие как нечто свое и близкое для декабристов, некоторые гражданские стихи Державина продолжали сохранять подобное же звучание и в последующие десятилетия. Сохранился рассказ о том, как в кружке поэта-петрашевца С. Ф. Дурова «однажды... зашла речь о Державине, и кто-то заявил, что видит в нем скорее напыщенного ритора и низкопоклонного панегириста, чем великого поэта. При этом Ф. М. Достоевский вскочил как ужаленный и закричал: «Как? Да разве у Державина не было поэтических, вдохновенных порывов? Вот это разве не высокая поэзия?» И он прочел на память стихотворение «Властителям и судиям» с такою силою, с таким восторженным чувством, что всех увлек своей декламацией и без всяких комментариев поднял в общем мнении «певца Фелицы».

Но, наряду с сатирическим, в стихах Державина громко звучит и утверждающее начало. Поэт-гражданин, «зла непримиримый враг», как называл его Рылеев, Державин был пламенным патриотом. По словам Белинского, патриотизм был его «господствующим чувством».[1] Вместе с передовой сатирической журналистикой (журналами Новикова, Крылова), вместе с Фонвизиным Державин резко восставал против «галломании» — рабского подражания придворных и дворянских кругов иноземцам. «Французить нам престать пора, но Русь любить!» — энергично призывал он. Когда его друг, поэт Капнист, автор

---

[1] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. 1. М.—Л., 1953, стр. 49.

«Ябеды», огорченный отечественными непорядками, намеревался покинуть Россию, Державин убеждал его: «От пепелища удаляться, От родины своей кто мнит, Тот самого себя бежит» («Капнисту», 1797).

Жизнь Державина протекала в эпоху все большего роста мощи русского государства, решившего в это время в свою пользу ряд «вековых споров». В 1760 году, когда Державину исполнилось 17 лет, русские войска, за год до того наголову разбившие крупнейшего западноевропейского полководца, Фридриха II, при Кунерсдорфе, заняли столицу Пруссии Берлин. На глазах семидесятилетнего Державина прошла Отечественная война 1812 года, закончившаяся взятием Парижа и низвержением Наполеона. Державин был свидетелем многих блестящих успехов русского оружия. «Мы тогда были оглушены громом побед, ослеплены блеском славы», — замечал об этом времени Белинский. [1]

Героическая мощь, ослепительные военные триумфы России наложили яркий отпечаток на все творчество Державина, подсказали ему звуки и слова, исполненные подобного же величия и силы. И в человеке Державин превыше всего ценил героический «высокий дух», величие гражданского и патриотического подвига. Гоголь так и называл Державина «певцом величия» — определение меткое и верное, хотя и не покрывающее собой всей сложности и многообразия державинского творчества, в котором, однако, победные, героические оды занимают весьма видное место. «Я не знала по сие время, что труба ваша столь же громка, как и лира приятна», — сказала поэту Екатерина, прочтя одну из наиболее ярких и характерных его победных од — «На взятие Измаила», снабженную эпиграфом из Ломоносова. И действительно, Державин откладывает в них в сторону «гудок» и «лиру» — признанные орудия «русского Горация и Анакреона», как называли его современники, — и вооружается боевой «трубой», снова обращаясь к столь решительно отвергнутой им для жанра хвалебной оды традиции «громозвучных» од Ломоносова. Торжественная приподнятость тона, патетика словаря и синтаксиса, гиперболичность образов и метафор — таковы основные черты победных од Державина. Поэт дает в них ярчайшие образцы грандиозной батальной живописи, широкой, размашистой кистью рисует величавые фигуры замечательных полководцев своего времени во главе с «вождем бурь полночного народа» Суворовым. «Кем ты когда бывал побеждаем? Всё ты всегда везде превозмог!» — восклицает поэт о Суворове («На взятие Вар-

---

[1] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. 1. М.—Л., 1953, стр. 48.

шавы», 1794). Цикл державинских стихотворений, посвященных Суворову или упоминающих о нем, слагается как бы в единую героическую эпопею, в грандиозный поэтический апофеоз беспримерной воинской славы величайшего из полководцев. Знаменательно при этом, что с особенной любовью выделяет Державин в «князе славы» Суворове черты, роднящие его с народом: непритязательность в быту, простоту в обращении, живую связь взаимного доверия, дружбы и любви между полководцем и идущими за ним на все солдатами. В отчаянии, что «львиного сердца, крыльев орлиных нет уже с нами», — Державин в стихах, вызванных смертью Суворова («Снигирь», 1800), горестно вопрошает:

Кто перед ратью будет, пылая,
Ездить на кляче, есть сухари;
В стуже и в зное меч закаляя,
Спать на соломе, бдеть до зари;
Тысячи воинств, стен и запоров,
С горстью россиян всё побеждать?

Стремясь художественно выразить глубокую народность Суворова, Державин изображает его в облике эпического «вихря-богатыря» русских сказок. При этом, показывая Суворова беспощадным к врагам родины, Державин сочувственно отмечает в нем черты русского национального великодушия, гуманности, милости к «малым сим» — к слабым тростинкам.

В своих победных одах — и это их характерная особенность — Державин не ограничивается воспеванием только военачальников. Боевым вождям соответствуют их геройские рати: «русски храбрые солдаты В свете первые бойцы». В застольной воинской песне Державина «Заздравный орел» (1795), написанной им, как он сам поясняет, «в честь Румянцева и Суворова», первую здравицу поэт провозглашает за «неустрашимых, никем непобедимых» русских солдат. И в ряде од Державина из-за создаваемых им колоссальных образов полководцев выступают еще более могучие очертания «твердокаменного росса» — всего русского народа. Именно народ, его «великий дух», его крепость и сила спасали страну в годины наиболее тяжких испытаний. Не «князья и бояре», которые «в неге спали и ползали в пыли, как червь», а сам народ, «без помощи, от всех стесненный», свергнул угнетавшее его в течение трех веков монгольское иго, утверждает Державин в оде «На взятие Измаила», поясняя в примечаниях к ней, что не «князьям и боярам», а «всему русскому народу» обязана своими громкими победами и современная поэту Россия. И Державин не-

устанно славит в своих стихах российскую доблесть и силу, которой «нет преград». «Чья россов тверже добродетель? Где больше духа высоты?» — постоянно вопрошает поэт и неизменно живыми картинами героизма русских войск отвечает: ничья и нигде.

Победы России — грозное предупреждение ее недругам. В стихах, посвященных победам в 1807 году атамана донских казаков Платова и озаглавленных «Атаману и войску Донскому», Державин, оглядываясь на героическое прошлое русского народа, спрашивает:

Был враг чипчак, — и где чипчаки?
Был недруг лях, — и где те ляхи?
Был сей, был тот, — их нет; а Русь?..
Всяк знай, мотай себе на ус.

Последняя строка была явно адресована Наполеону, неизбежную гибель которого, если он решится вторгнуться в Россию, Державин проницательно предсказывал еще за несколько лет до войны 1812 года.

Будучи страстным русским патриотом, Державин признавал столь же законными патриотические чувства иноземцев по отношению к их отечеству. В 1794 году поэт написал победную оду «На взятие Варшавы». Однако позднее, при Павле, он же смело вступился за польских патриотов, которые были арестованы по подозрению в заговоре против России и которым угрожала вечная каторга. «Виноваты ли были Пожарский, Минин и Палицын, что они, желая избавить Россию от рабства польского, учинили между собою союз и свергли с себя иностранное иго?» — спросил он у начальника страшной Тайной канцелярии. Тот ответил, что, наоборот, они достойны величайшей похвалы. «Почему ж так строго обвиняются сии несчастные, что они имели некоторые между собою разговоры о спасении от нашего владения своего отечества?» — сказал Державин (6, 742).

Не менее характерно, что восторженный певец боевой русской славы Державин вместе с тем, следуя здесь традиции Ломоносова и вообще двигаясь в русле передовой общественной мысли своего времени, выступал против завоевательных войн, был апологетом «тихих дней» — мира народов. «Всегда дышать одной войною Прилично варварам, не нам», — пишет он уже в раннем своем стихотворении «Пикники» (1776). А в оде «На взятие Варшавы» Державин восклицает: «О росс! О подвиг исполина! О всемогущая жена! Бессмертная Екатерина! Куда? И что еще? — Уже полна Великих ваших дел вселенна». Екатерина не без основания решила, что поэт советует ей воздерживаться от дальнейших завоеваний, кроме того в некоторых строках усмотрела, как и в оде «Властителям и судиям», «якобинизм».

В результате весь уже отпечатанный тираж оды был по ее распоряжению задержан, и стихи смогли выйти в свет лишь после ее смерти. Быть «победителем света» не «чрез драки и кровь» призывал Державин и Александра I (ода «Маневры», 1804). В поданной Александру I записке «Мечты о хозяйственном устройстве военных сил Российской империи» Державин прямо писал: «Всякая война — семя будущей войны, следовательно, несчастие народов. Мщение производит подобный отголосок, и мститель подлежит сам оному» (7, 441). Историческую миссию России Державин, как и Ломоносов, видит в том, чтобы нести народам мир, «тишину». «Воюет росс за обще благо, за свой, за ваш, за всех покой», — обращается он в одной из своих суворовских од («На переход Альпийских гор») к народам Европы. «Обще благо» и «покой» Державин связывал с поражением французской революции. И в этом тоже нашла свое выражение «пестрая смесь» мыслей поэта, но в своих антивоенных призывах Державин, как и Ломоносов, сумел выразить существенную черту национального характера народа, не стремящегося к захватам и завоеваниям, но умеющего грудью стать на защиту родины.

Одной из выдающихся черт творчества Державина является небывалая еще дотоле в русской поэзии широта художественного охвата поэтом современной действительности. Ярко отражая в своих стихах ее героические черты, необыкновенно красочно живописал Державин и картины частной жизни русского общества своего времени. В его стихах мы найдем зарисовки быта богатого купечества («К первому соседу», 1780), народных городских гуляний. Но прежде всего и больше всего показывает он «вельможную и барскую жизнь нараспашку» (Белинский) — домашний быт русского дворянства, благоденствующего в своих городских особняках или на просторах поместного приволья. Полностью воспроизводя в одной из своих замечательных статей о Державине его «Приглашение к обеду» (1795), Белинский замечает: «Как все дышит в этом стихотворении духом того времени — и пир для милостивца, и умеренный стол без вредных здравию приправ, но с золотою шекснинскою стерлядью, с винами, которые «то льдом, то искрами манят», с благовониями, которые льются с курильниц, с плодами, которые смеются в корзинках, и особенно — с слугами, которые не смеют и дохнуть!..»[1] Причем в этом стихотворении, обращенном к высокопоставленным «благодетелям» поэта, он не удерживается от ядовитого и достаточно прозрачного намека по адресу всесильного тогда Платона Зубова, который

---

[1] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. 6. М.—Л., 1955, стр. 623.

предпочел его «умеренному» утощенью «златые чертоги» «и яствы сахарны царей» — обещал прийти, но в самый последний момент прислал сказать, что не будет, ибо «его государыня удержала» (1, 669). Не исключено, что именно ради этого намека и было написано поэтом все его стихотворение.

«Умеренность», «горацианский» идеал довольства малым, неприхотливый семейный обиход рядового дворянина, который идет «средней стезей», почитая «всю свою славу» в том, что «карлой он, и великаном, и дивом света не рожден», Державин любил полемически противопоставлять «вредной роскоши» вельмож. В то же время в его поэзии с исключительной яркостью и наглядностью отразились весь павлиний блеск, все фейерверочное великолепие екатерининского времени — времени неслыханно пышных торжеств, потешных огней, победных иллюминаций, «гремящих хоров». Особенно колоритно в этом отношении составленное Державиным в стихах и прозе описание знаменитого празднества в Таврическом дворце, которое устроил князь Потемкин незадолго до своей смерти. Описание это дано с такой осязательностью, что, читая его однажды ночью в деревенском уединении, поэт Батюшков пережил почти настоящую зрительную галлюцинацию: «Тишина, безмолвие ночи, — рассказывает Батюшков, — сильное устремление мыслей, пораженное воображение — все это произвело чудесное действие. Я вдруг увидел перед собою людей, толпу людей, свечки, апельсины, бриллианты, царицу, Потемкина, рыб, и бог знает чего не увидел: так был поражен мною прочитанным. Вне себя побежал к сестре... «Что с тобой? ..» — «Оно, они! ..» — «Перекрестись, голубчик! ..». Тут-то я насилу опомнился».[1]

Наряду с широчайшим охватом современности, второй замечательной и для того времени глубоко новаторской особенностью поэзии Державина является ее автобиографичность. В своих стихах поэт не только живописует эпоху, но, говоря уже приведенными выше его словами, «переживает» свою собственную жизнь. Из од Ломоносова мы почти ничего не можем узнать о самом поэте. В стихах Державина перед нами развертывается едва ли не вся его красочная биография во всей конкретности отдельных ее эпизодов, со всем многообразием личных, семейных, дружеских и служебно-общественных связей и отношений. В поэзии Державина еще немало традиционных поэтических условностей классицизма; вместе с тем строки его стихов насыщены реальной действительностью, окружавшей поэта, густо населены пестрой толпой его современников — от царей, полководцев, крупных государственных деятелей, близких, друзей, врагов, наконец

---

[1] К. Н. Батюшков. Сочинения, т. III, 1886, стр. 53.

просто соседей — до привратника его петербургского дома, до крепостных девушек, пляшущих народный танец «бычок».

В своих сатирических одах, гневно бичуя зло, Державин противопоставлял порочным «судиям и владыкам» образ высокого духом мужа-гражданина, «праведного судии» — защитника угнетенных и обиженных, человека, ратующего за «общественное благо» и в этом одном обретающего истинную свою награду: «Желает хвал, благодаренья Лишь низкая себе душа, Живущая из награжденья». Поэт, несомненно, создает здесь некий идеал человека-гражданина; но столь же несомненно, что в этом идеальном образе просвечивают и реальные черты самого Державина — администратора, государственного деятеля. Вообще из державинских стихов рельефно выступает облик самого поэта, вырисовывается один из замечательных русских характеров: человек, живущий всей полнотой бытия, кипуче-деятельный, пылкий, увлекающийся, честный, прямой, умеющий страстно любить и столь же страстно презирать и ненавидеть, владеющий даром резкого, беспощадно бьющего слова, острой насмешки, зачастую переходящей в тонкую автоиронию.

Самого Державина даже смущала эта столь непривычно автобиографическая, личная окраска его творчества. Это заставляло его порой и вообще скептически смотреть на будущее своих стихов: «Все это так, около себя, и важного значения для потомства не имеет», — говаривал он. Многое из мелких фактов и эпизодов, бытовых подробностей, злободневных намеков, которыми переполнены державинские стихи, и в самом деле скоро стало чуждым, а зачастую и прямо непонятным последующим читателям. Но именно «личностность», живая конкретность художественного, поэтического ви́дения сделали творчество Державина важнейшим этапом на пути развития русской поэзии от классицизма к Пушкину.

В стихах Державина впервые в русской поэзии с такой живописной яркостью и художественной силой предстает и окружающая человека природа.

В сатирах Кантемира природы, пейзажей, в сущности, вообще нет. В одах Ломоносова — за отдельными блестящими исключениями — природа выглядит как некий мифологизированный, условный мир, постигаемый не столько зрением, сколько умом. Природа, фигурирующая в некоторых жанрах поэзии Сумарокова — в его идиллиях и эклогах, — в каждом случае заранее задана правилами жанра и потому носит не только маловыразительный, но и утомляюще однообразный, условно-пасторальный характер. В поэзии Державина перед читателем развертывается реальный, вещный мир во всей его чувственной

наглядности, осязаемости, ощутимости, в обилии красок, звуков, тонов, переливов. В одном из своих стихотворений («Радуга», 1806) Державин призывает художника подражать величайшему в мире «мастеру» — солнцу — лить «свет в тьму».

И сам Державин полностью следует этому принципу — заливает потоками света строфы и строки своих стихов. По своей необычайной красочности, ярчайшей феерической живописности державинская поэзия едва ли имеет что-либо себе равное. Его стихи — великолепное «зрелище очам» — сверкают золотом, драгоценными камнями, дорогими пышными тканями — «златом», «сребром», «лазурью», «пурпурами», «бархатом», «багряницей». Небеса у него златобисерны и лучезарны, дожди — златые, реки — огненные, брега блещут, луга переливаются «перлами», воды «сверкают сребром», облака — «рубином». Очень охотно употребляет Державин составные эпитеты типа «искросребряный», «златозарный», в которых каждая составная часть выражает блеск, горение, сверкание.

Лазурны тучи, краезлаты,
Блистающи рубином сквозь,
Как испещренный флот богатый,
Стремятся по эфиру вкось, —

таков характерный пейзаж Державина, в создании которого участвовала столько же баснословная роскошь дворянско-вельможеского быта екатерининского времени, сколько отзвуки военно-морских триумфов эпохи — отсветы победных зарев Кагула, Измаила и Чесмы («Любителю художеств», 1791).

Но, наряду с подобной парадной, подчас почти по-дворцовому изукрашенной природой, невольно вызывающей в памяти знаменитую золотую анфиладу, большой зал, янтарную комнату или «серебророзовые светлицы» большого Царскосельского дворца, в стихах Державина есть и тонко выписанные, совершенно точные зарисовки природы различных местностей России. В этих пейзажах, порой почти непосредственно подводящих нас к осенне-зимним пейзажам пушкинского «Евгения Онегина», замечательна конкретность державинского рисунка, тщательное соблюдение им «местного колорита». Таково, например, описание осени в оде «Осень во время осады Очакова» (1788). Белинский, с похвалой отмечая верность описаний Державина в ряде строф этой оды («По ним вы думаете, что вы в России»), по поводу стихов: «И роскошь винограду просит Рукою жадной на вино» добавляет: «Тоже прекрасные стихи; но куда они переносят вас — бог весть!» На самом деле стихи эти вполне соответ-

ствуют описываемой местности — осени *под Очаковом*. Равным образом в «Водопаде» (1791) Державин дал столь же величественное, сколь и точное описание водопада Кивач, совпадающее с тем его описанием, которое в свое время он занес под непосредственным впечатлением в свой путевой дневник. В оде «На возвращение графа Зубова из Персии» Державин — в данном случае, очевидно, по рассказам — дал впервые в нашей поэзии картину дикой природы Кавказа (Пушкин с похвалой приводит ее в примечаниях к «Кавказскому пленнику»).

Поэт-живописец, Державин во многих своих стихотворениях предстает и поэтом-мыслителем. Особенно характерны для его поэтических раздумий две тесно связанные между собой темы: тема непостоянства, прихотливой изменчивости человеческой судьбы и тема бренности всего существующего, неотвратимости смерти. Обе эти темы настойчиво подсказывались окружавшей поэта общественно-политической действительностью. Пиршественная пышность, праздничный блеск и сверкание вельможеско-дворянской России расцветали — Державин остро ощущал это — «бездны на краю». Он был очевидцем грозного «колебания народного» — восстания русских крестьян, чуть не опрокинувшего весь дворянско-крепостнический строй, был современником американской и французской революций («Мы видим троны сокрушенны И падших с них земных богов», «И близ грядущая минута Пременой не чревата ль царств?» — «На новый 1798 год»). На глазах Державина складывались неожиданные и калейдоскопически пестрые судьбы многочисленных «наперсников», «возведенцев счастья», как называл он екатерининских временщиков. Из социального небытия они поднимались на предельные высоты империи и подчас так же стремительно низвергались с них: «сегодня бог, а завтра прах». В своей собственной служебной карьере Державин знал те же непрерывные взлеты и падения. И вот традиционный «классический» образ колеса богини Фортуны («вертится всеминутно людской фортуны колесо») приобретает под пером Державина широкий, всеохватывающий смысл — непрерывного мирового круговорота. «Весь мир подобен колесу. Се спица вверх и вниз вратится», «Здесь к небу вознесен на троне, А там на плахе Людовик», «Единый час, одно мгновенье Удобны царства поразить, Одно стихиев дуновенье Гигантов в прах преобратить», — не устает твердить поэт. Отсюда возникают мотивы обреченности современной ему жизни, людей; хрупкости, мимолетности человеческого бытия вообще. Мысль о неизбежной, неотвратимой смерти вносит трагическую ноту в радостно-торжествующие мажорные хоры державинской поэзии. На острейшем контрасте между жизнью среди «роскоши, прохлад и нег» и внезапно, «как тать»,

подкравшейся смертью построено уже известное нам стихотворение «На смерть князя Мещерского»: «Где стол был яств, там гроб стоит». Высшего художественного выражения эти настроения и мысли Державина достигли в знаменитой оде «Водопад», которую Пушкин считал вообще лучшим из его произведений. В образе водопада — «алмазной горы», с «гремящим ревом» низвергающейся вниз, в долину, чтобы через короткое время бесследно «потеряться» «в глуши глухого бора», — поэтом не только дано аллегорическое изображение жизненной судьбы одной из самых характерных фигур нашего XVIII века, «присноименного талантами и слабостями» (6, 625) «сына счастия и славы», «великолепного князя Тавриды», но и создан своеобразный символ всего «века Екатерины» вообще. Последними стихами Державина, написанными им грифелем на аспидной доске и к настоящему времени почти совершенно стершимися,[1] были глубоко пессимистические строки: «Река времен в своем стремленьи Уносит все дела людей. . .»

Оптимистический характер непосредственного восприятия мира и глубоко пессимистическая мысль о нем — таково одно из основных противоречий творчества Державина, определенное его временем и ограниченностью социально-исторического кругозора поэта.

В поэзии Державина намечаются и два пути преодоления гнетущей мысли о смерти. Один из них — традиционный путь религиозных утешений. Религиозные мотивы занимают немалое место в поэзии «воспитанного в страхе божием» Державина. Но, наряду с религиозной резиньяцией, с патетическим оспариванием «слепых света мудрецов» — философов-материалистов XVIII века, у Державина звучат и мотивы скептического отношения к обещаниям религии. Недаром одно из его стихотворений называется «Успокоенное неверие» (1779). А о том, что успокоено оно было недостаточно прочно, красноречиво свидетельствуют знаменитые, проникнутые горьким сомнением строки в написанной, видимо, почти сразу же вслед за этим оде «На смерть князя Мещерского». «Здесь персть твоя, а духа нет. Где ж он? — Он там. — Где там? — Не знаем. Мы только плачем и взываем: „О, горе нам, рожденным в свет!"»

Самым замечательным образцом религиозных стихотворений Державина является ода «Бог» — первое из всех произведений русской литературы, получившее, и притом почти сразу же, широчайшую, подлинно мировую известность. Стихотворение это, действительно, написано Державиным с громадным поэтическим воодушевлением. Но

---

[1] Доска хранится в рукописном отделении Ленинградской Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина.

проникнуто оно не столько духом церковной ортодоксии, сколько тем же пантеистическим, «космическим» чувством, которым продиктованы замечательные «Размышления о божием величестве» Ломоносова. К традиции ломоносовских «размышлений» некоторые строфы оды прямо и восходят. Замечательно, что даже употребляемые в ней богословские понятия Державин стремится истолковать в научно-философском смысле. Так, в связи со строкой «Без лиц, в трех лицах божества» поэт поясняет, что, помимо церковного «понятия», он «разумел тут три лица метафизические, т. е. бесконечное пространство, беспрерывную жизнь в движении вещества и неоканчаемое течение времени, которое бог в себе совмещает» (3, 593). Недаром соответствующая строфа была подвергнута критике «с богословской точки зрения». Замечательно, что в той же оде о боге ряд стихов посвящен Державиным излюбленной им теме величия человека, малого и ничтожного по сравнению со вселенной, но, благодаря своему неустанному стремлению ввысь и своему уму, становящегося равным божеству: «Я телом в прахе истлеваю, Умом громам повелеваю, Я царь — я раб — я червь — я бог!»

Тот же мотив «великости» человеческого духа, ненасытности его стремлений звучит и в великолепной по своей четкости и лаконизму эпитафии «На гроб Шелехову» (1796), в окончательной редакции которой Державин отбросил ранее имевшиеся в ней три последних стиха, звучавшие в традиционно-церковном духе.

Вообще, по верному замечанию Белинского, «ум Державина был ум русский, положительный, чуждый мистицизма и таинственности... его стихиею и торжеством была природа внешняя».[1] И гораздо ближе, органичнее для Державина, чем путь небесных утешений, был другой путь — языческо-горацианский путь возможно бо́льшего наслаждения «пролетным мгновеньем», «благоуханьем роз» — всеми радостями земного бытия. В высшей степени характерна в этом отношении примирительная концовка той же оды «На смерть князя Мещерского»:

Сей день, иль завтра умереть,
Перфильев! должно нам, конечно, —
Почто ж терзаться и скорбеть,
Что смертный друг твой жил не вечно?
Жизнь есть небес мгновенный дар;
Устрой ее себе к покою...

---

[1] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. 1. М.—Л., 1953, стр. 49.

«Покой» жизни и есть в устах Державина эпикурейски-безоблачное, чувственно-анакреонтическое наслаждение жизнью, настоящим, всяческими «негами и прохладами» бытия. После потрясающих строф оды, в которых звучит, по словам Белинского, «вопль подавленной ужасом души, крик нестерпимого отчаяния»,[1] подобная концовка и неожиданна и мелка. Но зато она-то и делает это стихотворение одним из типичнейших произведений «русского XVIII века».

В связи с этим очень значительное место — и количественно и по существу — занимает в поэзии Державина так называемая анакреонтическая лирика с ее легкой и жизнерадостной беспечностью, с проповедью земных, чувственных — в первую очередь любовных — радостей и наслаждений. Ломоносов противопоставлял друг другу героику и анакреонтику, отдавая безусловное предпочтение первой. Державин с первых же своих литературных шагов совмещал их. Правда, общественно-политическая тематика в произведениях Державина 80-х — первой половины 90-х годов преобладала. Но в 1782 году, наряду с «Фелицей», поэт складывает застольную песенку «Разные вина»; в 1791 году, наряду с «Водопадом», пишет анакреонтические стихотворения «Скромность», «Прогулка в Сарском селе»; в 1794 году, наряду с «Вельможей», создает такие стихотворения, тоже причисляемые им к анакреонтическим песням, как «Сафе», «Призывание и явление Плениры», «Мечта».

В 1794 году один из ближайших личных и литературных друзей и советчиков Державина, Н. А. Львов, издал, параллельно с греческим текстом, свой полный перевод пользовавшегося огромной популярностью в XVIII веке сборника стихов, которые приписывались тогда Анакреонту, но на самом деле принадлежали его более поздним последователям и продолжателям. С этого времени анакреонтические темы и мотивы в поэзии Державина не только усиливаются, но одно время (особенно в 1797—1799 годы) становятся преобладающими. Иные стихотворения из сборника Львова Державин прямо переводит, другим — подражает; пишет и оригинальные стихи в анакреонтическом духе. Вскоре после отставки, в 1804 году, Державин выпустил, как бы декларируя свою независимость от служебных дел, свои «Анакреонтические песни» отдельным изданием, в которое включил некоторые прежние любовные стихотворения и такие произведения, как «Стихи на рождение в Севере порфирородного отрока». В любовных стихах Державина чувства поэта переданы подчас с немалой поэтической искренностью и глубиной. Такова, например, одна из ранних любов-

---

[1] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. 6. М.—Л., 1955, стр. 629.

ных песенок «Разлука» (1776), в которой сквозь условную «сумароковскую» форму прорываются и подлинная боль и страстная, неутолимая нежность. Но чаще всего «Анакреонтические песни» Державина не выходят за пределы здоровой, подчас несколько грубовато выраженной чувственности, порой окрашенной в тона условной «чувствительности» — знамение начавшейся в 90-е годы XVIII века эпохи русского сентиментализма. Анакреонтические стихи Державина составляют еще одну и в своем роде весьма замечательную грань многообразного творчества поэта. «Что в Державине был глубоко-художественный элемент, — писал Белинский, — это всего лучше доказывают его так называемые «анакреонтические» стихотворения. И между ними нет ни одного вполне выдержанного; но какое созерцание, какие стихи!» [1]

6

Последние тринадцать лет своей жизни, после оставления службы, Державин прожил в Петербурге (в собственном особняке на Фонтанке; он сохранился и посейчас под № 118); летом уезжал в свое имение Званка на реке Волхове в Новгородской губернии. «Покой мне нужен в дней останке», — заявлял Державин в одном из своих стихотворений этой поры. Однако уход Державина на покой ни в какой мере не означал для него бездеятельности. Он по-прежнему не только живо, но и активно продолжал интересоваться политикой, военными делами (подал несколько докладных записок по этим вопросам царю). Именно в это время чрезвычайно усилилась литературная деятельность Державина. За 1804—1807 годы им написано несколько замечательных стихотворений: «Лебедь» (1804), «Цыганская пляска» (1805), «Радуга» (1806), наконец создан один из самых выдающихся образцов его поэтического творчества — стихотворное послание «Евгению. Жизнь званская» (1807). Даже за пять лет до смерти, в возрасте около семидесяти лет, Державин пишет такие характернейшие для него стихотворения, как «Аристиппова баня», которое сам он считал «любимой своей пьесой» и с которым в какой-то мере перекликается пушкинское послание «К вельможе». Написал Державин в этот период и несколько шуточных стихотворений, вроде «Приказа моему привратнику», «Похвалы комару», «Милорду, моему пуделю».

Именно в эти годы в державинских стихах появляются тесно связанные с его собственным деревенским бытом яркие описания помест-

[1] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. 6, М.—Л., 1955, стр. 607.

ной сельской жизни, свобода, уединение и тишина которой противопоставляются им — совсем в духе уже господствовавшего в эти годы сентиментального направления — роскоши, пышности и тесноте двора и столицы. С исключительной красочностью, живописностью, обилием точно выписанных и совершенно конкретных деталей показан Державиным в послании «Евгению. Жизнь званская» день жизни барина-помещика, развертывается ряд картин природы, дается подробное описание разнообразных крестьянских работ — в поле, на лесопильной мельнице, на домашней прядильной фабрике.

В изображении труда и быта крепостных крестьян особенно ясно проступает сословная ограниченность Державина. В полную противоположность Радищеву, он совершенно не останавливается на мрачных сторонах жизни крепостного крестьянства. В его стихах дворовые крестьяне веселы и довольны, бодро и проворно служат своим господам: «Бьет полдня час, рабы служить к столу бегут. . .» («Евгению, Жизнь званская»). В этом контексте даже страшное слово «рабы», которое окрашено такой горечью и негодованием у Радищева, имеет совсем иное, чисто бытовое звучание. Равным образом тяжкий барщинный труд именуется Державиным «невинными упражнениями», после которых господа задают своим счастливым, радостным крестьянам «пир горой» с тем, чтобы на следующий день, «встав поутру рано», они с еще большим рвением принялись за работу, «любезны богу, господам» («Крестьянский праздник», 1807).

В этих идиллических картинах перед нами Державин-помещик, убежденный, подобно Карамзину, в благодетельности для крестьян жизни под началом «барина-отца». Недаром он решительно заявлял Александру I о необходимости сохранения крепостного права, а в написанном в связи с этим стихотворении «Голубка» (1801) прозрачно вкладывал в уста самих крестьян заявление о «сладости» крепостного «плена» и о том, что «златая вольность» не только для них нежелательна, но и вредна. Однако подобные взгляды Державина не только не исключали, но, наоборот, усиливали резко отрицательное отношение поэта к помещикам-«тиранам» и вообще ко всем угнетателям народа. Одна из целой серии написанных им в это время политических басен — басня об аисте, который иных обитателей болота «глотает, других же криком устрашает», — по-видимому, метит в Аракчеева («Аист», 1805). В 1807 году в четверостишии «На прогулку в Гру́зинском саду» (поместье Аракчеева «Гру́зино» находилось по соседству с державинской «Званкой») поэт тонко напоминает новому «возведенцу счастья» плачевный финал бывшего владельца Гру́зина, любимца Петра I князя Меншикова.

С 1804 года Державин начинает усиленно заниматься драматур-

гией. За сравнительно короткое время он создает очень большое число драматических произведений в самых различных жанрах: «театральное представление с музыкою» — «Добрыня» (1804), трагедию «Ирод и Мариамна» (1807), несколько произведений на сюжеты из русской истории: в частности, трагедию «Темный» (1808), в которой фигурирует его легендарный предок Багрим с сыном Державой, оперу «Грозный, или Покорение Казани» (1814). Наряду с этим Державин пишет и комические, или, как он их называет, «бездельные» оперы («Дурочка умнее умных», «Рудокопы») и «детскую комедию» — «Кутерьма от Кондратьев» (1806). Сам поэт склонен был свою драматургию, особенно трагедии, ставить очень высоко; однако его драматические произведения не представляют сколько-нибудь существенного интереса ни в историко-литературном, ни в художественном отношении. Из всех них на публичной сцене была поставлена только трагедия «Ирод и Мариамна».

Зато выход в свет в 1808 году первых четырех частей собрания сочинений Державина, в которое вошли почти все наиболее значительные его произведения, явился важнейшим литературным событием; этим был как бы подведен наглядный итог достижениям русской поэзии за минувшее столетие, причем подведен как раз тогда, когда начало складываться творчество виднейших представителей новых литературных течений — Жуковского и Батюшкова.

В конце жизни Державин принялся за писание своей автобиографии. «Записки» Державина, законченные в 1812 году (впервые опубликованы в 1859 году), написаны с полной откровенностью, подчас даже с несколько наивным простодушием и представляют собой один из интереснейших мемуарных памятников эпохи. Кроме того, среди рукописей Державина имеется большое собрание его афоризмов и статей на самые разнообразные, преимущественно философские и общественно-политические, темы. Эти до сих пор не опубликованные материалы — замечательное свидетельство широты круга интересов поэта и неустанной работы его мысли.

Принимал Державин весьма активное участие в литературной жизни и борьбе начала XIX века. Позиция его здесь была характерно двойственна. Вокруг Державина, видя в нем «живой памятник» XVIII века, одного из столпов классицизма, группируются литературные «староверы» во главе с адмиралом Шишковым, энергично — с реакционных позиций — отстаивавшим «старый», ломоносовский, слог против языковой реформы Карамзина. С 1807 года кружок шишковистов устраивает еженедельные литературные вечера. На этой основе в 1811 году складывается литературное общество «Беседа любителей русской словесности», ставшее оплотом литературного «староверия».

Председателем одного из четырех «разрядов» «Беседы», публичные заседания которой происходили в доме Державина, в специально отстроенной им зале с органом, являлся Шишков, другого — Державин. На заседаниях «Беседы» читался, между прочим, написанный Державиным обширный теоретический трактат «Рассуждение о лирической поэзии или об оде», частично напечатанный в периодическом органе общества «Чтение в Беседе любителей русского слова» за 1811, 1812 и 1815 годы (часть трактата не опубликована до сих пор). Вместе с тем, в отличие от большинства членов «Беседы», Державин открыто сочувствовал новым литературным веяниям, издавна дружил с литературным соратником Карамзина, поэтом И. И. Дмитриевым; он приветствовал ранние литературные выступления самого Карамзина («Пой, Карамзин! — И в прозе Глас слышен соловьин», — писал он еще в 1791 году в концовке «Прогулки в Сарском селе»). И в дальнейшем Державин, вызывая крайнее неудовольствие Шишкова, «стоит горой» за Карамзина. Не менее характерно, что свою лиру Державин завещает романтику Жуковскому:

Тебе в наследие, Жуковский,
Я ветху лиру отдаю;
А я над бездной гроба скользкой
Уж преклоня чело стою.

В этих строках, сохранившихся в черновых бумагах Державина и набросанных им в самые последние годы жизни, сказывается еще одна прекрасная его черта: благожелательность к молодежи, шедшей ему на смену, душевная щедрость к своим поэтическим наследникам, неугасимая любовь к родной литературе. Еще ярче проявляется эта черта в энтузиазме, с которым встретил Державин прочитанные 15-летним Пушкиным на лицейском экзамене «Воспоминания в Царском селе». «Скоро явится свету второй Державин: это Пушкин. . .», — сказал он вскоре после этого С. Т. Аксакову (8, 975). «Благословение» сходящим в гроб Державиным нового «младого певца» и в сознании самого Пушкина и в глазах современников явилось своего рода символическим актом — установлением живой связи времен: литературного прошлого и литературного будущего, XVIII века и великой классической русской литературы.

В том же 1815 году вышла пятая часть собрания сочинений Державина; предполагал он издать и еще две части; но осуществить это не успел. Несомненно чувствуя все большее приближение к «бездне гроба» и словно бы желая лишний раз утвердить себя, свое бытие, он собственноручно надписал все экземпляры пятой части: *Г. Державин*,

Лето 1816 года поэт проводил, как всегда, со своей второй женой и близкими в Званке. 4 июля у него появились сердечные спазмы, 6 июля он начал писать свои последние стихи о реке времен, уносящей «все дела людей». В ночь с 8 на 9 июля (с 20 на 21 по новому стилю) Державин умер.

7

Сам Державин утверждал, что в своем творчестве он «шел, природой лишь водим» («Тончию», 1801), то есть руководствовался не правилами и предписаниями литературных направлений и школ, а стремлением быть верным жизни, действительности.

Кто вел его на Геликон
И управлял его шаги?
Не школ витийственных содом:
Природа, нужда и враги, —

писал Державин в одном из писем 1805 года, добавляя при этом: «Объяснение четырех сих строк составит историю моего стихотворства, причины оного и необходимость. . .» (6, 170). Поэт был здесь во многом прав.

Но в то же время принципы отражения в его стихах действительности — при всем их порой новаторстве — были ограничены конкретно-историческим этапом в развитии русской литературы. Поэзия Державина развивалась в русле классицизма. Своими учителями сам он прямо называл «Ломоносова, Хераскова и прочих» (6, 168). В число этих «прочих» надо включить Сумарокова, Василия Майкова, в какой-то степени Василия Петрова. В свое время Державин начал было даже переводить «кодекс» классицизма — знаменитый стихотворный трактат Буало «Искусство поэзии» («L'art poétique») (6, 168); усиленно штудировал Баттё. Высокий общественный, публицистический пафос, составляющий наиболее сильную сторону классицизма, связанная с этим дидактическая направленность, стремление сочетать с «приятным» «полезное», с «удовольствием» «поучение» — все это было органически близко Державину и нашло яркое выражение в его творчестве. Но одновременно в стихах Державина проступают совсем иные черты. Родоначальники двух основных стилей в русском классицизме — стиля риторической пышности, велелепия и стиля точности, простоты — Ломоносов и Сумароков были по особенностям своего творческого метода рационалистами, подходившими к воспроизведению действи-

тельности прежде всего умозрительно. Державин, который, наряду с «умом», объявляет своим вдохновителем «сердце» — чувство, в бо́льшей мере — сенсуалист. В своих стихах он стремится «живописать» ту действительность, которая воспринимается в непосредственном чувственном опыте.

Державин, для которого, по словам Белинского, «никакой предмет не казался низким», смело нарушая одно из основополагающих правил классицизма, «дерзнул, вопреки всем понятиям того времени о благородной и украшенной природе в искусстве, говорить о зайцах, о голодных волках, о медведях, о русском мужике и его добрых щах и пиве, дерзнул назвать зиму седою чародейкой, которая машет *косматым* рукавом».[1] Первым из всех наших поэтов-одописцев Державин спускается с высот одического Олимпа — мифологизированного обиталища «земных богов» — в сферу повседневной жизни обыкновенного человека; ярко изображает частный семейный быт — и свой собственный и своих современников. Это расширение, своеобразная «демократизация» круга явлений, «допускаемых» в лирическую поэзию, имели исключительно важное историко-литературное значение. И недаром даже Пушкин, очень ценивший включение Державиным в свои стихи «прозаических подробностей», уже в конце жизни, в период работы над «Езерским» и «Медным всадником», отстаивая право на введение в поэму «ничтожного героя» — мелкого петербургского чиновника, ссылался именно на Державина, который «двух своих соседов и смерть Мещерского воспел» («А знал ли их, скажите, мир?» — спрашивает Пушкин), как на своего предшественника.

Соответственно расчленению действительности по категориям «высокого» и «низкого», «возвышенного» и «смешного», в поэтике классицизма была разработана стройная иерархическая система строго отграниченных друг от друга, ни в каком случае не смешивавшихся между собой литературных жанров и столь же строго прикрепленных к каждому из них различных литературных «штилей». Поэзия Державина представляет во многом явное разрушение этой системы. «Педантские разделы лирических стихотворений я не очень уважаю» (6, 340), — заявляет он незадолго перед смертью в письме к историку и филологу Евгению Болховитинову, к которому обращено стихотворение «Евгению. Жизнь званская». «Высокое» содержание торжественно-хвалебной оды давалось Державиным в форме анакреонтической песни («Стихи на рождение в Севере порфирородного отрока»), одическое начало сливалось с элегическим («На смерть

---

[1] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. 7, М.—Л., 1955, стр. 291; т. 5, М.—Л., 1954, стр. 534.

князя Мещерского»), с сатирой («Видение мурзы», «Фелица») или ода прямо превращалась в сатиру («Вельможа»), включала в себя элементы басни и т. п.

С тем же явлением сталкиваемся мы во всей образной системе стихов Державина, в его стилистике. На протяжении одной и той же оды мы находим у него такие восходящие к совершенно различным стилистическим рядам строки, как «Небесные прошу я силы, Да их простря сафирны крылы» или «Где ангел кроткий, ангел мирний, Сокрытый в светлости порфирной, С небес ниспослан скиптр носить» и тут же, почти рядом: «Князья наседками не клохчут, Любимцы въявь им не хохочут И сажей не марают рож» («Фелица»).

Ломоносов, говоря в своей «Риторике» о метафорах, замечает: «К вещам высоким и важным непристойно переносить речений от вещей низких и подлых; например, *небо плюет* непристойно сказать вместо *дождь идет*». Державин опрокидывает и это правило. В его стихах мы встречаем такие «опрощенные» образы, как: «И смерть к нам смотрит чрез забор». А в одном из его шуточных стихотворений об осени говорится, что она «Подняв пред нами юбку, Дожди, как реки, прудит» («Желание зимы», 1787). По своей вызывающей дерзости этот образ не уступает не только наиболее резко пересмеивающим традиционные мифологические представления местам ироикомической поэмы «Елисей, или Раздраженный Вакх» старшего современника Державина Василия Майкова, но и нарочито озорным образам наших футуристов раннего периода их деятельности или иным подчеркнуто «мужицким» образам Сергея Есенина.

Точно такое же смешение «высокого» и «низкого» находим мы и в языке Державина. Уже Гоголь отмечал, что, если разъять «анатомическим ножом» слог Державина, — увидишь «необыкновенное соединение самых высоких слов с самыми низкими и простыми»,[1] при этом порой столь этнографически-экзотичными, что их не сыщешь ни в одном словаре. Это непосредственное наблюдение Гоголя полностью подтверждается не только присутствием в стихах Державина друг подле друга церковнославянских и просторечных, порой чисто народных слов, форм, синтаксических конструкций, но и своеобразным их взаимопроникновением. Специально занимавшийся изучением державинского языка редактор академического издания его сочинений Я. Грот указывает: «Часто церковнославянское слово является у Дер-

---

[1] Н. В. Гоголь. Полное собрание сочинений, т. 8. М., 1952, стр. 374.

жавина в народной форме и, наоборот, народное облечено в форму церковнославянскую».[1]

Все это придавало стихам Державина чрезвычайную стилистическую пестроту, а иногда и прямо хаотичность. Эту черту державинской поэзии подверг резкому осуждению Пушкин, который, перечтя в 1825 году в своей михайловской ссылке все пять частей стихотворений Державина, писал его горячему поклоннику Дельвигу: «Этот чудак не знал ни русской грамоты, ни духа русского языка (вот почему он и ниже Ломоносова). Он не имел понятия ни о слоге, ни о гармонии, ни даже о правилах стихосложения. Вот почему он и должен бесить всякое разборчивое ухо... читая его, кажется, читаешь дурной, вольный перевод с какого-то чудесного подлинника. Ей-богу, его гений думал по-татарски, а русской грамоты не знал за недосугом».[2] В этом явно полемически заостренном отзыве Пушкин и прав и неправ. Своеобразный языковой и жанровый хаос Державина возникает в результате разрушения им того порядка и строя, которые внесли в наш язык и литературу Ломоносов и Сумароков. Однако этот порядок и строй — при всей исторической значительности и плодотворности литературного дела Ломоносова и Сумарокова — был осуществлен ими в очень узких и ограниченных рамках поэтики классицизма. Снятие Державиным этих ограничений было делом, исторически весьма прогрессивным. Однако, разломав рамки жанровой и стилистической системы классицизма, Державин не смог дать новый, более высокий художественный синтез, поднять наше литературное развитие на качественно новую ступень. Смог это сделать только Пушкин. Но творчество Державина было важнейшим подготовительным этапом на этом пути.

Классицизм взрывался в поэзии Державина не только «изнутри», но и «извне» — в его творчество проник ряд черт, связанных с шедшими на смену классицизму новыми литературными направлениями. Державин издавна увлекался западноевропейскими «поэтами природы» и предромантиками (Клопшток, Юнг). В 90-е годы огромное впечатление произвели на него так называемые «Песни Оссиана», опубликованные в 1760—1765 годах английским писателем Макферсоном в качестве якобы подлинных произведений легендарного кельтского барда и оказавшие немалое влияние на развитие в европейских литературах сентиментализма и романтизма. Следы влияния «певца тума-

---

[1] «Язык Державина». — Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота, т. 9. СПб., 1883, стр. 337; к статье приложен — к сожалению, далеко не полный — «Словарь к стихотворениям Державина», стр. 356—444.

[2] Письмо от июня 1825 г. — Пушкин. Полное собрание сочинений, т. 13. М.—Л., 1937, стр. 181—182.

нов и морей», как назвал Оссиана Державин, сказались и на его творчестве, в частности на оде «Водопад». Во многом романтично представление Державина о поэте-пророке. В своем теоретическом трактате «Рассуждение о лирической поэзии или об оде», в котором Державин стремится установить теснейшую преемственную связь между своим творчеством и почти вековым развитием русской одописи, он в то же время, взамен рассудочного восторга поэтов-одописцев, выдвигает на первое место романтический принцип вдохновения. Ода «не есть, как некоторые думают, одно подражание природе, но и вдохновение оной... Она не наука, но огнь, жар, чувство», — заявляет Державин (7, 518). Характерно для творчества Державина его стремление к воссозданию национального колорита. Но ни нарушение Державиным канонов классицизма, ни все только что указанные черты его творчества никак не делают его поэтом-романтиком, каким склонны были считать его некоторые последующие критики — приверженцы романтизма. Против этого справедливо выступил еще Белинский: «Жуковский по преимуществу *романтик* так, как Державин по преимуществу *классик*, во внутреннем значении этих слов. Как северное сияние, роскошны и великолепны картины природы у Державина, но так же и внешни и холодны, как северное сияние... В изображениях природы у Державина вы не услышите *прозябания дольней лозы*». Тем не менее бесспорные элементы романтизма в творчестве Державина имеются. Недаром Жуковский писал ему: «Ваши стихотворения школа для поэта» (6, 341). Проявляется, по верному замечанию Белинского, в стихах Державина и то, чего не было ни у кого из его предшественников, — «черты народности, столь неожиданные и тем более поразительные в то время».[1] Как и многие его современники, Державин живо интересовался русским народным творчеством, известным ему и непосредственно и, в особенности, в литературных обработках писателей-современников — Чулкова, Попова, Левшина и др. Это особенно сказалось на некоторых его произведениях последнего периода (стихотворение «Атаману и войску Донскому», 1807, «романс»-поэма «Царь-девица», 1812 и др.). Однако «народность» этих произведений носит условно-литературный характер. Черты подлинной народности проявляются у Державина не в них, а рассеяны по всему его творчеству. Они сказываются в многочисленных и действительно чисто народных элементах его языка, в характере изображения русской природы и вообще картин русской жизни, проявляются, по словам Белинского, «в сгибе ума русского, в русском образе взгляда на вещи», особенно свойственном его сатирическим и шутливым «одам».

[1] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. 6. М.—Л., 1955, стр. 503.

В связи со всем этим проступают в творчестве Державина и элементы «поэзии действительности». Художник-живописец, Державин стремился писать «с натуры». «Часто заставал я его стоявшим неподвижно против окна и устремившим глаза свои к небу», — рассказывает в своих мемуарах И. И. Дмитриев: «Что вы думаете?» — однажды спросил я. — «Любуюсь облаками», — отвечал он. И через некоторое время после того вышли стихи, в которых он впервые назвал облака *краезлатыми*. В другой раз заметил я, что он за обедом смотрит на разварную щуку и что-то шепчет; спрашиваю тому причину. «А вот я думаю, — сказал он, — что если бы случилось мне приглашать в стихах кого-нибудь к обеду, то при исчислении блюд, какими хозяин намерен потчевать, можно бы сказать, что будет и *щука с голубым пером*». И мы через год или два услышали этот стих». И, действительно, во многих стихах Державина перед нами является реальный объективный мир — «природа внешняя», воссозданная точно и художественно убедительно. Однако изумительно живописные зарисовки отдельных сторон действительности в державинских стихах, при несомненной реалистичности деталей, при всей свежести красок, яркости отдельных цветных пятен и мазков, еще не слагаются у поэта в целостную реалистическую картину жизни. В стихах Державина изображение бытия чаще всего сводится к тщательному выписыванию быта, живописуемого с «фламандской» красочностью и пестротой, но не поднятого на высоту подлинно художественного обобщения, при котором частное, временное, случайное приобретает широкое общечеловеческое значение. Все у Державина еще настолько «около себя», так твердо прикреплено, можно сказать, приковано к месту и времени, конкретной обстановке, вещам, бытовым деталям, что без составленных поэтом специальных «объяснений» многое в его стихах было бы просто непонятно.

Поэзия Державина, как мы видели, во многом и существенном выплескивается из берегов классицизма, но, во многом и многом самый «беззаконный» из всех наших писателей-«классиков» XVIII века, Державин все же не перестает быть замечательнейшим представителем именно этого литературного направления. Державин порой смело отбрасывал каноны ломоносовской «Риторики». Однако его поэзия во многом еще оставалась откровенно риторичной. Замечательные по своей живописной яркости и верности натуре картины природы, созданные Державиным, зачастую являлись для самого поэта лишь поводом к последующей прямолинейно-дидактической аллегории, превращающей «приятное» в «полезное» (см., например, его стихотворения «Облако», «Павлин»). Уже Пушкин отмечал эстетическую неровность, а отсюда и неполноценность большинства его произведений.

«Он не только не выдерживает *оды*, но не может выдержать и строфы», — замечал Пушкин в уже цитированном письме к Дельвигу. А в письме к А. А. Бестужеву, написанном почти одновременно, подчеркивал: «Кумир Державина $^1/_4$ золотой, $^3/_4$ свинцовый...»[1] На анализе нескольких выдающихся стихотворений Державина, в частности его оды «Водопад», Белинский наглядно показывает эту «невыдержанность»: «Превосходнейшие стихи перемешаны у него с самыми прозаическими, пленительнейшие образы — с самыми грубыми и уродливыми».[2] Свойственной Державину риторичностью обусловлена и чрезмерная «длиннотность» его од, многие из которых по своему объему представляют собой целые поэмы. Этот недостаток — преобладание слов над мыслями, — который можно назвать «экстенсивностью» формы, недостаток, связанный со слабым развитием в ту пору русского поэтического языка и стиха, Державин делил со всей нашей литературой XVIII века. Этим же обусловлены и многочисленные языковые неправильности, порой прямо переходящие в неуклюжесть и стилистическую неслаженность, с которыми мы постоянно сталкиваемся в его стихах. Часто встречаемся мы в них и с сугубо неточными, а то и прямо неудачными рифмами, которые, в сущности, рифмами вовсе и не являются. «...куды как *зажурналилось* и по привычке к рифме хочется сказать: *затуманилось*...», — замечает в одном письме Державин (6, 153). Исходя из такого широкого понимания рифмы, Державин ничтоже сумняшеся рифмует: *притворства — потомства, прекрасны — изящны, смертных — небесных, Званка — балалайка, правду — награду* и даже: *ведать — впредь, одежд — свеч*. Подобные «рифмы», как и часто встречающиеся в стихах Державина случаи негармонического стечения звуков — какофонии, не могли не «бесить» Пушкина.

И в то же время Державин не только был наделен гениальным поэтическим дарованием (об этом Пушкин твердо заявлял в тех же письмах к Дельвигу и к Бестужеву), но и был замечательным, порой единственным в своем роде мастером, опыт которого во многом сохраняет свое значение вплоть до наших дней. Пусть в стихах Державина только на одну четверть золота, но зато золото это — высшей пробы.

В своих «Записках» Державин рассказывает об овладевавших им не раз состояниях высочайшего творческого подъема — вдохновения. Но, вдохновенный художник, он был вместе с тем очень строг и

---

[1] Письмо от конца мая — начала июня 1825 г. — Пушкин. Полное собрание сочинений, т. 13. М.—Л., 1937, стр. 178.

[2] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. 5. М.—Л., 1954, стр. 251.

взыскателен к себе в своем поэтическом труде. Свои стихотворения он обычно отделывал с тщательностью и упорством. Работа Державина над такими вещами, как «Бог», «Видение мурзы», «Водопад», шла в течение ряда лет. Огромный труд вкладывал он даже в свои стихотворные мелочи. Так, например, он рассказывает, что сделал *сорок* вариантов надписи на бюст адмирала Чичагова, порученной ему Екатериной II (6, 618). Очень много его стихотворений имеет по нескольку редакций, которым подчас предшествовали прозаические наброски и планы, — прием, к которому будет прибегать и Пушкин.

Державин считал поэзию «сестрой музыки» и вместе с тем называл ее «говорящей живописью». Картинность и музыкальность составляют два замечательных свойства его стихов, причем оба эти свойства проявляются у него с такой силой и так органически сочетаются друг с другом, как это редко бывает в творчестве одного и того же поэта. Эту особенность державинской поэзии подметила уже современная ему критика, точно определив его стихи как «картины для слуха и взора». Двойная одаренность поэта и живописца помогла Державину дать в своих стихах блестящие образцы подлинно «говорящей живописи». Изумительным колоризмом, яркостью, богатством красок отличаются и державинские картины природы и его натюрморты, вроде замечательного описания уставленного, точнее изубранного, «цветником» блюд обеденного стола в послании «Евгению. Жизнь званская». Некоторые «цветовые» эпитеты Державина поражают, помимо точности (например, «красно-желта ряса» осени), своей почти импрессионистической остротой. Так, он говорит о «лиловом» луче заходящего на взморье солнца («Весна», 1804) и даже о «лиловых устах» красавиц («Разные вина»). Правда, этот последний эпитет, видимо, показался Державину чрезмерно смелым, и в конце концов он заменил его более обычным — «пунцовых». Острый глаз художника-живописца умеет уловить, а перо поэта — зарисовать словами не только резкие, броские краски, но и оттенки, полутона, игру света и тени, неуловимые переливы из цвета в цвет. Вот в «сумрачном» небе — «из лент полоса», «огненна ткань» радуги: «Пурпур, лазурь, злато, багрянец, С зеленью тень, слиясь с серебром, Чудный отливный, блещущий глянец...» («Радуга»). Или вот описание «черно-зеленых в искрах» перьев павлина: «Лазурно-сизо-бирюзовы На каждого конце пера Тенисты круги, волны новы Струиста злата и сребра; Наклонит — изумруды блещут! Повернет — яхонты горят! .. Где ступит — радуги играют! Где станет — там лучи вокруг!» («Павлин», 1795). Широко прибегая к живописанию словами, Державин использует и все преимущества поэзии, позволяющей запечатлеть не только статику, но и динамику природы, передать последовательность

и смену явлений, показать мир в изменениях, в движении (см., например, описание «перемен» облака в стихотворении «Облако» или движения солнца к закату — «Евгению. Жизнь званская»).

Полностью реализует Державин в своих картинах природы и открываемую поэзией возможность выходить за пределы воспроизведения только зримого. Так, в стихотворении «Гром» (1806) Державин рисует картину грозы не только словами-красками, но и словами-звуками. Вообще в звуковом отношении державинские стихи не менее выразительны, чем в отношении их живописности, колоризма. Сам Державин, стремясь и здесь «подражать природе», придавал огромное значение звукоподражательности стиха. «Знаток, — пишет он в своем «Рассуждении о лирической поэзии или об оде», — тотчас примстит, согласна ли поэзия с музыкою в своих понятиях, в своих чувствах, в своих картинах и, наконец, в подражании природе. Например: свистит ли выговор стиха и тон музыки при изображении свистящего или шипящего змия, подобно ему; грохочет ли гром, журчит ли источник, бушует ли лес, смеется ли роща — при описании раздающегося гула первого, тихобормочущего течения второго, мрачно-унылого завывания третьего и веселых отголосков четвертой» (7, 571). В качестве примера «звукоподражания» Державин приводит строку из своего стихотворения «Мой истукан». Склонный к автоиронии, поэт представляет себе, что его мраморный бюст будет сброшен потомками и скатится по длинной лестнице царскосельской Камероновой галереи, в которой были поставлены бюсты «славных мужей»: «Стуча с крыльца ступень с ступени» (сту... сту... сту...). И у Державина можно найти много таких звукоподражательных строк: «И гул глухой в глуши гудет» (гул... глу... глу... гу...) или «Затихла тише тишина» (ти... ти... ти...). Очень часто стих Державина обладает необычайной мощью звуков, огромной силой звуковой изобразительности. Таковы хотя бы следующие строфы «Водопада», в которых создана единственная в своем роде «картина для слуха» — ощутимо переданы самые разнообразные звуки — от шороха до рева и многократно, отражениями эха в горах, умноженного грома:

Он спит — и в сих мечтах веселых
Внимает *завыванье* псов,
Рев ветров, *скрып* дерев дебелых,
Стенанье филинов и сов,
И вещий *глас* вдали животных,
И тихий *шорох* вкруг бесплотных.
Он слышит: *сокрушилась* ель,
Станица вранов *встрепетала*,

Кремнистый холм дал страшну щель,
Гора с богатствами *упала*.
Грохочет эхо по *горам*,
Как *гром гремящий* по *громам*.

Очень большое значение придавал поэт «сладкогласию» и «сладкозвучию» стихов. По Державину, они выражаются прежде всего в «чистом и гладко текущем слоге, чтоб он легок был к выговору, удобен к положению на музыку», т. е. в музыкальности самого стиха (7, 571). И Державину удалось, говоря его же термином, замечательно «одоброгласить» русский стих, создать классические образцы музыкальной плавности, «гладкотекущести». Таково, например, знаменитое начало «Видения мурзы», о котором столь выдающийся мастер гармонического музыкального стиха, как Батюшков, отозвался: «Я не знаю плавнее этих стихов»:

На темно-голубом эфире
Златая плавала луна...
Сквозь окны дом мой освещала
И палевым своим лучом
Златые стекла рисовала
На лаковом полу моем.

Легко заметить, что эти строки построены в основном на повторении одного из наиболее музыкальных звуков, плавного *л* (в частности, настойчиво, в иных строках по три раза, повторяется звукосочетание *ла*), и почти совершенном отсутствии *р* (в приведенных строках встречается только два раза при целых тринадцати *л*). Для того чтобы еще нагляднее показать свойственные русскому языку «изобилие, гибкость, легкость и вообще способность к выражению самых нежнейших чувствований», Державин пишет целых десять стихотворений, в которых, как он сам указывает в предисловии к сборнику своих «Анакреонтических песен», «буквы *р* совсем не употреблено» (7, 512). При этом, однако, Державин никогда не жертвовал смыслом ради звуков. И в строке одного из таких стихотворений: «На высоком миг холму» заменил «миг» на более ясное и точное «вдруг», хотя в этом слове имеется звук *р*. «О Державине смело можно сказать, что он со всех точек зрения оказался наиболее «музыкальным» из русских поэтов XVIII века», — пишет современный нам исследователь-музыковед.[1] Правда, следует подчеркнуть, что наряду с подобной «легкостью» и «сладкогласием» стихи Державина часто отличаются прямо противоположными и столь раздражавшими Пушкина черта-

[1] Т. Ливанова. Русская музыкальная культура XVIII века в ее связях с литературой, театром и бытом, т. 1. М., 1952, стр. 184.

ми — крайней жесткостью, шероховатостью, сгустками согласных, затрудненностью в расстановке слов.

Выдающимся мастером выказал себя Державин также в области метрики и ритмики. Его «вольный стих», который он первым дерзнул перенести из жанра басни в жанры «высокой» лирики, отличается подчас замечательной изобразительностью. Вот как, например, рисует он явление музы, слетающей к поэту, «как зефир», «как резвый ветерочек» («Любителю художеств», 1791).

Как легкая серна́
Из дола в дол, с холма на холм
Перебегает;
Как белый голубок, она
То вниз, то вверх под облачком
Перелетает...

Позволяет себе Державин и еще бо́льшую метрическую «дерзость»: пишет иногда «смешением мер» — соединением различных стихотворных размеров. Вот начало именно так написанного стихотворения его «Ласточка»:

О домовитая ласточка!
О милосизая птичка!
Грудь краснобела, касаточка,
Летняя гостья, певичка!
Ты часто по кровлям щебечешь,
Над гнездышком сидя, поешь,
Крылышками движешь, трепещешь,
Колокольчиком в горлышке бьешь.

Это смелое новаторство Державина не было принято даже его ближайшими литературными друзьями, и поэт В. В. Капнист предложил заменить авторскую редакцию «Ласточки» другой, составленной им самим по обычной схеме четырехстопного ямба:

О домовита сиза птичка,
Любезна ласточка моя,
Весення гостья и певичка!
Опять тебя здесь вижу я.

Не приходится доказывать, насколько капнистовская редакция обедняет ритмическую выразительность стихотворения, и не удивительно, что Державин решительно отверг ее.

Необыкновенно богата и разнообразна строфика Державина. Он был буквально неистощим в изобретении все новых и новых строф самых разных объемов с самой различной и подчас весьма причуд-

ливой рифмовкой, с сочетанием рифмующихся и белых стихов и т. п. В этом отношении с Державиным едва ли может идти в сравнение кто-либо другой в нашей поэзии.

Все многочисленные и разнообразные отклонения Державина от существовавших норм, все его творческие искания и дерзания были закономерно вызваны тем новым содержанием, которое вносил он в поэзию и для которого, естественно, пытался найти новые способы и средства художественной выразительности. Сколько-нибудь полно осуществить это в тех исторических и историко-литературных условиях, в которых протекало его творчество, на том уровне, которого достигло в его время развитие русского литературного языка и русского стиха, Державин не смог. Справедливо считая Пушкина первым подлинно и во всех отношениях совершенным «поэтом-художником Руси», Белинский признавал, что и стихи Державина уже были «преисполнены элементов поэзии как искусства», но именно только элементов, только «проблесков художественности». [1]

Начатое Державиным нашло свое гармоническое художественное завершение в творчестве Пушкина. Но даже Пушкин не реализовал всех возможностей, заключенных в поэзии Державина. Этим объясняется то, что и после Пушкина она продолжала оказывать прямое воздействие на ряд позднейших явлений нашей литературы. Яркая красочность и ослепительный блеск державинских зарисовок природы сказались на пейзажной манере Гоголя — автора «Вечеров на хуторе близ Диканьки» — так же, как патетический образ Руси, русского размаха и богатырства отозвался в лирических отступлениях «Мертвых душ». Предпринятые Державиным опыты «смешения мер» были продолжены Тютчевым, в лирике которого вообще своеобразно отразилась державинская стилистическая струя, и нашли полное развитие в русской поэзии XX века. Некоторые представители так называемых модернистских течений первых десятилетий XX века — символизма, акмеизма — пытались следовать державинской традиции. Однако попытки их носили главным образом формальный характер: высокий общественный пафос державинской поэзии, ее героика, наконец ее столь мощная подчас сатирическая сила оставались им чужды. Зато некоторые аналогии «смешанному» жанру од Державина, соединившему воспевание с шуткой и сатирой, его «шуточному тону», который вместе с тем «есть истинно высокий, лирический тон» (Белинский), [2] можно найти в творчестве Маяковского.

---

[1] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. 7. М.—Л., 1955, стр. 117.

[2] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. 6. М.—Л., 1955, стр. 645.

Громадно и непосредственное историко-литературное значение поэзии Державина. В стихах Державина впервые в нашей литературе по-настоящему предстает личность поэта, т. е. то, что составляет жизнь и душу лирической поэзии. Дальнейшим развитием и замечательным углублением этого художественного открытия Державина явилась одухотворенная, мелодическая, но и бесплотная поэзия Жуковского. С огромной художественной выразительностью живописал Державин в своих стихах внешний мир, окружающую поэта действительность. Дальнейшее развитие это качество державинской поэзии нашло в пластической, чувственно-материальной поэзии Батюшкова. Вместе с тем, разрушая строй и лад жанровой и языковой иерархии классицизма, Державин расчищал дорогу тому новому и высшему синтезу, который явило собой — слившее воедино стихии и Батюшкова и Жуковского — творчество родоначальника новой русской литературы Пушкина. Отделяя «золото» от «свинца», резко отталкиваясь от слабых сторон поэзии Державина, Пушкин органически вобрал в себя все наиболее выдающиеся ее достижения. С характерной для него диалектической глубиной и лапидарностью формулировок о теснейшей исторической преемственности Пушкина по отношению к Державину сказал Белинский: «Поэзия Державина есть безвременно явившаяся... поэзия пушкинская, а поэзия пушкинская есть вовремя явившаяся... поэзия державинская».

Д. Благой

СТИХОТВОРЕНИЯ

ОБЪЯВЛЕНИЕ ЛЮБВИ

Хоть вся теперь природа дремлет,
Одна моя любовь не спит;
Твои движенья, вздохи внемлет
И только на тебя глядит.

Приметь мои ты разговоры,
Помысль о мне наедине;
Брось на меня приятны взоры,
И нежностью ответствуй мне.

Единым отвечай воззреньем
И мысль свою мне сообщи:
Что с тем сравнится восхищеньем,
Как две сольются в нас души?

Представь в уме сие блаженство
И ускоряй его вкусить:
Любовь лишь с божеством равенство
Нам может в жизни сей дарить.

1770

ПЛАМИДЕ

Не сожигай меня, Пламида,
Ты тихим голубым огнем
Очей твоих; от их я вида
Не защищусь теперь ничем.

Хоть был бы я царем вселенной,
Иль самым строгим мудрецом, —
Приятностью, красой сраженный,
Твоим был узником, рабом.

Всё: мудрость, скипетр и державу
Я отдал бы любви в залог,
Принес тебе на жертву славу,
И у твоих бы умер ног.

Но, слышу, просишь ты, Пламида,
В задаток несколько рублей;
Гнушаюсь я торговли вида,
Погас огонь в душе моей.

1770

НИНЕ

Не лобызай меня так страстно,
Так часто, нежный, милый друг!
И не нашептывай всечасно
Любовных ласк своих мне в слух;
Не падай мне на грудь в восторгах,
Обняв меня, не обмирай.

Нежнейшей страсти пламя скромно;
А ежели чрез меру жжет,
И удовольствий чувство полно, —
Погаснет скоро и пройдет.
И, ах! тогда придет вмиг скука,
Остуда, отвращенье к нам.

Желаю ль целовать стократно,
Но ты целуй меня лишь раз,
И то пристойно, так, бесстрастно,
Без всяких сладостных зараз,
Как брат сестру свою целует:
То будет вечен наш союз.

1770

РАЗЛУКА

Неизбежным нашим роком
Расстаешься ты со мной.
Во стенании жестоком
Я прощаюся с тобой.

Обливаяся слезами,
Скорби не могу снести;
Не могу сказать словами —
Сердцем говорю: прости!

Руки, грудь, уста и очи
Лобызаю у тебя.
Нету силы, нету мочи
Отделиться от тебя:

Лобызаю, умираю,
Тебе душу отдаю,
Иль из уст твоих желаю
Душу взять с собой твою.

1776

ПИКНИКИ

Оставя беспокойство в граде
И всё, смущает что умы,
В простой приятельской прохладе
Свое проводим время мы.

Невинны красоты природы
По холмам, рощам, островам,
Кустарники, луга и воды —
Приятная забава нам.

Мы положили меж друзьями
Законы равенства хранить;
Богатством, властью и чинами
Себя отнюдь не возносить.

Но если весел кто, забавен,
Любезнее других тот нам;
А если скромен, благонравен,
Мы чтим того не по чинам.

Нас не касаются раздоры,
Обидам места не даем;
Но, души всех, сердца и взоры
Совокупя, веселье пьем.

У нас не стыдно и герою
Повиноваться красотам;
Всегда одной дышать войною
Прилично варварам, не нам.

У нас лишь для того собранье,
Чтоб в жизни сладость почерпать;
Любви и дружества желанье —
Между собой цветы срывать.

Кто ищет общества, согласья,
Приди повеселись у нас;
И то для человека счастье,
Когда один приятен час.

1776

МОДНОЕ ОСТРОУМИЕ

Не мыслить ни о чем и презирать сомненье,
На всё давать тотчас свободное решенье,
Не много разуметь, о многом говорить;
Быть дерзку, но уметь продерзостями льстить;
Красивой пустошью плодиться в разговорах,
И другу и врагу являть приятство в взорах;
Блистать учтивостью, но, чтя, пренебрегать,
Смеяться дуракам и им же потакать,
Любить по прибыли, по случаю дружиться,
Душою подличать, а внешностью гордиться,
Казаться богачом, а жить на счет других;
С осанкой важничать в безделицах самих;

Къ царевнѣ Фелицѣ

Богоподобная Царевна
Киргизкайсацкія орды!
Которой мудрость несравненна
Открыла вѣрные слѣды,
Царевичу младому Хлору[6]
Взойти на ту высоку гору,
Гдѣ роза безъ шиповъ растетъ,
Гдѣ добродѣтель обитаетъ:
Она мой духъ и умъ плѣняетъ,
Подай, найти ее, совѣтъ.

Для острого словца шутить и над законом,
Не уважать отцом, ни матерью, ни троном;
И, словом, лишь умом в поверхности блистать,
В познаниях одни цветы только срывать,
Тот узел рассекать, что развязать не знаем, —
Вот остроумием что часто мы считаем!

1776

КРУЖКА

Краса пирующих друзей,
Забав и радостей подружка,
Предстань пред нас, предстань скорей,
Большая сребряная кружка!
Давно уж нам в тебя пора
Пивца налить
И пить:
Ура! ура! ура!

Ты дщерь великого ковша,
Которым предки наши пили;
Веселье их была душа,
В пирах они счастливо жили.
И нам, как им, давно пора
Счастливым быть
И пить:
Ура! ура! ура!

Бывало, старики в вине
Свое всё потопляли горе,
Дралися храбро на войне:
Вить пьяным по колени море!
Забыть и нам всю грусть пора,
Отважным быть
И пить:
Ура! ура! ура!

Бывало, дольше длился век,
Когда диет не наблюдали;
Был здрав и счастлив человек,
Как только пили да гуляли.

Давно гулять и нам пора,
Здоровым быть
И пить:
Ура! ура! ура!

Бывало, пляска, резвость, смех,
В хмелю друг друга обнимают;
Теперь наместо сих утех
Жеманством, лаской угощают.
Жеманство нам прогнать пора,
Но просто жить
И пить:
Ура! ура! ура!

В садах, бывало, средь прохлад
И жены с нами куликают,
А ныне клоб да маскерад
И жен уж с нами разлучают;
Французить нам престать пора,
Но Русь любить
И пить:
Ура! ура! ура!

Бывало, друга своего —
Теперь карманы посещают;
Где вист, да банк, да макао,
На деньги дружбу там меняют.
На карты нам плевать пора,
А скромно жить
И пить:
Ура! ура! ура!

О сладкий дружества союз,
С гренками пивом пенна кружка!
Где ты наш услаждаешь вкус,
Мила там, весела пирушка.
Пребудь ты к нам всегда добра,
Мы станем жить
И пить:
Ура! ура! ура!

1777

НЕВЕСТЕ

Хотел бы похвалить, но чем начать, не знаю.
Как роза, ты нежна; как ангел, хороша;
Приятна, как Любовь; любезна, как Душа;
Ты лучше всех похвал, — тебя я обожаю.

Нарядом мнят придать красавице приятство.
Но льзя ль алмазами милей быть дурноте?
Прелестнее ты всех в невинной простоте:
Теряет на тебе сияние богатство.

Лилеи на холмах груди твоей блистают,
Зефиры кроткие во нрав тебе даны,
Долинки на щеках — улыбки зарь, весны;
На розах уст твоих — соты благоухают.

Как по челу власы ты рассыпаешь черны,
Румяная заря глядит из темных туч;
И понт как голубый пронзает звездный луч,
Так сердца глубину провидит взгляд твой скромный.

Но я ль, описывать красы твои дерзая,
Все прелести твои изобразить хочу?
Чем больше я прельщен, тем больше я молчу:
Собор в тебе утех, блаженство вижу рая!

Как счастлив смертный, кто с тобой проводит время!
Счастливее того, кто нравится тебе.
В благополучии кого сравню себе,
Когда златых оков твоих несть буду бремя?

1776, 1778

КЛЮЧ

Седящ, увенчан осокóю,
В тени развесистых древес,
На урну облегшись рукою,
Являющий лице небес
Прекрасный вижу я источник.

Источник шумный и прозрачный,
Текущий с горной высоты,

Луга поящий, долы злачны,
Кропящий перлами цветы,
О, коль ты мне приятен зришься!

Ты чист — и восхищаешь взоры,
Ты быстр — и утешаешь слух;
Как серна скачуща на горы,
Так мой к тебе стремится дух,
Желаньем петь тебя горящий.

Когда в дуги твои сребристы
Глядится красная заря,
Какие пурпуры огнисты
И розы пламенны, горя,
С паденьем вод твоих катятся!

Гора, в день стадом покровенну,
Себя в тебе, любуясь, зрит;
В твоих водах изображенну
Дуброву ветерок струит,
Волнует жатву золотую.

Багряным брег твой становится,
Как солнце катится с небес;
Лучом кристалл твой загорится,
В дали начнет синеться лес,
Туманов море разольется.

О! коль ночною темнотою
Приятен вид твой при луне,
Как бледны холмы над тобою
И рощи дремлют в тишине,
А ты один, шумя, сверкаешь!

Сгорая стихотворства страстью,
К тебе я прихожу, ручей:
Завидую пиита счастью,
Вкусившего воды твоей,
Парнасским лавром увенчанна.

Напой меня, напой тобою,
Да воспою подобно я,

И с чистою твоей струею
Сравнится в песнях мысль моя,
А лирный глас — с твоим стремленьем.

Да честь твоя пройдет все грады,
Как эхо с гор сквозь лес дремуч:
Творца бессмертной Россиады,
Священный Гребеневский ключ,
Поил водой ты стихотворства.

1779

НА СМЕРТЬ КНЯЗЯ МЕЩЕРСКОГО

Глагол времен! металла звон!
Твой страшный глас меня смущает;
Зовет меня, зовет твой стон,
Зовет — и к гробу приближает.
Едва увидел я сей свет,
Уже зубами смерть скрежещет,
Как молнией, косою блещет,
И дни мои, как злак, сечет.

Ничто от роковых кохтей,
Никая тварь не убегает;
Монарх и узник — снедь червей,
Гробницы злость стихий снедает;
Зияет время славу стерть:
Как в море льются быстры воды,
Так в вечность льются дни и годы;
Глотает царства алчна смерть.

Скользим мы бездны на краю,
В которую стремглав свалимся;
Приемлем с жизнью смерть свою,
На то, чтоб умереть, родимся.
Без жалости всё смерть разит:
И звезды ею сокрушатся,
И солнцы ею потушатся,
И всем мирам она грозит.

Не мнит лишь смертный умирать
И быть себя он вечным чает;

Приходит смерть к нему, как тать,
И жизнь внезапу похищает.
Увы! где меньше страха нам,
Там может смерть постичь скорее;
Ее и громы не быстрее
Слетают к гордым вышинам.

Сын роскоши, прохлад и нег,
Куда, Мещерской! ты сокрылся?
Оставил ты сей жизни брег,
К брегам ты мертвых удалился;
Здесь персть твоя, а духа нет.
Где ж он? — Он там. — Где там? — Не знаем.
Мы только плачем и взываем:
«О, горе нам, рожденным в свет!»

Утехи, радость и любовь
Где купно с здравием блистали,
У всех там цепенеет кровь
И дух мятется от печали.
Где стол был яств, там гроб стоит;
Где пиршеств раздавались лики,
Надгробные там воют клики,
И бледна смерть на всех глядит.

Глядит на всех — и на царей,
Кому в державу тесны миры;
Глядит на пышных богачей,
Что в злате и сребре кумиры;
Глядит на прелесть и красы,
Глядит на разум возвышенный,
Глядит на силы дерзновенны
И точит лезвие косы.

Смерть, трепет естества и страх!
Мы — гордость с бедностью совместна;
Сегодня бог, а завтра прах;
Сегодня льстит надежда лестна,
А завтра: где ты, человек?
Едва часы протечь успели,
Хаоса в бездну улетели,
И весь, как сон, прошел твой век.

Как сон, как сладкая мечта,
Исчезла и моя уж младость;
Не сильно нежит красота,
Не столько восхищает радость,
Не столько легкомыслен ум,
Не столько я благополучен;
Желанием честей размучен,
Зовет, я слышу, славы шум.

Но так и мужество пройдет
И вместе к славе с ним стремленье;
Богатств стяжание минет,
И в сердце всех страстей волненье
Прейдет, прейдет в чреду свою.
Подите счастьи прочь возможны,
Вы все пременны здесь и ложны:
Я в дверях вечности стою.

Сей день, иль завтра умереть,
Перфильев! должно нам конечно, —
Почто ж терзаться и скорбеть,
Что смертный друг твой жил не вечно?
Жизнь есть небес мгновенный дар;
Устрой ее себе к покою,
И с чистою твоей душою
Благословляй судеб удар.

1779

НА РОЖДЕНИЕ В СЕВЕРЕ ПОРФИРОРОДНОГО ОТРОКА

С белыми Борей власами
И с седою бородой,
Потрясая небесами,
Облака сжимал рукой;
Сыпал инеи пушисты
И метели воздымал,
Налагая цепи льдисты,
Быстры воды оковал.
Вся природа содрогала
От лихого старика;

Землю в камень претворяла
Хладная его рука;
Убегали звери в норы,
Рыбы крылись в глубинах,
Петь не смели птичек хоры,
Пчелы прятались в дуплах;
Засыпали нимфы с скуки
Средь пещер и камышей,
Согревать сатиры руки
Собирались вкруг огней.
В это время, столь холодно,
Как Борей был разъярен,
Отроча порфирородно
В царстве Северном рожден.
Родился — и в ту минуту
Перестал реветь Борей;
Он дохнул — и зиму люту
Удалил Зефир с полей;
Он воззрел — и солнце красно
Обратилося к весне;
Он вскричал — и лир согласно
Звук разнесся в сей стране;
Он простер лишь детски руки —
Уж порфиру в руки брал;
Раздались громовы звуки,
И весь Север воссиял.
Я увидел в восхищеньи
Растворен судеб чертог;
Я подумал в изумленьи:
Знать, родился некий бог.
Гении к нему слетели
В светлом облаке с небес;
Каждый гений к колыбели
Дар рожденному принес:
Тот принес ему гром в руки
Для предбудущих побед;
Тот художества, науки,
Украшающие свет;
Тот обилие, богатство,
Тот сияние порфир;
Тот утехи и приятство,
Тот спокойствие и мир;

Тот принес ему телесну,
Тот душевну красоту;
Прозорливость тот небесну,
Разум, духа высоту.
Словом, все ему блаженствы
И таланты подаря,
Все влияли совершенствы,
Составляющи царя;
Но последний, добродетель
Зарождаючи в нем, рек:
Будь страстей твоих владетель,
Будь на троне человек!
Все крылами восплескали,
Каждый гений восклицал:
Се божественный, вещали,
Дар младенцу он избрал!
Дар, всему полезный миру!
Дар, добротам всем венец!
Кто приемлет с ним порфиру,
Будет подданным отец!
Будет, — и Судьбы гласили, —
Он монархам образец!
Лес и горы повторили:
Утешением сердец!
Сим Россия восхищенна
Токи слезны пролила,
На колени преклоненна,
В руки отрока взяла;
Восприяв его, лобзает
В перси, очи и уста;
В нем геройство возрастает,
Возрастает красота.
Все его уж любят страстно,
Всех сердца уж он возжег:
Возрастай, дитя прекрасно!
Возрастай, наш полубог!
Возрастай, уподобляясь
Ты родителям во всем;
С их ты матерью равняясь,
Соравняйся с божеством.

1779

К ПЕРВОМУ СОСЕДУ

Кого роскошными пирами
На влажных невских островах,
Между тенистыми древами,
На мураве и на цветах,
В шатрах персидских златошвенных,
Из глин китайских драгоценных,
Из венских чистых хрусталей,
Кого толь славно угощаешь,
И для кого ты расточаешь
Сокровищи казны твоей?

Гремит музы́ка, слышны хоры
Вкруг лакомых твоих столов;
Сластей и ананасов горы
И множество других плодов
Прельщают чувствы и питают;
Младые девы угощают,
Подносят вина чередой,
И алиатико с шампанским,
И пиво русское с британским,
И мозель с зельцерской водой.

В вертепе мраморном, прохладном,
В котором льется водоскат,
На ложе роз благоуханном,
Средь лени, неги и отрад,
Любовью распаленный страстной,
С младой, веселою, прекрасной
И нежной нимфой ты сидишь;
Она поет, ты страстью таешь,
То с ней в весельи утопаешь,
То, утомлен весельем, спишь.

Ты спишь, — и сон тебе мечтает,
Что ввек благополучен ты,
Что само небо рассыпает
Блаженства вкруг тебя цветы;
Что парка дней твоих не косит,

Что откуп вновь тебе приносит
Сибирски горы серебра
И дождь златый к тебе лиется. —
Блажен, кто поутру проснется
Так счастливым, как был вчера!

Блажен! кто может веселиться
Беспрерывно в жизни сей;
Но редкому пловцу случится
Безбедно плавать средь морей:
Там бурны дышат непогоды,
Горам подобно гонят воды
И с пеною песок мутят.
Петрополь сосны осеняли —
Но, вихрем пораженны, пали,
Теперь корнями вверх лежат.

Непостоянство доля смертных,
В пременах вкуса счастье их;
Среди утех своих несметных
Желаем мы утех иных;
Придут, придут часы те скучны,
Когда твои ланиты тучны
Престанут грации трепать;
И, может быть, с тобой в разлуке
Твоя уж Пенелопа в скуке
Ковер не будет распускать.

Не будет, может быть, лелеять
Судьба уж более тебя
И ветр благоприятный веять
В твой парус: береги себя!
Доколь текут часы златые
И не приспели скорби злые,
Пей, ешь и веселись, сосед!
На свете жить нам время срочно;
Веселье то лишь непорочно,
Раскаянья за коим нет.

1780

ВЛАСТИТЕЛЯМ И СУДИЯМ

Восстал всевышний бог, да судит
Земных богов во сонме их;
Доколе, рек, доколь вам будет
Щадить неправедных и злых?

Ваш долг есть: сохранять законы,
На лица сильных не взирать,
Без помощи, без обороны
Сирот и вдов не оставлять.

Ваш долг: спасать от бед невинных,
Несчастливым подать покров;
От сильных защищать бессильных,
Исторгнуть бедных из оков.

Не внемлют! видят — и не знают!
Покрыты мздою очеса:
Злодействы землю потрясают,
Неправда зыблет небеса.

Цари! Я мнил, вы боги властны,
Никто над вами не судья,
Но вы, как я подобно, страстны,
И так же смертны, как и я.

И вы подобно так падете,
Как с древ увядший лист падет!
И вы подобно так умрете,
Как ваш последний раб умрет!

Воскресни, боже! боже правых!
И их молению внемли:
Приди, суди, карай лукавых,
И будь един царем земли!

1780(?)

НА НОВЫЙ ГОД

Рассекши огненной стезею
Небесный синеватый свод,
Багряной облечен зарею,
Сошел на землю новый год;
Сошел — и гласы раздалися,
Мечты, надежды понеслися
Навстречу божеству сему.

Гряди, сын вечности прекрасный!
Гряди, часов и дней отец!
Зовет счастливый и несчастный:
Подай желаниям венец!
И самого среди блаженства
Желаем блага совершенства,
И недовольны мы судьбой.

Еще вельможа возвышаться,
Еще сильнее хочет быть;
Богач богатством осыпаться,
И горы злата накопить;
Герой бессмертной жаждет славы,
Корысти — льстец, Лукулл — забавы,
И счастия игрок в игре.

Мое желание: предаться
Всевышнего во всем судьбе,
За счастьем в свете не гоняться,
Искать его в самом себе.
Меня здоровье, совесть права,
Достаток нужный, добра слава
Творят счастливее царей.

А если милой и приятной
Любим Пленирой я моей,
И в светской жизни коловратной
Имею искренних друзей,
Живу с моим соседом в мире,
Умею петь, играть на лире, —
То кто счастливее меня?

От должностей в часы свободны
Пою моих я радость дней;
Пою творцу хвалы духовны
И добрых я пою царей.
Приятней гласы становятся,
И слезы нежности катятся,
Как россов матерь я пою.

Петры, и Генрихи, и Титы
В народных век живут сердцах;
Екатерины не забыты
Пребудут в тысящи веках.
Уже я вижу монументы,
Которых свергнуть элементы
И время не имеют сил.

Декабрь 1780 или январь 1781

НА ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ МЕЦЕНАТА

Кровавая луна блистала
Чрез покровенный ночью лес,
На море мрачном простирала
Столбом багровый свет с небес,
По огненным зыбям мелькая.
Я видел, в лодке некто плыл;
Тут ветер, страшно завывая,
Ударил в лес — и лес завыл;
Из бездн восстали пенны горы,
Брега пустили томный стон;
Сквозь бурные стихиев споры
Зияла тьма со всех сторон.

Ко брегу лодка приплывала,
Приближилась она ко мне;
Тень белая на ней мелькала,
Как образ мраморный во тьме.
Утих шум рощ, умолк рев водный,
Лишь стонут в тишине часы;
Стремится пот по мне холодный,
И дыбом восстают власы;
На брег из лодки вылезает

Старик угрюмый и седой
И, озираясь, подпирает
Себя ужасною косой.

Тогда по брегу раздалися
Надгробный плач и вой людей,
Отвсюду к старику сошлися
Бесчисленны толпы теней;
Прискорбны, бледны и безгласны,
Они, потупя взоры, шли;
Цепями фурии ужасны
К морскому брегу их вели.
Старик кровавыми кохтями
К себе на лодку их влечет:
Богач и нищ, рабы с царями,
Все равно оставляют свет.

Уж в лодке многие мечтались
Знакомые и мне черты,
Другие к оной приближались;
Меж их, Шувалов! был и ты.
И ты, друг муз, друг смертных роду,
Фарос младых вельмож и мой!
И ты Коцита зрел уж воду;
Коса смертельна над тобой,
Рассекши мрак густой, сверкала,
Подобно как перун с небес;
Эреба бездна уж зияла,
И ногу в вечность ты занес.

Болезнь и страх неизреченный
Тогда стеснили грудь мою:
«Кем добродетели почтенны,
Кто род и сан и жизнь свою
Старался тем единым славить,
Чтоб ближнему благотворить,
Потомству храм наук оставить,
Тому ли век толь краткий жить?
Ужель враг чести и пороку,
И злой и добрый человек
Единому подвластны року?
О боже праведный!» — я рек.

Но вдруг средь облака златого
На крыльях утренней зари
Во зраке божества младого,
Которого рабы, цари,
Все люди равномерно-любят,
Но все не равно берегут;
Которого лень, роскошь губят,
Крепят умеренность и труд, —
Здоровье — дар небес бесценный —
Слетело в твой чертог и, взяв
В златом сосуде сок врачебный,
Кропя тебя, рекло: будь здрав!

Ты здрав! Хор муз, тебе любезных,
Драгую жизнь твою любя,
Наместо кипарисов слезных,
Венчают лаврами тебя.
Прияв одна трубу златую,
Другая строя лирный глас,
Та арфу, та свирель простую,
Воспели, — и воспел Парнас:
«Живи, наукам благодетель!
Твоя жизнь ввек цвести должна;
Не умирает добродетель,
Бессмертна музами она».

Бессмертны музами Периклы,
И Меценаты ввек живут.
Подобно память, слава, титлы
Твои, Шувалов, не умрут.
Великий Петр к нам ввел науки,
А дщерь его ввела к нам вкус;
Ты, к знаньям простирая руки,
У ней предстателем был муз;
Досель гремит нам в «Илиаде»
О Несторах, Улиссах гром, —
Равно бессмертен в «Петриаде»
Ты Ломоносовым пером.

<1781>

РАЗНЫЕ ВИНА

Вот красно-розово вино,
За здравье выпьем жен румяных.
Как сердцу сладостно оно
Нам с поцелуем уст багряных!
Ты тож румяна, хороша, —
Так поцелуй меня, душа!

Вот черно-тинтово вино,
За здравье выпьем чернобровых.
Как сердцу сладостно оно
Нам с поцелуем уст пунцовых!
Ты тож, смуглянка, хороша, —
Так поцелуй меня, душа!

Вот злато-кипрское вино,
За здравье выпьем светловласых.
Как сердцу сладостно оно
Нам с поцелуем уст прекрасных!
Ты тож, белянка, хороша, —
Так поцелуй меня, душа!

Вот слезы ангельски вино,
За здравье выпьем жен мы нежных.
Как сердцу сладостно оно
Нам с поцелуем уст любезных!
Ты тож нежна и хороша, —
Так поцелуй меня, душа!

1782

ФЕЛИЦА

Богоподобная царевна
Киргиз-Кайсацкия орды!
Которой мудрость несравненна
Открыла верные следы
Царевичу младому Хлору
Взойти на ту высоку гору,
Где роза без шипов растет,
Где добродетель обитает, —
Она мой дух и ум пленяет,
Подай найти ее совет.

Подай, Фелица! наставленье:
Как пышно и правдиво жить,
Как укрощать страстей волненье
И счастливым на свете быть?
Меня твой голос возбуждает,
Меня твой сын препровождает;
Но им последовать я слаб.
Мятясь житейской суетою,
Сегодня властвую собою,
А завтра прихотям я раб.

Мурзам твоим не подражая,
Почасту ходишь ты пешком,
И пища самая простая
Бывает за твоим столом;
Не дорожа твоим покоем,
Читаешь, пишешь пред налоем
И всем из твоего пера
Блаженство смертным проливаешь;
Подобно в карты не играешь,
Как я, от утра до утра.

Не слишком любишь маскарады,
А в клоб не ступишь и ногой;
Храня обычаи, обряды,
Не донкишотствуешь собой;
Коня парнасска не седлаешь,
К духа́м в собранье не въезжаешь,
Не ходишь с трона на Восток;
Но кротости ходя стезею,
Благотворящею душою,
Полезных дней проводишь ток.

А я, проспавши до полудни,
Курю табак и кофе пью;
Преобращая в праздник будни,
Кружу в химерах мысль мою:
То плен от персов похищаю,
То стрелы к туркам обращаю;
То, возмечтав, что я султан,
Вселенну устрашаю взглядом;

То вдруг, прельщаяся нарядом,
Скачу к портному по кафтан.

Или в пиру я пребогатом,
Где праздник для меня дают,
Где блещет стол сребром и златом,
Где тысячи различных блюд;
Там славный окорок вестфальской,
Там звенья рыбы астраханской,
Там плов и пироги стоят,
Шампанским вафли запиваю;
И всё на свете забываю
Средь вин, сластей и аромат.

Или средь рощицы прекрасной
В беседке, где фонтан шумит,
При звоне арфы сладкогласной,
Где ветерок едва дышит,
Где всё мне роскошь представляет,
К утехам мысли уловляет,
Томит и оживляет кровь;
На бархатном диване лежа,
Младой девицы чувства нежа,
Вливаю в сердце ей любовь.

Или великолепным цугом
В карете английской, златой,
С собакой, шутом или другом,
Или с красавицей какой
Я под качелями гуляю;
В шинки пить меду заезжаю;
Или, как то наскучит мне,
По склонности моей к премене,
Имея шапку набекрене,
Лечу на резвом бегуне.

Или музы́кой и певцами,
Органом и волынкой вдруг,
Или кулачными бойцами
И пляской веселю мой дух;
Или, о всех делах заботу
Оставя, езжу на охоту

И забавляюсь лаем псов;
Или над невскими брегами
Я тешусь по ночам рогами
И греблей удалых гребцов.

Иль, сидя дома, я прокажу,
Играя в дураки с женой;
То с ней на голубятню лажу,
То в жмурки резвимся порой;
То в свайку с нею веселюся,
То ею в голове ищуся;
То в книгах рыться я люблю,
Мой ум и сердце просвещаю,
Полкана и Бову читаю;
За библией, зевая, сплю.

Таков, Фелица, я развратен!
Но на меня весь свет похож.
Кто сколько мудростью ни знатен,
Но всякий человек есть ложь.
Не ходим света мы путями,
Бежим разврата за мечтами.
Между лентяем и брюзгой,
Между тщеславья и пороком
Нашел кто разве ненароком
Путь добродетели прямой.

Нашел, — но льзя ль не заблуждаться
Нам, слабым смертным, в сем пути,
Где сам рассудок спотыкаться
И должен вслед страстям идти;
Где нам ученые невежды,
Как мгла у путников, тмят вежды?
Везде соблазн и лесть живет,
Пашей всех роскошь угнетает. —
Где ж добродетель обитает?
Где роза без шипов растет?

Тебе единой лишь пристойно,
Царевна! свет из тьмы творить;
Деля Хаос на сферы стройно,
Союзом целость их крепить;

Из разногласия согласье
И из страстей свирепых счастье
Ты можешь только созидать.
Так кормщик, через понт плывущий,
Ловя под парус ветр ревущий,
Умеет судном управлять.

Едина ты лишь не обидишь,
Не оскорбляешь никого,
Дурачествы сквозь пальцы видишь,
Лишь зла не терпишь одного;
Проступки снисхожденьем правишь,
Как волк овец, людей не давишь,
Ты знаешь прямо цену их.
Царей они подвластны воле, —
Но богу правосудну боле,
Живущему в законах их.

Ты здраво о заслугах мыслишь,
Достойным воздаешь ты честь,
Пророком ты того не числишь,
Кто только рифмы может плесть,
А что сия ума забава
Калифов добрых честь и слава.
Снисходишь ты на лирный лад;
Поэзия тебе любезна,
Приятна, сладостна, полезна,
Как летом вкусный лимонад.

Слух идет о твоих поступках,
Что ты нимало не горда;
Любезна и в делах и в шутках,
Приятна в дружбе и тверда;
Что ты в напастях равнодушна,
А в славе так великодушна,
Что отреклась и мудрой слыть.
Еще же говорят неложно,
Что будто завсегда возможно
Тебе и правду говорить.

Неслыханное также дело,
Достойное тебя одной,

Что будто ты народу смело
О всем, и въявь и под рукой,
И знать и мыслить позволяешь,
И о себе не запрещаешь
И быль и небыль говорить;
Что будто самым крокодилам,
Твоих всех милостей зоилам
Всегда склоняешься простить.

Стремятся слез приятных реки
Из глубины души моей.
О! коль счастливы человеки
Там должны быть судьбой своей,
Где ангел кроткий, ангел мирный,
Сокрытый в светлости порфирной,
С небес ниспослан скиптр носить!
Там можно пошептать в беседах
И, казни не боясь, в обедах
За здравие царей не пить.

Там с именем Фелицы можно
В строке описку поскоблить,
Или портрет неосторожно
Ее на землю уронить.
Там свадеб шутовских не парят,
В ледовых банях их не жарят,
Не щелкают в усы вельмож;
Князья наседками не клохчут,
Любимцы въявь им не хохочут
И сажей не марают рож.

Ты ведаешь, Фелица! правы
И человеков и царей;
Когда ты просвещаешь нравы,
Ты не дурачишь так людей;
В твои от дел отдохновеньи
Ты пишешь в сказках поученьи,
И Хлору в азбуке твердишь:
«Не делай ничего худого,
И самого сатира злого
Лжецом презренным сотворишь».

Стыдишься слыть ты тем великой,
Чтоб страшной, нелюбимой быть;
Медведице прилично дикой
Животных рвать и кровь их пить.
Без крайнего в горячке бедства
Тому ланцетов нужны ль средства,
Без них кто обойтися мог?
И славно ль быть тому тираном,
Великим в зверстве Тамерланом,
Кто благостью велик, как бог?

Фелицы слава, слава бога,
Который брани усмирил;
Который сира и убога
Покрыл, одел и накормил;
Который оком лучезарным
Шутам, трусам, неблагодарным
И праведным свой свет дарит;
Равно всех смертных просвещает,
Больных покоит, исцеляет,
Добро лишь для добра творит.

Который даровал свободу
В чужие области скакать,
Позволил своему народу
Сребра и золота искать;
Который воду разрешает,
И лес рубить не запрещает;
Велит и ткать, и прясть, и шить;
Развязывая ум и руки,
Велит любить торги, науки
И счастье дома находить;

Которого закон, десница
Дают и милости и суд. —
Вещай, премудрая Фелица!
Где отличен от честных плут?
Где старость по миру не бродит?
Заслуга хлеб себе находит?
Где месть не гонит никого?

Где совесть с правдой обитают?
Где добродетели сияют? —
У трона разве твоего!

Но где твой трон сияет в мире?
Где, ветвь небесная, цветешь?
В Багдаде, Смирне, Кашемире?
Послушай, где ты ни живешь, —
Хвалы мои тебе приметя,
Не мни, чтоб шапки иль бешметя
За них я от тебя желал.
Почувствовать добра приятство
Такое есть души богатство,
Какого Крез не собирал.

Прошу великого пророка,
Да праха ног твоих коснусь,
Да слов твоих сладчайша тока
И лицезренья наслаждусь!
Небесные прошу я силы,
Да, их простря сафирны крылы,
Невидимо тебя хранят
От всех болезней, зол и скуки;
Да дел твоих в потомстве звуки,
Как в небе звезды, возблестят.

1782

БЛАГОДАРНОСТЬ ФЕЛИЦЕ

Предшественница дня златого,
Весенння утрення заря,
Когда из понта голубого
Ведет к нам звездного царя,
Румяный взор свой осклабляет
На чела гор, на лоно вод,
Багряным златом покрывает
Поля, леса и неба свод.

Крылаты кони по эфиру
Летят и рассекают мрак,
Любезное светило миру
Пресветлый свой возносит зрак;

Бегут толпами тени черны.
Какое зрелище очам!
Там блещет брег в реке зеленый,
Там светят перлы по лугам.

Там степи, как моря, струятся,
Седым волнуясь ковылем;
Там тучи журавлей стадятся,
Волторн с высот пуская гром;
Там небо всюду лучезарно
Янтарным пламенем блестит, —
Мое так сердце благодарно
К тебе усердием горит.

К тебе усердием, Фелица,
О кроткий ангел во плоти!
Которой разум и десница
Нам кажут к счастию пути.
Когда тебе в нелицемерном
Угодна слоге простота,
Внемли, — но в чувствии безмерном
Мои безмолвствуют уста.

Когда поверх струистой влаги
Благоприятный дунет ветр,
Попутны вострепещут флаги
И ляжет между водных недр
За кораблем сребро грядою, —
Тогда испустят глас пловцы
И с восхищенною душою
Вселенной полетят в концы.

Когда небесный возгорится
В пиите огнь, он будет петь;
Когда от бремя дел случится
И мне свободный час иметь,
Я праздности оставлю узы,
Игры, беседы, суеты,
Тогда ко мне приидут музы,
И лирой возгласишься ты.

1783

РЕШЕМЫСЛУ

Веселонравная, младая,
Нелицемерная, простая,
Подруга Флаккова и дщерь
Природой данного мне смысла!
Приди ко мне, приди теперь,
О Муза! славить Решемысла.

Приди, иль в облаке спустися,
Или хоть в санках прикатися
На легких, резвых, шестерней,
Оленях белых, златорогих,
Как ездят барыни зимой
В странах сибирских, хладом строгих.

Приди, и на своей свиреле
Не оного пой мужа, древле
Служившего царице той,
Которая в здоровье малом
Блистала славой и красой
Под соболиным одеялом.

Но пой, ты пой здесь Решемысла,
Великого вельможу смысла,
Наперсника царицы сей,
Которая сама трудится
Для блага области своей
И спать в полудни не ложится.

Которая законы пишет,
Любовию к народу дышит,
Пленит соседей без оков,
Военны отвращая звуки;
Дарит и счастье и покров
И не сидит поджавши руки.

Сея царицы всепочтенной,
Великой, дивной, несравненной
Сотрудников достойно чтить;
Достойно честью и хвалами
Ее вельмож превозносить
И осыпать их вкруг цветами.

Ты, Муза! с самых древних веков
Великих, сильных человеков
Всегда умела поласкать;
Ты можешь в былях, небылицах
И в баснях правду представлять, —
Представь мне Решемысла в лицах.

Скажи, скажи о сем герое:
Каков в войне, каков в покое,
Каков умом, каков душой,
Каков и всякими делами?
Скажи, и ничего не скрой —
Не хочешь прозой, так стихами.

Бывали прежде дни такие,
Что люди самые честные
Страшилися близ трона быть,
Любимцев царских убегали,
И не могли тех змей любить,
Которые их кровь сосали.

А он, хоть выше всех главою,
Как лавр цветет над муравою,
Но всюду всем бросает тень:
Одним он мил, другим любезен;
Едва прохаживал ли день,
Кому бы не был он полезен.

Иной ползет, как черепаха,
Другому мил топор да плаха,
А он парит как бы орел,
И всё с высот далече видит;
Он в сердце злобы не имел
И даже мухи не обидит.

Он сердцем царский трон объемлет,
Душой народным нуждам внемлет,
И правду между их хранит;
Отечеству он верно служит,
Монаршу волю свято чтит,
А о себе никак не тужит.

Не ищет почестей лукавством,
Мздоимным не прельщен богатством,
Не жаждет тщетно сан носить;
Но тщится тем себя лишь славить,
Что любит он добро творить
И может счастие доставить.

Закону божию послушен,
Чувствителен, великодушен,
Не горд, не подл и не труслив,
К себе строжае, чем к другому,
К поступкам хитрым не ревнив,
Идет лишь по пути прямому.

Не празден, не ленив, а точен;
В делах и скор и беспорочен;
И не кубарит кубарей;
Но столько же велик и дома,
В деревне, хижине своей,
Как был когда метатель грома.

Глубок, и быстр, и тих, и сметлив,
При всей он важности приветлив,
При всей он скромности шутлив;
В миру он кажется роскошен;
Но в самой роскоши ретив,
И никогда он не оплошен.

Хотя бы возлежал на розах,
Но в бурях, зноях и морозах
Готов он с лона неги встать;
Готов среди своей забавы
Внимать, судить, повелевать
И молнией лететь в храм славы.

Друг честности и друг Минервы,
Восшед на степень к трону первый,
И без подпор собою тверд;
Ходить умеет по паркету
И, устремяся славе вслед,
Готовить мир и громы свету.

Без битв, без браней побеждает,
Искусство уловлять он знает;
Своих, чужих сердца пленит.
Я слышу плеск ему сугубый:
Он вольность пленникам дарит,
Героям шьет коты да шубы.

Но, Муза! вижу, ты лукава:
Ты хочешь быть пред светом права,
Ты Решемысловым лицом
Вельможей должность представляешь, —
Конечно, ты своим пером
Хвалить достоинства лишь знаешь.

1783

ВИДЕНИЕ МУРЗЫ

На темно-голубом эфире
Златая плавала луна;
В серебряной своей порфире
Блистаючи с высот, она
Сквозь окна дом мой освещала
И палевым своим лучом
Златые стекла рисовала
На лаковом полу моем.
Сон томною своей рукою
Мечты различны рассыпал,
Кропя забвения росою,
Моих домашних усыплял;
Вокруг вся область почивала,
Петрополь с башнями дремал,
Нева из урны чуть мелькала,
Чуть Бельт в брегах своих сверкал;
Природа, в тишину глубоку
И в крепком погруженна сне,
Мертва казалась слуху, оку
На высоте и в глубине;
Лишь веяли одни зефиры,
Прохладу чувствам нанося.

Я не́ спал, — и, со звоном лиры
Мой тихий голос соглася,
Блажен, воспел я, кто доволен
В сем свете жребием своим,
Обилен, здрав, покоен, волен
И счастлив лишь собой самим;
Кто сердце чисто, совесть праву
И твердый нрав хранит в свой век
И всю свою в том ставит славу,
Что он лишь добрый человек;
Что карлой он и великаном
И дивом света не рожден,
И что не создан истуканом
И оных чтить не принужден;
Что все сего блаженствы мира
Находит он в семье своей;
Что нежная его Пленира
И верных несколько друзей
С ним могут в час уединенный
Делить и скуку и труды!
Блажен и тот, кому царевны
Какой бы ни было орды
Из теремов своих янтарных
И сребро-розовых светлиц,
Как будто из улусов дальных,
Украдкой от придворных лиц,
За россказни, за растабары,
За вирши иль за что-нибудь
Исподтишка драгие дары
И в досканцах червонцы шлют;
Блажен! — Но с речью сей незапно
Мое всё зданье потряслось,
Раздвиглись стены, и стократно
Ярчее молний пролилось
Сиянье вкруг меня небесно;
Сокрылась, побледнев, луна.
Виденье я узрел чудесно:
Сошла со облаков жена, —
Сошла — и жрицей очутилась
Или богиней предо мной.
Одежда белая струилась

На ней серебряной волной;
Градская на главе корона,
Сиял при персях пояс злат;
Из черно-огненна виссона,
Подобный радуге, наряд
С плеча десного полосою
Висел на левую бедру;
Простертой на алтарь рукою
На жертвенном она жару
Сжигая маки благовонны,
Служила вышню божеству.
Орел полунощный, огромный,
Сопутник молний торжеству,
Геройской провозвестник славы,
Сидя пред ней на груде книг,
Священны блюл ее уставы;
Потухший гром в кохтях своих
И лавр с оливными ветвями
Держал, как будто бы уснув.
Сафиро-светлыми очами,
Как в гневе иль в жару, блеснув,
Богиня на меня воззрела. —
Пребудет образ ввек во мне,
Она который впечатлела! —
«Мурза! — она вещала мне, —
Ты быть себя счастливым чаешь,
Когда по дням и по ночам
На лире ты своей играешь
И песни лишь поешь царям.
Вострепещи, мурза несчастный!
И страшны истины внемли,
Которым стихотворцы страстны
Едва ли верят на земли;
Одно к тебе лишь доброхотство
Мне их открыть велит. Когда
Поэзия не сумасбродство,
Но вышний дар богов, — тогда
Сей дар богов лишь к чести
И к поученью их путей
Быть должен обращен, не к лести
И тленной похвале людей.

Владыки света люди те же,
В них страсти, хоть на них венцы;
Яд лести их вредит не реже,
А где поэты не льстецы?
И ты сирен поющих грому
В вред добродетели не строй;
Благотворителю прямому
В хвале нет нужды никакой.
Хранящий муж честные нравы,
Творяй свой долг, свои дела,
Царю приносит больше славы,
Чем всех пиитов похвала.
Оставь нектаром наполненну
Опасну чашу, где скрыт яд».
Кого я зрю столь дерзновенну,
И чьи уста меня разят?
Кто ты? Богиня или жрица? —
Мечту стоящу я спросил.
Она рекла мне: «Я Фелица»;
Рекла — и светлый облак скрыл
От глаз моих ненасыщенных
Божественны ее черты;
Курение мастик бесценных
Мой дом и место то цветы
Покрыли, где она явилась.
Мой бог! мой ангел во плоти! ..
Душа моя за ней стремилась;
Но я за ней не мог идти,
Подобно громом оглушенный,
Бесчувствен я, безгласен был.
Но, током слезным орошенный,
Пришел в себя и возгласил:
Возможно ль, кроткая царевна!
И ты к мурзе чтоб своему
Была сурова столь и гневна,
И стрелы к сердцу моему
И ты, и ты чтобы бросала,
И пламени души моей
К себе и ты не одобряла?
Довольно без тебя людей,
Довольно без тебя поэту,

На темноголубомъ Ефирѣ,
Златая плавала луна,
въ серебреной своей порфирѣ,
блистаючи съ высотъ она,
Сквозь окны домъ мой освѣщала,
И палевымъ своимъ лучемъ,
Златыя стекла рисовала,
На лаковомъ полу моемъ.
Сонъ томною своей рукою
Мечты различны разсыпалъ,
Кропя забвенія росою
Моихъ домашнихъ усыплялъ.

За кажду мысль, за каждый стих,
Ответствовать лихому свету
И от сатир щититься злых!
Довольно золотых кумиров,
Без чувств мои что песни чли;
Довольно кадиев, факиров,
Которы в зависти сочли
Тебе их неприличной лестью;
Довольно нажил я врагов!
Иной отнес себе к бесчестью,
Что не дерут его усов;
Иному показалось больно,
Что он наседкой не сидит;
Иному — очень своевольно
С тобой мурза твой говорит;
Иной вменял мне в преступленье,
Что я посланницей с небес
Тебя быть мыслил в восхищенье
И лил в восторге токи слез.
И словом: тот хотел арбуза,
А тот соленых огурцов.
Но пусть им здесь докажет муза,
Что я не из числа льстецов;
Что сердца моего товаров
За деньги я не продаю,
И что не из чужих анбаров
Тебе наряды я крою.
Но, венценосна добродетель!
Не лесть я пел и не мечты,
А то, чему весь мир свидетель:
Твои дела суть красоты.
Я пел, пою и петь их буду,
И в шутках правду возвещу;
Татарски песни из-под спуду,
Как луч, потомству сообщу;
Как солнце, как луну поставлю
Твой образ будущим векам;
Превознесу тебя, прославлю;
Тобой бессмертен буду сам.

1783—1784(?)

БОГ

О ты, пространством бесконечный,
Живый в движеньи вещества,
Теченьем времени превечный,
Без лиц, в трех лицах божества!
Дух всюду сущий и единый,
Кому нет места и причины,
Кого никто постичь не мог,
Кто всё собою наполняет,
Объемлет, зиждет, сохраняет,
Кого мы называем: *бог*.

Измерить океан глубокий,
Сочесть пески, лучи планет
Хотя и мог бы ум высокий, —
Тебе числа и меры нет!
Не могут духи просвещенны,
От света твоего рожденны,
Исследовать судеб твоих:
Лишь мысль к тебе взнестись дерзает,
В твоем величьи исчезает,
Как в вечности прошедший миг.

Хаоса бытность довременну
Из бездн ты вечности воззвал,
А вечность, прежде век рожденну,
В себе самом ты основал:
Себя собою составляя,
Собою из себя сияя,
Ты свет, откуда свет истек.
Создавый всё единым словом,
В твореньи простираясь новом,
Ты был, ты есть, ты будешь ввек!

Ты цепь существ в себе вмещаешь,
Ее содержишь и живишь;
Конец с началом сопрягаешь
И смертию живот даришь.
Как искры сыплются, стремятся,
Так солнцы от тебя родятся;
Как в мразный, ясный день зимой

Пылинки инея сверкают,
Вратятся, зыблются, сияют,
Так звезды в безднах под тобой.

Светил возженных миллионы
В неизмеримости текут,
Твои они творят законы,
Лучи животворящи льют.
Но огненны сии лампады,
Иль рдяных кристалей громады,
Иль волн златых кипящий сонм,
Или горящие эфиры,
Иль вкупе все светящи миры —
Перед тобой — как нощь пред днем.

Как капля, в море опущенна,
Вся твердь перед тобой сия.
Но что мной зримая вселенна?
И что перед тобою я?
В воздушном океане оном,
Миры умножа миллионом
Стократ других миров, — и то,
Когда дерзну сравнить с тобою,
Лишь будет точкою одною;
А я перед тобой — ничто.

Ничто! — Но ты во мне сияешь
Величеством твоих доброт;
Во мне себя изображаешь,
Как солнце в малой капле вод.
Ничто! — Но жизнь я ощущаю,
Несытым некаким летаю
Всегда пареньем в высоты;
Тебя душа моя быть чает,
Вникает, мыслит, рассуждает:
Я есмь — конечно, есть и ты!

Ты есть! — природы чин вещает,
Гласит мое мне сердце то,
Меня мой разум уверяет,

Ты есть — и я уж не ничто!
Частица целой я вселенной,
Поставлен, мнится мне, в почтенной
Средине естества я той,
Где кончил тварей ты телесных,
Гда начал ты духов небесных
И цепь существ связал всех мной.

Я связь миров, повсюду сущих,
Я крайня степень вещества;
Я средоточие живущих,
Черта начальна божества;
Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь — я раб — я червь — я бог!
Но, будучи я столь чудесен,
Отколе происшел? — безвестен;
А сам собой я быть не мог.

Твое созданье я, создатель!
Твоей премудрости я тварь,
Источник жизни, благ податель,
Душа души моей и царь!
Твоей то правде нужно было,
Чтоб смертну бездну преходило
Мое бессмертно бытие;
Чтоб дух мой в смертность облачился
И чтоб чрез смерть я возвратился,
Отец! — в бессмертие твое.

Неизъяснимый, непостижный!
Я знаю, что души моей
Воображении бессильны
И тени начертать твоей;
Но если славословить должно,
То слабым смертным невозможно
Тебя ничем иным почтить,
Как им к тебе лишь возвышаться,
В безмерной разности теряться
И благодарны слезы лить.

1784

ЖЕЛАНИЕ ЗИМЫ

ЕГО МИЛОСТИ РАЗЖАЛОВАННОМУ ОТСТАВНОМУ СЕРЖАНТУ, ДВОРЯНСКОЙ ДУМЫ КОПИИСТУ, АРХИВАРИУСУ БЕЗ АРХИВА, УПРАВИТЕЛЮ БЕЗ ИМЕНИЯ И СТИХОТВОРЦУ БЕЗ ВКУСА.

На кабаке Борея
Эол ударил в нюни;
От вяхи той бледнея,
Бог хлада слякоть, слюни
Из глотки источил,
Всю землю замочил.

Узря ту Осень шутку,
Их вправду драться нудит,
Подняв пред нами юбку,
Дожди, как реки, прудит,
Плеща им в рожи грязь,
Как дуракам смеясь.

В убранстве козырбацком,
Со ямщиком-нахалом,
На иноходце хватском,
Под белым покрывалом —
Бореева кума,
Катит в санях Зима.

Кати, кума драгая,
В шубеночке атласной,
Чтоб Осень, баба злая,
На астраханский красный
Не шлендала кабак
И не кутила драк.

Кати к нам, белолика,
Кати, Зима младая,
И, льстя седого трыка
И страсть к нему являя,
Эола усмири,
С Бореем помири.

Спеши, и нашу музу,
Кабацкую певицу,

Наполнь хмельного грузу,
Наладь ее скрипицу!
Строй пунш твоей рукой,
Захарьин! пей и пой.

Пой, только не стихеры,
И будь лишь в стойке дивен,
На разные манеры
Ори *ширень да вирень*,
Да *лист, братцы, трава*. . .
О, пьяна голова!

1787

НА СМЕРТЬ ГРАФИНИ РУМЯНЦЕВОЙ

Не беспрестанно дождь стремится
На класы с черных облаков,
И море не всегда струится
От пременяемых ветров;
Не круглый год во льду спят воды,
Не всякий день бурь слышен свист,
И с скучной не всегда природы
Падет на землю желтый лист.

Подобно и тебе крушиться
Не должно, Дашкова, всегда,
Готово ль солнце в бездну скрыться,
Иль паки утру быть чреда;
Ты жизнь свою в тоске проводишь,
По английским твоим коврам,
Уединясь, в смущеньи ходишь
И волю течь даешь слезам.

Престань! и равнодушным оком
Воззри на оный кипарис,
Который на брегу высоком
На невские струи навис
И мрачной тени под покровом,
Во дремлющих своих ветвях,
Сокрыл недавно в гробе новом
Румянцевой почтенный прах.

Румянцевой! — Она блистала
Умом, породой, красотой,
И в старости любовь снискала
У всех любезною душой;
Она со твердостью смежила
Супружний взор, друзей, детей;
Монархам осмерым служила,
Носила знаки их честей.

И зрела в торжестве и славе
И в лаврах сына своего;
Не изменялась в сердце, нраве
Ни для кого, ни для чего;
А доброе и злое купно
Собою испытала всё,
И как вертится всеминутно
Людской фортуны колесо.

Воззри на памятник сей вечный
Ты современницы твоей,
В отраду горести сердечной,
К спокойствию души своей,
Прочти: «Сия гробница скрыла
Затмившего мать лунный свет;
Смерть добродетели щадила,
Она жила почти сто лет».

Как солнце тускло ниспущает
Последние свои лучи,
По небу, по водам блистает
Румяною зарей в ночи, —
Так с тихим вздохом, взором ясным
Она оставила сей свет;
Но именем своим прекрасным
Еще, еще она живет.

И ты, коль победила страсти,
Которы трудно победить;
Когда не ищешь вышней власти
И первою в вельможах быть;
Когда не мстишь, и совесть права,
Не алчешь злата и сребра, —

Какого же, коль телом здрава,
Еще желаешь ты добра?

Одно лишь в нас добро прямое,
А прочее всё в свете тлен;
Почиет чья душа в покое,
Поистине тот есть блажен.
Престань же ты умом крылатым
По треволнению летать;
С убогим грузом иль богатым,
Всяк должен к вечности пристать.

Пожди, — и сын твой с страшна бою
Иль на щите, иль со щитом,
С победой, с славою, с женою,
С трофеями приедет в дом;
И если знатности и злата
Невестка в дар не принесет,
Благими нравами богата,
Прекрасных вну́чат приведет.

Утешься, и в объятьи нежном
Облобызай своих ты чад;
В семействе тихом, безмятежном,
Фессальский насаждая сад,
Живи и распложай науки;
Живи и обессмертвь себя,
Да громогласной лиры звуки
И музы воспоют тебя.

Седый собор Ареопага,
На истину смотря в очки,
Насчет общественного блага
Нередко ей давал щелчки;
Но в век тот Аристиды жили,
Сносили ссылки, казни, смерть;
Когда судьбы благоволили,
Не должно ли и нам терпеть?

Терпи! — Самсон сотрет льву зубы,
А На́вин потемнит луну;
Румянцев молньи дхнет сугубы,

Екатерина тишину.
Меня ж ничто вредить не может,
Я злобу твердостью сотру;
Врагов моих червь кости сгложет,
А я пиит — и не умру.

1788

ОСЕНЬ ВО ВРЕМЯ ОСАДЫ ОЧАКОВА

Спустил седой Эол Борея
С цепей чугунных из пещер;
Ужасные криле расширя,
Махнул по свету богатырь;
Погнал стадами воздух синий,
Сгустил туманы в облака,
Давнул — и облака расселись,
Пустился дождь и восшумел.

Уже румяна Осень носит
Снопы златые на гумно,
И роскошь винограду просит
Рукою жадной на вино.
Уже стада толпятся птичьи,
Ковыль сребрится по степям;
Шумящи красно-желты листьи
Расстлались всюду по тропам.

В опушке заяц быстроногий,
Как колпик поседев, лежит;
Ловецки раздаются роги,
И выжлиц лай и гул гремит.
Запасшися крестьянин хлебом,
Ест добры щи и пиво пьет;
Обогащенный щедрым небом,
Блаженство дней своих поет.

Борей на Осень хмурит брови
И Зиму с севера зовет,
Идет седая чародейка,
Косматым машет рукавом;

И снег, и мраз, и иней сыплет,
И воды претворяет в льды;
От хладного ее дыханья
Природы взор оцепенел.

Наместо радуг испещренных
Висит по небу мгла вокруг,
А на коврах полей зеленых
Лежит рассыпан белый пух.
Пустыни сетуют и долы,
Голодны волки воют в них;
Древа стоят и холмы голы,
И не пасется стад при них.

Ушел олень на тундры мшисты,
И в логовище лег медведь;
По селам нимфы голосисты
Престали в хороводах петь;
Дымятся серым дымом домы,
Поспешно едет путник в путь,
Небесный Марс оставил громы
И лег в туманы отдохнуть.

Российский только Марс, Потемкин,
Не ужасается зимы:
По развевающим знаменам
Полков, водимых им, орел
Над древним царством Митридата
Летает и темнит луну;
Под звучным крил его мельканьем
То черн, то бледн, то рдян Эвксин.

Огонь, в волнах не угасимый,
Очаковские стены жрет,
Пред ними росс непобедимый
И в мраз зелены лавры жнет;
Седые бури презирает,
На льды, на рвы, на гром летит,
В водах и в пламе помышляет:
Или умрет, иль победит.

Мужайся, твердый росс и верный,
Еще победой возблистать!
Ты не наемник, сын усердный;
Твоя Екатерина мать,
Потемкин вождь, бог покровитель;
Твоя геройска грудь твой щит,
Честь мзда твоя, вселенна зритель,
Потомство плесками гремит.

Мужайтесь, росски Ахиллесы,
Богини северной сыны!
Хотя вы в Стикс не погружались,
Но вы бессмертны по делам.
На вас всех мысль, на вас всех взоры,
Дерзайте ваших вслед отцов!
И ты спеши скорей, Голицын!
Принесть в твой дом с оливой лавр.

Твоя супруга златовласа,
Пленира сердцем и лицом,
Давно желанного ждет гласа,
Когда ты к ней приедешь в дом;
Когда с горячностью обнимешь
Ты семерых твоих сынов,
На матерь нежны взоры вскинешь
И в радости не сыщешь слов.

Когда обильными речами
Потом восторг свой изъявишь,
Бесценными побед венцами
Твою супругу удивишь;
Геройские дела расскажешь
Ее ты дяди и отца,
И дух и ум его докажешь
И как к себе он влек сердца.

Спеши, супруг, к супруге верной,
Обрадуй ты, утешь ее;
Она задумчива, печальна,
В простой одежде, и, власы
Рассыпав по челу нестройно,
Сидит за столиком в софе;

И светло-голубые взоры
Ее всечасно слезы льют.

Она к тебе вседневно пишет:
Твердит то славу, то любовь,
То жалостью, то негой дышит
То страх ее смущает кровь;
То дяде торжества желает,
То жаждет мужниной любви,
Мятется, борется, вещает:
Коль долг велит, ты лавры рви!

В чертоге вкруг ее безмолвном
Не смеют нимфы пошептать;
В восторге только музы томном
Осмелились сей стих бряцать.
Румяна Осень! радость мира!
Умножь, умножь еще твой плод!
Приди, желанна весть! — и лира
Любовь и славу воспоет.

1 ноября 1788

НА СЧАСТИЕ

Всегда прехвально, препочтенно,
Во всей вселенной обоженно
И вожделенное от всех,
О ты, великомощно счастье!
Источник наших бед, утех,
Кому и в ведро и в ненастье
Мавр, лопарь, пастыри, цари,
Моляся в кущах и на троне,
В воскликновениях и стоне,
В сердцах их зиждут алтари!

Сын время, случая, судьбины
Иль недоведомой причины,
Бог сильный, резвый, добрый, злой!
На шаровидной колеснице,
Хрустальной, скользкой, роковой,
Вослед блистающей деннице,

Чрез горы, степь, моря, леса,
Вседневно ты по свету скачешь,
Волшебною ширинкой машешь
И производишь чудеса.

Куда хребет свой обращаешь,
Там в пепел грады претворяешь,
Приводишь в страх богатырей;
Султанов заключаешь в клетку,
На казнь выводишь королей;
Но если ты ж, хотя в издевку,
Осклабишь взор свой на кого —
Раба творишь владыкой миру,
Наместо рубища порфиру
Ты возлагаешь на него.

В те дни людского просвещенья,
Как нет кикиморов явленья,
Как ты лишь всем чудотворишь:
Девиц и дам магнизируешь,
Из камней золото варишь,
В глаза патриотизма плюешь,
Катаешь кубарем весь мир;
Как резвости твоей примеров
Полна земля вся кавалеров
И целый свет стал бригадир.

В те дни, как всюду скороходом
Пред русским ты бежишь народом
И лавры рвешь ему зимой,
Стамбулу бороду ерошишь,
На Тавре едешь чехардой;
Задать Стокгольму перцу хочешь,
Берлину фабришь ты усы;
А Темзу в фижмы наряжаешь,
Хохол Варшаве раздуваешь,
Коптишь голландцам колбасы.

В те дни, как Вену ободряешь,
Парижу пукли разбиваешь,
Мадриту поднимаешь нос,
На Копенгаген иней сеешь,

Пучок подносишь Гданску роз;
Венецьи, Мальте не радеешь,
А Греции велишь зевать;
И Риму, ноги чтоб не пухли,
Святые оставляя туфли,
Царям претишь их целовать.

В те дни, как всё везде в разгулье:
Политика и правосудье,
Ум, совесть, и закон святой,
И логика пиры пируют,
На карты ставят век златой,
Судьбами смертных пунтируют,
Вселенну в трантелево гнут;
Как полюсы, меридианы,
Науки, музы, боги — пьяны,
Все скачут, пляшут и поют.

В те дни, как всюду ерихонцы
Не сеют, но лишь жнут червонцы,
Их денег куры не клюют;
Как вкус и нравы распестрились,
Весь мир стал полосатый шут;
Мартышки в воздухе явились,
По свету светят фонари,
Витийствуют уранги в школах;
На пышных карточных престолах
Сидят мишурные цари.

В те дни, как мудрость среди тронов
Одна не месит макаронов,
Не ходит в кузницу ковать;
А разве временем лишь скучным
Изволит муз к себе пускать
И перышком своим искусным,
Не ссоряся никак, ни с кем,
Для общей и своей забавы,
Комедьи пишет, чистит нравы,
И припевает *хем, хем, хем.*

В те дни, ни с кем как несравненна,
Она с тобою сопряженна,

Нельзя ни в сказках рассказать,
Ни написать пером красиво,
Как милость любит проливать,
Как царствует она правдиво,
Не жжет, не рубит без суда;
А разве кое-как вельможи
И так и сяк, нахмуря рожи,
Тузят иного иногда.

В те дни, как мещет всюду взоры
Она вселенной на рессоры
И весит скипетры царей,
Следы орлов парящих видит
И пресмыкающихся змей;
Разя врагов, не ненавидит,
А только пресекает зло;
Без лат богатырям и в латах
Претит давить лимоны в лапах,
А хочет, чтобы всё цвело.

В те дни, как скипетром любезным
Она перун к странам железным
И гром за тридевять земель
Несет на лунно государство,
И бомбы сыплет, будто хмель;
Свое же ублажая царство,
Покоит, греет и живит;
В мороз камины возжигает,
Дрова и сено запасает,
Бояр и чернь благотворит.

В те дни и времена чудесны
Твой взор и на меня всеместный
Простри, о над царями царь!
Простри и удостой усмешкой
Презренную тобою тварь;
И если я не создан пешкой,
Валяться не рожден в пыли,
Прошу тебя моим быть другом;
Песчинка может быть жемчугом,
Погладь меня и потрепли.

Бывало, ты меня к боярам
В любовь введешь: беру всё даром,
На вексель, в долг без платежа;
Судьи, дьяки и прокуроры,
В передней про себя брюзжа,
Умильные мне мещут взоры
И жаждут слова моего,
А я всех мимо по паркету
Бегу, нос вздернув, к кабинету,
И в грош не ставлю никого.

Бывало, под чужим нарядом
С красоткой чернобровой рядом
Иль с беленькой, сидя со мной,
Ты в шашки, то в картеж играешь;
Прекрасною твоей рукой
Туза червонного вскрываешь,
Сердечный твой тем кажешь взгляд;
Я к крале короля бросаю,
И ферзь к ладье я придвигаю,
Даю марьяж иль шах и мат.

Бывало, милые науки
И музы, простирая руки,
Позавтракать ко мне придут
И всё мое усядут ложе;
А я, свирель настроя тут,
С их каждой лирой то же, то же
Играю, что вчерась играл.
Согласна трель! взаимны тоны!
Восторг всех чувств! За вас короны
Тогда бы взять не пожелал.

А ныне пятьдесят мне било;
Полет свой счастье пременило,
Без лат я горе-богатырь;
Прекрасный пол меня лишь бесит,
Амур без перьев — нетопырь,
Едва вспорхнет, и нос повесит.
Сокрылся и в игре мой клад;
Не страстны мной, как прежде, музы;

Бояра понадули пузы,
И я у всех стал виноват.

Услышь, услышь меня, о Счастье!
И, солнце как сквозь бурь, ненастье,
Так на меня и ты взгляни;
Прошу, молю тебя умильно,
Мою ты участь премени;
Ведь всемогуще ты и сильно
Творить добро из самых зол;
От божеской твоей десницы
Гудок гудит на тон скрыпицы
И вьется локоном хохол.

Но, ах! как некая ты сфера
Иль легкий шар Монгольфиера,
Блистая в воздухе, летишь;
Вселенна длани простирает,
Зовет тебя, — ты не глядишь,
Но шар твой часто упадает
По прихоти одной твоей
На пни, на кочки, на колоды,
На грязь и на гнилые воды;
А редко, редко — на людей.

Слети ко мне, мое драгое,
Серебряное, золотое
Сокровище и божество!
Слети, причти к твоим любимцам!
Я храм тебе и торжество
Устрою, и везде по крыльцам
Твоим рассыплю я цветы;
Возжгу куреньи благовонны,
И буду ездить на поклоны,
Где только обитаешь ты.

Жить буду в тереме богатом,
Возвышусь в чин, и знатным браком
Горацию в родню причтусь;
Пером моим славно-школярным
Рассудка выше вознесусь
И, став тебе неблагодарным,

— *Беатус!* брат мой, на волах
Собою сам поля орющий
Или стада свои пасущий! —
Я буду восклицать в пирах.

Увы! еще ты не внимаешь,
О Счастие! моей мольбе,
Мои обеты презираешь —
Знать, неугоден я тебе.
Но на софах ли ты пуховых,
В тенях ли миртовых, лавровых,
Иль в золотой живешь стране —
Внемли, шепни твоим любимцам,
Вельможам, королям и принцам:
Спокойствие мое во мне!

1789

ФИЛОСОФЫ, ПЬЯНЫЙ И ТРЕЗВЫЙ

Пьяный

Сосед! на свете всё пустое:
Богатство, слава и чины.
А если за добро прямое
Мечты быть могут почтены,
То здраво и покойно жить,
С друзьями время проводить,
Красот любить, любимым быть,
И с ними сладко есть и пить.
Как пенится вино прекрасно!
Какой в нем запах, вкус и цвет!
Почто терять часы напрасно?
Нальем, любезный мой сосед!

Трезвый

Сосед! на свете не пустое —
Богатство, слава и чины;
Блаженство сыщем в них прямое,
Когда мы будем лишь умны,
Привыкнем прямо честь любить,
Умеренно, в довольстве жить,
По самой нужде есть и пить, —
То можем все счастливы быть.

Пусть пенится вино прекрасно,
Пусть запах в нем хорош и цвет;
Не наливай ты мне напрасно:
Не пью, любезный мой сосед.

Пьяный

Гонялся я за звучной славой,
Встречал я смело ядры лбом;
Сей зверской упоен отравой,
Я был ужасным дураком.
Какая польза страшным быть,
Себя губить, других мертвить,
В убийстве время проводить?
Безумно на убой ходить.
Как пенится вино прекрасно!
Какой в нем запах, вкус и цвет!
Почто терять часы напрасно?
Нальем, любезный мой сосед!

Трезвый

Гоняться на войне за славой
И с ядрами встречаться лбом
Велит тому рассудок здравый,
Кто лишь рожден не дураком:
Царю, отечеству служить,
Чад, жен, родителей хранить,
Себя от плена боронить —
Священна должность храбрым быть!
Пусть пенится вино прекрасно!
Пусть запах в нем хорош и цвет;
Не наливай ты мне напрасно:
Не пью, любезный мой сосед.

Пьяный

Хотел я сделаться судьею,
Законы свято соблюдать, —
Увидел, что кривят душою,
Где должно сильных осуждать.
Какая польза так судить?
Одних щадить, других казнить
И совестью своей шутить?
Смешно в тенета мух ловить.

Как пенится вино прекрасно!
Какой в нем запах, вкус и цвет!
Почто терять часы напрасно?
Нальем, любезный мой сосед!

Трезвый

Когда судьба тебе судьею
В судах велела заседать,
Вертеться нужды нет душою,
Когда не хочешь взяток брать.
Как можно так и сяк судить,
Законом правду тенетить
И подкупать себя пустить?
Судье злодеем страшно быть!
Пусть пенится вино прекрасно,
Пусть запах в нем хорош и цвет;
Не наливай ты мне напрасно:
Не пью, любезный мой сосед.

1789

ПРАВЕДНЫЙ СУДИЯ

Я милость воспою и суд,
И возглашу хвалу я богу;
Законы, поученье, труд,
Премудрость, добродетель строгу
И непорочность возлюблю.

В моем я доме буду жить
В согласьи, в правде, в преподобьи;
Как чад, рабов моих любить,
И сердца моего в незлобьи
Одни пороки истреблю.

И мысленным очам моим
Не предложу я дел преступных;
Ничем не приобщуся к злым,
Возненавижу и распутных
И отвращуся от льстецов.

От своенравных уклонюсь,
Не прилеплюсь в совет коварных,

От порицаний устранюсь,
Наветов, наущений тайных,
И изгоню клеветников.

За стол с собою не пущу
Надменных, злых, неблагодарных;
Моей трапезой угощу
Правдивых, честных, благонравных,
К благим и добрым буду добр.

И где со мною ни сойдутся
Лжецы, мздоимцы, гордецы,
Отсюду мною изженутся
В дальнейшие земны концы,
Иль казнь повергнет их во гроб.

1789

ИЗОБРАЖЕНИЕ ФЕЛИЦЫ

Рафа́эль! живописец славный,
Творец искусством естества!
Рафа́эль чудный, бесприкладный,
Изобразитель божества!
Умел ты кистию свободной
Непостижимость написать —
Умей моей богоподобной
Царевны образ начертать.

Изобрази ее мне точно
Осанку, возраст и черты,
Чтоб в них я видел и заочно
Ее и сердца красоты,
И духа чувствы возвышенны,
И разума ее дела —
Фелица, ангел воплощенный!
В твоей картине бы жила.

Небесно-голубые взоры
И по ланитам нежна тень
Сквозь мрак времен, стихиев споры
Блистали бы, как ясный день;

Как утрення заря весення,
Так улыбалась бы она;
Как пальма, в рае насажденна,
Так возвышалась бы стройна.

Как пальма клонит благовонну
Вершину и лице свое,
Так тиху, важну, благородну
Ты поступь напиши ее.
Коричными чело власами,
А перлом перси осени;
Премудрость и любовь устами,
Как розы дышат, изъясни.

Представь в лице ее геройство,
В очах величие души;
Премилосердо нежно свойство
И снисхожденье напиши.
Не позабудь приятность в нраве
И кроткий глас ее речей;
Во всей изобрази ты славе
Владычицу души моей.

Одень в доспехи, в брони златы
И в мужество ее красы,
Чтоб шлем блистал на ней пернатый,
Зефиры веяли власы;
Чтоб конь под ней главой крутился
И бурно бразды опенял;
Чтоб Норд седый ей удивился
И обладать собой избрал.

Избрал, и, падши на колена,
Поднес бы скиптр ей и венец;
Она, мольбой его смягченна
И став владычицей сердец,
Бесстрашно б узы разрешила
Издревле скованных цепьми,
Свободой бы рабов пленила
И нарекла себе детьми.

Престол ее на скандинавских,
Камчатских и златых горах,
От стран таймурских до кубанских
Поставь на сорок двух столпах;
Как восемь бы зерцал стояли
Ее великие моря;
С полнеба звезды освещали,
Вокруг — багряная заря.

Средь дивного сего чертога
И велелепной высоты
В величестве, в сияньи бога
Ее изобрази мне ты;
Чтоб, сшед с престола, подавала
Скрыжаль заповедей святых;
Чтобы вселенна принимала
Глас божий, глас природы в них.

Чтоб дики люди, отдаленны,
Покрыты шерстью, чешуей,
Пернатых перьем испещренны,
Одеты листьем и корой,
Сошедшися к ее престолу
И кротких вняв законов глас,
По желто-смуглым лицам долу
Струили токи слез из глаз.

Струили б слезы и, блаженство
Своих проразумея дней,
Забыли бы свое равенство
И были все подвластны ей:
Финн в море бледный, рыжевласый
Не разбивал бы кораблей,
И узкоглазый гунн жал класы
Среди седых, сухих зыбей.

Припомни, чтоб она вещала
Бесчисленным ее ордам:
«Я счастья вашего искала,
И в вас его нашла я вам;
Став сами вы себе послушны,
Живите, славьтеся в мой век

И будьте столь благополучны,
Колико может человек.

Я вам даю свободу мыслить
И разуметь себя ценить;
Не в рабстве, а в подданстве числить,
И в ноги мне челом не бить.
Даю вам право без препоны
Мне ваши нужды представлять,
Читать и знать мои законы
И в них ошибки замечать.

Даю вам право собираться
И в думах золото копить,
Ко мне послами отправляться
И не всегда меня хвалить.
Даю вам право беспристрастно
В судьи друг друга выбирать,
Самим дела свои всевластно
И начинать и окончать.

Не воспрещу я стихотворцам
Писать и чепуху и лесть;
Халдеям, новым чудотворцам,
Махать с духами, пить и есть;
Но я во всем, что лишь не злобно,
Потщуся равнодушной быть,
Великолепно и спокойно
Мои благодеянья лить».

Рекла — и взор бы озарился
Величеством ее души,
Хаос на сферы б разделился
Ее рукою, — напиши.
Чтоб солнцы в путь свой покатились
И тысящи вкруг их планет;
Из праха грады возносились,
Восстали царствы — и был свет.

Изобрази мне мир сей новый
В лице младого летня дня;
Как рощи, холмы, башни, кровы,

От горнего златясь огня,
Из мрака восстают, блистают
И смотрятся в зерцало вод;
Все новы чувства получают,
И движется всех смертных род.

Представь мне лучезарны храмы
И ангелов поющих лик,
И благовонны фимиамы
Как облака б носились в них;
И чтоб царевна, умиленна,
Вперя свой взор на небеса,
Слезами зрелась окропленна,
Блистающими, как роса.

Как с синей крутизны эфира
Лучам случится ниспадать,
От вседержителя так мира
Чтоб к ней сходила благодать,
И в виде счастия земного
Чтоб сыпала пред ней цветы,
И купно века бы драгого
Катилися часы златы.

Чтоб видел я в рога зовущих
Там пастухов стада на луг;
На рощах липовых, цветущих
Рои жужжащих пчел вокруг;
Шумя, младых бы класов волны
Переливались ветерком,
Граненых бриллиантов холмы
Вслед сыпались за кораблем.

Чтобы с ристалища мне громы
И плески доходили в слух,
И вихрем всадники несомы
Поспешно б натягали лук
И стрелу, к облакам пущенну,
Пересекали бы другой;
И всю в стязаньи бы вселенну
Я пред Фелицей зрел младой.

И зрел бы я ее на троне
Седящу в утварях царей:
В порфире, бармах и короне,
И взглядом вдруг одним очей
Объемлющу моря и сушу
Во всем владычестве своем,
Всему дающу жизнь и душу
И управляющую всем.

Чтоб свыше ею вдохновенны
Мурзы, паши и визири,
Сединой мудрости почтенны,
В диване зрелись как цари;
Закон бы свято сохраняли
И по стезям бы правды шли,
Носить ей скипетр пособляли
И пользу общую блюли.

Она б пред ними председала,
Как всемогущий царь царей,
Свои наказы подтверждала
Для благоденствия людей.
Рекла б: «Почто писать уставы,
Коль их в диванах не творят?
Развратные вельможей нравы —
Народа целого разврат.

Ваш долг монарху, богу, царству
Служить, и клятвой не играть;
Неправде, злобе, мзде, коварству
Пути повсюду пресекать;
Пристрастный суд разбоя злея,
Судьи враги, где спит закон, —
Пред вами гражданина шея
Протянута без оборон».

Представь, чтоб глас сей светозарный,
Как луч с небес, проник сердца,
Извлек бы слезы благодарны,
И все монарха, и отца,
И бога бы в Фелице зрели,
Который праведен и благ;

Из уст бы громы лишь гремели,
Которы у нее в руках.

Соделай, чтоб судебны храмы
Ее лугами обросли,
Весы бы в них стояли прямы
И редко к ним бы люди шли;
Чтоб совесть всюду председала
И обнимался с ней закон,
Чтоб милость истину лобзала
И миру поставляла трон.

Представь, чтоб все царевна средствы
В пособие себе брала
Предупреждать народа бедствы
И сохранять его от зла;
Чтоб отворила всем дороги
Чрез почту письма к ней писать,
Велела бы в свои чертоги
Для объясненья допускать.

Как молния, ее бы взоры
Сверкали быстро в небесах,
Проникнуть мысли были скоры
И в самых скрытнейших сердцах;
Чтоб издалече познавала
Она невинного ни в чем,
Как ангел бы к нему блистала
Благоволения лицем.

Дерзни мне кистию волшебной
Святилище изобразить,
Где взора смертных удаленной
Благоволит Фелица быть;
Где тайна перстом помавает
И на уста кладет печать,
Где благочестье председает
И долг велит страстям молчать.

Представь ее облокоченну
На Зороастров истукан,
Смотрящу там на всю вселенну,

На огнезвездный океан,
Вещающу: «О ты, превечный!
Который волею своей
Колеса движешь быстротечны
Вратящейся природы всей!

Когда ты есть душа едина
Движенью сих огромных тел,
То ты ж, конечно, и причина
И нравственных народных дел;
Тобою царствы возрастают,
Твое орудие цари;
Тобой они и померцают,
Как блеск вечерния зари.

Наставь меня, миров содетель!
Да, воле следуя твоей,
Тебя люблю и добродетель
И зижду счастие людей;
Да век мой на дела полезны
И славу их я посвящу,
Самодержавства скиптр железный
Моей щедротой позлащу.

Да, удостоенна любови,
Надзрения твоих очес,
Чтоб я за кажду каплю крови,
За всякую бы каплю слез
Народа моего пролитых
Тебе ответствовать могла
И чувств души моей сокрытых
Тебя свидетелем звала».

Представь, чтоб тут кидала взоры
Со отвращением она
На те ужасны приговоры,
Где смерть написана, война
Свинцова грифеля чертами,
И медленно б крепила их,
И тут же горькими слезами
Смывала бы слова все с них.

Но милости б определяла
Она с смеющимся лицом,
Златая бы струя бежала
За скоропишущим пером
И проливала бы с престолу
В несчетных тысящах прохлад,
Как в ясный день с крутых гор долу,
Лучистый с шумом водопад.

Чтоб сей рекой благодеяний
Покрылась вся ее страна;
Я зрел бы цепь пространных зданий,
Где пользует больных она,
Где бедных пищей насыщает,
Где брошенных берет сирот,
Где их лелеет, возращает,
Где просвещает свой народ.

Представь мне, в мысли восхищенной,
Сходила бы с небес она;
Как солнце грудь, в ткани зеленой,
Рукой метала семена;
Как искры огненны дождились
Златые б зерна в снедь птенцам;
Орлы младые разбудились
И воскрилялись бы к лучам.

Яви искусством чудотворным,
Чтоб льды прияли вид лилей,
Весна дыханьем теплотворным
Звала бы с моря лебедей,
Летели б с криком вереницы,
Звучали б трубы с облаков, —
Так в царство бы текли Фелицы
Народы из чужих краев.

Не позабудь ее представить,
Как, вместо алтарей себе,
Царя великого поставить
Велела на мольбу орде;
Как всюду раздалися клики
И громы света по конец:

«Предстал нам Зороастр великий,
Воскрес отечества отец!»

Изобрази и то в картине,
Чтоб сей подобный грому клик
В безмерной времени долине,
Как будто бы катясь, затих;
Фелицы ж славою удвоен,
Громчай в потомстве возгласил:
«Велик, кто алтарей достоин,
Но их другому посвятил!»

Представь, сей славой возбужденны,
Чтоб зреть ее цари пришли,
И как бы древле, удивленны,
В ней Соломона вновь нашли;
Народ счастливый и блаженный
Великой бы ее нарек,
Поднес бы титлы ей священны;
Она б рекла: «Я человек».

Возвысь до облак лавр зеленый,
И чтоб он на полях стоял;
Под ним бы, тенью прохлажденный,
Спокойно Исполин дремал;
Как мрамор бела б грудь блистала,
Ланиты бы цвели зарей, —
Фелица так бы услаждала
Полсвета под своей рукой,

И, здравие его спасая,
Без ужаса пила бы яд;
От твердости ее Смерть злая
Свой отвратила б смутный взгляд;
Коса ее дала бы звуки,
Преткнувшись о великий дух;
На небеса воздели б руки
Младенцев миллионы вдруг.

Супругов чувствы благодарны
За оживленье их детей,
Как бы пылинки лучезарны,

Огнистой от стекла струей
Отпрянув, в воздухе сверкали,
Являли б пламень их сердец:
«Мы зрим в Фелице, — восклицали, —
Твое подобие, творец!»

Изобрази ты мне царевну
Еще и в подвигах других:
Стоглаву гидру разъяренну
И фуриев с земель своих
Чтобы гнала она геройски;
Как мать, своих спасала б чад;
Как царь — на гордость двигла войски;
Как бог — свергала злобу в ад.

На сребролунно государство
Простри крылатый, сизый гром;
В железно-каменное царство
Брось молньи и поставь вверх дном;
Орел царевнин бы ногою
Вверху рога луны сгибал,
Тогда ж бы на земле другою
У гладна льва он зев сжимал.

Чтобы ее бесстрашны войски,
От колыбели до седин,
Носили дух в себе геройский,
И отрок будто б исполин
Врагам в сражениях казался;
Их пленник бы сказал о них:
«Никто в бою им не равнялся,
Кроме души великой их».

Чтобы вселенныя владыки
И всяк ту истину узнал:
Где войски Зороастр великий
Образовал и учреждал,
И где великую в них душу
Великая Фелица льет, —
Те войски горы, море, сушу
Пройдут — и им препоны нет.

Чтоб грозный полк их представлялся
Как страшна буря вдалеке
И Мир в порфире приближался
Тогда б к царевниной руке.
Она б его облобызала
И ветвь его к себе взяла,
«Да будет тишина!» сказала,
И к нам бы тишина пришла.

Как ангел в синеве эфира
И милосердия в лице,
Со кротостью в душе зефира
С сияньем тихим звезд в венце,
Благолюбивая б царевна
В день зрелась мирна торжества;
Душа моя бы восхищенна
Была делами божества.

Из уст ее текла бы сладость
И утешала стон вдовиц;
Из глаз ее блистала б радость
И освещала мрак темниц;
Рука ее бы награждала
Прямых отечества сынов;
Душа ее в себе прощала
Неблагодарных и врагов.

Приятность бы сопровождала
Ее беседу, дружбу, власть;
Приветливость ее равняла
С монархом подданного часть.
Повсюду музы, в восхищенье,
Ей сыпали б цветы сердец,
И самое недоуменье
Ей плесков поднесло б венец.

Черты одной красот ей ложно
Блюдися приписать в твой век;
Представь, каков, коль только можно,
Богоподобный человек!
Исполнь ее величеств, власти,

Бессмертных мудрости даров,
Вдохни, вдохни ей также страсти:
Щедроту, славу и любовь.

И славу моему ты взору
Ее представь как бы в ночи
Возженну бриллиантов гору,
От коей бы лились лучи
И живо в вечности играли;
На светлу оной крутизну
Калифы многие желали —
Ползли — скользили — пали в тьму.

Как огнен столп на понте, взорам
В горе сей колебался б путь;
Фелица бы внушала Хлорам:
«Там розы без шипов растут».
Мурза б, в восторге, в удивленьи,
Под золотым ее щитом
В татарском упражнялся пеньи
И восклицал открытым ртом:

«Бросай кто хочет, — остры стрелы
От чистой совести скользят;
Имея сердце, руки белы,
Мне стыдно мстить, стыднее лгать;
Того стыднее — в дни блаженны
За истину страшиться зла:
Моей царевной восхищенный,
Я лишь ее пою дела».

Но что, Рафáэль! что ты пишешь?
Кого ты, где изобразил?
Не на холсте, не в красках дышишь,
И не металл ты оживил;
Я в сердце зрю алмазну гору,
На нем божественны черты
Сияют исступленну взору:
На нем в лучах — Фелица, ты!

1789

К ЭВТЕРПЕ

Пой, Эвтерпа дорогая!
В струны арфы ударяй,
Ты, поколь весна младая,
Пой, пляши и восклицай.
Ласточкой порхает радость,
Кратко соловей поет:
Красота, приятность, младость —
Не увидишь, как пройдет.

Бранным шлемом покровенный
Марс своей пусть жертвы ждет;
Рано ль, поздо ль, побежденный
Голиаф пред ним падет;
Вскинет тусклый и багровый
С скрежетом к нему свой взгляд
И венец ему лавровый,
Хоть не хочет, да отдаст.

Пусть придворный суетится
За фортуною своей,
Если быть ему случится
И наперсником у ней,
Рано ль, поздо ль, он наскучит
Кубариться кубарем;
Нас фортуна часто учит
Горем быть *богатырем.*

Время всё переменяет:
Птиц умолк весенних свист,
Лето знойно пробегает,
Трав зеленых вянет лист;
Идет осень златовласа,
Спелые несет плоды;
Красно-желта ее ряса
Превратится скоро в льды.

Марс устанет — и любимец
Счастья во́зьмет свой покой;
У твоих ворот и крылец
Царедворец и герой

Брякнут в кольцы золотые;
Ты с согласия отца
Бросишь взоры голубые
И зажжешь у них сердца.

С сыном неги Марс заспорит
О любви твоей к себе,
Сына неги он поборет
И понравится тебе;
Качествы твои любезны
Всей душою полюбя,
Опершись на щит железный,
Он воздремлет близ тебя.

Пой, Эвтерпа молодая!
Прелестью своей плени;
Бога браней усыпляя,
Гром из рук его возьми.
Лавром голова нагбенна
К персям склонится твоим,
И должна тебе вселенна
Будет веком золотым.

1789

НА КОВАРСТВО ФРАНЦУЗСКОГО ВОЗМУЩЕНИЯ И В ЧЕСТЬ КНЯЗЯ ПОЖАРСКОГО

Доколь владычество и славу,
Коварство! будешь присвоять?
Весы, кадило, меч, державу
В руках злодейских обращать?
Доколь ловитвой ухищренной
Ярем накладывать вселенной
Тебе чрез наглость и чрез лесть?
За святотатственны обманы
Доколе стяжут власть тираны,
Кумиры божескую честь?

Кто возвращать возможет веки
И зрит деянья древних лет,

Тот знает, сколько человеки
Тобою претерпели бед!
Лишь праотец в Эдем явился,
Твоим пронырством искусился, —
Исчез его блаженства сад;
Сокрылося златое время
С тех пор, как земнородных племя
Вкусило твой тлетворный яд.

Лежат поверженные царства
Мятежною твоей рукой;
Чужие троны и начальства
Не раз похищены тобой;
Не раз народным кровопийцам
И целых областей убийцам
Ты отверзало славы храм,
И небу щедрому, благому
Не раз в покров ты делу злому
Курить дерзало фимиам.

Для властолюбия, богатства,
Для пагубных твоих страстей,
Не раз, преодолев препятства,
Достигло цели ты своей;
Не раз ты честность очерняло;
Не раз ты святость порицало
И высило чрез них твой рог;
Не уважаешь уз ты крови,
Не чтишь ты дружбы, ни любови;
Корысть одна и ты — твой бог!

Предусмотря свою выгóду,
И сделать нужным чтоб себя,
Невинность, равенство, свободу,
Покой и счастье истребя,
Ты влило в нас свою отраву,
Любить прельстило злую славу
И буйную господства страсть;
Разбой вменяют там в геройство,
Жизнь безначальную — в спокойство,
Насилие — в священну власть.

Твоя ужасна дальновидность
И скрытый, мрачный твой совет
Там ставят сети на невинность,
И слуха о тебе где нет.
Для бедных, слабых обороны
Уставлены суды, законы,
Взаимность, должность, клятвы, брак;
Но коль сорвать с тебя личину,
В сию священну паутину
Лишь вязнет червь, — а ты? — никак!

Возьмем же истины зерцало,
Посмотрим в нем твоих путей;
Ехиднино раскроем жало,
Сокрытое в груди твоей;
Исследуем твои деяньи,
Все виды, козни и желаньи,
И обнажим тебя всего:
Уже я зрю хамелеона,
Для польз твоих, для ближних стона,
В изгибах сердца твоего.

Когда смеешься — ты сирена;
Когда ты плачешь — крокодил;
Когда молчишь, тогда геенна
Кипит в тебе всех адских сил.
Чудовище! пороки злые
За добродетели святые
Умеешь в мир ты выдавать;
Велишь слова твои лукавы
Небесной правды за уставы
Вселенной слепо обожать.

Велишь — и в недре кроткой веры,
Наместо агнца в алтарях,
С мольбой и пеньем изуверы
Свою собратью жгут в кострах.
Велишь — и бредни лжепророка
Повергли знатну часть Востока
Под любострастный алкоран.
Европа ужаснулась кову,

Что за любовь открыл Христову
В Варфоломеев день тиран.

Велишь — и Цезарь, прослезяся,
Знамена бунта развернул;
Велишь — и Нерон, притворяся,
Смиренством трона досягнул.
Исчадьи гордости, распутства
Посредством твоего искусства
Дают себе нередко блеск.
Тот тьмы граждан поверг ко гробу,
Сей матерню пронзил утробу;
Но им гремит народов плеск.

Расстриги, Кромвели, Надыры,
Вельможи злые и цари
Для хвал своих имеют лиры,
Для обожанья алтари;
Чрез происки твои хвастливы
Велики, мудры, справедливы
Являются вселенной всей;
Но где им истина коснется,
Завеса лести раздерется,
Из бога вскроется злодей.

Как острой сталью горорытство
Металлов ищет в недре гор,
Так разум, людскость, любопытство
И любомудрый тонкий взор
Коварно сердце проницает,
Его все бездны разверзает
И тайны явными творит;
А время на весы всё точно,
Что́ хвально, весит, что́ порочно,
И беспристрастно нас ценит.

О ты, который властью, саном
Себя желаешь отличить
И из пигмея великаном
Бессмертно в летописях жить!
Хотя дела твои днесь громки,
Но если поздные потомки

Путей в них правых не найдут —
Не будешь помещен ты в боги;
Несправедливые дороги
В храм вечной славы не ведут.

Ведут не в храм — на место лобно
Они содетелей неправд;
Души коварной чувство злобно —
Здесь дыба, а по смерти — ад.
Насильственно реки стремленье,
Войною стран опустошенье,
Неправый суд, огнь, глад, бунт, мор!
Что след ваш? — плач и скорбь сердечна.
Что ваша слава? — клятва вечна.
Вы смрадный естества позор!

Обширный разум и надменный,
Могущий власть себе стяжать,
Могущий царствам дни блаженны
И злополучны даровать,
Могущий утеснить природу
Иль ей отдать ее свободу,
Ты можешь сам себя решить:
Почтенну ль быть тебе с Сократом,
Или презренну с Геростратом?
Героем иль злодеем слыть?

Когда бы бурный Нил волною
Своих брегов не утучнял,
Благотворящею рекою
Его бы свет не нарицал;
Когда б Октавий козни злые
Не пременил в дела благие,
Поднесь бы Августом не слыл;
И Петр не назвался б великим,
Когда б по подвигам толиким
Он свой народ не просветил.

Доколь сияние короны
Страстям мрачить не возбранишь,
Священну веру и законы,
И правый суд не сохранишь;

Доколь не удалишь бесчинность,
Доколь не защитишь невинность
И с лихвой мзду не пресечешь;
Доколе роскошь и пороки,
Как быстрые с горы потоки,
Своим примером не прервешь;

Доколь, драконов сея зубы,
Ты будешь новых змей рождать,
И ложной славы громки трубы
В свирельный глас не пременять;
Доколь моря, страны и грады,
Разбойничьей алчбы награды,
Чужое злато и сребро
И лавр не претворишь в оливы;
Доколе не удобришь нивы
И мира не пожнешь добро;

Доколе не возлюбишь правды,
Седин геройских не почтишь,
Народу не подашь отрады
И сирых гласу не внушишь, —
Дотоль, о смертный! сколь ни звучен
И сколь ты ни благополучен,
Хоть славой до небес возник,
Хоть сел на троне превысоком,
Пред любомудрым строгим оком
Еще, еще ты не велик.

Не трон, но духа благородство
Дает велики имена;
Прямое духа превосходство —
Лишь к истине любовь одна;
О ней лишь может быть рачитель,
О благе общем попечитель,
Отцом отечества монарх;
Лишь ею вождь героем чтится,
И богом судия нам зрится,
И солнцем мира — иерарх.

Пусть позлащенна медь блистает,
Но блещет ли она собой?

Пусть ухищрение прельщает,
Но чем? — лишь истины корой.
Повергни испытать в горнило —
Померкнет вмиг сие светило;
А злато завсегда равно.
И истина вовек сияет;
Она едина составляет
Всех добродетелей зерно.

Зерно бессмертия и корень
Величия, доброт венец;
Природой храм ее построен
У нас во глубине сердец.
В душе и страстна человека
Ее взывает глас от века:
«Тебе дан ум — меня познать;
Словесность — рассказать другому;
Бессмертный дух — коварству злому
Без ужаса противостать».

О, коль видение прекрасно! —
Блажен, кто идет правде вслед!
Ничто ему, ничто не страшно
И никакой не смертен вред.
Стремится ль злость с остервененьем,
Он ограждается терпеньем,
И непорочности щитом
Сжимает зев ее кровавый;
Поносна смерть короной славы
Бывает в подвиге таком.

Когда ж в сии златые годы,
В сии блаженны, редки дни,
Как мыслить, говорить свободы
Законной мы не лишены;
Как разум с истиной святою
Нас милосердия стезею
Стремятся к просвещенью весть;
Как всем оно не воспрещенно, —
Паук дерзает ухищренно
Вкруг солнца паутину плесть!

Увы! когда ж, в которы веки
Добра не угнетало зло?
Где те велики человеки,
Которых сердце бы могло
Предусмотреть страстей все виды?
Где Леониды, Аристиды?
Где те Эпаминонды днесь,
Где те Катоны, Сципионы,
Которых чрез времен запоны,
Как огнь, нас озаряет честь?

Где толь простые, непритворны,
Прямые, чистые сердца,
Толь души тверды, благородны,
Достойные из звезд венца?
Средь славных подвигов и боев
Мы зрим полки у нас героев;
Но чтит ли их взор мудреца?
Он ищет росса справедлива,
Благочестива, терпелива,
Мужей великих образца,

Который бы в боях сражался
Лишь спасть народ, царя от бед;
Перунами не возвышался,
Отнес к другим весь звук побед;
Красой и златом не был пленным,
Простил убийцам обличенным,
Сокрыту зависть наградил;
Не вняв к себе народа клику,
Избрал достойного владыку
И над собою воцарил;

Который, быв покорен воле
Избранного собой царя,
Не возроптал и в низкой доле,
Его веления творя;
Стократ излил своей ток крови,
Иссяк к отечеству в любови,
Доволен без наград собой;
Царя творец и раб послушный,

Не ты ль, герой великодушный,
Пожарской? муж великий мой?

Ты спас от расхищенья царство,
Ты власть монарху утвердил,
Ты сверг любоначальств коварство,
Ты честь свою в себе сокрыл;
Ни колесниц ты, ни трофеев,
Ни громких хвал, ни мавзолеев
Во мзду не получил заслуг;
Одна лишь персть твоя осталась,
В ней искра славы сохранялась,
Которая возжгла мой дух.

Восстань, восстань на голос лиры,
Великая из мрака тень!
И, ночь когда скрывает миры
Или когда сияет день,
Носись над нашими главами,
Ум гордый поражай громами,
Учи к царям благоговеть,
Подпорой будь в Европе тронов:
Твой сильный глас, как Цицеронов,
Заставит злобу оробеть.

Восстань! мечтайся в воображеньи,
Живи в уме, теки в крови,
Живи и делай наставленьи
В прямой к отечеству любви, —
В любви, что свар нейдет в дорогу,
Верна царю, народу, богу,
Готова всё сама терпеть,
Готова в бедствиях мужаться,
Нарзесов славе удивляться,
О Велизариях жалеть.

Пусть Катилины, Бедемары,
И Мирабо, и Лафает,
Готовя скрытые удары,
Крамолами колеблют свет;
Пускай коварство Годунову

Возносит в память башню нову
За тысячу его заслуг;
А на твоей покрышке гроба
Простую надпись лишь: *Прочь злоба!*
Отечества напишет друг.

1789, 1790

НА ВЗЯТИЕ ИЗМАИЛА

О, коль монарх благополучен,
Кто знает россами владеть!
Он будет в свете славой звучен
И всех сердца в руке иметь.

Ода г. Ломоносова

Везувий пламя изрыгает,
Столп огненный во тьме стоит,
Багрово зарево зияет,
Дым черный клубом вверх летит;
Краснеет понт, ревет гром ярый,
Ударам вслед звучат удары;
Дрожит земля, дождь искр течет;
Клокочут реки рдяной лавы, —
О росс! Таков твой образ славы,
Что зрел под Измаилом свет!

О росс! О род великодушный!
О твердокаменная грудь!
О исполин, царю послушный!
Когда и где ты досягнуть
Не мог тебя достойной славы?
Твои труды — тебе забавы;
Твои венцы — вкруг блеск громов;
В полях ли брань — ты тмишь свод звездный,
В морях ли бой — ты пенишь бездны, —
Везде ты страх твоих врагов.

На подвиг твой вождя веленьем
Ты идешь, как жених на брак.
Марс видит часто с изумленьем,
Что и в бедах твой весел зрак.
Где вкруг драконы медны ржали,

Из трех сот жерл огнем дышали,
Ты там прославился днесь вновь.
Вождь рек: «Се стены Измаила!
Да сокрушит твоя их сила! . .»
И воскипела бранна кровь.

Как воды, с гор весной в долину
Низвержась, пенятся, ревут,
Волнами, льдом трясут плотину,
К твердыням россы так текут.
Ничто им путь не воспящает;
Смертей ли бледных полк встречает,
Иль ад скрежещет зевом к ним, —
Идут — как в тучах скрыты громы,
Как двигнуты безмолвны холмы;
Под ними стон, за ними — дым.

Идут в молчании глубоком,
Во мрачной страшной тишине,
Собой пренебрегают, роком;
Зарница только в вышине
По их оружию играет;
И только их душа сияет,
Когда на бой, на смерть идет.
Уж блещут молнии крылами,
Уж осыпаются громами —
Они молчат, — идут вперед.

Не бард ли древний, исступленный,
Волшебным их ведет жезлом?
Нет! свыше пастырь вдохновенный
Пред ними йдет со крестом;
Венцы нетленны обещает
И кровь пролить благословляет
За честь, за веру, за царя;
За ним вождей ряд пред полками,
Как бурных дней пред облаками
Идет огнистая заря.

Идут. — Искусство зрит заслугу
И, сколь их дух был тут велик,

Вещает слух земному кругу,
Но мне их раздается крик;
По лествицам на град, на стогны,
Как шумны волны через волны,
Они возносятся челом;
Как угль — их взоры раскаленны;
Как львы на тигров устремленны,
Бегут, стеснясь, на огнь, на гром.

О! что за зрелище предстало!
О пагубный, о страшный час!
Злодейство что ни вымышляло,
Поверглось, россы, всё на вас!
Зрю камни, ядра, вар и бревны, —
Но чем герои устрашенны?
Чем может отражен быть росс?
Тот лезет по бревну на стену;
А тот летит с стены в геенну, —
Всяк Курций, Деций, Буароз!

Всяк помнит должность, честь и веру,
Всяк душу и живот кладет.
О россы! нет вам, нет примеру,
И смерть сама вам лавр дает.
Там в грудь, в сердца лежат пронзенны,
Без сил, без чувств, полмертвы, бледны,
Но мнят еще стерть вражий рог;
Иной движеньем ободряет,
А тот с победой восклицает:
Екатерина! — с нами бог!

Какая в войсках храбрость рьяна!
Какой великий дух в вождях!
В одних душа рассудком льдяна,
У тех пылает огнь в сердцах.
В зиме рожденны под снегами,
Под молниями, под громами,
Которых с самых юных дней
Питала слава, верность, вера, —
Где можно вам сыскать примера?
Не посреди ль стихийных прей?

Представь: по светлости лазуря,
По наклонению небес
Взошла черно-багрова буря
И грозно возлегла на лес;
Как страшна нощь, надулась чревом,
Дохнула с свистом, воем, ревом,
Помчала воздух, прах и лист;
Под тяжкими ее крылами
Упали кедры вверх корнями
И затрещал Ливан кремнист.

Представь последний день природы,
Что пролилася звезд река;
На огнь пошли стеною воды,
Бугры взвились за облака;
Что вихри тучи к тучам гнали,
Что мрак лишь молньи освещали,
Что гром потряс всемирну ось,
Что солнце, мглою покровенно,
Ядро казалось раскаленно:
Се вид, как вшел в Измáил росс!

Вошел! «Не бойся», — рек, и всюды
Простер свой троегранный штык:
Поверглись тел кровавы груды,
Напрасно слышан жалоб крик;
Напрасно, бранны человеки!
Вы льете крови вашей реки,
Котору должно бы беречь;
Но с самого веков начала
Война народы пожирала,
Священ стал долг: рубить и жечь!

Тот мыслит овладеть всем миром,
Тот не принять его оков;
Вселенной царь стал врану пиром,
Герои — снедию волков.
Увы! пал крин, и пали терны. —
Почто ж? — Судьбы небесны темны, —
Я здесь пою лишь браней честь.
Нас горсть, — но полк лежит пред нами;

Нас полк, — но с тысячьми и тьмами
Мы низложили город в персть.

И се уже шумя стремится
Кровавой пены полн Дунай,
Пучина черная багрится,
Спершись от трупов, с краю в край;
Уже бледнеюща Мармора
Дрожит плывуща к ней позора,
Костры тел видя за костром!
Луна полна на башнях крови,
Поникли гордой Мекки брови;
Стамбул склонился вниз челом.

О! ежели издревле миру
Побед славнейших звук гремит,
И если приступ славен к Тиру, —
К Измайлу больше знаменит.
Там был вселенной покоритель,
Машин и башен сам строитель,
Горой он море запрудил,
А здесь вождя одно веленье
Свершило храбрых россов рвенье;
Великий дух был вместо крыл.

Услышь, услышь, о ты, вселенна!
Победу смертных выше сил;
Внимай Европа удивленна,
Каков сей россов подвиг был.
Языки, знайте, вразумляйтесь,
В надменных мыслях содрогайтесь;
Уверьтесь сим, что с нами бог;
Уверьтесь, что его рукою
Один попрет вас росс войною,
Коль встать из бездны зол возмог!

Я вижу страшную годину:
Его три века держит сон,
Простертую под ним долину
Покрыл везде колючий терн;
Лице туман подернул бледный,

Ослабли мышцы удрученны,
Скатилась в мрак глава его;
Разбойники вокруг суровы
Взложили тяжкие оковы,
Змия на сердце у него.

Он спит — и несекомы гады
Румяный потемняют зрак,
Войны опустошают грады,
Раздоры пожирают злак;
Чуть зрится блеск его короны,
Страдает вера и законы,
И ты, к отечеству любовь!
Как зверь, его Батый рвет гладный,
Как змей, сосет лжецарь коварный, —
Повсюду пролилася кровь!

Лежал он во своей печали,
Как темная в пустыне ночь;
Враги его рукоплескали,
Друзья не мыслили помочь,
Соседи грабежом алкали;
Князья, бояра в неге спали
И ползали в пыли, как червь, —
Но бог, но дух его великий
Сотряс с него беды толики, —
Расторгнул лев железну вервь!

Восстал! как утром холм высокой
Встает, подъемляся челом
Из мглы широкой и глубокой,
Разлитой вкруг его, и, гром
Поверх главы в ничто вменяя,
Ногами волны попирая,
Пошел — и кто возмог протйв?
От шлема молнии скользили,
И океаны уступили,
Стопам его пути открыв.

Он сильны орды пхнул ногою,
Края азийски потряслись;

Упали царствы под рукою,
Цари, царицы в плен влеклись;
И победителей разитель,
Монархий света разрушитель
Простерся под его пятой;
В Европе грады брал, тряс троны,
Свергал царей, давал короны
Могущею своей душой.

Где есть народ в краях вселенны,
Кто б столько сил в себе имел:
Без помощи, от всех стесненный,
Ярем с себя низвергнуть смел
И, вырвав бы венцы лавровы,
Возверг на тех самих оковы,
Кто столько свету страшен был?
О росс! твоя лишь добродетель
Таких великих дел содетель;
Лишь твой орел луну затмил.

Лишь ты, простря твои победы,
Умел щедроты расточать:
Поляк, турк, перс, прус, хин и шведы
Тому примеры могут дать.
На тех ты зришь спокойно стены,
Тем паки отдал грады пленны;
Там унял прю, тут бунт смирил;
И сколь ты был их победитель,
Не меньше друг, благотворитель,
Свое лишь только возвратил.

О кровь славян! Сын предков славных!
Несокрушаемый колосс!
Кому в величестве нет равных,
Возросший на полсвете росс!
Твои коль славны древни следы!
Громчай суть нынешни победы:
Зрю вкруг тебя лавровый лес;
Кавказ и Тавр ты преклоняешь,
Вселенной на среду ступаешь
И досязаешь до небес.

Уже в Эвксине с полунощи
Меж вод и звезд лежит туман,
Под ним плывут дремучи рощи;
Средь них как гор отломок льдян
Иль мужа нека тень седая
Сидит, очами озирая:
Как полный месяц щит его,
Как сосна рында обожженна,
Глава до облак вознесенна, —
Орел над шлемом у него.

За ним златая колесница
По розовым летит зарям;
Сидящая на ней царица,
Великим равная мужам,
Рукою держит крест одною,
Возженный пламенник другою,
И сыплет блески на Босфор;
Уже от северного света
Лице бледнеет Магомета,
И мрачный отвратил он взор.

Не вновь ли то Олег к Востоку
Под парусами флот ведет
И Ольга к древнему потоку
Занятый ею свет лиет?
Иль россов йдет дух военный,
Христовой верой провожденный,
Ахеян спасть, агарян стерть? —
Я слышу, громы ударяют,
Пророки, камни возглашают:
То будет ныне или впредь!

О! вы, что в мыслях суетитесь
Столь славный россу путь претить,
Помочь врагу Христову тщитесь
И вере вашей изменить!
Чем столько поступать неправо,
Сперва исследуйте вы здраво
Свой путь, цель росса, суд небес;
Исследуйте и заключите:

Вы с кем и на кого хотите?
И что ваш року перевес?

Ничто — коль росс рожден судьбою
От варварских хранить вас уз,
Темиров попирать ногою,
Блюсть ваших от Омаров муз,
Отмстить крестовые походы,
Очистить иордански воды,
Священный гроб освободить,
Афинам возвратить Афину,
Град Константинов Константину
И мир Афету водворить.

Афету мир? — О труд избранный!
Достойнейший его детей,
Великими людьми желанный,
Свершишься ль ты средь наших дней?..
Доколь Европа просвещенна
С перуном будешь устремленна
На кровных братиев своих?
Не лучше ль внутрь раздор оставить
И с россом грудь одну составить
На общих супостат твоих?

Дай руку! — и пожди спокойно:
Сие и росс один свершит,
За беспрепятствие достойно
Тебя трофеем наградит.
Дай руку! дай залог любови!
Не лей твоей и нашей крови,
Да месть всем в грудь нам не взойдет;
Пусть только ум Екатерины,
Как Архимед, создаст машины;
А росс вселенной потрясет.

Чего не может род сей славный,
Любя царей своих, свершить?
Умейте лишь, главы венчанны!
Его бесценну кровь щадить.
Умейте дать ему вы льготу,
К делам великим дух, охоту

И правотой сердца пленить.
Вы можете его рукою
Всегда, войной и не войною,
Весь мир себя заставить чтить.

Война, как северно сиянье,
Лишь удивляет чернь одну:
Как светлой радуги блистанье,
Всяк мудрый любит тишину.
Что благовонней аромата?
Что слаще меда, краше злата
И драгоценнее порфир?
Не ты ль, которого всем взгляды
Лиют обилие, прохлады,
Прекрасный и полезный мир?

Приди, о кроткий житель неба,
Эдемской гражданин страны!
Приди! — и, как сопутник Феба,
Дух теплотворный, бог весны,
Дохни везде твоей душою!
Дохни, — да расцветет тобою
Рай сладости в домах, в сердцах!
Под сению Екатерины
Венчанны лавром исполины
Возлягут на своих громах.

Премудрость царствы управляет;
Крепит их — вера, правый суд;
Их труд и мир обогащает,
Любовию они цветут.
О пол прекрасный и почтенный,
Кем россы рождены, кем пленны!
И вам днесь предлежат венцы.
Плоды побед суть звуки сла́вы,
Побед основа — тверды нравы,
А добрых нравов вы творцы!

Когда на брани вы предметов
Лишилися любви своей,
И если без войны, наветов
Полна жизнь наша слез, скорбей, —

Утешьтесь! — Ветры в ветры дуют,
Стихии меж собой воюют;
Сей свет — училище терпеть.
И брань коль восстает судьбою,
Сын россиянки среди бою
Со славой должен умереть.

А слава тех не умирает,
Кто за отечество умрет;
Она так в вечности сияет,
Как в море ночью лунный свет.
Времен в глубоком отдаленьи
Потомство тех увидит тени,
Которых мужествен был дух.
С гробов их в души огнь польется,
Когда по рощам разнесется
Бессмертной лирой дел их звук.

Конец 1790 или начало 1791

ЛЮБИТЕЛЮ ХУДОЖЕСТВ

Сойди, любезная Эрата!
С горы зеленой, двухолмистой,
В одежде белой, серебристой,
Украшенна венцом и поясом из злата,
С твоею арфой сладкогласной! —
Сойди, утех собор,
И брось к нам нежно-страстный
С улыбкою твой взор;
И царствуй вечно в доме сем
На берегах Невы прекрасных!
Любителю наук изящных
Мы песнь с тобою воспоем.

Небеса, внемлите
Чистый сердца жар
И с высот пошлите
Песен сладкий дар.
О мольба прилежна,
Как роса, вознесись:
К нам ты, Муза нежна,
Как Зефир, спустись!

Как легкая серна
Из дола в дол, с холма на холм
Перебегает;
Как белый голубок, она
То вниз, то вверх, под облачком
Перелетает;
С небесных светлых гор дорогу голубую
Ко мне в минуту перешла
И арфу золотую
С собою принесла;
Резвилась вкруг меня, ласкалася, смотрела
И, будто ветерочек, села
На лоне у меня.
Тут вдруг, веселый вид на важный пременя,
Небесным жаром воспылала,
На арфе заиграла.

Ее бело-румяны персты
По звучным бегают струнам;
Взор черно-огненный, отверстый,
Как молния вослед громам,
Блистает, жжет и поражает
Всю внутренность души моей;
Томит, мертвит и оживляет
Меня приятностью своей.

Боги взор свой отвращают
От не любящего муз,
Фурии ему влагают
В сердце черство грубый вкус,
Жажду злата и сребра, —
Враг он общего добра!

Ни слеза вдовиц не тронет,
Ни сирот несчастных стон;
Пусть в крови вселенна тонет,
Был бы счастлив только он;
Больше б собрал серебра, —
Враг он общего добра!

Напротив того, взирают
Боги на любимца муз,

Сердце нежное влагают
И изящный нежный вкус;
Всем душа его щедра, —
Друг он общего добра!

Отирает токи слезны,
Унимает скорбный стон;
Сиротам отец любезный,
Покровитель музам он;
Всем душа его щедра, —
Друг он общего добра!

О день! о день благоприятный!
Несутся ветром голоса,
Курятся крины ароматны,
Склонились долу небеса;
Лазурны тучи, краезлаты,
Блистающи рубином сквозь,
Как испещренный флот богатый,
Стремятся по эфиру вкось;
И, плавая туда,
Сюда,
Спускаются пред нами.
На них сидит небесных муз собор,
Вкруг — гениев крылатых хор;
Летят, вслед тянутся цепями,
Как бы весной
Разноперистых птичек рой
Вьет воздух за собою
Кристальною струею,
И провождает к нам дев горних красный лик!
Я слышу вдалеке там резкий трубный зык;
Там бубнов гром,
Там стон
Волторн
Созвучно в воздух ударяет;
Там глас свирелей
И звонких трелей
Сквозь их изрёдка пробегает,
Как соловьиный свист сквозь шум падущих вод.
От звука разных голосов,

Встречающих полубогов
На землю сход,
По рощам эхо как хохочет,
По мрачным горным дебрям ропчет
И гул глухой в глуши гудет.
Я слышу, сонм небесных дев поет:

Науки смертных просвещают,
Питают, облегчают труд;
Художествы их украшают
И к вечной славе их ведут.
Благополучны те народы,
Которы красотам природы
Искусством могут подражать,
Как пчелы мед с цветов сбирать.
Блажен тот муж, блажен стократно,
Кто покровительствует им!
Вознаградят его обратно
Они бессмертием своим.

Наполнил грудь восторг священный,
Благоговейный обнял страх,
Приятный ужас потаенный
Течет во всех моих костях;
В весельи сердце утопает,
Как будто бога ощущает,
Присутствующего со мной!
Я вижу, вижу Аполлона
В тот миг, как он сразил Тифона
Божественной своей стрелой:
Зубчата молния сверкает,
Звенит в руке священный лук;
Ужасная змия зияет
И вмиг свой испущает дух,
Чешуйчатым хвостом песок перегребая
И черну кровь ручьем из раны испуская.
Я зрю сие, — и вмиг себе представить мог,
Что так невежество сражает света бог.

Полк бледных теней окружает
И ужасает дух того,

Кто кровью руки умывает
Для властолюбья своего;
И черный змей то сердце гложет,
В ком зависть, злость и лесть живет
И кто своим добром жить может,
Но для богатства мзду берет.
Порок спокоен не бывает;
Нрав варварский его мятет,
Наук, художеств не ласкает,
И света свет ему не льет.
Как зверь, он ищет места темна;
Как змей, он, ползая, шипит;
Душа, коварством напоенна,
Глазами прямо не глядит.

Черные мраки,
Злые призраки
Ужасных страстей!
Бегите из града,
Сокройтесь в дно ада
От наших вы дней!
Света перуны,
Лирные струны,
Минервин эгид!
Сыпьте в злость стрелы,
Брань за пределы
От нас да бежит!

Как солнце гонит нощи мрак,
И от его червлена злата
Румянится природы зрак,
Веселорезвая Эрата!
Ты ходишь по лугам зеленым
И рвешь тогда себе цветы,
Свободным духом, восхищенным,
Поешь свои утехи ты;
Вослед тебе забав собор,
Певиц приятных хор,
Наяды пляшут и фауны.
Составь же ты, прелестно божество!
И нам теперя торжество,
Да сладкогласной лиры струны,

Твоею движимы рукой,
Розбудят всех ко пляскам пред тобой.

Радостно, весело в день сей
Вместе сбирайтеся, други!
Бросьте свои недосуги,
Скачите, пляшите смелей:
Бейте в ладоши руками,
Щолкайте громко перстами,
Чорны глаза поводите,
Станом вы всем говорите;
Фертиком руки вы в боки,
Делайте легкие скоки;
Чобот о чобот стучите,
С наступью смелой свищите,
Молвьте спасибо душею
Мужу тому, что снисходит
Лаской, любовью своею,
Всем нам веселье находит.
Здравствуй же, муз днесь любитель!
Здравствуй, их всех покровитель!

1791

АНАКРЕОН В СОБРАНИИ

Нежный, нежный воздыхатель,
О певец любви и неги!
Ты когда бы лишь увидел
Столько нимф и столько милых,
Без вина бы и без хмелю
Ты во всех бы в них влюбился;
И в мечте иль в восхищеньи
Ты бы видел будто въяве:
На станице птичек белых,
Во жемчужной колеснице,
Как на облачке весеннем,
Тихим воздуха дыханьем
Со колчаном вьется мальчик
С позлащенным легким луком
И туда-сюда летает;
И садится он по нимфам,

То на ту, то на иную,
Как садятся желты пчелы
На цветы в полях младые.
Он у той блистал во взглядах,
У иной блистал в улыбке
И пускал оттуда жалы,
Как лучи пускает солнце.
Жалы были ядовиты,
Но и меду были слаще,
Не летали они мимо,
Попадали они в душу,
И душа б твоя томилась,
Уязвленная любовью, —
Лишь Паллады щит небесный
Утолил твои бы вздохи.

1791

ПРОГУЛКА В САРСКОМ СЕЛЕ

В прекрасный майский день,
В час ясныя погоды,
Как всюду длинна тень,
Ложась в стеклянны воды,
В их зеркале брегов
Изображала виды;
И как между столпов
И зданиев Фемиды,
Сооруженных ей
Героев росских в славу,
При гласе лебедей,
В прохладу и забаву,
Вечернею порой
От всех уединяясь,
С Пленирою младой
Мы, в лодочке катаясь,
Гуляли в озерке:
Она в корме сидела,
А посредине я.
За нами вслед летела
Жемчужная струя,
Кристалл шумел от весел:

О, сколько с нею я
В прогулке сей был весел!
Любезная моя, —
Я тут сказал, — Пленира!
Тобой пленен мой дух,
Ты дар всего мне мира.
Взгляни, взгляни вокруг,
И виждь — красы природы
Как бы стеклись к нам вдруг:
Сребром сверкают воды,
Рубином облака,
Багряным златом кровы;
Как огненна река,
Свет ясный, пурпуровый
Объял все воды вкруг;
Смотри в них рыб плесканье,
Плывущих птиц на луг
И крыл их трепетанье.

Весна во всех местах
Нам взор свой осклабляет,
В зеленых муравах
Ковры нам подстилает;
Послушай рога рев,
Там эха хохотанье;
Тут шепоты ручьев,
Здесь розы воздыханье!
Се ветер помавал
Крылами тихо слуху.

Какая пища духу! —
В восторге я сказал, —
Коль красен взор природы
И памятников вид,
Они где зрятся в воды,
И соловей сидит
Где близь и воспевает,
Зря розу иль зарю!
Он будто изъявляет
И богу и царю
Свое благодаренье:
Царю — за память слуг;

Творцу — что влил стремленье
К любви всем тварям в дух.
И ты, сидя при розе,
Так, дней весенних сын,
Пой, Карамзин! — И в прозе
Глас слышен соловьин.

1791

ПАМЯТНИК ГЕРОЮ

Всегда разборчива, правдива,
Нигде и никому не льстива,
О! строгого Кунгдзея Муза,
Которая его вдыхала
Играть на нежном, звонком кине
И трогать поученьем сердце!

Приди и, зря текущи годы,
Обратность вечную природы,
Что всходит и заходит солнце,
Что лето, осень придут паки,
А только к нам не возвратятся
Дела, содеянные нами, —

Вождя при памятнике дивном
Воссядь и в пении унывном
Вещай: сей столп повергнет время,
Разрушит. — Кто ж был полководец?
Куда его прошли победы?
Где меч его? где шлем? где образ?

Увы! и честь сия героев,
Присту́пов монументы, бо́ев —
Не суть ли знаки их свирепства?
Развалины, могилы, пепел,
Черепья, кости им подобных —
Не суть ли их венец и слава?

Ах, нет! средь всех народов, веков,
Друзья герои человеков
Суть соль земли, во мраке звезды;

Чрез них известна добродетель;
Они великие зерцалы
Богоподобных слабым смертным.

Прямой герой страстьми не движим,
Он строг к себе и благ ко ближним;
К богатствам, титлам, власти, славе
Внутри он сердца не привержен;
Сокровище его любезно —
Спокойный дух и чиста совесть.

В терпеньи тверд и мудр в напасти,
Не рабствует блестящей части;
Считает тем себя довольным,
Коль общих благ где был споспешник;
Блажен, блажен еще стократно,
Что страсти мог свои умерить!

Весами ль где, мечом ли правит,
Ни там, ни тут он не лукавит.
Его царь — долг; его бог — правда;
Лишь им он жертвует собою;
Искусен, осторожен, точен,
Рачителен, не быстр ко славе.

Делами — исполнитель веры,
Великодушия примеры
Его все мысли наполняют;
И бог его благословляет
Победою почти без крови,
Которой мир дарует царствам.

Такого мужа обелиски
Не тем славны, что к небу близки,
Не мрамором, не медью тверды;
Пускай их разрушает время,
Но вовсе истребить не может:
Живет в преданьях добродетель.

Строй, Муза, памятник герою,
Кто мужествен и щедр душою,

Кто больше разумом, чем силой,
Разбил Юсуфа за Дунаем,
Дал малой тратой много пользы. —
Благословись, Репнин, потомством!

1791

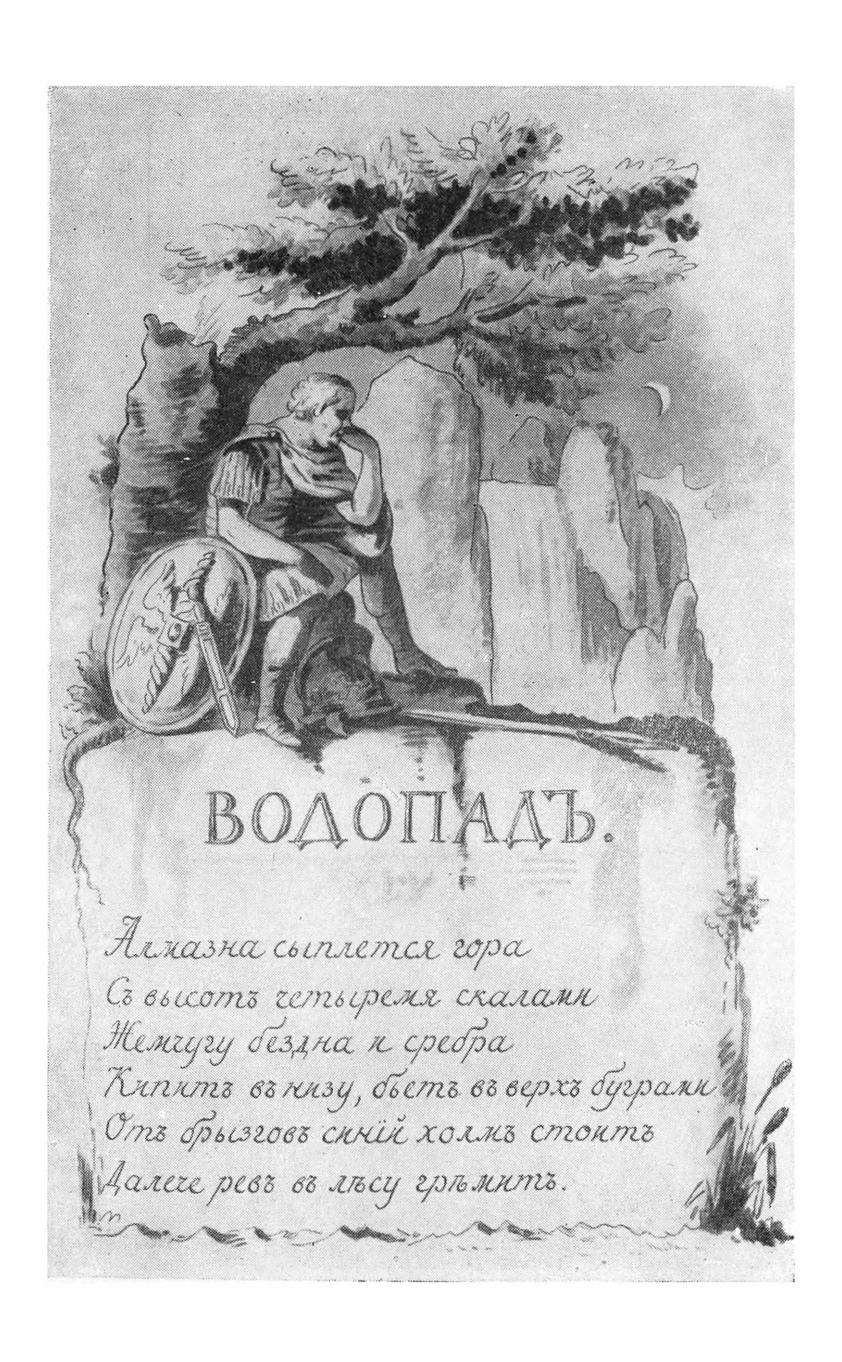
КО ВТОРОМУ СОСЕДУ

Не кость резная Колмогор,
Не мрамор Тифды и Рифея,
Не невски зеркала, фарфор,
Не шелк Баки, ни глазумея
Благоуханные пары
Вельможей делают известность;
Но некий твердый дух и честность,
А паче — муз дары.

Почто же, мой вторый сосед,
Столь зданьем пышным, столь отличным
Мне солнца застеняя свет,
Двором межуешь безграничным
Ты дому моего забор?
Ужель полей, прудов и речек,
Тьмы скупленных тобой местечек
Твой не насытят взор?

В тот миг, как с пошвы до конька
И около, презренным взглядом,
Мое строение слегка
С своим обозревая рядом,
Ты в гордости своей с высот
На низменны мои, мнишь, кровы
Навесить темный сад кедровый
И шумны токи вод, —

Кто весть, что рок готовит нам?
Быть может, что сии чертоги,
Назначенны тобой царям,
Жестоки времена и строги
Во стойлы конски обратят.

ВОДОПАДЪ.
Алмазна сыплется гора
Съ высотъ четырьмя скалами
Жемчугу бездна и сребра
Кипитъ въ низу, бьетъ въ верхъ буграми
Отъ брызговъ синій холмъ стоитъ
Далече ревъ въ лѣсу гремитъ.

За счастие поруки нету,
И чтоб твой Феб светил век свету,
Не бейся об заклад.

Так, так; но примечай, как день,
Увы! ночь темна затмевает;
Луну скрывает облак, тень;
Она растет иль убывает, —
С сумой не ссорься и тюрьмой.
Хоть днесь к звездам ты высишь стены,
Но знай: ты прах одушевленный,
И скроешься землей.

Надежней гроба дома нет,
Богатым он отверст и бедным;
И царь и раб в него придет.
К чему ж с столь рвеньем ты безмерным
Свой постоялый строишь двор,
И, ах! сокровищи Тавриды
На барках свозишь в пирамиды
Средь полицейских ссор?

Любовь граждан и слава нам
Лишь воздвигают прочны домы;
Они, подобно небесам,
Стоят и презирают громы.
Зри, хижина Петра доднесь,
Как храм, нетленна средь столицы!
Свят дом, под кой народ гробницы
Матвееву принес!

Рабочих в шуме голосов,
Машин во скрыпе, во стенаньи,
Средь громких песен и пиров
Трудись, сосед, и строй ты зданьи;
Но мой не отнимай лишь свет.
А то оставь молве правдивой
Решить: чей дом скорей крапивой
Иль плющем зарастет?

1791

СКРОМНОСТЬ

Тихий, милый ветерочек,
Коль порхнешь ты на любезну,
Как вздыханье ей в ушко шепчи;
Если спросит, чье? — молчи.

Чистый, быстрый ручеечек,
Если встретишь ты любезну,
Как слезинка ей в лицо плещи;
Если спросит, чья? — молчи.

Ясный, ведренный денечек,
Как осветишь ты любезну,
Взглядов пламенных ей брось лучи;
Если спросит, чьи? — молчи.

Темный, миртовый лесочек,
Как сокроешь ты любезну,
Тихо веткой грудь ей щекочи;
Если спросит, кто? — молчи.

1791

ВОДОПАД

Алмазна сыплется гора
С высот четыремя скалами,
Жемчугу бездна и сребра
Кипит внизу, бьет вверх буграми;
От брызгов синий холм стоит,
Далече рев в лесу гремит.

Шумит, и средь густого бора
Теряется в глуши потом;
Луч чрез поток сверкает скоро;
Под зыбким сводом древ, как сном
Покрыты, волны тихо льются,
Рекою млечною влекутся.

Седая пена по брегам
Лежит буграми в дебрях темных;

Стук слышен млатов по ветрам,
Визг пил и стон мехов подъемных:
О водопад! в твоем жерле
Всё утопает в бездне, в мгле!

Ветрами ль сосны пораженны? —
Ломаются в тебе в куски;
Громами ль камни отторженны? —
Стираются тобой в пески;
Сковать ли воду льды дерзают? —
Как пыль стекляна ниспадают.

Волк рыщет вкруг тебя и, страх
В ничто вменяя, становится;
Огонь горит в его глазах,
И шерсть на нем щетиной зрится;
Рожденный на кровавый бой,
Он воет, согласясь с тобой.

Лань идет робко, чуть ступает,
Вняв вод твоих падущих рев,
Рога на спину приклоняет
И быстро мчится меж дерев;
Ее страшит вкруг шум, бурь свист
И хрупкий под ногами лист.

Ретивый конь, осанку горду
Храня, к тебе порой идет;
Крутую гриву, жарку морду
Подняв, храпит, ушми прядет,
И, подстрекаем быв, бодрится,
Отважно в хлябь твою стремится.

Под наклоненным кедром вниз,
При страшной сей красе Природы,
На утлом пне, который свис
С утеса гор на яры воды,
Я вижу, некий муж седой
Склонился на руку главой.

Копье и меч, и щит великой,
Стена отечества всего,

И шлем, обвитый повиликой,
Лежат во мху у ног его.
В броне блистая златордяной,
Как вечер во заре румяной,

Сидит — и, взор вперя к водам,
В глубокой думе рассуждает:
«Не жизнь ли человеков нам
Сей водопад изображает? —
Он так же блеском струй своих
Поит надменных, кротких, злых.

Не так ли с неба время льется,
Кипит стремление страстей,
Честь блещет, слава раздается,
Мелькает счастье наших дней,
Которых красоту и радость
Мрачат печали, скорби, старость?

Не зрим ли всякой день гробов,
Седин дряхлеющей вселенной?
Не слышим ли в бою часов
Глас смерти, двери скрып подземной?
Не упадает ли в сей зев
С престола царь и друг царев?

Падут, — и вождь непобедимый,
В Сенате Цезарь средь похвал,
В тот миг, желал как диадимы,
Закрыв лице плащом, упал;
Исчезли замыслы, надежды,
Сомкнулись алчны к трону вежды.

Падут, — и несравненный муж
Торжеств несметных с колесницы,
Пример великих в свете душ,
Презревший прелесть багряницы,
Пленивший Велизар царей
В темнице пал, лишен очей.

Падут. — И не мечты прельщали,
Когда меня, в цветущий век,

Давно ли города встречали,
Как в лаврах я, в оливах тек?
Давно ль? — Но, ах! теперь во брани
Мои не мещут молний длани!

Ослабли силы, буря вдруг
Копье из рук моих схватила;
Хотя и бодр еще мой дух,
Судьба побед меня лишила».
Он рек — и тихим позабылся сном,
Морфей покрыл его крылом.

Сошла октябрьска нощь на землю,
На лоно мрачной тишины;
Нигде я ничего не внемлю,
Кроме ревущия волны,
О камни с высоты дробимой
И снежною горою зримой.

Пустыня, взор насупя свой,
Утесы и скалы дремали;
Волнистой облака грядой
Тихонько мимо пробегали,
Из коих, трепетна, бледна,
Проглядывала вниз луна.

Глядела и едва блистала,
Пред старцем преклонив рога,
Как бы с почтеньем познавала
В нем своего того врага,
Которого она страшилась,
Кому вселенная дивилась.

Он спал — и чудотворный сон
Мечты ему являл геройски:
Казалося ему, что он
Непобедимы водит войски;
Что вкруг его перун молчит,
Его лишь мановенья зрит.

Что огнедышащи за перстом
Ограды в след его идут;

Что в поле гладком, вкруг отверстом,
По слову одному растут
Полки его из скрытых станов,
Как холмы в море из туманов.

Что только по траве росистой
Ночные знать его шаги;
Что утром пыль, под твердью чистой,
Уж поздо зрят его враги;
Что остротой своих зениц
Блюдет он их, как ястреб птиц.

Что, положа чертеж и меры,
Как волхв невидимый, в шатре,
Тем кажет он в долу химеры,
Тем — в тиграх агнцов на горе,
И вдруг решительным умом
На тысячи бросает гром.

Что орлю дерзость, гордость лунну,
У черных и янтарных волн,
Смирил Колхиду златорунну,
И белого царя урон
Рая́ вечерня пред границей
Отмстил победами сторицей.

Что, как румяной луч зари,
Страну его покрыла слава;
Чужие вожди и цари,
Своя владычица, держава,
И все везде его почли,
Триумфами превознесли.

Что образ, имя и дела
Цветут его средь разных глянцев;
Что верх сребристого чела
В венце из молненных румянцев
Блистает в будущих родах,
Отсвечиваяся в сердцах.

Что зависть, от его сиянья
Свой бледный потупляя взор,

Среди безмолвного стенанья
Ползет и ищет токмо нор,
Куда бы от него сокрыться,
И что никто с ним не сравнится.

Он спит — и в сих мечтах веселых
Внимает завыванье псов,
Рев ветров, скрып дерев дебелых,
Стенанье филинов и сов,
И вещих глас вдали животных,
И тихий шорох вкруг бесплотных.

Он слышит: сокрушилась ель,
Станица вранов встрепетала,
Кремнистый холм дал страшну щель,
Гора с богатствами упала;
Грохочет эхо по горам,
Как гром гремящий по громам.

Он зрит одету в ризы черны
Крылату некую жену,
Власы имевшу распущенны,
Как смертну весть, или войну,
С косой в руках, с трубой стоящу,
И слышит он — проснись! — гласящу.

На шлеме у нее орел
Сидел с перуном помраченным,
В нем герб отечества он зрел;
И, быв мечтой сей возбужденным,
Вздохнул и, испустя слез дождь,
Вещал: «Знать, умер некий вождь!

Блажен, когда, стремясь за славой,
Он пользу общую хранил,
Был милосерд в войне кровавой
И самых жизнь врагов щадил:
Благословен средь поздных веков
Да будет друг сей человеков!

Благословенна похвала
Надгробная его да будет,

Когда всяк жизнь его, дела
По пользам только помнить будет;
Когда не блеск его прельщал
И славы ложной не искал!

О! слава, слава в свете сильных!
Ты точно есть сей водопад.
Он вод стремлением обильных
И шумом льющихся прохлад
Великолепен, светл, прекрасен,
Чудесен, силен, громок, ясен;

Дивиться вкруг себя людей
Всегда толпами собирает;
Но если он водой своей
Удобно всех не напояет,
Коль рвет брега и в быстротах
Его нет выгод смертным — ах!

Не лучше ль менее известным,
А более полезным быть;
Подобясь ручейкам прелестным,
Поля, луга, сады кропить,
И тихим вдалеке журчаньем
Потомство привлекать с вниманьем?

Пусть на обросший дерном холм
Приидет путник и воссядет,
И, наклонясь своим челом
На подписанье гроба, скажет:
Не только славный лишь войной,
Здесь скрыт великий муж душой.

О! будь бессмертен, витязь бранный,
Когда ты весь соблюл свой долг!»
Вещал сединой муж венчанный
И, в небеса воззрев, умолк.
Умолк, — и глас его промчался,
Глас мудрый всюду раздавался.

Но кто там и́дет по холмам,
Глядясь, как месяц, в воды черны?

Чья тень спешит по облакам
В воздушные жилища горны?
На темном взоре и челе
Сидит глубока дума в мгле!

Какой чудесный дух крылами
От севера парит на юг?
Ветр медлен течь его стезями,
Обозревает царствы вдруг;
Шумит, и как звезда блистает,
И искры в след свой рассыпает.

Чей труп, как на распутьи мгла,
Лежит на темном лоне нощи?
Простое рубище чресла,
Две лепте покрывают очи,
Прижаты к хладной груди персты,
Уста безмолвствуют отверсты!

Чей одр — земля; кров — воздух синь;
Чертоги — вкруг пустынны виды?
Не ты ли счастья, славы сын,
Великолепный князь Тавриды?
Не ты ли с высоты честей
Незапно пал среди степей?

Не ты ль наперсником близ трона
У северной Минервы был;
Во храме муз друг Аполлона;
На поле Марса вождем слыл;
Решитель дум в войне и мире,
Могущ — хотя и не в порфире?

Не ты ль, который взвесить смел
Мощь росса, дух Екатерины,
И, опершись на них, хотел
Вознесть твой гром на те стремнины,
На коих древний Рим стоял
И всей вселенной колебал?

Не ты ль, который орды сильны
Соседей хищных истребил,

Пространны области пустынны
Во грады, в нивы обратил,
Покрыл понт Черный кораблями,
Потряс среду земли громами?

Не ты ль, который знал избрать
Достойный подвиг росской силе,
Стихии самые попрать
В Очакове и в Измаиле,
И твердой дерзостью такой
Быть дивом храбрости самой?

Се ты, отважнейший из смертных!
Парящий замыслами ум!
Не шел ты средь путей известных,
Но проложил их сам — и шум
Оставил по себе в потомки;
Се ты, о чудный вождь Потемкин!

Се ты, которому врата
Торжественные созидали;
Искусство, разум, красота
Недавно лавр и мирт сплетали;
Забавы, роскошь вкруг цвели,
И счастье с славой следом шли.

Се ты, небесного плод дара
Кому едва я посвятил,
В созвучность громкого Пиндара
Мою настроить лиру мнил,
Воспел победу Измаила,
Воспел, — но смерть тебя скосила!

Увы! и хоров сладкий звук
Моих в стенанье превратился;
Свалилась лира с слабых рук,
И я там в слезы погрузился,
Где бездна разноцветных звезд
Чертог являли райских мест.

Увы! — и громы онемели,
Ревущие тебя вокруг;

Полки твои осиротели,
Наполнили рыданьем слух;
И всё, что близ тебя блистало,
Уныло и печально стало.

Потух лавровый твой венок,
Гранена булава упала,
Меч в полножны войти чуть мог,
Екатерина возрыдала!
Полсвета потряслось за ней
Незапной смертию твоей!

Оливы свежи и зелены
Принес и бросил Мир из рук;
Родства и дружбы вопли, стоны
И муз ахейских жалкий звук
Вокруг Перикла раздается:
Марон по Меценате рвется,

Который почестей в лучах,
Как некий царь, как бы на троне,
На сребро-розовых конях,
На златозарном фаэтоне,
Во сонме всадников блистал
И в смертный черный одр упал!

Где слава? Где великолепье?
Где ты, о сильный человек?
Мафусаила долголетье
Лишь было б сон, лишь тень наш век;
Вся наша жизнь не что иное,
Как лишь мечтание пустое.

Иль нет! — тяжелый некий шар,
На нежном волоске висящий,
В который бурь, громов удар
И молнии небес ярящи
Отвсюду беспрестанно бьют
И, ах! зефиры легки рвут.

Единый час, одно мгновенье
Удобны царствы поразить,

Одно стихиев дуновенье
Гигантов в прах преобразить;
Их ищут места — и не знают:
В пыли героев попирают!

Героев? — Нет! — но их дела
Из мрака и веков блистают;
Нетленна память, похвала
И из развалин вылетают;
Как холмы, гробы их цветут;
Напишется Потемкин труд.

Театр его — был край Эвксина;
Сердца обязанные — храм;
Рука с венцом — Екатерина;
Гремяща слава — фимиам;
Жизнь — жертвенник торжеств и крови,
Гробница ужаса, любови.

Когда багровая луна
Сквозь мглу блистает темной нощи,
Дуная мрачная волна
Сверкает кровью и сквозь рощи
Вкруг Измаила ветр шумит,
И слышен стон, — что турок мнит?

Дрожит, — и во очах сокрытых
Еще ему штыки блестят,
Где сорок тысяч вдруг убитых
Вкруг гроба Вейсмана лежат.
Мечтаются ему их тени
И росс в крови их по колени!

Дрожит, — и обращает взгляд
Он робко на окрестны виды;
Столпы на небесах горят
По суше, по морям Тавриды!
И мнит, в Очакове что вновь
Течет его и мерзнет кровь.

Но в ясный день, средь светлой влаги,
Как ходят рыбы в небесах

И вьются полосаты флаги,
Наш флот на вздутых парусах
Вдали белеет на лиманах,
Какое чувство в россиянах?

Восторг, восторг — они, а страх
И ужас турки ощущают;
Им мох и терны во очах,
Нам лавр и розы расцветают
На мавзолеях у вождей,
Властителей земель, морей.

Под древом, при заре вечерней,
Задумчиво любовь сидит,
От цитры ветерок весенней
Ее повсюду голос мчит;
Перлова грудь ее вздыхает,
Геройский образ оживляет.

Поутру солнечным лучом
Как монумент златый зажжется,
Лежат объяты серны сном
И пар вокруг холмов виется,
Пришедши, старец надпись зрит:
«Здесь труп Потемкина сокрыт!»

Алцибиадов прах! — И смеет
Червь ползать вкруг его главы?
Взять шлем Ахиллов не робеет,
Нашедши в поле, Фирс? — увы!
И плоть и труд коль истлевает,
Что ж нашу славу составляет?

Лишь истина дает венцы
Заслугам, кои не увянут;
Лишь истину поют певцы,
Которых вечно не престанут
Греметь перуны сладких лир;
Лишь праведника свят кумир.

Услышьте ж, водопады мира!
О славой шумные главы!

Ваш светел меч, цветна порфира,
Коль правду возлюбили вы,
Когда имели только мету,
Чтоб счастие доставить свету.

Шуми, шуми, о водопад!
Касаяся странам воздушным,
Увеселяй и слух и взгляд
Твоим стремленьем, светлым, звучным,
И в поздной памяти людей
Живи лишь красотой твоей!

Живи — и тучи пробегали
Чтоб редко по водам твоим,
В умах тебя не затмевали
Разженный гром и черный дым;
Чтоб был вблизи, вдали любезен
Ты всем; сколь дивен, столь полезен.

И ты, о водопадов мать!
Река на севере гремяща,
О Суна! коль с высот блистать
Ты можешь — и, от зарь горяща,
Кипишь и сеешься дождем
Сафирным, пурпурным огнем, —

То тихое твое теченье,
Где ты сама себе равна,
Мила, быстра и не в стремленье,
И в глубине твоей ясна,
Важна без пены, без порыву,
Полна, велика без разливу,

И без примеса чуждых вод
Поит златые в нивах бреги.
Великолепный свой ты ход
Вливаешь в светлый сонм Онеги;
Какое зрелище очам!
Ты тут подобна небесам.

1791—1794

НА УМЕРЕННОСТЬ

Благополучнее мы будем,
Коль не дерзнем в стремленье волн,
Ни в вихрь, робея, не принудим
Близ берега держать наш чёлн.
Завиден тот лишь состояньем,
Кто среднею стезей идет,
Ни благ не восхищен мечтаньем,
Ни тьмой не ужасаем бед;
Умерен в хижине, чертоге,
Равен в покое и тревоге.

Собрать не алчет миллионов,
Не скалится на жирный стол;
Не требует ничьих поклонов
И не лощит ничей сам пол;
Не вьется в душу к царску другу,
Не ловит таинств и не льстит;
Готов на труд и на услугу,
И добродетель токмо чтит.
Хотя и царь его ласкает,
Он носа вверх не поднимает.

Он видит, что и дубы мшисты
Кряхтят, падут с вершины гор,
Перун дробит бугры кремнисты
И пожигает влажный бор.
Он видит: с белыми горами
Вверх скачут с шумом корабли;
Ревут и черными волнами
Внутрь погребаются земли;
Он видит — и судьбе послушен,
В пременах света равнодушен.

Он видит — и, душой мужаясь,
В несчастии надежды полн;
Под счастьем же, не утомляясь,
В беспечный не вдается сон;
Себя и ближнего покоя,
Чтит бога, веру и царей;
Царств метафизикой не строя,

Смеется, зря на пузырей,
Летящих флотом к небу с грузом,
И вольным быть не мнит французом.

Он ведает: доколе страсти
Волнуются в людских сердцах,
Нет вольности, нет равной части
Царю в венце, рабу в цепях;
Несет свое всяк в свете бремя,
Других всяк жертва и тиран,
Течет в свое природа стремя;
А сей закон коль ввек ей дан,
Коль ввек мы под страстьми стенаем,
Каких же дней златых желаем?

Всяк долгу раб. Я не мечтаю
На воздухе о городах;
Всем счастливых путей желаю
К фортуне по льду на коньках.
Пускай Язон с Колхиды древней
Златое сбрил себе руно,
Крез завладел чужой деревней,
Марс откуп взял, — мне всё равно,
Я не завидлив на богатство
И царских сумм на святотатство.

Когда судьба качает в люльке,
Благословляю часть мою;
Нет дел — играю на бирюльке,
Средь муз с Горацием пою;
Но если б царь где добрый, редкой
Велел мне грамотки писать,
Я б душу не вертел рулеткой,
А стал бы пнем — и стал читать
Равно о людях, о болванах,
О добродетелях в карманах.

А ежели б когда и скушно
Меня изволил он принять,
Любя его, я равнодушно
И горесть стал бы ощущать,

И шел к нему опять со вздором
Суда и милости просить.
Равно когда б и светлым взором
Со мной он вздумал пошутить
И у меня просить прощенья, —
Не заплясал бы с восхищенья.

Но с рассужденьем удивлялся
Великодушию его,
Не вдруг на похвалы пускался;
А в жаре сердца моего
Воспел его бы без притворства,
И в сказочке сказал подчас:
«Ты громок браньми — для потомства,
Ты мил щедротами — для нас,
Но славы и любви содетель
Тебе твоя лишь добродетель».

Смотри и всяк, хотя б чрез шашни
Фортуны стал кто впереди,
Не сплошь спускай златых змей с башни
И, глядя в небо, не пади;
Держися лучше середины
И ближнему добро твори;
На завтра крепостей с судьбины
Бессильны сами взять цари.
Есть время — сей, — оно превратно;
Прошедше не придет обратно.

Хоть чья душа честна, любезна,
Хоть бескорыстен кто, умен;
Но коль умеренность полезна
И тем, кто славою пленен!
Умей быть без обиды скромен,
Осанист, тверд, но не гордец;
Решим без скорости, спокоен,
Без хитрости ловец сердец;
Вздув в ясном паруса́ лазуре,
Умей их не сронить и в буре.

1792

К Н. А. ЛЬВОВУ

Стократ благословен тот смертный,
Кого не тяготит печаль,
Ни зависть потаенным вздохом,
Ни гордость громогласным смехом
Не жмут, не гонят от двора.

Сокрыта жизнь твоя в деревне
Течет теперь, о милый Львов!
Как светлый меж цветов источник
В лесу дремучем. Пусть другие,
Взмостясь, из терема глядят,

Как на златые колесницы
Зевает чернь, как ратный строй
В глаза ей мещет блеск от ружей,
И как она, волнам подобно
От бурь, от всадников бежит;

Как витязи в веках позднейших
В меди иль в мраморе себя
Со удивленьем созерцают
И плещут уж заране в длани,
Что их народ боготворит.

Но ты умен — ты постигаешь,
Что тот любимец лишь небес,
Который под шумком потока
Иль сладко спит, иль воспевает
О боге, дружбе и любви.

Восток и запад расстилают
Ему свой пурпур по путям;
Ему благоухают травы,
Древесны помавают ветви
И свищет громко соловей.

За ним раскаянье не ходит
Ни между нив, ни по садам,
Ни по холмам, покрытым стадом,

Ни меж озер и кущ приятных, —
Но всюду радость и восторг.

Труды крепят его здоровье;
Как воздух, кровь его легка;
Поутру, как зефир, летает
Веселы обозреть работы,
А завтракать спешит в свой дом.

Тут нежна, милая супруга —
Как лен пушист ее власы —
Снегоподобною рукою
Взяв шито, брано полотенце,
Стирает пот с его чела.

Целуя раскрасневши щеки,
На пяльцы посмотреть велит,
Где по соломе разной шерстью
Луга, цветы, пруды и рощи
Градской своей подруге шьет.

«О! если бы, — она вещает, —
Могло искусство, как природа,
Вливать в сердца свою приятность, —
Сии картины наши сельски
К нам наших созвали б друзей!

Моя подруга черноброва,
Любезна, мила горожанка,
На нивах златом здесь пленившись,
Престала б наряжать в шумиху
Свой в граде храмовидный дом».

«Ах, милая! — он отвечает
С улыбкой и со вздохом ей, —
Ужель тебе то неизвестно,
Что ослепленным жизнью дворской
Природа самая мертва!»

1792

НА ПТИЧКУ

Поймали птичку голосисту
И ну сжимать ее рукой.
Пищит бедняжка вместо свисту,
А ей твердят: Пой, птичка, пой!

1792 или 1793

НА СМЕРТЬ СОБАЧКИ МИЛУШКИ,
КОТОРАЯ ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ИЗВЕСТИЯ О СМЕРТИ ЛЮДОВИКА XVI УПАЛА С КОЛЕН ХОЗЯЙКИ И УБИЛАСЬ ДО СМЕРТИ

Увы! Сей день с колен Милушка
И с трона Людвиг пал. — Смотри,
О смертный! Не все ль судьб игрушка —
Собачки и цари?

Начало 1793

АМУР И ПСИШЕЯ

Амуру вздумалось Псишею,
Резвяся, поимать,
Опутаться цветами с нею
И узел завязать.

Прекрасна пленница краснеет
И рвется от него,
А он как будто бы робеет
От случая сего.

Она зовет своих подружек,
Чтоб узел развязать,
И он — своих крылатых служек,
Чтоб пóмочь им подать.

Приятность, младость к ним стремятся
И им служить хотят;
Но узники не суетятся,
Как вкопаны стоят.

Ни крылышком Амур не тронет,
Ни луком, ни стрелой;
Психея не бежит, не стонет, —
Свились, как лист с травой.

Так будь чета век нераздельна,
Согласием дыша:
Та цепь тверда, где сопряженна
С любовию душа.

Май 1793

ХРАПОВИЦКОМУ

Товарищ давний, вновь сосед,
Приятный, острый Храповицкой!
Ты умный мне даешь совет,
Чтобы владычице киргизской
Я песни пел
И лирой ей хвалы гремел.

Так, так, — за средственны стишки
Монисты, гривны, ожерелья,
Бесценны перстни, камешки
Я брал с нее бы за безделья,
И был — гудком —
Давно мурза с большим усом.

Но ежели наложен долг
Мне от судеб и вышня трона,
Чтоб не лучистый милый бог
С высот лазурна Геликона
Меня внушал,
Но я экстракты б сочинял;

Был чтец и пономарь Фемиды,
И ей служил пред алтарем;
Как омофором от обиды
Одних покрыв, других мечом
Своим страшит
И счастье всем она дарит, —

То как Якобия оставить,
Которого весь мир теснит?
Как Логинова дать оправить,
Который золотом гремит?
Богов певец
Не будет никогда подлец.

Ты сам со временем осудишь
Меня за мглистый фимиам;
За правду ж чтить меня ты будешь,
Она любезна всем векам;
В ее венце
Светлее царское лице.

Лето 1793

ГОРЕЛКИ

На поприще сей жизни склизком
Все люди бéгатели суть:
В теченьи дальном или близком
Они к мете своей бегут.

И сильный тамо упадает,
Свой кончить бег где не желал:
Лежит; но спорника, — мечтает, —
Коль не споткнулся бы, — догнал.

Надеждой, самолюбья дщерью,
Весь возбуждается сей свет;
Всяк рвенье прилагает к рвенью,
Чтоб у передних взять перед.

Хоть детской сей игре, забаве
И насмехается мудрец,
Но гордый дух летит ко славе,
И свят ему ее венец.

Сие ристалище отличий,
Соревнование честей,
Источник и творец величий
И обожение людей;

Оно изящного содетель,
Великолепен им сей свет:
Превозможенье, добродетель
Лишь им крепится и растет.

О! вы, рожденные судьбою
Вождями росским вождям быть,
Примеры подавать собою
И плески мира заслужить!

Дерзайте! рвение полезно,
Где предстоит вам славы вид;
Но больше праведно, любезно,
Кто милосердьем знаменит.

Екатерине подражая,
Ее стяжайте вы венец;
Она, добротами пленяя,
Царица подданных сердец.

Лето 1793

МЕРКУРИЮ

Почто меня от Аполлона,
Меркурий! ты ведешь с собой;
Средь пышного торговли трона
Мне кажешь ворох золотой?
Сбирать, завидовать — из млада
Я не привык, и не хочу.
Богатство ль старику награда?
Давно с презреньем я топчу
Его всю прелесть равнодушно.

Коль я здоров, хлеб-соль имею,
И дар мне дан судьи, певца,
И челобитчиков я смею
Встречать с переднего крыльца,
И к небогатому богатый
За нуждою ко мне идет,
За храм — мои просты палаты,
За золото — солому чтет, —
На что же мне твоя излишность?

Но, ах! когда я стал послушен
Тебе, мой вождь и бог златой,
То будь и ты великодушен,
И мой не отними покой;
Но хлопотать когда устану,
Весь день быв жертвой и игрой
Среброчешуйну океану,
Позволь, как грянет гром, домой
Пришедшему обнять мне Музу.

Да, вместо виста и бостону,
Я с ней на лире порезвлюсь,
Монаршу, божеску закону,
Суду и правде поучусь;
Не дам волкам овечки скушать.
А ты, коль хочешь одолжить,
Приди моей сей песни слушать,
Посеребрить, позолотить
Мою трубу Екатерине.

Январь 1794

МОЙ ИСТУКАН

Готов кумир, желанный мною,
Рашет его изобразил!
Он хитрою своей рукою
Меня и в камне оживил.
Готов кумир! — и будет чтиться
Искусство Пра́ксителя в нем, —
Но мне какою честью льститься
В бессмертном истукане сем?
Без славных дел, гремящих в мире,
Ничто и царь в своем кумире.

Ничто! и не живет тот смертный,
О ком ни малой нет молвы,
Ни злом, ни благом не приметный,
Во гробе погребен живый.
Но ты, о зверских душ забава!
Убийство! — я не льщусь тобой,

Батыев и Маратов слава
Во ужас дух приводит мой;
Не лучше ли мне быть забвенну,
Чем узами сковать вселенну?

Злодейства малого мне мало,
Большого делать не хочу;
Мне скиптра небо не вручало,
И я на небо не ропчу.
Готов я управляться властью;
А если ею и стеснюсь
Чрез зло, моей я низкой частью
С престолом света не сменюсь.
Та мысль всех казней мне страшнея:
Представить в вечности злодея!

Злодей, который самолюбью
И тайной гордости своей
Всем жертвует; его орудью
Преграды нет, алчбе — цепей;
Внутрь совестью своей размучен,
Вне — с радостью губит других;
Пусть дерзостью, удачей звучен,
Но не велик в глазах моих.
Хотя бы богом был он злобным,
Быть не хочу ему подобным.

Легко злом мир греметь заставить,
До Герострата только шаг;
Но трудно доблестью прославить
И воцарить себя в сердцах:
Век должно добрым быть нам тщиться,
И плод нам время даст одно;
На зло лишь только бы решиться,
И вмиг соделано оно.
Редка на свете добродетель,
И редок благ прямых содетель.

Он редок! Но какая разность
Меж славой доброй и худой?
Чтоб имя приобресть нам, знатность,
И той греметь или другой,

Не всё ль равно? — Когда лишь будет
Потомство наши знать дела,
И злых и добрых не забудет.
Ах, нет! Природа в нас влила
С душой и отвращенье к злобе,
Любовь к добру и сущим в гробе.

Мне добрая приятна слава,
Хочу я человеком быть,
Которого страстей отрава
Бессильна сердце развратить;
Кого ни мзда не ослепляет,
Ни сан, ни месть, ни блеск порфир;
Кого лишь правда научает,
Любя себя, любить весь мир
Любовью мудрой, просвещенной,
По добродетели священной.

По ней, котора составляет
Вождей любезных и царей;
По ней, котора извлекает
Сладчайши слезы из очей.
Эпаминонд ли защититель,
Или благотворитель Тит,
Сократ ли, истины учитель,
Или правдивый Аристид, —
Мне все их имена почтенны
И истуканы их священны.

Священ мне паче зрак героев,
Моих любезных сограждан,
Пред троном, на суде, средь боев
Душой великих россиян.
Священ! — Но если здесь я чести
Современных не возвещу,
Бояся подозренья в лести,
То вас ли, вас ли умолчу,
О праотцы! делами славны,
Которых вижу истуканы?

А если древности покровом
Кто предо мной из вас и скрыт,

В венце оливном и лавровом
Великий Петр как жив стоит;
Монархи мудры, милосерды,
За ним отец его и дед;
Отечества подпоры тверды
Пожарской, Минин, Филарет;
И ты, друг правды, Долгоруков!
Достойны вечной славы звуков.

Достойны вы! — Но мне ли права
Желать — быть с вами на ряду?
Что обо мне расскажет слава,
Коль я безвестну жизнь веду?
Не спас от гибели я царства,
Царей на трон не возводил,
Не стер терпением коварства,
Богатств моих не приносил
На жертву в подкрепленье трона
И защитить не мог закона.

Увы! Почто ж сему болвану
На свете место занимать,
Дурную, лысу обезьяну
На смех ли детям представлять,
Чтоб видели меня потомки
Под паутиною, в пыли,
Рабы ступали на обломки
Мои, лежащи на земли?
Нет! лучше быть от всех забвенным,
Чем брошенным и ввек презренным.

Разбей же, мой вторый создатель,
Разбей мой истукан, Рашет!
Румянцова лица ваятель
Себе мной чести не найдет;
Разбей! — Или постой немного:
Поищем, нет ли дел каких,
По коим бы, хотя нестрого
Судя о качествах моих,
Ты мог ответствовать вселенной
За труд, над мною понесенный.

Поищем! — Нет. Мои безделки
Безумно столько уважать,
Дела обыкновенны мелки,
Чтоб нас заставить обожать;
Хотя б я с пленных снял железы,
Закон и правду сохранил,
Отер сиротски, вдовьи слезы,
Невинных оправдатель был;
Орган монарших благ и мира —
Не стоил бы и тут кумира.

Не стоил бы: все знаки чести,
Дозволенны самим себе,
Плоды тщеславия и лести,
Монарх! постыдны и тебе.
Желает хвал, благодаренья
Лишь низкая себе душа,
Живущая из награжденья, —
По смерти слава хороша:
Заслуги в гробе созревают,
Герои в вечности сияют.

Но если дел и не имею,
За что б кумир мне посвятить,
В достоинство вменить я смею,
Что знал достоинствы я чтить;
Что мог изобразить Фелицу,
Небесну благость во плоти,
Что пел я россов ту царицу,
Какой другой нам не найти
Ни днесь, ни впредь в пространстве мира, —
Хвались моя, хвались тем, лира!

Хвались! — и образ мой скудельный
В храм славы возноси с собой;
Ты можешь быть столь дерзновенной,
Коль тихой некогда слезой
Ты, взор кропя Екатерины,
Могла приятною ей быть;
Взносись, и достигай вершины,

Чтобы на ней меня вместить,
Завистников моих к досаде,
В ее прекрасной колоннаде.

На твердом мраморном помосте,
На мшистых сводах меж столпов,
В меди, в величественном росте,
Под сенью райских вкруг дерев,
Поставь со славными мужами!
Я стану с важностью стоять;
Как от зарей, всяк день лучами
От светлых царских лиц блистать,
Не движим вихрями, ни громом,
Под их божественным покровом.

Прострется облак благовонный,
Коврами вкруг меня цветы...
Постой, пиит, восторга полный!
Высоко залетел уж ты, —
В пыли валялись и Омиры.
Потомство — грозный судия:
Оно рассматривает лиры,
Услышит глас и твоея,
И пальмы взвесит и перуны,
Кому твои гремели струны.

Увы! легко случиться может,
Поставят и тебя льстецом;
Кого днесь тайно злоба гложет,
Тот будет завтра въявь врагом;
Трясут и троны люди злые:
То может быть, и твой кумир
Через решетки золотые
Слетит и рассмешит весь мир,
Стуча с крыльца ступень с ступени,
И скатится в древесны тени.

Почто ж позора ждать такого?
Разбей, Рашет, мои черты!
Разбей! — Нет, нет; еще полслова
Позволь сказать себе мне ты.

Пусть тот, кто с большим дарованьем
Мог добродетель прославлять,
С усерднейшим, чем я, стараньем
Желать добра и исполнять,
Пусть тот немедля и решится:
И мой кумир им сокрушится.

Я рад отечества блаженству:
Дай больше небо таковых,
Российской силы к совершенству,
Сынов ей верных и прямых!
Определения судьбины
Тогда исполнятся во всем;
Доступим мира мы средины,
С Гангеса злато соберем;
Гордыню усмирим Китая,
Как кедр, наш корень утверждая.

Тогда, каменосечец хитрый!
Кумиры твоего резца
Живой струей испустят искры
И в вну́чатах возжгут сердца.
Смотря на образ Марафона,
Зальется Фемистокл слезой,
Отдаст Арману Петр полтрона,
Чтоб править научил другой;
В их урнах фениксы взродятся
И в след их славы воскрылятся.

А ты, любезная супруга!
Меж тем возьми сей истукан;
Спрячь для себя, родни и друга
Его в серпяный твой диван;
И с бюстом там своим, мне милым,
Пред зеркалом их в ряд поставь,
Во знак, что с сердцем справедливым
Не скрыт наш всем и виден нрав.
Что слава? — Счастье нам прямое
Жить с нашей совестью в покое.

Первая половина 1794

НА СМЕРТЬ КАТЕРИНЫ ЯКОВЛЕВНЫ,
1794 ГОДУ ИЮЛЯ 15 ДНЯ ПРИКЛЮЧИВШУЮ

Уж не ласточка сладкогласная
Домовитая со застрехи —
Ах! моя милая, прекрасная
Прочь отлетела, — с ней утехи.

Не сияние луны бледное
Светит из облака в страшной тьме —
Ах! лежит ее тело мертвое,
Как ангел светлый во крепком сне.

Роют псы землю, вкруг завывают,
Воет и ветер, воет и дом;
Мою милую не пробуждают;
Сердце мое сокрушает гром!

О ты, ласточка сизокрылая!
Ты возвратишься в дом мой весной;
Но ты, моя супруга милая,
Не увидишься век уж со мной.

Уж нет моего друга верного,
Уж нет моей доброй жены,
Уж нет товарища бесценного,
Ах, все они с ней погребены.

Всё опустело! Как жизнь мне снести?
Зельная меня съела тоска.
Сердца, души половина, прости,
Скрыла тебя гробова́ доска.

Июль 1794

ЛАСТОЧКА

О домовитая ласточка!
О милосизая птичка!
Грудь краснобела, касаточка,
Летняя гостья, певичка!
Ты часто по кровлям щебечешь,
Над гнездышком сидя, поешь,

Крылышками движешь, трепещешь,
Колокольчиком в горлышке бьешь.
Ты часто по воздуху вьешься,
В нем смелые круги даешь;
Иль стелешься долу, несешься,
Иль в небе простряся плывешь.
Ты часто во зеркале водном
Под рдяной играешь зарей,
На зыбком лазуре бездонном
Тенью мелькаешь твоей.
Ты часто, как молния, реешь
Мгновенно туды и сюды;
Сама за собой не успеешь
Невидимы видеть следы,
Но видишь там всю ты вселенну,
Как будто с высот на ковре:
Там башню, как жар позлащенну,
В чешуйчатом флот там сребре;
Там рощи в одежде зеленой,
Там нивы в венце золотом,
Там холм, синий лес отдаленный,
Там мошки толкутся столпом;
Там гнутся с утеса в понт воды,
Там ластятся струи к брегам.
Всю прелесть ты видишь природы,
Зришь лета роскошного храм,
Но видишь и бури ты черны
И осени скучной приход;
И прячешься в бездны подземны,
Хладея зимою, как лед.
Во мраке лежишь бездыханна, —
Но только лишь придет весна
И роза вздохнет лишь румяна,
Встаешь ты от смертного сна;
Встанешь, откроешь зеницы
И новый луч жизни ты пьешь;
Сизы расправя косицы,
Ты новое солнце поешь.

Душа моя! гостья ты мира:
Не ты ли перната сия? —
Воспой же бессмертие, лира!

Не украшенiе одеждъ
Моя днѣсь муза прославляетъ,
Которое въ очахъ невѣждъ
Шутовъ въ вельможи наряжаетъ.
Не пышности я пѣснь пою
Не истуканы за кристалломъ,
въ кивотахъ блещущи металломъ,
Услышать похвалу мою.

Восстану, восстану и я, —
Восстану, — и в бездне эфира
Увижу ль тебя я, Пленира?

1792, середина 1794

САФЕ

Когда брала ты арфу в руки
Воспеть твоей подруги страсть,
Протяжные и тихи звуки
Над сердцем нежным сильну власть
Любви твоей изображали;
Но ревность лишь затмила ум,
Громчайши гласы побежали
И приближался бурный шум.

Тогда бело-румяны персты
По звучным вспрыгали струнам,
Взор черно-огненный, отверстый —
И молния вослед громам
Блистала, жгла и поражала
Всю внутренность души моей;
Смерть бледный хлад распространяла,
Я умирал игрой твоей.

О! если бы я был Фаоном,
И пламень твой мою б жег кровь,
Твоим бы страстным, пылким тоном
Я описал свою любовь.
Тогда с моей всесильной лиры
Зефир и гром бы мог лететь;
Как ты свою, так я Плениры
Изобразил бы жизнь и смерть.

Середина 1794

ПРИЗЫВАНИЕ И ЯВЛЕНИЕ ПЛЕНИРЫ

Приди ко мне, Пленира,
В блистании луны,
В дыхании зефира,
Во мраке тишины!
Приди в подобьи тени,
В мечте иль легком сне,

И, седши на колени,
Прижмися к сердцу мне;
Движения исчисли,
Вздыхания измерь,
И все мои ты мысли
Проникни и поверь, —
Хоть острый серп судьбины
Моих не косит дней,
Но нет уж половины
Во мне души моей.

Я вижу, ты в тумане
Течешь ко мне рекой!
Пленира на диване
Простерлась надо мной,
И легким осязаньем
Уст сладостных твоих,
Как ветерок дыханьем,
В объятиях своих
Меня ты утешаешь
И шепчешь нежно в слух:
«Почто так сокрушаешь
Себя, мой милый друг?
Нельзя смягчить судьбину,
Ты сколько слез ни лей;
Миленой половину
Займи души твоей».

Середина 1794

К ЛИРЕ

Звонкоприятная лира!
В древни златые дни мира
Сладкою силой твоей
Ты и богов и царей,
    Ты и народы пленяла.

Глас тихострунный твой, звоны,
Сердце прельщающи тоны
С дебрей, вертепов, степей
Птиц созывали, зверей,
    Холмы и дубы склоняли.

Ныне железные ль веки?
Тверже ль кремней человеки?
Сами не знаясь с тобой,
Свет не пленяют игрой,
Чужды красот доброгласья.

Доблестью чужды пленяться,
К злату, к сребру лишь стремятся,
Помнят себя лишь одних;
Слезы не трогают их,
Вопли сердец не доходят.

Души все льда холоднея.
В ком же я вижу Орфея?
Кто Аристон сей младой?
Нежен лицом и душой,
Нравов благих преисполнен?

Кто сей любитель согласья?
Скрытый зиждитель ли счастья?
Скромный смиритель ли злых?
Дней гражданин золотых,
Истый любимец Астреи!

Ноябрь 1794

ВЕЛЬМОЖА

Не украшение одежд
Моя днесь муза прославляет,
Которое в очах невежд
Шутов в вельможи наряжает;
Не пышности я песнь пою;
Не истуканы за кристаллом,
В кивотах блещущи металлом,
Услышат похвалу мою.

Хочу достоинствы я чтить,
Которые собою сами
Умели титлы заслужить
Похвальными себе делами;

Кого ни знатный род, ни сан,
Ни счастие не украшали;
Но кои доблестью снискали
Себе почтенье от граждан.

Кумир, поставленный в позор,
Несмысленную чернь прельщает;
Но коль художников в нем взор
Прямых красот не ощущает, —
Се образ ложныя молвы,
Се глыба грязи позлащенной!
И вы, без благости душевной,
Не все ль, вельможи, таковы?

Не перлы перские на вас
И не бразильски звезды ясны;
Для возлюбивших правду глаз
Лишь добродетели прекрасны,
Они суть смертных похвала.
Калигула! твой конь в Сенате
Не мог сиять, сияя в злате;
Сияют добрые дела.

Осел останется ослом,
Хотя осыпь его звездами;
Где должно действовать умом,
Он только хлопает ушами.
О! тщетно счастия рука,
Против естественного чина,
Безумца рядит в господина,
Или в шумиху дурака.

Каких ни вымышляй пружин,
Чтоб мужу бую умудриться,
Не можно век носить личин,
И истина должна открыться.
Когда не сверг в боях, в судах,
В советах царских сопостатов, —
Всяк думает, что я Чупятов
В марокских лентах и звездах.

Оставя скипетр, трон, чертог,
Быв странником, в пыли и в поте,

Великий Петр, как некий бог,
Блистал величеством в работе:
Почтен и в рубище герой!
Екатерина в низкой доле
И не на царском бы престоле
Была великою женой.

И впрямь, коль самолюбья лесть
Не обуяла б ум надменный, —
Что наше благородство, честь,
Как не изящности душевны?
Я князь — коль мой сияет дух;
Владелец — коль страстьми владею;
Болярин — коль за всех болею,
Царю, закону, церкви друг.

Вельможу должны составлять
Ум здравый, сердце просвещенно;
Собой пример он должен дать,
Что звание его священно,
Что он орудье власти есть,
Подпора царственного зданья;
Вся мысль его, слова, деянья
Должны быть — польза, слава, честь.

А ты, вторый Сарданапал!
К чему стремишь всех мыслей беги?
На то ль, чтоб век твой протекал
Средь игр, средь праздности и неги?
Чтоб пурпур, злато всюду взор
В твоих чертогах восхищали,
Картины в зеркалах дышали,
Мусия, мрамор и фарфор?

На то ль тебе пространный свет,
Простерши раболепны длани,
На прихотливый твой обед
Вкуснейших яств приносит дани,
Токай — густое льет вино,
Левант — с звездами кофе жирный, —
Чтоб не хотел за труд всемирный
Мгновенье бросить ты одно?

Там воды в просеках текут
И, с шумом вверх стремясь, сверкают;
Там розы средь зимы цветут
И в рощах нимфы воспевают
На то ль, чтобы на всё взирал
Ты оком мрачным, равнодушным,
Средь радостей казался скучным
И в пресыщении зевал?

Орел, по высоте паря,
Уж солнце зрит в лучах полдневных —
Но твой чертог едва заря
Румянит сквозь завес червленных;
Едва по зыблющим грудям
С тобой лежащия Цирцеи
Блистают розы и лилеи,
Ты с ней покойно спишь — а там? —

А там израненный герой,
Как лунь во бранях поседевший,
Начальник прежде бывший твой,
В переднюю к тебе пришедший
Принять по службе твой приказ, —
Меж челядью твоей златою,
Поникнув лавровой главою,
Сидит и ждет тебя уж час!

А там — вдова стоит в сенях
И горьки слезы проливает,
С грудным младенцем на руках,
Покрова твоего желает.
За выгоды твои, за честь
Она лишилася супруга;
В тебе его знав прежде друга,
Пришла мольбу свою принесть.

А там — на лестничный восход
Прибрел на костылях согбенный
Бесстрашный, старый воин тот,
Тремя медальми украшенный.
Которого в бою рука
Избавила тебя от смерти, —

Он хочет руку ту простерти
Для хлеба от тебя куска.

А там, где жирный пес лежит,
Гордится вратник галунами,
Заимодавцев полк стоит,
К тебе пришедших за долгами.
Проснися, сибарит! — Ты спишь,
Иль только в сладкой неге дремлешь,
Несчастных голосу не внемлешь
И в развращенном сердце мнишь:

«Мне мит покоя моего
Приятней, чем в исторьи веки;
Жить для себя лишь одного,
Лишь радостей уметь пить реки,
Лишь ветром плыть, гнесть чернь ярмом;
Стыд, совесть — слабых душ тревога!
Нет добродетели! нет бога!» —
Злодей, увы! — И грянул гром.

Блажен народ, который полн
Благочестивой веры к богу,
Хранит царев всегда закон,
Чтит нравы, добродетель строгу
Наследным перлом жен, детей;
В единодушии — блаженство;
Во правосудии — равенство;
Свободу — во узде страстей!

Блажен народ! — где царь главой,
Вельможи — здравы члены тела,
Прилежно долг все правят свой,
Чужого не касаясь дела;
Глава не ждет от ног ума
И сил у рук не отнимает,
Ей взор и ухо предлагает,
Повелевает же сама.

Сим твердым узлом естества
Коль царство лишь живет счастливым,
Вельможи! — славы, торжества

Иных вам нет, как быть правдивым;
Как блюсть народ, царя любить,
О благе общем их стараться,
Змеей пред троном не сгибаться,
Стоять — и правду говорить.

О росский бодрственный народ,
Отечески хранящий нравы!
Когда расслаб весь смертных род,
Какой ты не причастен славы?
Каких в тебе вельможей нет? —
Тот храбрым был средь бранных звуков;
Здесь дал бесстрашный Долгоруков
Монарху грозному ответ.

И в наши вижу времена
Того я славного Камила,
Которого труды, война
И старость дух не утомила.
От грома звучных он побед
Сошел в шалаш свой равнодушно,
И от сохи опять послушно
Он в поле Марсовом живет.

Тебе, герой! желаний муж!
Не роскошью вельможа славный;
Кумир сердец, пленитель душ,
Вождь, лавром, ма́слиной венчанный!
Я праведну здесь песнь воспел.
Ты ею славься, утешайся,
Борись вновь с бурями, мужайся,
Как юный возносись орел.

Пари, — и с высоты твоей
По мракам смутного эфира
Громовой пролети струей,
И, опочив на лоне мира,
Возвесели еще царя.
Простри твой поздный блеск в народе,
Как отдает свой долг природе
Румяна вечера заря.

Ноябрь 1794

МЕЧТА

Вошед в шалаш мой торопливо,
Я вижу: мальчик в нем сидит,
И в уголку кремнем в огниво,
Мне чудилось, звучит.

Рекою искры упадали
Из рук его, во тьме горя,
И розы по лицу блистали,
Как утрення заря.

Одна тут искра отделилась
И на мою упала грудь,
Мне в сердце, в душу заронилась:
Не смела я дохнуть.

Стояла бездыханна, млела
И с места не могла ступить;
Уйти хотела, не умела, —
Не то ль зовут *любить?*

Люблю! — кого? — сама не знаю.
Исчез меня прельстивший сон;
Но я с тех пор, с тех пор страдаю,
Как бросил искру он.

Тоскует сердце! Дай мне руку,
Почувствуй пламень сей мечты.
Виновна ль я? Прерви мне муку:
Любезен, мил мне ты.

Конец 1794

РАДОСТЬ О ПРАВОСУДИИ

Хвала всевышнему владыке!
Великость он явил свою:
Вельмож меня поставил в лике,
Да чудеса его пою.

Пришли, пришли те дни святые,
Да правый суд я покажу,

Колеблемы столпы земные
Законом божьим утвержу.

Скажу я грешным: не грешите;
Надменным: не вздымайте рог,
В безумии не клевещите,
Несправедлив что будто бог.

От запада и от востока,
От гор, пустыней и морей
Нет человека без порока,
Без слабостей и без страстей.

Но бог есть судия единый,
Владыка и правитель всех;
Он сих возводит на вершины,
А понижает долу тех.

Вина багряна чаша цельна,
Из коей сладки перлы бьют,
В его руке всем растворенна;
Но дрожди грешники пиют.

От арфы радость да прольется
В хваление тебе, мой бог!
Неправых выя да согнется,
А правых вознесется рог!

1794(?)

НА КОНЧИНУ ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ ОЛЬГИ ПАВЛОВНЫ

Ночь лишь седьмую
Мрачного трона
Степень прешла,
С росска Сиона
Звезду златую
Смерть сорвала.
Луч, покатяся
С синего неба,
В бездне погас!

Утренняя, ясна,
Тень золотая!
Краток твой блеск.
Ольга прекрасна,
Ольга драгая!
Тень твой был век.
Что твое утро
В вечности целой?
Меней, чем миг!

Юная роза
Лишь развернула
Алый шипок,
Вдруг от мороза
В лоне уснула,
Свянул цветок.
Так и с царевной:
Нет уж в ней жизни,
Смерть на челе!

К отчему лону,
К матери нежной,
К братьям, сестрам,
К скипетру, трону,
К бабке любезной,
К верным рабам,
Милый младенец!
Ты уж с улыбкой
Рук не прострешь.

Лик полутонный,
Тихое пенье,
Мрачность одежд,
Вздохи и стоны,
Слезно теченье,
В дыме блеск свеч,
Норда царицы
Бледность, безмолвье, —
Страшный позор!

Где вы стеснились?
Что окружили?

Чей видим труп?
Иль вы забылись,
В гроб положили
Спящего тут
Ангела в теле? —
Ольга прекрасна
Ангел был наш.

Вижу в сиянье
Грады эфира,
Солнцы кругом!
Вижу собранье
Горнего мира;
Ангелов сонм,
Руки простерши,
Ольгу приемлют
В светлый свой полк.

Вижу блаженну
Чистую душу
Всю из огня,
В свет облеченну!
В райскую кущу
Идет дитя;
Зрит на Россию,
Зрит на Петрополь,
Зрит на родных.

Зрит на пииту,
Жизнь и успенье
Кто ее пел,
Чей в умиленье
Дождь на ланиту
Искрой летел;
Слышит звук лиры,
Томные гласы
Песни моей.

Мира содетель,
Святость и прочность
Царства суть чьи!

Коль добродетель
И непорочность
Слуги твои,
Коих ко смертным
Ты посылаешь
Стражами быть, —

Даждь, да над нами
Ольги блаженной
Плавает дух;
Чтоб, как очами,
Над полвселенной
Неба сей друг
Зрел нас звездами,
Дланью багряной
Сыпал к нам свет.

Племя Петрово,
Екатерины
Здравьем чело,
Сень бы лаврова,
Мирные крины —
Всё нам цвело;
Дни бы златые,
Сребряны росы
С облак лились.

Не было б царства
В свете другого
Счастливей нас;
Яда коварства,
Равенства злого,
Буйства зараз,
Вольности мнимой,
Ангел хранитель,
Нас ты избавь!

И средь эфира,
В дебри тьмозвездной,
В райской тиши,
Где днесь Пленира,
Друг мой любезный,

Сердца, души
В ней половину,
Гений России,
Призри мою!

Начало 1795

К АНЖЕЛИКЕ КАУФМАН

Живописица преславна,
Кауфман! подруга муз!
Если в кисть твою влиянна
Свыше живость, чувство, вкус,
И, списав данаев, древних
Нам богинь и красных жен,
Пережить в своих бесценных
Ты могла картинах тлен, —
Напиши мою Милену
Белокурую лицом,
Стройну станом, возвышенну,
С гордым несколько челом;
Чтоб похожа на Минерву
С голубых была очей,
И любовну искру перву
Ты зажги в душе у ней;
Чтоб, на всех взирая хладно,
Полюбила лишь меня;
Чтобы сердце безотрадно
В гроб с Пленирой схороня,
Я нашел бы в ней обратно
И, пленясь ее красой,
Оживился бы стократно
Молодой моей душой.

Начало 1795

ФЛОТ

Он, белыми взмахнув крылами
По зыблющей равнине волн,
Пошел, — и следом пена рвами
И с страшным шумом искры, огнь

Под ним в пучине загорелись,
С ним рядом тень его бежит;
Ширинки с шлемов распростерлись,
Горе́ пред ним орел парит.

Водим Екатерины духом,
Побед и славы громкой сын,
Ступай еще, и землю слухом
Наполнь, о росский исполин!
Ты смело Сциллы и Харибды
И свет весь прежде проходил, —
То днесь препятств какие виды?
И кто тебе их положил?

Ступай, — и стань средь океана,
И брось твоих гортаней гром.
Европа́, злобой обуянна,
И гидр лилейных бледный сонм
От гроз твоих да потрясется,
Проснется Людвиг звуком лир!
Та дщерью божьей наречется,
Кто даст смущенным царствам мир.

12 июня 1795

ПРИГЛАШЕНИЕ К ОБЕДУ

Шекснинска стерлядь золотая,
Каймак и борщ уже стоят;
В графинах вина, пунш, блистая
То льдом, то искрами, манят;
С курильниц благовоньи льются,
Плоды среди корзин смеются,
Не смеют слуги и дохнуть,
Тебя стола вкруг ожидая;
Хозяйка статная, младая
Готова руку протянуть.

Приди, мой благодетель давный,
Творец чрез двадцать лет добра!
Приди, и дом, хоть не нарядный,
Без резьбы, злата и сребра,
Мой посети; его богатство —

Приятный только вкус, опрятство
И твердый мой, нельстивый нрав;
Приди от дел попрохладиться,
Поесть, попить, повеселиться
Без вредных здравию приправ.

Не чин, не случай и не знатность —
На русский мой простой обед
Я звал одну благоприятность;
А тот, кто делает мне вред,
Пирушки сей не будет зритель.
Ты, ангел мой, благотворитель!
Приди — и насладися благ;
А вражий дух да отженется,
Моих порогов не коснется
Ничей недоброхотный шаг!

Друзьям моим я посвящаю,
Друзьям и красоте сей день;
Достоинствам я цену знаю,
И знаю то, что век наш тень;
Что, лишь младенчество проводим, —
Уже ко старости приходим
И смерть к нам смотрит чрез забор;
Увы! — то как не умудриться,
Хоть раз цветами не увиться
И не оставить мрачный взор?

Слыхал, слыхал я тайну эту,
Что иногда грустит и царь;
Ни ночь, ни день покоя нету,
Хотя им вся покойна тварь.
Хотя он громкой славой знатен,
Но, ах! — и трон всегда ль приятен
Тому, кто век свой в хлопотах?
Тут зрит обман, там зрит упадок:
Как бедный часовой тот жалок,
Который вечно на часах!

Итак, доколь еще ненастье
Не помрачает красных дней
И приголубливает счастье

И гладит нас рукой своей;
Доколе не пришли морозы,
В саду благоухают розы,
Мы поспешим их обонять.
Так! будем жизнью наслаждаться
И тем, чем можем, утешаться,
По платью ноги протягать.

А если ты иль кто другие
Из званых милых мне гостей,
Чертоги предпочтя златые
И яствы сахарны царей,
Ко мне не срядитесь откушать,
Извольте мой вы толк прослушать:
Блаженство не в лучах порфир,
Не в вкусе яств, не в неге слуха;
Но в здравьи и спокойстве духа, —
Умеренность есть лучший пир.

1795

БОГИНЕ ЗДРАВИЯ

Здравья богиня благая,
Век ты со мною, Гигея, живи!
В дни живота моего
Мне ты сопутницей будь!
Если обилье склабится смертным,
Если гордятся они правовластным
Блеском богатства,
Если любови страстны желанья стремятся
К сладким утехам на лоно,
Если на отчи глаза
Слезы младенец нежны манит,
Ежели боги на нас с высоты
Дождь благодати кропят разновидный,
Если спокойство отшельных,
Скромна нас жизнь веселит, —
Всякая радость с тобой благовонней цветет.
Если ж, богиня, ты отступаешь,
Благо с тобой всё уходит от нас.

1795

СПЯЩИЙ ЭРОТ

Ходя в рощице тенистой,
Видел там Эрота я.
На полянке роз душистой
Спал прекрасное дитя.
Сквозь приятный сон, умильный,
Смех сиял в лице его,
Будто яблочки наливны
Рделись щеки у него.
Почивая безоружным,
Снежной грудью он блестел,
По ветвям, над ним окружным,
Лук спущенный, тул висел.
Пчелы вкруг его летали,
Как на роз шумящий куст,
Капли меду собирали
С благовонных сладких уст.
В рощу грации вбежали
И, нашед Эрота в ней,
Потихоньку привязали
К красоте его своей.
Разбудя ж его, плясали
Средь цветочных с ним оков,
Неразлучны с тех пор стали, —
Где приятность, тут любовь.

1795

АНАКРЕОН У ПЕЧКИ

Случись Анакреону
Марию посещать;
Меж ними Купидону,
Как бабочке, летать.

Летал божок крылатый
Красавицы вокруг,
И стрелы он пернаты
Накладывал на лук.

Стрелял с ее небесных
И голубых очей,

И с роз в устах прелестных,
И на грудях с лилей.

Но арфу как Мария
Звончатую взяла,
И в струны золотые
Свой голос издала, —

Под альми перстами
Порхал резвее бог,
Острейшими стрелами
Разил сердца и жег.

Анакреон у печки
Вздохнул тогда сидя,
«Как бабочка от свечки,
Сгорю, — сказал, — и я».

1795

НА ПРЕБЫВАНИЕ СУВОРОВА В ТАВРИЧЕСКОМ ДВОРЦЕ

Когда увидит кто, что в царском пышном доме
По звучном громе Марс почиет на соломе,
Что шлем его и меч хоть в лаврах зеленеют,
Но гордость с роскошью повержены у ног,
И доблести затмить лучи богатств не смеют, —
Не всяк ли скажет тут, что браней страшный бог,
Плоть Эпиктетову прияв, преобразился,
Чтоб мужества пример, воздержности подать,
Как внешних супостат, как внутренних сражать.
Суворов! страсти кто смирить свои решился,
Легко тому страны и царствы покорить,
Друзей и недругов себя заставить чтить.

1795

ЗАЗДРАВНЫЙ ОРЕЛ

По северу, по югу
С Москвы орел парит;
Всему земному кругу
Полет его звучит.

О! исполать, ребяты,
Вам, русские солдаты,
Что вы неустрашимы,
Никем непобедимы:
За здравье ваше пьем.

Орел бросает взоры
На льва и на луну,
Стокгольмы и Босфоры
Все бьют челом ему.

О! исполать вам, вои,
Бессмертные герои,
Румянцов и Суворов!
За столько славных боев:
Мы в память вашу пьем.

Орел глядит очами
На солнце в высоты;
Герои под шлемами —
На женски красоты.

О! исполать, красотки,
Вам, росски амазонки!
Вы в мужестве почтенны,
Вы в нежности любезны:
Здоровье ваше пьем!

1795

ГОСТЮ

Сядь, милый гость! здесь на пуховом
Диване мягком отдохни;
В сем тонком пологу перловом
И в зеркалах вокруг усни;
Вздремли после стола немножко,
Приятно часик похрапеть:
Златой кузнечик, сера мошка
Сюда не могут залететь.

Случится, что из снов прелестных
Приснится здесь тебе какой;
Хоть клад из облаков небесных
Златой посыплется рекой,
Хоть девушки мои домашни
Рукой тебе махнут, — я рад:
Любовные приятны шашни,
И поцелуй в сей жизни — клад.

1795(?)

ДРУГУ

Пойдем севодни благовонный
Мы черпать воздух, друг мой! в сад,
Где вязы светлы, сосны тёмны
Густыми купами стоят;
Который с милыми друзьями,
С подругами сердец своих
Садили мы, растили сами:
Уж ныне тень приятна в них.

Пусть Даша статна, черноока
И круглолицая, своим
Взмахнув челом, там у потока,
А белокурая живым
Нам Лиза, как зефир, порханьем
Пропляшут вместе козачка,
И нектар с пламенным сверканьем
Их розова подаст рука.

Мы, сидя там в тени древесной,
За здравье выпьем всех людей:
Сперва за женский пол прелестный,
За искренних своих друзей;
Потом за тех, кто нам злодеи:
С одними нам приятно быть;
Другие же, как скрыты змеи,
Нас учат осторожно жить.

1795(?)

СОЛОВЕЙ

На хóлме, сквозь зеленой рощи,
При блеске светлого ручья,
Под кровом тихой майской нощи,
Вдали я слышу соловья.
По ветрам легким, благовонным
То свист его, то звон летит,
То, шумом заглушаем водным,
Вздыханьем сладостным томит.

Певец весенних дней пернатый,
Любви, свободы и утех!
Твой глас отрывный, перекаты
От грома к нежности, от нег
Ко плескам, трескам и перунам,
Средь поздних, ранних красных зарь,
Раздавшись неба по лазурям,
В безмолвие приводят тварь.

Молчит пустыня, изумленна,
И ловит гром твой жадный слух,
На крыльях эха раздробленна
Пленяет песнь твоя всех дух.
Тобой цветущий дол смеется,
Дремучий лес пускает гул;
Река бегущая чуть льется,
Стоящий холм чело нагнул.

И, свесясь со скалы кремнистой,
Густокудрява мрачна ель
Напев твой яркий, голосистый
И рассыпную звонку трель,
Как очарованна, внимает.
Не смеет двигнуться луна
И свет свой слабо ниспускает;
Восторга мысль моя полна!

Какая громкость, живность, ясность
В созвучном пении твоем,
Стремительность, приятность, каткость
Между колен и перемен!

Ты щёлкаешь, крутишь, поводишь,
Журчишь и стонешь в голосах;
В забвенье души ты приводишь
И отзываешься в сердцах.

О! если бы одну природу
С тобою взял я в образец,
Воспел богов, любовь, свободу, —
Какой бы славный был певец!
В моих бы песнях жар, и сила,
И чувствы были вместо слов;
Картину, мысль и жизнь явила
Гармония моих стихов.

Тогда б, подобно Тимотею,
В шатре персидском я возлег,
И сладкой лирою моею
Царево сердце двигать мог:
То, всплameняя любовной страстью,
К Таисе бы его склонял;
То, возбудя грозой, напастью,
Копье ему на брань вручал.

Тогда бы я между прудами
На мягку мураву воссел,
И арфы с тихими струнами
Приятность сельской жизни пел;
Тогда бы нимфа мне внимала,
Боясь в зерцало вод взглянуть;
Сквозь дымку бы едва дышала
Ее высока, нежна грудь.

Иль, храбрых россиян делами
Пленясь бы, духом возлетал,
Героев полк над облаками
В сияньи звезд я созерцал;
О! коль бы их воспел я сладко,
Гремя поэзией моей
Отважно, быстро, плавно, кратко,
Как ты, — о дивный соловей!

1795

ПАВЛИН

Какое гордое творенье,
Хвост пышно расширяя свой,
Черно-зелёны в искрах перья
Со рассыпною бахромой
Позадь чешуйной груди кажет,
Как некий круглый, дивный щит?

Лазурно-сизы-бирюзовы
На каждого конце пера,
Тенисты круги, волны новы
Струиста злата и сребра;
Наклонит — изумруды блещут!
Повéрнет — яхонты горят!

Не то ли славный царь пернатый?
Не то ли райска птица *Жар*,
Которой столь убор богатый
Приводит в удивленье тварь?
Где ступит — радуги играют!
Где станет — там лучи вокруг!

Конечно, сила и паренье
Орлиные в ее крылах,
Глас трубный, лебедино пенье
В ее пресладостных устах;
А пеликана добродетель
В ее и сердце и душе!

Но что за чудное явленье?
Я слышу некий странный визг!
Сей Феникс опустил вдруг перья,
Увидя гнусность ног своих.
О пышность! как ты ослепляешь!
И барин без ума — павлин.

1795

ПАМЯТНИК

Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный,
Металлов тверже он и выше пирамид;
Ни вихрь его, ни гром не сломит быстротечный,
И времени полет его не сокрушит.

Так! — весь я не умру, но часть меня большая,
От тлена убежав, по смерти станет жить,
И слава возрастет моя, не увядая,
Доколь славянов род вселенна будет чтить.

Слух пройдет обо мне от Белых вод до Черных,
Где Волга, Дон, Нева, с Рифея льет Урал;
Всяк будет помнить то в народах неисчетных,
Как из безвестности я тем известен стал,

Что первый я дерзнул в забавном русском слоге
О добродетелях Фелицы возгласить,
В сердечной простоте беседовать о боге
И истину царям с улыбкой говорить.

О муза! возгордись заслугой справедливой,
И презрит кто тебя, сама тех презирай;
Непринужденною рукой неторопливой
Чело твое зарей бессмертия венчай.

1795

ХАРИТЫ

По следам Анакреона
Я хотел воспеть харит —
Феб во гневе с Геликона
Мне предстал и говорит:
«Как! и ты уже небесных
Дев желаешь воспевать?
Столько прелестей бессмертных
Хочет смертный описать!
Но бывал ли на высоком
Ты Олимпе у богов?

Обнимал ли бренным оком
Ты веселье их пиров?
Видел ли харит пред ними,
Как, под звук приятных лир,
Плясками они своими
Восхищают горний мир;
Как с протяжным тихим тоном
Важно павами плывут;
Как с веселым быстрым звоном
Голубками воздух вьют;
Как вокруг они спокойно
Величавый мещут взгляд;
Как их всех движеньи стройно
Взору, сердцу говорят?
Как хитоны их эфирны,
Льну подобные власы,
Очи светлые, сафирны
Помрачают всех красы?
Как богини всем собором
Признают: им равных нет,
И Минерва важным взором
Улыбается им вслед?
Словом: видел ли картины,
Непостижные уму?» —
«Видел внук Екатерины», —
Я ответствовал ему.
Бог Парнаса усмехнулся,
Дав мне лиру, отлетел. —
Я струнам ее коснулся
И младых харит воспел.

Конец 1795 или начало 1796

НАДГРОБИЕ ШЕЛЕХОВУ

Колумб здесь росский погребен:
Преплыл моря, открыл страны́ безвестны;
Но, зря, что всё на свете тлен,
Направил паруса во океан небесный.

Конец 1795 или начало 1796

НА РОЖДЕНИЕ ЦАРИЦЫ ГРЕМИСЛАВЫ
Л. А. НАРЫШКИНУ

Живи и жить давай другим,
Но только не на счет другого;
Всегда доволен будь своим,
Не трогай ничего чужого:
Вот правило, стезя прямая
Для счастья каждого и всех!

Нарышкин! коль и ты приветством
К веселью всем твой дом открыл,
Таким любезным, скромным средством
Богатых с бедными сравнил, —
Прехвальна жизнь твоя такая,
Блажен творец людских утех!

Пускай богач там, по расчету
Назнача день, зовет гостей,
Златой родни, клиентов роту
Прибавит к пышности своей;
Пускай они, пред ним став строем,
Кадят, вздыхают — и молчат.

Но мне приятно там откушать,
Где дружеский незваный стол;
Где можно говорить и слушать
Тара-бара про хлеб и соль;
Где гость хозяина покоем,
Хозяин гостем дорожат;

Где скука и тоска забыта,
Семья учтива, не шумна;
Важна хозяйка, домовита,
Досужа, ласкова, умна;
Где лишь приязнью, хлебосольством
И взором ищут угождать.

Что нужды мне, кто по паркету
Подчас и кубари спускал;
Смотрел в толкучем рынке свету,
Народны мысли замечал

И мог при случае посольством,
Пером и шпагою блистать!

Что нужды мне, кто, всё зефиром
С цветка лишь на цветок летя,
Доволен был собою, миром,
Шутил, резвился, как дитя, —
Но если он с толь легким нравом
Всегда был добрый человек!

Всегда жил весело, приятно,
И не гонялся за мечтой;
Жалел о тех, кто жил развратно,
Плясал и сам под тон чужой.
Хвалю тебя, ты в смысле здравом
Пресчастливо провел свой век.

Какой театр, как всю вселенну,
Ядущих и ядому тварь,
За твой я вижу стол вмещенну,
И ты сидишь, как сирской царь,
В соборе целыя природы!
В семье твоей — как Авраам!

Оставя короли престолы
И ханы у тебя гостят:
Киргизцы, немчики, моголы
Салму и соусы едят;
Какие разные народы,
Язык, одежда, лицы, стан!

Какой предмет, как на качелях
Пред дом твой соберется чернь
На светлых праздничных неделях!
Вертится в воздухе весь день,
Покрыта площадь пестротою,
Чепцов и шапок миллион!

Какой восторг! Как всё играет!
Всё скачет, пляшет и поет,
Всё в улице твоей гуляет,
Кричит, смеется, ест и пьет!

И ты народной сей толпою
Так весел, горд, как Соломон!

Блажен и мудр, кто в ближних ставит
Блаженство купно и свое,
Свою по ветру лодку правит
И непорочно житие
О камень зол не разбивает,
И к пристани без бурь плывет!

Лев именем — звериный царь;
Ты родом — богатырь, сын барский;
Ты сердцем — стольник, хлебодарь;
Ты должностью — конюший царский;
Твой дом утехой расцветает,
И всяк под тень его идет.

Идут прохладой насладиться,
Музыкой душу напитать;
То тем, то сем повеселиться,
В бостон и в шашки поиграть;
И словом: радость всю, забаву
Столицы ты к себе вместил.

Бывало, даже сами боги,
Наскуча жить в своем раю,
Оставя радужны чертоги,
Заходят в храмину твою.
О! если б ты и Гремиславу
К себе царицу заманил!

И ей в забаву, хоть тихонько,
Осмелился в ушко сказать:
Кто век провел столь славно, громко,
Тот может в праздник погулять,
И зреть людей блаженных чувство
В ее пресветло рождество.

В цветах другой нет розы в мире —
Такой царицы мир не зрит!

Любовь и власть в ее порфире
Благоухает и страшит.
Так знает царствовать искусство
Лишь в Гремиславе — божество.

Апрель 1796

НА КОНЧИНУ Г‹РАФА› ОРЛОВА

Что слышу я? Орел из стаи той высокой,
Котора в воздухе плыла
Впреди Минервы светлоокой,
Когда она с Олимпа шла;
Орел, который над Чесмою
Пред флотом россиян летал,
Внезапно, роковой стрелою
Сраженный, с высоты упал!

Увы! где, где его под солнцем днесь паренье?
Где по морям его следы?
Где бурно громов устремленье
И пламенны меж туч бразды?
Где быстрые всезрящи очи
И грудь, отважности полна?
Всё, всё сокрыл мрак вечной ночи,
Осталась слава лишь одна!

Май 1796

НА ПОКОРЕНИЕ ДЕРБЕНТА

Герой, который мной воспет,
Что счастья наделен рукою
И храбростью и красотою
В любви и в брани для побед!
Уже ты днесь не по фортуне,
По подвигам твоим почтен.

Едва оставил ты граждан,
Привязанных к тебе любовью,
Уж меч твой обагрился кровью
Противных россам персиян;
Но гордый враг простер лишь выю,
Ты подарил ему живот!

Екатеринины лучи
Умножил ты победой новой;
Славнее тем венец лавровый,
Что взял Петровы ты ключи.
В столетнем старце Дарий зрится,
А юный Александр в тебе!

О радость! се валят уж к нам
Слоны, богатством нагруженны,
Коврами Инда покровенны!
Народ по стогнам, по домам!
Сребро и золото лиется,
Как с неба благотворный дождь!

Но знай: как светлый метеор,
Так блеск триумфов пролетает;
Почти тогда ж и исчезает,
Коль скоро удивит он взор;
А добродетели святые,
Как в небе звезды, век горят.

Но кто перун небес несет
И вдохновен душой Беллоны,
Кому чертеж дают Платоны
И кротости кто вслед идет,
Тот может многими путями
Войти бессмертия во храм.

Май 1796

ПОТОПЛЕНИЕ

Из-за облак месяц красный
Встал и смотрится в реке,
Сквозь туман и мрак ужасный
Путник едет в челноке.

Блеск луны пред ним сверкает,
Он гребет сквозь волн и тьму;
Мысль веселье вображает,
Берег видится ему.

Но челнок вдруг погрузился,
Путник мрачну пьет волну;
Сколь ни силился, ни бился,
Камнем вниз пошел ко дну.

Се вид жизни скоротечной!
Сколь надежда нам ни льсти,
Все потонем в бездне вечной,
Дружба и любовь, прости!

Август 1796

АФИНЕЙСКОМУ ВИТЯЗЮ

Сидевша об руку царя
Чрез поприще на колеснице,
Державшего в своей деснице
С оливой гром, иль чрез моря
Протекшего в венце Нептуна,
Или с улыбкою Фортуна
Кому жемчужный нектар свой
Носила в чаше золотой —
Блажен! кто путь устлал цветами
И окурил алоем вкруг,
И лиры громкими струнами
Утешил, бранный славя дух.

Испытывал своих я сил
И пел могущих человеков;
А чтоб вдали грядущих веков
Ярчей их в мраке блеск светил
И я не осуждался б в лести,
Для прочности к их громкой чести
Примешивал я правды глас, —
Звучал моей трубой Парнас.
Но, ах! познал, познал я смертных,
Что и великие из них
Не могут снесть лучей небесных:
Мрачит бог света очи их.

Так пусть фортуны чада,
Возлегши на цветах,

Анакреонтическія
Пѣсни.
Въ Петроградѣ
1804. Года.

Среди обилий сада,
Курений в облаках,
Наместо чиста злата,
Шумихи любят блеск;
Пусть лира таровата
Их умножает плеск, —
Я руки умываю
И лести не коснусь;
Власть сильных почитаю, —
Богов в них чтить боюсь.

Я славить мужа днесь избрал,
Который сшел с театра славы,
Который удержал те нравы,
Какими древний век блистал;
Не горд — и жизнь ведет простую,
Не лжив — и истину святую,
Внимая, исполняет сам;
Почтен от всех не по чинам;
Честь, в службе сниска́нну, свободой
Не расточил, а приобрел;
Он взглядом, мужеством, породой,
Заслугой, силою — орел.

Снискать я от него
Не льщусь ни хвал, ни уваженья;
Из одного благодаренья,
По чувству сердца моего,
Я песнь ему пою простую,
Ту вспоминая быль святую,
В его как богатырски дни,
Лет несколько назад, в тени
Премудрой той жены небесной,
Которой бодрый дух младой
Садил в Афинах сад прелестный,
И век катился золотой, —

Как мысль моя, подобно
Пчеле, полна отрад,
Шумливо, но не злобно
Облетывала сад

Предметов, ей любезных,
И, взяв с них сок и цвет,
Искусством струн священных
Преобращала в мед, —
Текли восторгов реки
Из чувств души моей;
Все были человеки
В стране счастливы сей.

На бурном видел я коне
В ристаньи моего героя;
С ним брат его, вся Троя,
Полк витязей являлись мне!
Их брони, шлемы позлащенны,
Как лесом, перьем осененны,
Мне тмили взор; а с копий их, с мечей
Сквозь пыль сверкал пожар лучей;
Прекрасных вслед Пентезилее
Строй дев их украшали чин;
Венцы Ахилла мой бодрее
Низал на дротик исполин.

Я зрел, как жилистой рукой
Он шесть коней на ипподроме
Вмиг осаждал в бегу; как в громе
Он, колесницы с гор бедрой
Своей препнув склоненье,
Минерву удержал в паденье;
Я зрел, как в дыме пред полком
Он, в ранах светел, бодр лицом,
В единоборстве хитр, проворен,
На огнескачущих волнах
Был в мрачной буре тих, спокоен,
Горела молния в очах.

Его покой — движенье,
Игра — борьба и бег,
Забавы — пляска, пенье
И сельских тьма утех
Для укрепленья тела.
Его был дом — друзей.
Кто приходил для дела —

Не запирал дверей;
Души и сердца пища
Его — несчастным щит;
Не пышные жилища —
В них он был знаменит.

Я зрел в ареопаге сонм
Богатырей, ему подобных,
Седых, правдивых, благородных,
Весы державших, пальму, гром.
Они, восседши за зерцалом,
В великом деле или малом,
Не зря на власть, богатств покров,
Произрекали суд богов;
А где рукой и руку мыли,
Желая сильному помочь, —
Дьяки, взяв шапку, выходили
С поклоном от неправды прочь.

Тогда не прихоть чли — закон;
Лишь благу общему радели;
Той подлой мысли не имели,
Чтоб только свой набить мамон.
Венцы стяжали, звуки славы,
А деньги берегли и нравы,
И всякую свою ступень
Не оценяли всякий день;
Хоть был и недруг кто друг другу, —
Усердие вело, не месть:
Умели чтить в врагах заслугу
И отдавать достойным честь.

Тогда по счетам знали,
Что десять и что ноль;
Пиявиц унимали,
На них посыпав соль;
В день ясный не сердились,
Зря на небе пятно,
С ладьи лишь торопились,
Сняв вздуто полотно;
Кубарить не любили
Дел со дня на другой;

Что можно, вмиг творили,
Оставя свой покой.

Тогда Кулибинский фонарь,
Что светел издали, близь темен,
Был не во всех местах потребен;
Горел кристалл, горел от зарь;
Стоял в столпах гранит средь дома:
Опрись на них, и — не солома.
В спартанской коже персов дух
Не обаял сердца и слух;
Не по опушке добродетель,
Не по ходулям великан:
Так мой герой был благодетель
Не по улыбке — по делам.

О ты, что правишь небесами
И манием колеблешь мир,
Подъемлешь скиптр на злых с громами,
А добрым припасаешь пир,
Юпитер! О Нептун, что бурным,
Как скатертям, морям лазурным
Разлиться по земле велел,
Брега поставив им в предел!
И ты, Вулкан, что пред горна́ми
В дне ада молнию куешь!
И ты, о Феб, что нам стрелами
Златыми свет и жизнь лиешь!

Внемлите все молитву,
О боги! вы мою:
Зверей, рыб, птиц ловитву
И благодать свою
На нивы там пошлите,
Где отставной герой
Мой будет жить. — Продлите
Век, здравье и покой
Ему вы безмятежный.
И ты, о милый Вакх!
Подчас у нимфы нежной
Позволь спать на грудях.

1796

КРЕЗОВ ЭРОТ

Я у Креза зрел Эрота:
Он, расплакавшись, сидел
Среди мраморного грота,
Окруженный лесом стрел.

Пуст колчан был, лук изломан,
Опущённа тетива,
Факел хладом околдован,
Чуть струилась синева.

Что, сказал я, так слезами
Льется сей крылатый бог?
Иль толикими стрелами
В сердце чье попасть не мог?

Иль его бессилен пламень?
Тщетен ток опасных слез?
Ах! нашла коса на камень,
Знать, любить не может Крез.

1796

ПЧЕЛКА

Пчелка златая!
Что ты жужжишь?
Всё вкруг летая,
Прочь не летишь?
Или ты любишь
Лизу мою?

Соты ль душисты
В желтых власах,
Розы ль огнисты
В алых устах,
Сахар ли белый
Грудь у нее?

Пчелка златая!
Что ты жужжишь?

Слышу, вздыхая,
Мне говоришь:
К меду прилипнув,
С ним и умру.

1796

БОЙ

Предо мной хотел горою
Хладный Север в бое стать,
Если мне любовь свечою
Придет душу зажигать.
Вмиг с пером седым, кудрявым
На меня надел шелом,
Воружил лицом багряным
И с морщинами челом,
Дал копье мне ледяное,
Препоясал вкруг мечом,
Сердце мне вложил такое,
Что смотрел я сентябрем.
На доспехи положася
И что весь я ледяной,
Я, красавиц не страшася,
Звал любовь с собою в бой.
Тут откуда ни возьмися
Предо мною Лель предстал,
Красной девой нарядился,
«Переведайся», — сказал.
Выступил я смело к бою.
Наложа на сердце щит,
Меч рукой, копье другою
Я подняв хотел разить.
Почал Лель перить в щит стрелы,
А доспехи жечь свечой;
Стрелы, падая, шипели,
Шлем блистал на мне зарей.
Я уж думал, бой свершился,
И что я-то был герой;
Лель упорством рассердился,
Сам вскочил мне в грудь стрелой:

В части мелкие кольчуга
Разлетелась — я стал наг.
Ах! тщетна защита друга,
Ежели уж в сердце враг.

1796

ХРАПОВИЦКОМУ

Храповицкой! дружбы знаки
Вижу я к себе твои:
Ты ошибки, лесть и враки
Кажешь праведно мои;
Но с тобой не соглашуся
Я лишь в том, что я орел.

А по-твоему коль станет,
Ты мне путы развяжи;
Где свободно гром мой грянет,
Ты мне небо покажи;
Где я в поприще пущуся
И препон бы не имел?

Где чертог найду я правды?
Где увижу солнце в тьме?
Покажи мне те ограды
Хоть близ трона в вышине,
Чтоб где правду допущали
И любили бы ее.

Страха связанным цепями
И рожденным под жезлом,
Можно ль орлими крылами
К солнцу нам парить умом?
А хотя б и возлетали —
Чувствуем ярмо свое.

Должны мы всегда стараться,
Чтобы сильным угождать,
Их любимцам поклоняться,
Словом, взглядом их ласкать.
Раб и похвалить не может,
Он лишь может только льстить.

Извини ж, мой друг, коль лестно
Я кого где воспевал;
Днесь скрывать мне тех бесчестно,
Раз кого я похвалял.
За слова — меня пусть гложет,
За дела — сатирик чтит.

30 или 31 марта 1797

КАПНИСТУ

Спокойства просит от небес
Застиженный в Каспийском море,
Коль скоро ни луны, ни звезд
За тучами не зрит, и вскоре
Ждет корабельщик бед от бурь.
Спокойства просит перс пужливый,
Турк гордый, росс властолюбивый
И в ризе шелковой манжур.

Покою, мой Капнист! покою,
Которого нельзя купить
Казной серебряной, златою
И багряницей заменить.
Сокровищми всея вселенной
Не может от души смятенной
И самый царь отгнать забот,
Толпящихся вокруг ворот.

Счастли́в тот, у кого на стол,
Хоть не роскошный, но опрятный,
Родительские хлеб и соль
Поставлены, и сон приятный
Когда не отнят у кого
Ни страхом, ни стяжаньем подлым,
Кто малым может быть довольным,
Богаче Креза самого.

Так для чего ж в толь краткой жизни
Метаться нам туды, сюды,
В другие земли из отчизны
Скакать от скук или беды
И чуждым солнцем согреваться?

От пепелища удаляться,
От родины своей кто мнит,
Тот самого себя бежит.

Заботы наши и беды
Везде последуют за нами,
На кораблях чрез волны, льды
И конницы за тороками;
Быстрей оленей и погод,
Стадами облаки женущих,
Летят они, и всюду сущих
Терзают человеков род.

О! будь судьбе твоей послушным,
Престань о будущем вздыхать;
Веселым нравом, равнодушным
Умей и горесть услаждать.
Довольным быть, неприхотливым —
Сие то есть, что быть счастливым;
А совершенных благ в сей век
Вкушать не может человек.

Век Задунайского увял,
Достойный в памяти остаться!
Рымникского печален стал;
Сей муж, рожденный прославляться,
Проводит ныне мрачны дни, —
Чего ж не приключится с нами?
Что мне предписано судьбами,
Тебе откажут в том они.

Когда в Обуховке стремятся
Твоей стада, блея, на луг,
С зеленого холма глядятся
В текущий сткляный Псёл вокруг;
Когда волы и кобылицы,
Четвероместной колесницы
Твоей краса и честь плугов,
Блестят, и сад твой — тьмой плодов;

Когда тебя в темно-зелену,
Подругу в пурпурову шаль
Твою я вижу облеченну,

И прочь бежит от вас печаль;
Как вкруг вас радости и смехи,
Невинны сельские утехи,
И хоры дев поют весну, —
То скука вас не шлет ко сну.

А мне Петрополь населять
Когда велит судьба с Миленой,
К отраде дом дала и сад
Сей жизни скучной, развлеченной,
И некую поэта тень,
Да правду возглашу святую.
Умей презреть и ты златую,
Злословну, площадную чернь.

Март или апрель 1797

К МУЗЕ

Строй, муза, арфу золотую
И юную весну воспой:
Как нежною она рукой
На небо, море — голубую,
На долы и вершины гор
Зелену ризу надевает,
Вкруг ароматы разливает;
    Всем осклабляет взор.

Смотри: как цепью птиц станицы
Летят под небом и трубят,
Как жаворонки вверх парят;
Как гусли тихи иль цевницы,
Звенят их гласы с облаков;
Как ключ шумит, свирель взывает,
И между всех их пробегает
    Свист громкий соловьев.

Смотри: в проталинах желтеют,
Как звезды, меж снегов цветы;
Как, распустившись, роз кусты
Смеются в люльках и алеют;
Сквозь мглу восходит злак челом,

Леса ветвями помавают,
По рдяну вод стеклу мелькают
Вверх рыбы серебром.

Смотри: как солнце золотое
Днесь лучезарнее горит;
Небесное лице глядит
На всех, веселое, младое;
И будто вся играет тварь,
Природа блещет, восклицает:
Или какой себя венчает
Короной мира царь?

5 апреля 1797

ВОЗВРАЩЕНИЕ ВЕСНЫ

Возвращается Весна,
И хариты вкруг блистают,
Взоры смертных привлекают.
Где стоит, грядет она,
Воздух дышит ароматом,
Усмехается заря,
Чешуятся реки златом;
Рощи, в зеркалы смотря,
На ветвях своих качают
Теплы, легки ветерки;
Сильфы резвятся, порхают,
Зелень всюду и цветки
Стелют по земле коврами;
Рыбы мечутся из вод;
Журавли, виясь кругами
Сквозь небесный синий свод,
Как валторны возглашают;
Соловей гремит в кустах,
Звери прыгают, брыкают,
Глас их вторится в лесах.
Горстью пахарь дождь на нивы
Сеет вкруг себя златой,
Белы парусы игривы
Вздулись на́ море горой;
Вся природа торжествует,

Празднует Весны приход,
Всё играет, всё ликует.
Нимфы! станьте в хоровод
И, в белейши снега ткани
Облеченны, изо льну,
Простирайте нежны длани,
Принимайте вы Весну;
А в цветах ее щедроты,
А в зефирах огнь сердцам.
С нею к вам летят Эроты:
Без любви нельзя жить вам.

Май 1797

УРНА

Сраженного косой Сатурна,
Кого средь воющих здесь рощ
Печальная сокрыла урна
Во мрачну, непробудну нощь?
Кому на ней чудес картина
Во мраморе изражена?
Крылатый жезл, котурн, личина,
Резец и с лирой кисть видна!

Над кем сей мавзолей священный
Вкруг отеняет кипарис,
И лира гласы шлет плачевны?
Кто: Меценат иль Медицис
Тут орошается слезами?
Чьи бледные лица черты
Луной блистают меж ветвями?
Кто зрится мне? — Шувалов, ты!

Ах, ты! — могу ль тебя оставить
Без благодарной песни я?
Тебя ли мне, тебя ль не славить?
Я твой питомец и — судья.
О нет! — уж Муза возлетает
Моя ко облакам златым,
Вслед выспренних певцов дерзает
Воспеть тебе надгробный гимн.

Смерть мужа праведна прекрасна!
Как умолкающий орган,
Как луч последний солнца ясна
Блистает, тонет в океан, —
Подобно в неизмерны бездны,
От мира тленного спеша,
Летит сквозь мириады звездны
Блаженная твоя душа.

Или как странник, путь опасный
Прошедший меж стремнин и гор,
Змей слыша свист, львов рев ужасный
Позадь себя во тьме и взор
От зуб их отвратя, взбегает
С весельем на высокий холм,
От мира дух твой возлетает
Так вечности в прекрасный дом.

Коль тень и прообразованье
Небесного сей дольний мир,
С высот лазурных восклицанье
И сладкое согласье лир
Я слышу; вижу, душ блаженных
Полки встречать тебя идут!
В эфирных ризах, позлащенных,
Торжественную песнь поют:

Гряди к нам, новый неба житель!
И, отрясая прах земной,
Войди в нетленную обитель,
И с высоты ее святой
Воззри на дол твой смертный, слезный,
На жизнь твою, и наконец
За подвиги твои полезны
Прими возмездия венец!

Ты бедных был благотворитель, —
И вечных насладися благ.
Ты просвещенья был любитель, —
И божества сияй в лучах.
Ты поощрял петь славу россов,
Ты чтил Петра, Елисавет, —

Внимай, как звучно Ломоносов
Здесь славу вечную поет!

Поэзии бессмертно пенье
На небесах и на земли;
Тот будет гроб у всех в почтенье,
Над коим лавры расцвели.
Науки сеял благотворной
Рукой и возращал, любя, —
Свет от лампады благовонной
Возблещет вечно чрез тебя.

Планета ты, что с солнца мира
Лучи бросала на других;
Ты в славе не являл кумира,
Ты видел смертных, слышал их.
Картина ты, которой тени
Не рама в золоте — хвала;
Великолепие — для черни;
Для благородных душ — дела.

Но мрачен, темен сердца свиток,
В нем скрыты наших чувств черты:
Оселок честности — прибыток;
На нем блистал, как злато, ты.
Как полное мастик кадило,
Горя, другим ты запах дал;
Как полное лучей светило,
Ты дарованья озарял.

О! сколько юношей тобою
Познания прияли свет!
Какою пламенной струею
Сей свет в потомство протечет!
Над царедворцевой могилой,
Над вождем молненосных гроз,
Когда раздастся вздох унылой,
Сверкнет здесь искра нежных слез.

Стой, урна, вечно невредима,
Шувалова являя вид!
Будь лирами пиитов чтима,
В тебе предстатель их сокрыт.

Внуши, тверди его доброты
Сей надписью вельможам в слух:
«Он жил для всенародной льготы
И покровительства наук».

Ноябрь 1797

К ЛИРЕ

Петь Румянцова сбирался,
Петь Суворова хотел;
Гром от лиры раздавался,
И со струн огонь летел.
Но завистливой судьбою
Задунайский кончил век;
А Рымникский скрылся тьмою,
Как неславный человек.
Что ж? Приятна ли им будет,
Лира! днесь твоя хвала?
Мир без нас не позабудет
Их бессмертные дела.
Так не надо звучных строев,
Переладим струны вновь:
Петь откажемся героев,
А начнем мы петь любовь.

Ноябрь 1797

ВОЗВРАЩЕНИЕ ГРАФА ЗУБОВА ИЗ ПЕРСИИ

Цель нашей жизни — цель к покою:
Проходим для того сей путь,
Чтобы от мразу иль от зною
Под кровом нощи отдохнуть.
Здесь нам встречаются стремнины,
Там терны, там ручьи в тени;
Там мягкие луга, равнины,
Там пасмурны, там ясны дни;
Сей с холма в пропасть упадает,
А тот взойти спешит на холм.

Кого же разум почитает
Из всех, идущих сим путем,

По самой истине счастливым?
Не тех ли, что, челом к звездам
Превознесяся горделивым,
Мечтают быть равны богам;
Что в пурпуре и на престоле
Превыше смертных восседят?
Иль тех, что в хижине, в юдоле,
Смиренно на соломе спят?

Ах нет! не те и не другие
Любимцы прямо суть небес,
Которых мучат страхи злые,
Прельщают сны приятных грез;
Но тот блажен, кто не боится
Фортуны потерять своей,
За ней на высоту не мчится,
Идет середнею стезей
И след во всяком состояньи
Цветами усыпает свой.

Кто при конце своих ристаний
Вдали зреть может за собой
Аллею подвигов прекрасных;
Дав совести своей отчет
В минутах светлых и ненастных,
С улыбкою часы те чтет,
Как сам благими насладился,
Как спас других от бед, от нужд,
Как быть всем добрым торопился,
Раскаянья и вздохов чужд.

О юный вождь! сверша походы,
Прошел ты с воинством Кавказ,
Зрел ужасы, красы природы:
Как, с ребр там страшных гор лиясь,
Ревут в мрак бездн сердиты реки;
Как с чел их с грохотом снега
Падут, лежавши целы веки;
Как серны, вниз склонив рога,
Зрят в мгле спокойно под собою
Рожденье молний и громов.

Ты зрел, как ясною порою
Там солнечны лучи, средь льдов,
Средь вод, играя, отражаясь,
Великолепный кажут вид;
Как, в разноцветных рассеваясь
Там брызгах, тонкий дождь горит;
Как глыба там сизо-янтарна,
Навесясь, смотрит в темный бор;
А там заря злато-багряна
Сквозь лес увеселяет взор.

Ты видел, Каспий, протягаясь,
Как в камышах, в песках лежит,
Лицем веселым осклабляясь,
Пловцов ко плаванью манит;
И вдруг как, бурей рассердяся,
Встает в упор ее крылам,
То скачет в твердь, то в ад стремяся,
Трезубцем бьет по кораблям;
Столбом власы седые вьются,
И глас его гремит в горах.

Ты видел, как во тьме секутся
С громами громы в облаках,
Как бездны пламень извергают,
Как в тучах роет огнь бразды,
Как в воздухе пары сгорают,
Как светят свеч в лесах ряды.
Ты видел, как в степи средь зною
Огромных змей стога кишат,
Как блещут пестрой чешуею
И льют, шипя, друг в друга яд.

Ты домы зрел царей, вселенну —
Внизу, вверху, ты видел всё;
Упадшу спицу, вознесенну,
Вертяще мира колесо.
Ты зрел — и как в вратах железных
(О! вспомни ты о сем часе́!)
По духу войск, тобой веденных,
По младости твоей, красе,

По быстром персов покореньи
В тебе я Александра чтил!

О! вспомни, как в том восхищеньи,
Пророча, я тебя хвалил:
Смотри, — я рек, — триумф минуту,
А добродетель век живет.
Сбылось! Игру днесь счастья люту,
И как оно к тебе хребет
Свой с грозным смехом повернуло,
Ты видишь, — видишь, как мечты
Сиянье вкруг тебя заснуло,
Прошло, — остался только ты.

Остался ты! — и та прекрасна
Душа почтенна будет век,
С которой ты внимал несчастна
И был в вельможе человек,
Который с сердцем откровенным
Своих и чуждых принимал,
Старейших вкруг себя надменным
Воззрением не огорчал.
Ты был что есть, — и не страшися
Объятия друзей своих.

Приди ты к ним! Иль уклонися
Познать премудрость царств иных.
Учиться никогда не поздно,
Исправь поступки юных лет;
То сердце прямо благородно,
Что ищет над собой побед.
Смотри, как в ясный день, как в буре
Суворов тверд, велик всегда!
Ступай за ним! — небес в лазуре
Еще горит его звезда.

Кто был на тысяще сраженьях
Не победим, а победил,
Нет нужды в блесках, украшеньях
Тому, кто царство покорил!
Умей лишь сделаться известным
По добродетелям своим,

И не тужи по снам прелестным,
Мечтавшимся очам твоим:
Они прошли и возвратятся;
Пройти вновь могут, и прийти.

Как страннику в пути встречаться
Со многим должно, и идти,
И на горах и под горами,
Роскошничать и глад терпеть, —
Бывает так со всеми нами,
Премены рока долг наш зреть.
Но кто был мужествен душою,
Шел равнодушней сим путем,
Тот ближе был к тому покою,
К которому мы все идем.

1797

САФО

Блажен, подобится богам
С тобой сидящий в разговорах,
Сладчайшим внемлющий устам,
Улыбке нежной в страстных взорах!

Увижу ль я сие — и вмиг
Трепещет сердце, грудь теснится,
Немеет речь в устах моих
И молния по мне стремится.

По слуху шум, по взорам мрак,
По жилам хлад я ощущаю;
Дрожу, бледнею — и, как злак
Упадший, вяну, умираю.

1797

КУПИДОН

Под Медведицей небесной,
Средь ночныя темноты,
Как на мир сей сон всеместный
Сыпал маковы цветы;

Как спокойно все уж спали
Отягченные трудом,
Слышу, в двери застучали
Кто-то громко вдруг кольцом.
«Кто, — спросил я, — в дверь стучится
И тревожит сладкий сон?» —
«Отвори, чего страшиться? —
Отвечал мне Купидон. —
Я ребенок, как-то сбился
В ночь безлунную с пути,
Весь дождем я замочился,
Не найду, куда идти».
Жаль его мне очень стало:
Встал и высек я огня;
Отворил лишь двери мало,
Прыг дитя перед меня.
В туле лук на нем и стрелы;
Я к огню с ним поспешил,
Тер руками руки мерзлы,
Кудри влажные сушил.
Он успел лишь обогреться,
«Ну, посмотрим-ка, — сказал, —
Хорошо ли лук мой гнется?
Не испорчен ли чем стал?»
Молвил, и стрелу мгновенно
Острую в меня пустил,
Ранил сердце мне смертельно
И, смеяся, говорил:
«Не тужи, мой лук годится,
Тетива еще цела».
С тех пор начал я крушиться,
Как любви во мне стрела.

1797

ДАР

«Вот, — сказал мне Аполлон, —
Я даю тебе ту лиру,
Коей нежный, звучный тон
Может быть приятен миру.

Пой вельможей и царей,
Коль захочешь быть им нравен;
Лирою чрез них ты сей
Можешь быть богат и славен.

Если ж пышность, сан, богатство
Не по склонностям твоим,
Пой любовь, покой, приятство:
Будешь красотой любим».

Взял я лиру и запел, —
Струны правду зазвучали;
Кто внимать мне захотел?
Лишь красавицы внимали.

Я доволен, света бог!
Даром сим твоим небесным.
Я богатым быть не мог,
Но я мил женам прелестным.

1797

РАЗВАЛИНЫ

Вот здесь, на острове Киприды,
Великолепный храм стоял:
Столпы, подзоры, пирамиды
И купол золотом сиял.
Вот здесь, дубами осененна,
Резная дверь в него была,
Зеленым свесом покровенна,
Вовнутрь святилища вела.
Вот здесь хранилися кумиры,
Дымились жертвой алтари,
Сбирались на молитву миры
И били ей челом цари.
Вот тут была уединенной
Поутру каждый день с зарей,
Писала, как владеть вселенной
И как сердца пленить людей.
Тут поставлялася трапеза,
Круг юных дев и сонм жрецов;

Богатство разливалось Креза,
Сребро и злато средь столов.
Тут арфы звучные гремели
И повторял их хор певцов;
Особо тут сирены пели
И гласов сладостью, стихов
Сердца и ум обворожали.
Тут нектар из сосудов бил,
Курильницы благоухали,
Зной летний провевал зефир,
А тут крылатые служили
Полки прекрасных метких слуг
И от богининой носили
Руки амброзию вокруг.
Она, тут сидя, обращалась
И всех к себе влекла сердца;
Восставши, тихо покланялась,
Блистая щедростью лица.
Здесь в полдень уходила в гроты,
Покоилась прохлад в тени;
А тут амуры и эроты
Уединялись с ней одни;
Тут был Эдем ее прелестный
Наполнен меж купин цветов,
Здесь тек под синий свод небесный
В купальню скрытый шум ручьев;
Здесь был театр, а тут качели,
Тут азиатских домик нег;
Тут на Парнасе музы пели,
Тут звери жили для утех.
Здесь в разны игры забавлялась,
А тут прекрасных нимф с полком
Под вечер красный собиралась
В прогулку с легким посошком;
Ходила по лугам, долинам,
По мягкой мураве близ вод,
По желтым среди роз тропинам;
А тут, затея хоровод,
Велела нимфам, купидонам
Играть, плясать между собой
По слышимым приятным тонам
Вдали музыки роговой.

Они, кружась, резвясь, летали,
Шумели, говорили вздор;
В зерцале вод себя казали,
Всем тешили богинин взор.
А тут, оставя хороводы,
Верхом скакали на коньках;
Иль в лодках, рассекая воды,
В жемчужных плавали струях.
Киприда тут средь мирт сидела,
Смеялась, глядя на детей,
На восклицающих смотрела
Поднявших крылья лебедей;
Иль на станицу сребробоких
Ей милых сизых голубков;
Или на пестрых, краснооких
Ходящих рыб среди прудов;
Иль на собачек, ей любимых,
Хвосты несущих вверх кольцом,
Друг другом с лаяньем гонимых,
Мелькающих между леском.
А здесь, исполнясь важна вида,
На памятник своих побед
Она смотрела: на Алкида,
Как гидру палицей он бьет;
Как прочие ее герои
По манию ее очес
В ужасные вступали бои
И тьмы поделали чудес;
Приступом грады тверды брали,
Сжигали флоты средь морей,
Престолы, царствы покоряли
И в плен водили к ней царей.
Здесь в внутренни она чертоги
По лестнице отлогой шла,
Куда гостить ходили боги
И где она всегда стрегла
Тот пояс, в небе ей истканный,
На коем меж харит с ней жил
Тот хитрый гений, изваянный,
Который счастье ей дарил,
Во всех ее делах успехи,
Трофеи мира и войны,

Здоровье, радости и смехи
И легкие приятны сны.
В сем тереме, Олимпу равном,
Из яшм прозрачных, перлов гнезд,
Художеством различным славном,
Горели ночью тучи звезд,
Красу богини умножали;
И так средь сих блаженных мест
Ее как солнце представляли.

Но здесь ее уж ныне нет,
Померк красот волшебных свет,
Всё тьмой покрылось, запустело;
Всё в прах упало, помертвело;
От ужаса вся стынет кровь, —
Лишь плачет сирая любовь.

1797

ЖЕЛАНИЕ

К богам земным сближаться
Ничуть я не ищу,
И больше возвышаться
Никак я не хочу.

Души моей покою
Желаю только я:
Лишь будь всегда со мною
Ты, Дашенька моя!

1797

ЛЮСИ

О ты, Люсинька любезна!
Не беги меня, мой свет,
Что млада ты и прелестна,
А я дурен, стар и сед.
Взглянь на розы и лилеи,
Лель из них венки плетет.
Вкруг твоей приятен шеи
Розовый и белый цвет.

1797

РОЖДЕНИЕ КРАСОТЫ

Сотворя Зевес вселенну,
Звал богов всех на обед.
Вкруг нектара чашу пенну
Разносил им Ганимед;
Мед, амброзия блистала
В их устах, по лицам огнь,
Благовоний мгла летала,
И Олимп был света полн;
Раздавались песен хоры,
И звучал весельем пир;
Но незапно как-то взоры
Опустил Зевес на мир;
И, увидя царствы, грады,
Что погибли от боев,
Что богини мещут взгляды
На беднейших пастухов,
Распалился столько гневом,
Что, курчавой головой
Покачав, шатнул всем небом,
Адом, морем и землей.
Вмиг сокрылся блеск лазуря:
Тьма с бровей, огонь с очес,
Вихорь с риз его, и буря
Восшумела от небес;
Разразились всюду громы,
Мрак во пламени горел,
Яры волны будто холмы,
Понт стремился и ревел;
В растворенны бездн утробы
Тартар искры извергал;
В тучи Феб, как в черны гробы,
Погруженный трепетал;
И средь страшной сей тревоги
Коль еще бы грянул гром, —
Мир, Олимп, богов чертоги
Повернулись бы вверх дном.
Но Зевес вдруг умилился,
Стало, знать, красавиц жаль;
А как с ними не смирился,
Новую тотчас создал:

Ввил в власы пески златые,
Пламя — в щеки и уста,
Небо — в очи голубые,
Пену — в грудь, и Красота
Вмиг из волн морских родилась.
А взглянула лишь она,
Тотчас буря укротилась
И настала тишина.
Сизы, юные дельфины,
Облелея табуном,
На свои ее взяв спины,
Мчали по пучине волн.
Белы голуби станицей,
Где откуда ни взялись,
Под жемчужной колесницей
С ней на воздух поднялись;
И, летя под облаками,
Вознесли на звездный холм;
Зевс объял ее лучами
С улыбнувшимся лицом.
Боги молча удивлялись,
На красу разинув рот,
И согласно в том признались:
Мир и брани — от красот.

1797

К ЖЕНЩИНАМ

Зевес быкам дал роги,
Копыты лошадям,
Проворны зайцам ноги,
Зубасты зевы львам,
Способность плавать рыбам,
Парение орлам,
Бесстрашный дух мужчинам, —
Но что ж он дал женам?
Чем всё то заменит?
Красой их наделяет:
Огонь и меч, и щит
Красавица сражает.

1797

СОЛОВЕЙ ВО СНЕ

Я на хо́лме спал высоком,
Слышал глас твой, соловей,
Даже в самом сне глубоком
Внятен был душе моей:
То звучал, то отдавался,
То стенал, то усмехался
В слухе издалече он;
И в объятиях Калисты
Песни, вздохи, клики, свисты
Услаждали сладкий сон.

Если по моей кончине,
В скучном, бесконечном сне,
Ах! не будут так, как ныне,
Эти песни слышны мне;
И веселья, и забавы,
Плясок, ликов, звуков славы
Не услышу больше я, —
Стану ж жизнью наслаждаться,
Чаще с милой целоваться,
Слушать песни соловья.

1797

ГОРЮЧИЙ КЛЮЧ

Под свесом шумных тополовых
Кустов, в тени, Кипридин сын
Покоился у вод перловых,
Биющих с гор, и факел с ним
Лежал в траве, чуть-чуть куряся.
Пришли тут нимфы и, дивяся,
«Что нам! — сказали, — как с ним быть?
Дай в воду, в воду потопить!
А с ним и огнь, чем все сгорают!»
И вот! — кипит ключ пеной весь;
С купающихся нимф стекают
Горящие струи поднесь.

1797

ВЕНЕРИН СУД

На розе опочила
В листах пчела сидя,
Вдруг в пальчик уязвила
Венерино дитя.
Вскричал, вспорхнул крылами
И к матери бежит;
Облившися слезами,
«Пропал, умру! — кричит, —
Ужален небольшою
Крылатой я змеей,
Которая пчелою
Зовется у людей».
Богиня отвечала:
«Суди ж: коль так пчелы
Тебя терзает жало,
Что ж твой удар стрелы?»

1797

О УДОВОЛЬСТВИИ

Прочь буйна чернь, непросвещенна
И презираемая мной!
Пространись вкруг тишина священна!
Пленил меня восторг святой!
Высоку песнь и дерзновенну,
Неслыханну и не внушенну,
Я слабым смертным днесь пою:
Всяк преклони главу свою.

Сидят на тронах возвышенны
Над всей вселенною цари,
Ужасной стражей окруженны,
Подъемля скиптры, судят при.
Но бог есть вышний и над ними;
Блистая молньями своими,
Он сверг Гигантов с горних мест
И перстом водит хоры звезд.

Пусть занял юными древами
Тот область целую под сад;

Тот горд породою, чинами;
Пред тем полки рабов стоят;
А сей звучит трубой военной.
Но в урне рока, неизмерной,
Кто мал и кто велик, забвен:
Своим всяк жребьем наделен.

Когда меч острый, обнаженный
Злодея над главой висит,
Обилием отягощенный
Его стол вкусный не прельстит;
Ни нежной цитры глас звенящий,
Ни птиц весенних хор гремящий
Уж чувств его не усладят
И крепка сна не возвратят.

Сон сладостный не презирает
Ни хижин бедных поселян,
Ниже дубрав не убегает,
Ни низменных, ни тихих стран,
На коих по колосьям нивы
Под тенью облаков игривый
Перебирается зефир,
Где царствует покой и мир.

Кто хочет только, что лишь нужно,
Тот не заботится никак,
Что море взволновалось бурно;
Что, огненный вращая зрак,
Медведица нисходит в бездны;
Что лев, на свод несяся звездный,
От гривы сыплет вкруг лучи;
Что блещет молния в ночи.

Не беспокоится, что градом
На холмах виноград побит;
Что проливных дождей упадом
Надежда, цвет полей, не льстит;
Что жрет и мраз и зной жестокий
Поля, леса; а там в глубоки
Моря отломки гор валят
И рыб в жилищах их теснят.

Здесь тонут зиждущих плотину
Работников и зодчих тьма,
Затем что стали властелину
На суше скучны терема.
Но и средь волн в чертоги входит
Страх, грусть и там вельмож находит,
Рой скук за кораблем жужжит
И вслед за всадником летит.

Когда ни мраморы прекрасны
Не утоляют скорби мне,
Ни пурпур, что, как облак ясный,
На светлой блещет вышине;
Ни грозды, соком наполненны,
Ни вина, вкусом драгоценны,
Ни благовонья аромат
Минуты жизни не продлят.

Почто ж великолепьем пышным,
Удобным зависть возрождать,
По новым чертежам отличным
Огромны зданья созидать?
Почто спокойну жизнь, свободну,
Мне всем приятну, всем довольну,
И сельский домик мой — желать
На светлый блеск двора менять?

1798

ПОХВАЛА СЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ

Блажен! — кто, удалясь от дел,
Подобно смертным первородным,
Орет отеческий удел
Не откупным трудом — свободным,
На собственных своих волах;

Кого ужасный глас, от сна
На брань, трубы не возбуждает,
Морская не страшит волна,
В суд ябеда не призывает,
И господам не бьет челом.

Но садит он в саду своем
Кусты и овощи цветущи;
Иль диких древ, кривым ножом,
Обрезав пни, и плод дающи
Черенья прививает к ним;

Иль зрит вдали ходящий скот,
Рычащий в вьющихся долинах;
Иль перечищенную льет
И прячет патоку в кувшинах,
Или стрижет своих овец.

Но осень как главу в полях,
Гордясь, с плодами возвышает —
Как рад! что рвет их на ветвях,
Привитых им, — и посвящает
Дар богу, пурпура красней.

На бреге ли в траве густой,
Под дуб ли древний он ложится, —
В лесу гам птиц, с скалы крутой
Журча к нему ручей стремится,
И всё наводит сладкий сон.

Когда ж гремящий в тучах бог
Покроет землю всю снегами,
Зверей он ищет след и лог;
Там зайца гонит, травит псами,
Здесь ловит волка в тенета.

Иль тонкие в гумнах силки
На куропаток расставляет,
На рябчиков в кустах пружки, —
О, коль приятну получает
Награду за свои труды!

Но будет ли любовь при том
Со прелестьми ее забыта,
Когда прекрасная лицом
Хозяйка мила, домовита,
Печется о его детях?

Как ею — русских честных жен
По древнему обыкновенью —
Весь быт хозяйский снаряжен:
Дом тепл, чист, светл, и к возвращенью
С охоты мужа стол накрыт.

Бутылка доброго вина,
Впрок пива русского варена,
С гренками коновка полна,
Из коей клубом лезет пена,
И стол обеденный готов.

Горшок горячих, добрых щей,
Копченый окорок под дымом;
Обсаженный семьей моей,
Средь коей сам я господином,
И тут-то вкусен мне обед!

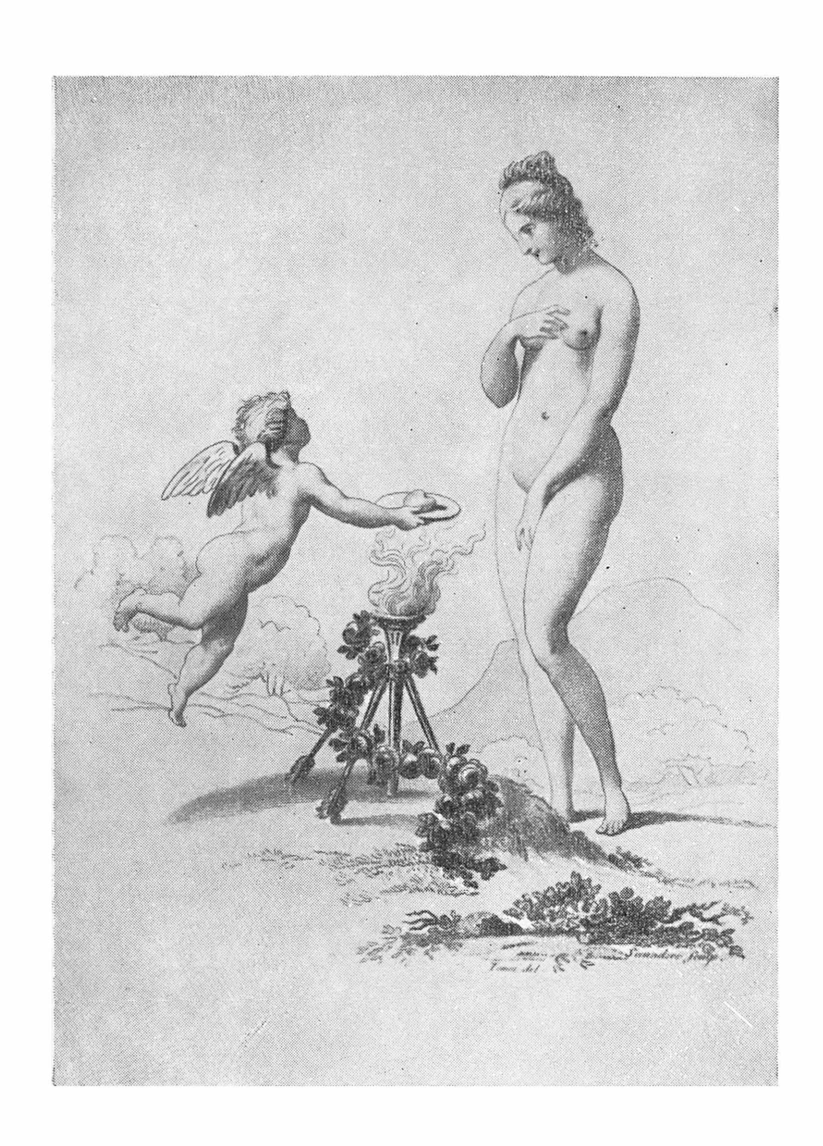
А как жаркой еще баран
Младой, к Петрову дню блюденный,
Капусты сочныя кочан,
Пирог, груздями начиненный,
И несколько молочных блюд, —

Тогда-то устрицы, го-гу,
Всех мушелей заморских грузы,
Лягушки, фрикасе, рагу,
Чем окормляют нас французы,
И уж ничто не вкусно мне.

Меж тем приятно из окна
Зреть карду с тучными волами;
Кобыл, коров, овец полна,
Двор резвыми кишит рабами, —
Как весел таковой обед!

Так откупщик вчерась судил,
Сбираясь быть поселянином;
Но правежом долги лишь сбрил,
Остался паки мещанином,
А ныне деньги отдал в рост.

1798

К САМОМУ СЕБЕ

Что мне, что мне суетиться,
Вьючить бремя должностей,
Если мир за то бранится,
Что иду прямой стезей?
Пусть другие работают,
Много мудрых есть господ:
И себя не забывают
И царям сулят доход.
Но я тем коль бесполезен,
Что горяч и в правде черт, —
Музам, женщинам любезен
Может пылкий быть Эрот.
Стану ныне с ним водиться,
Сладко есть и пить и спать;
Лучше, лучше мне лениться,
Чем злодеев наживать.
Полно быть в делах горячим,
Буду лишь у правды гость;
Тонким сделаюсь подьячим,
Растворю пошире горсть.
Утром раза три в неделю
С милой музой порезвлюсь;
Там опять пойду в постелю
И с женою обоймусь.

1798

ГЕРКУЛЕС

Геркулес пришел Данаю
Мимоходом навестить.
Я, сказал, тобой пылаю
(Он хотел с ней пошутить).
С важным взором и умильным,
Пламени в лице полна,
Вздумала с героем сильным
Также пошутить она.
Начала с ним разговоры,
Речь за речь и он повел;

Как-то встретились их взоры,
Нечувствительно он сел,
И меж тем как занялися.
Так они шутя собой,
Где откуда ни взялися
Мальчиков крылатых строй;
Вкруг летали, шурмовали,
Над главами их паря,
И, подкравшись тихо, крали
Всё вокруг богатыря:
Тот унес, кряхтя, дубину,
Тот сайдак, тот страшный меч;
Стеребили кожу львину
Те с его могучих плеч.
Не могла не улыбнуться
Красота, как шлем сняла:
Не успел он оглянуться —
В шлеме страсть гнездо свила.

1798

БОГАТСТВО

Когда бы было нам богатством
Возможно кратку жизнь продлить,
Не ставя ничего препятством,
Я стал бы золото копить.
Копил бы для того я злато,
Чтобы, как придет смерть сражать,
Тряхнуть карманом таровато
И жизнь у ней на откуп взять.
Но, ежели нельзя казною
Купить минуты ни одной,
Почто же злата нам алчбою
Так много наш смущать покой?
Не лучше ль в пиршествах приятных
С друзьями время проводить;
На ложах мягких, ароматных
Младым красавицам служить?

1798

ПАРАШЕ

Белокурая Параша,
Сребро-розова лицом,
Коей мало в свете краше
Взором, сердцем и умом!

Ты, которой повторяет
Звучну арфу нежный глас,
Как Параша ударяет
В струны, утешая нас.

Встань, пойдем на луг широкой,
Мягкий, скатистый, к прудам;
Там под сенью древ далекой
Сядем, взглянем по струям:

Как, скользя по ним, сверкает
Луч от царских теремов,
Звезды, солнцы рассыпает
По теням между кустов.

Как за сребряной плотицей
Линь златой по дну бежит;
За прекрасною девицей,
За тобой, Амур летит.

1798

АРФА

Не в летний ль знойный день прохладный ветерок
В легчайшем сне на грудь мою приятно дует?
Не в злаке ли журчит хрустальный ручеек?
Иль милая в тени древес меня целует?

Нет! арфу слышу я: ее волшебный звук,
На розах дремлющий, согласьем тихострунным,
Как эхо, мне вдали щекочет нежно слух;
Иль шумом будит вдруг вблизи меня перунным.

Так ты, подруга муз! лиешь мне твой восторг
Под быстрою рукой играющей хариты,
Когда ее чело венчает вкуса бог
И улыбаются любовию ланиты.

Как весело внимать, когда с тобой она
Поет про родину, отечество драгое,
И возвещает мне, как там цветет весна,
Как время катится в Казани золотое!

О колыбель моих первоначальных дней!
Невинности моей и юности обитель!
Когда я освещусь опять твоей зарей
И твой по-прежнему всегдашний буду житель?

Когда наследственны стада я буду зреть,
Вас, дубы камские, от времени почтенны!
По Волге между сел на парусах лететь
И гробы обнимать родителей священны?

Звучи, о арфа! ты всё о Казани мне!
Звучи, как Павел в ней явился благодатен!
Мила нам добра весть о нашей стороне:
Отечества и дым нам сладок и приятен.

1798

ЦЕПИ

Не сетуй, милая, со груди что твоей
Сронила невзначай ты цепи дорогие:
Милее вольности нет в свете для людей;
Оковы тягостны, хотя они златые.

Так наслаждайся ж здесь ты вольностью святой,
Свободною живя, как ветерок в полянке;
По рощам пролетай, кропися вод струей,
И, чем в Петрополе, будь счастливей на Званке.

А если и тебе под бремя чьих оков
Подвергнуться велит когда-либо природа,
Смотри, чтоб их плела любовь лишь из цветов:
Приятней этот плен, чем самая свобода.

1798

ВЕНЕЦ БЕССМЕРТИЯ

Беседовал с Анакреоном
В приятном я недавно сне,
Под жарким, светлым небосклоном,
В тени он пальм явился мне.

Хариты вкруг его, эроты,
С братиною златою Вакх,
Вафиль прекрасный — в рощи, гроты
Ходили в розовых венках.

Он дев пласаньем забавлялся,
Тряхнув подчас сам сединой,
На белы груди любовался,
На взор метал их пламень свой.

Или, возлегши раменами
На мягки розы, отдыхал;
Огнистыми склонясь устами,
Из кубка мед златый вкушал.

Иль, сидя с юным другом, нежным,
Потрепывал его рукой,
А взором вкруг себя прилежным
Искал красавицы какой.

Цари к себе его просили
Поесть, попить и погостить,
Таланты злата подносили,
Хотели с ним друзьями быть.

Но он покой, любовь, свободу
Чинам, богатству предпочел;
Средь игр, веселий, короводу
С красавицами век провел.

Беседовал, резвился с ними,
Шутил, пел песни и вздыхал,
И шутками себе такими
Венец бессмертия снискал.

Посмейтесь, красоты российски,
Что я в мороз, у камелька,
Так вами, как певец Тиисский,
Дерзнул себе искать венка.

1798

СТРЕЛОК

Я охотник был измлада
За дичиною гулять:
Меду сладкого не надо,
Лишь бы в поле пострелять.

На лету я птиц пернатых,
Где завидел, тут стрелял;
В нехохлатых и хохлатых,
Лишь прицелил, попадал.

Но вечор вдруг повстречалась
Лебедь белая со мной,
Вмиг крылами размахалась
И пошла ко мне на бой.

Хвать в колчан, ан стрел уж нету,
Лук опущен; стал я в пень.
Ах! беречь было монету
Белую на черный день.

Январь 1799

ПЕНОЧКА

Пеночка! как ты проснешься,
Вспрянешь, взглянешь, встрепенешься,
Носик, шейку оботрешь, —
Про кого ты запоешь?

Запоешь про солнце красно,
Запоешь ты про зарю,
И как верно, нежно, страстно
Мной ты, — я тобой горю.

Пой, создание любезно!
Как взаимно страстью нежно
Млеет сердце, чувства, кровь,
Как сладка, сладка любовь!

Как отрадно утешенье
С тем, кто мил, всечасно быть;
Как приятно восхищенье
Быть любиму и любить!

11 февраля 1799

ЖУКОВСКОМУ И РОДЗЯНКЕ,
ПРИСЛАВШИМ С БОЛЬШИМИ ПОХВАЛАМИ АВТОРУ ПЕРЕВОД ЕГО ОДЫ „БОГ“ НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Не мне, друзья! идите вслед;
Ищите лучшего примеру.
Пиндару русскому, Гомеру
Последуйте, — вот мой совет.

Начало 1799

НА ПОБЕДЫ В ИТАЛИИ

Ударь во сребряный, священный,
Далеко-звонкий, Валка! щит,
Да гром твой, эхом повторенный,
В жилище бардов восшумит.
Встают. — Сто арф звучат струнами,
Пред ними сто дубов горят,
От чаши круговой зарями
Седые чела в тьме блестят.

Но кто там белых волн туманом
Покрыт по персям, по плечам,
В стальном доспехе светит рдяном,
Подобно синя моря льдам?
Кто, на копье склонясь главою,
Событье слушает времен? —
Не тот ли, древле что войною
Потряс парижских твердость стен?

Так; он пленяется певцами,
Поющими его дела,
Смотря, как блещет битв лучами
Сквозь тьму времен его хвала.
Так он! — Се Рюрик торжествует
В Валкале звук своих побед
И перстом долу показует
На росса, что по нем идет.

«Се мой, — гласит он, — воевода!
Воспитанный в огнях, во льдах,
Вождь бурь полночного народа,
Девятый вал в морских волнах,
Звезда, прешедша мира тропы,
Который след огня черты,
Меч Павлов, щит царей Европы,
Князь славы!» — Се, Суворов, ты!

Се ты, веков явленье чуда!
Сбылось пророчество, сбылось!
Луч, воссиявший из-под спуда,
Герой мой, вновь свой лавр вознес!
Уже вступил он в славны следы,
Что древний витязь проложил;
Уж водит за собой победы
И лики сладкогласных лир.

Май 1799

РУССКИЕ ДЕВУШКИ

Зрел ли ты, певец Тиийский!
Как в лугу весной бычка
Пляшут девушки российски
Под свирелью пастушка?
Как, склонясь главами, ходят,
Башмаками в лад стучат,
Тихо руки, взор поводят
И плечами говорят?
Как их лентами златыми
Челы белые блестят,

Черновые наброски Державина. 1810-е годы.

Под жемчугами драгими
Груди нежные дышáт?
Как сквозь жилки голубые
Льется розовая кровь,
На ланитах огневые
Ямки врезала любовь?
Как их брови соболины,
Полный искр соколий взгляд,
Их усмешка — души львины
И орлов сердца разят?
Коль бы видел дев сих красных,
Ты б гречанок позабыл
И на крыльях сладострастных
Твой Эрот прикован был.

Весна 1799

ВИША

Сей день усыпали цветами
Младые девы ложе мне
И тихих песен голосами
Восхитили мой дух во сне.
Казалося, за ними следом
Я по лугам, лесам ходил
И, с лип златым питаясь медом,
Благоуханный воздух пил;
Близ вод жил в поле Елисейском,
Веселостей вкушая тьму;
Но, встав, увидел: в милом, сельском
Твоем, Жуковской, я дому.

Лето 1799

МЕЛЬНИК

Вечор мне красные девицы
Мешок пшеницы принесли:
«Вить расклюют же даром птицы,
Возьми, старинушка, смели».
Бела пшеница и румяна,
И так была полна зерном,

Что вмиг пришла охота рьяна:
Я ну молоть всем животом.
Молол я пристально, трудился,
Ночь целую провел без сна.
Но что ж? Как ни потел, ни бился,
Не расколол я ни зерна.
Смеясь мне девушки в назолу,
Пеняли: что ж не мелешь, дед?
«А вы, — сказал я, — для помолу
Пришли, как жернов не берет».

Лето 1799

СНИГИРЬ

Что ты заводишь песню военну
Флейте подобно, милый снигирь?
С кем мы пойдем войной на Гиену?
Кто теперь вождь наш? Кто богатырь?
Сильный где, храбрый, быстрый Суворов?
Северны громы в гробе лежат.

Кто перед ратью будет, пылая,
Ездить на кляче, есть сухари;
В стуже и в зное меч закаляя,
Спать на соломе, бдеть до зари;
Тысячи воинств, стен и затворов,
С горстью россиян всё побеждать?

Быть везде первым в мужестве строгом,
Шутками зависть, злобу штыком,
Рок низлагать молитвой и богом,
Скиптры давая, зваться рабом,
Доблестей быв страдалец единых,
Жить для царей, себя изнурять?

Нет теперь мужа в свете столь славна:
Полно петь песню военну, снигирь!
Бранна музыка днесь не забавна,
Слышен отвсюду томный вой лир;
Львиного сердца, крыльев орлиных
Нет уже с нами! — что воевать?

Май 1800

НА СМЕРТЬ СУВОРОВА

О вечность! прекрати твоих шум вечных споров.
Кто превосходней всех героев в свете был.
В святилище твое от нас в сей день вступил
Суворов.

Май 1800

ГИТАРА

Шестиструнная гитара
У красавицы в руках,
Громы звучного Пиндара
Заглушая на устах,
Мне за гласом звонким, нежным
Петь велит любовь.

Я пою под миртой мирной,
На красы ее смотря,
Не завидуя обширной
Власти самого царя;
Взгляд один ее мне нежный
Всех милей чинов.

Пусть вожди в боях дерутся,
В думах баре брань ведут;
Алых уст ее коснуться —
Вся моя победа тут.
Поцелуй ее мне нежный
Выше всех даров.

Пусть герой свой блеск сугубит,
Ждет бессмертия отлик;
Милая меня коль любит,
Мне блаженней века миг;
И ее объятьи нежны
Всех светлей венцов.

1800

ТИШИНА

Не колыхнет Волхов темный,
Не шелохнет лес и холм,
Мещет на поля чуть бледный
Свет луна, и спит мой дом.

Как, я мнил в уединеньи,
В хижине быть славну мне?
Не живем, живя в забвеньи;
Что в могиле, то во сне.

Нет! талант не увядает
Вечного забвенья в тьме;
Из-под спуда он сияет:
Я блесну на вышине.

Так! пойду хотя в забаву
За певцом Тиисским вслед;
И, снискать его чтоб славу,
Стану забавлять я свет.

Стану шуткою влюбляться,
На бумаге пить и есть,
К милым девушкам ласкаться
И в сединах будто цвесть.

Я пою, — Пинд стала Званка,
Совосплещут музы мне;
Возгремела балалайка,
И я славен в тишине.

Лето 1801

ТОНЧИЮ

Бессмертный Тончи! ты мое
Лице в том, слышу, пишешь виде,
В каком бы мастерство твое
В Омире древнем, Аристиде,

Сократе и Катоне ввек
Потомков поздных удивляло;
В сединах лысиной сияло,
И в нем бы зрелся человек.

Но лысина или парик,
Но тога иль мундир кургузый
Соделали, что ты велик?
Нет! философия и музы, —
Они нас славными творят.
О! если б осенял дух правый
И освещал меня луч славы,
Пристал бы всякий мне наряд.

Так, живописец-философ!
Пиши меня в уборах чудных,
Как знаешь ты; но лишь любовь
Увековечь ко мне премудрых.
А если слабости самим
И величайшим людят сродны,
Не позабудь во мне подобны,
Чтоб зависть улыбалась им.

Иль нет, ты лучше напиши
Меня в натуре самой грубой:
В жестокий мраз с огнем души,
В косматой шапке, скутав шубой;
Чтоб шел, природой лишь водим,
Против погод, волн, гор кремнистых,
В знак, что рожден в странах я льдистых,
Что был прапращур мой Багрим.

Не испугай жены, друзей,
Придай мне нежности немного:
Чтоб был я ласков для детей,
Лишь в должности б судил всех строго;
Чтоб жар кипел в моей крови,
А очи мягкостью блистали;
Красотки бы по мне вздыхали,
Хоть в платонической любви.

Ноябрь 1801

ПРИНОШЕНИЕ КРАСАВИЦАМ

Вам, красавицы младые,
И супруге в дар моей
Песни Леля золотые
Подношу я в книжке сей.
Нравиться уж я бессилен
И копьем и сайдаком,
Дурен, стар и не умилен:
Бью стихами вам челом.
Бью челом; и по морозам
Коль вы ездите в санях,
Летом ходите по розам,
По лугам и муравам,
То и праха не лобзаю
Я прелестных ваших ног;
Чувствы те лишь посвящаю,
Что любви всесильный бог
С жизнью самой в кровь мне пламень,
В душу силу влил огня;
Сыплют искры, снег и камень
Под стопами у меня.

1801(?)

КРЕСТЬЯНИН И ДУБ

Рубил крестьянин дуб близ корня топором;
Звучало дерево, пускало шум и гром,
И листья на ветвях хотя и трепетали,
Близ корня видючи топор,
Но, в утешение себе, с собой болтали,
По лесу распуская всякий вздор.

И дуб надеялся на корень свой, гордился
И презирал мужичий труд;
Мужик же всё трудился
И думал между тем: «Пускай их врут:
Как корень подсеку, и ветви упадут!»

Начало 1802

ОХОТНИК

За охотой ты на Званку
Птиц приехал пострелять;
Но, белянку и смуглянку
Вдруг увидев, стал вздыхать.

Что такое это значит,
Миленький охотник мой?
Ты молчишь, а сердце плачет:
Птицы ль не убил какой?

Дев ли остренькие глазки
Понаделали хлопот?
С их ланит, из алой краски,
Зрел я, целился Эрот.

Как же быть? И чем лечиться?
Птичек ты багрил в крови:
И тебе пришло томиться
От смертельныя любви.

1802

ШУТОЧНОЕ ЖЕЛАНИЕ

Если б милые девицы
Так могли летать, как птицы,
И садились на сучках,
Я желал бы быть сучочком,
Чтобы тысячам девочкам
На моих сидеть ветвях.
Пусть сидели бы и пели,
Вили гнезды и свистели,
Выводили и птенцов;
Никогда б я не сгибался,
Вечно ими любовался,
Был счастливей всех сучков.

1802

СТАРИК

Мне девушки шептали:
«Ты стар, и сед, и лыс;
Вот зеркало, — сказали, —
Возьми и посмотрись». —

«Что нужды мне, не знаю,
Я стар, — сказал, — иль нет;
А только уверяю,
Что я душой не сед.

И старику нужнее
В веселии пожить,
Приходит чем скорее
Меня похоронить».

1802

ДЕРЕВЕНСКАЯ ЖИЗНЬ

Что ну́жды мне до града?
В деревне я живу;
Мне лент и звезд не надо,
Вельможей не слыву;
О том лишь я стараюсь,
Чтоб счастливо прожить;
Со всеми обнимаюсь,
И всех хочу любить.
Кто ведает, что будет?
Севодни мой лишь день,
А завтра всяк забудет,
И всё пройдет как тень.
Зачем же мне способну
Минуту потерять,
Печаль и скуку злобну
Пирушкой не прогнать;
Сокровищ мне не надо:
Богат, с женой коль лад;
Богат, коль Лель и Лада
Мне дружны, и Услад.

Богат, коль здрав, обилен,
Могу поесть, попить;
Подчас и не бессилен
С Миленой пошалить.

1802

К СКОПИХИНУ

Не блещет серебро, в скупой
Земле лежаще сокровенным.
Скопихин! враг его ты злой,
Употреблением полезным
Пока твоим не оценишь,
Сияющим не учинишь.

Бессмертно Минин будет жить,
Решившийся своим именьем
Москву от плена свободить,
И тот Демидов, что с терпеньем
Свой век казну копил и вдруг
Дал миллионы для наук.

О! если Шереметев к дням
Своим еще прибавил веку,
То не по тем своим пирам,
Что были дивом человеку,
Где тысячи расточены,
Народ, цари угощены!

Где, как в волшебных неких снах,
Зимой в мороз, против природы,
Цветущую весну в садах,
Шумящие с утесов воды
И, звезд рассыпав миллион,
Свой дом представил раем он.

Нет! Нет! — не роскошью такой
Его днесь в свете прославляют;
Столы прошли, как сон пустой,
Их гости скоро забывают;

Но тем обрел он всех любовь,
Что бедным дал, больным покров.

Сии щедроты в род и род,
Как солнечны лучи, не у́мрут;
Со дня их на день блеск течет;
От Бельта до Амура будут
С почтением все зреть на них,
По сущность учреждений их.

Престань и ты жить в погребах,
Как крот в ущельях подземельных,
И на чугунных там цепях
Стеречь, при блеске искр елейных,
Висящи бочки серебра
Иль лаять псом вокруг двора.

Томимый скорбью водяной
Чем больше пьет, тем больше жаждет;
Вредом вред умножая свой,
Сугубой слабостию страждет,
Доколь причину он беды
Не выгонит из жил — воды.

Лишаясь неких польз своих,
Держа Владимиров равенство
В торгу противу стран чужих,
Стяжал и честь и благоденство;
Хоть часто чернь и злобный свет
И добродетель злом зовет.

Но нет! она в себе одной
Все блага смертных заключает;
Уча их оценять собой,
Тем лавр и пальму доставляет,
Кто мог без зависти терпеть
На злато равнодушно зреть.

Середина 1803

СВОБОДА

Теплой осени дыханье,
Помавание дубов,
Тихое листов шептанье,
Восклицанье голосов
    Мне, лежащему в долине,
    Наводили сладкий сон.

Видел я себя стоящим
На высоком вдруг холму,
На плоды вдали глядящим,
На шумящу вблизь волну, —
    И как будто в важном чине
    Я носил на плечах холм.

Дальше: власти мне святые
Иго то велели несть,
Все венцы суля земные,
Титла, золото и честь.
    «Нет! — восстав от сна глубока,
    Я сказал им, — не хочу.

Не хочу моей свободы,
Совесть на мечты менять:
Гладки воды, коль погоды
Их не могут колебать.
    Власть тогда моя высока,
    Коль я власти не ищу».

Октябрь 1803

ФОНАРЬ

Гремит орга́н на стогне трубный,
Пронзает нощь и тишину;
Очаровательный огнь чудный
Малюет на стене луну.
В ней ходят тени разнородны:
Волшебник мудрый, чудотворный,
Жезла движеньем, уст, очес
То их творит, то истребляет;

Народ толпами поспешает
Смотреть к нему таких чудес.

Явись!
И бысть.
Пещеры обитатель дикий,
Из тьмы ужасной превеликий
Выходит лев.
Стоит, — по гриве лапой кудри
Златые чешет, вьет хвостом;
И рев
И взор его, как в мраке бури,
Как яры молнии, как гром,
Сверкая, по лесам грохочет.
Он рыщет, скачет, пищи хочет
И, меж древес
Озетя агницу смиренну,
Прыгнув, разверз уж челюсть гневну...
Исчезнь! Исчез.

Явись!
И бысть.
Средь гладких океана сткляных,
Зарею утренней румяных,
Спокойных недр
Голубо-сизый, солнцеокой
Усатый, тучный рыбий князь,
Осетр,
Из влаги появясь глубокой,
Пернатой лыстью вкруг струясь,
Сквозь водну дверь глядит, гуляет;
Но тут ужасный зверь всплывает
К нему из бездн,
Стремит в свои вод реки трубы
И, как серпы, занес уж зубы...
Исчезнь! Исчез.

Явись!
И бысть.
С долины мирныя, зелены
В полудни лебедь, вознесенный
Под облака,

Веселый глас свой ниспускает;
Его долина, роща, холм,
Река
Стократно эхом повторяет.
Но тут, как быстрый с свистом гром,
На рамена его сребристы
Орел прожорливый, кохтистый
Упал с небес.
Клюет, терзает, бьет крылами,
И пух летит, как снег полями...
Исчезнь! Исчез.

Явись!
И бысть.
Спустилось солнце, вечер темный
Открыл на небе миллионы
Горящих звезд.
Огнисты, легки метеоры
Слетают блещущим клубком
От мест
Превыспренних, — и в мраке взоры,
Как искры, веселят огнем;
Одна на дом тут упадает,
Раздута ветром, зажигает,
И в пламе город весь!
Столбом дым, жупел в воздух вьется,
Пожар, как рдяны волны, льется...
Исчезнь! Исчез.

Явись!
И бысть.
Торговый гость, смотря на счеты,
От жажды к злату и заботы
Хотя дрожит
Товарищей над барышами,
В паи деля товары их;
Но бдит
И ползает над чертежами
Всечасно странствиев морских.
В очках его всезряще око
Уж судно зрит в морях далеко
Сквозь сладких слез;

На нем вздут парус, флаг, дым, пламень,
Близ пристани подводный камень...
Исчезнь! Исчез.

Явись!
И бысть.
Оратай нив трудолюбивый,
Богобоязный, терпеливый,
Пролив свой пот,
Ходя под зноем за сохою
И туком угобзя бразды,
Ждет год
От брошенных его рукою
Семян собрать себе плоды.
Златым колосья соком полны,
Уже колеблются, как волны,
И тень небес
Его труд правый осеняет,
Но град из тучи упадает...
Исчезнь! Исчез.

Явись!
И бысть.
Чета младая новобрачных —
В златых, блистающих, безмрачных
Цепях своих —
Любви в блаженстве утопает;
Преодолев препятства все,
Жених
От радости в восторге тает
И, в плен отдавшися красе,
Забыв на ложе прежни скуки,
В уста ее целует, в руки,
И средь завес
Коснулся уж забав рукою;
Но блещет смерть над ним косою...
Исчезнь! Исчез.

Явись!
И бысть.
Отважный, дерзкий вождь, счастливый,
Чрез свой пронырливый, кичливый

И твердый дух
Противны разметав знамены,
И на чело свое собрав
Вокруг
С народов многих лавр зеленый,
И царские права поправ,
В чаду властолюбивой страсти
У всей народной силы, власти
Взял перевес;
Граждан не внемлет добрых стону,
Простер десницу на корону...
Исчезнь! Исчез.

Не обавательный ль, волшебный,
Магический, сей мир, фонарь?
Где видны тени переменны,
Где, веселяся ими, царь,
Иль маг какой, волхв непостижный,
В своих намереньях обширный,
Планет круг тайно с высоты
Единым перстом обращает,
И земнородных призывает
Мечтами быть, иль зреть мечты!

Почто ж, о смертный дерзновенный,
Невежда средь своих наук!
Летая мыслями надменный,
Иль ползая в пыли, как жук,
Бежишь ты счастья за мечтами,
Толь преходящими пред нами,
Быв гостем, позванным на пир?
Не лучше ль блеском их не льститься;
Но зодчему тому дивиться,
Кто создал столь прекрасный мир?

Так будем, будем равнодушно
Мы зрительми его чудес;
Что рок велит, творить послушно,
Забавой быв других очес;
Пускай тот управляет нами,
Кто движет солнцами, звездами;

Он знает их и наш конец!
Велит — я возвышаюсь.
Речет — я понижаюсь.
Сей мир — мечты; их бог творец!

Конец 1803 или начало 1804

ЗИМА

Поэт

Что ты, Муза, так печальна,
Пригорюнившись сидишь?
Сквозь окошечка хрустальна,
Склоча волосы, глядишь;
Цитры, флейты и скрыпицы
В белы руки не берешь;
Ни божественной Фелицы,
Ни Плениры не поешь?

Муза

Что мне петь? — Ах! где хариты?
И друзей моих уж нет!
Львов, Хемницер в гробе скрыты,
За Днепром Капнист живет.
Вельяминов, лир любитель,
Богатырь, певец в кругу,
Беззаботный света житель,
Согнут скорбями в дугу.

Поэт

Да! Фелицы нет, Плениры,
Нет харит, и нет друзей:
Звук торжественныя лиры
Посвятишь кому твоей?
Посвятишь ли в честь ты Хлору,
Иль Добраду в славе ты?
Труб у них не слышно хору,
Дни их тихи, как листы.

Муза

Тот сидит всегда за делом,
Та покоит вдов, сирот, —

В покрывале скромном, белом
Так зима готовит плод.
Не видать ее работы,
Не слыхать ее машин;
Но по скуке зрятся льготы,
И земля цветет, как крин.

Поэт

Между тем к нам, Вельяминов,
Ты прийди хотя согбен,
Огнь разложим средь каминов,
Милых сердцу соберем;
И под арфой тихогласной,
Наливая алый сок,
Воспоем наш хлад прекрасный:
Дай зиме здоровье бог!

Зима 1803/1804

ВЕСНА

Тает зима дыханьем Фавона,
Взгляда бежит прекрасной весны;
Мчится Нева к Бельту на лоно,
С брега суда спущены.

Снегом леса не блещут, ни горы,
Стогнов согреть не пышет огонь;
Ломят стада, играя, затворы,
Рыща, ржет на поле конь.

Нимфы в лугу, под лунным сияньем,
Став в хоровод, вечерней зарей,
В песнях поют весну с восклицаньем,
Пляшут, топочут стопой.

Солнце лучом лиловым на взморье
Бросит как огнь, Петрополь вкушать
Свежий зефир валит в лукоморье;
Едешь и ты там гулять.

Едешь — и зришь злак, небо, лес, воды,
Милу жену, вкруг рощу сынов;
Прелесть всю зришь с собой ты природы,
Счастлив сим, счастлив ты, Львов!

Что ж ты стоишь так мало утешен?
Плюнь на твоих лихих супостат!
Если прибыток оный безгрешен,
Ревель что дал и Кронштадт?

Выкати, дай, ты дай непременно
Бочку скорей нам устриц на стол;
Портер, вино, что искрами пенно,
Каплет что златом, как смоль;

В толстом стекле что выжимки силы,
В свертках травы что слаще сотá;
Сок нам подай, что молнией в жилы,
Быстро летит что в уста!

Выставь нам всё. Так, время приятно,
Должно твоих друзей угощать.
Дышат пока сады ароматно,
Розы спеши собирать.

Видишь, мой друг, и сам ты вседневно,
Миг что один не сходен с другим;
В мире земном всё, видишь, пременно;
Гладкий понт часто холмим.

Самый твой торг — империй цвет, слава —
Первый к вреду, растлению шаг;
Блага лишь суть: здоровье, забава,
Честность, — всё прочее прах.

Весна 1804

ЛЕТО

Знойное лето весна увенчала
Розовым, алым по кудрям венцом;
Липова роща, как жар, возблистала
Вкруг меда листом.

Желтые грозды, сквозь лист продираясь,
Запахом, рдянцем нимф сельских манят;
Травы и нивы, косой озаряясь,
Как волны шумят.

Сткляные реки лучом полудневным
Жидкому злату подобно текут,
Кравы и овцы с млеком накопленным
Под кущи бегут.

Сизые враны, орлы быстропарны,
Крылья спустивши, под хврастом сидят;
Тучная роскошь в тени сок прохладный
Пьет, ищет отрад.

Видишь ли, Дмитрев! всего изобилье,
Самое благо быть может нам злом;
Счастье и нега разума крылья
Сплошь давят ярмом.

В доме жив летом, в раю ты небесном,
В сладком поместье сызранском с отцом,
Мышлю, ленишься петь в хоре прелестном,
Цвесть муз под венцом.

Лето 1804

ОСЕНЬ

На скирдах молодых сидючи, Осень,
И в полях зря вокруг год плодоносен,
С улыбкой свои всем дары дает,
Пестротой по лесам живо цветет,
Взор мой дивит!

Разных птиц голоса, вьющихся тучи,
Шум снопов, бег телег, оси скрыпучи,
Стук цепов по токам, в рощах ла́й псов,
Жниц с знамем идущих гул голосов
Слух мой пленит.

Как мил сей природы радостный образ!
Как тварей довольных сладостен возглас!

Где Осень обилье рукою ведет,
Царям и червям всем пищу дает
Общий отец.

Но что же вдруг, Ярцов! черные бури,
Грохоча так, кроют неба лазури?
Здесь тихий ток с ревом роет волна,
Там в бледных туманах ржет нам война:
Благ ли творец?

Ах! благ всех зиждитель, я слышу, ты рек:
Невежда продерзкий лишь ты, человек,
Не видишь, не знаешь пользы своей;
Сам часто своих ты ищешь сетей:
Хранит только бог.

О! правда то, правда! Смирим же пред ним
Наш глупый мы ропот и волю дадим
Всемощной деснице солнце водить;
Бег мира превратна станем сносить,
Чтящи свой рок.

Так если с Урала златые ключи
В царский лил кладезь, их сам не пьючи, —
Я дни мнил Астреи, мир и покой
Ввесть распрей в вертеп; и с чистой душой
Благ всем желал.

Но то коль не надо, — оставим судьбам
Премудрым дать лучший здесь жребий людям;
Сев, сами прикажем в нашем гнезде
Осени доброй нам дать по труде
Счастья покал.

Осень 1804(?)

НА ПАСТУШИЙ БАЛЕТ

На дерну лежа зеленом,
Я в свирель мою играл;
В сердце цельном, не плененном,
Я любви еще не знал.

Но, откуда ни возьмися,
Подбежал ко мне дитя:
«Дай свирелку, потрудися,
Поучи», — сказал шутя.
Отдал я ему свирелку,
Начал он в нее играть;
Поиграв, мне кинул стрелку,
Стал я с стрелкой той плясать;
И со стрелкой таковою
Шестьдесят уж лет пляшу:
Не скучаю красотою
И любовь в душе ношу.

Ноябрь 1804

ОЛЕНИНУ

Обычьев русских, вида, чувства,
Моей поэзьи изограф,
Чьего и славный бритт искусства
Не снес, красе возревновав;
В чьем рашкуле, мелу, чернилах
Видна так жизнь, как в пантоминах,
Оленин милый! вспомяни
Твое мне слово — и черкни.

Представь мне воина, идуща
С прямым бесстрашием души
На явну смерть и смерть несуща,
И, словом, росса напиши:
Как ржет пред ним Везувий ярый,
Над ним дождь искр, громов удары,
За ним — скрыл мрак его стопы —
Лежат Ираклoвы столпы!

Тебе — так россу только можно
Отечества представить дух —
Услуги верной ждать не должно
От иностранных слабых рук.
И впрямь огромность исполина
Кто облечет, окроме сына

Его, и телом и душой?
Нам тесен всех других покрой.

Когда наука иль природа
Дадут и дух, и ум, и вкус,
Ни чин, ни должность, ни порода
Быть не претят друзьями муз.
И только ль в поле на сраженье
И за зерцалом дел в вершенье
Сыновий нужен царству жар? —
Нет! — проклят всяк сокрывший дар.

Три дщери своего рожденья
Судили небеса послать,
Чтоб свет, красу и утешенье
На землю мрачну проливать;
Схватясь красавицы руками,
С улыбкой тихими стопами
Проходят мир, — и се в наш век
Пришли в полнощь, как Петр предрек.

Пусть дух поэта сотворяет,
Вливает живописец жизнь,
А чувства музыкант вдыхает
К образованью их отчизн;
И нас коль гении вдыхают,
От сна с зарею возбуждают,
Не стыдно ль негу обнимать?
Пойдем Сатурна побеждать!

1804

ЛЕБЕДЬ

Необычайным я пареньем
От тленна мира отделюсь,
С душой бессмертною и пеньем,
Как лебедь, в воздух поднимусь.

В двояком образе нетленный,
Не задержусь в вратах мытарств;
Над завистью превознесенный,
Оставлю под собой блеск царств.

Да, так! Хоть родом я не славен,
Но, будучи любимец муз,
Другим вельможам я не равен
И самой смертью предпочтусь.

Не заключит меня гробница,
Средь звезд не превращусь я в прах;
Но, будто некая цевница,
С небес раздамся в голосах.

И се уж кожа, зрю, перната
Вкруг стан обтягивает мой;
Пух на груди, спина крылата,
Лебяжьей лоснюсь белизной.

Лечу, парю — и под собою
Моря, леса, мир вижу весь;
Как холм, он высится главою,
Чтобы услышать богу песнь.

С Курильских островов до Буга,
От Белых до Каспийских вод,
Народы, света с полукруга,
Составившие россов род,

Со временем о мне узнают:
Славяне, гунны, скифы, чудь,
И все, что бранью днесь пылают,
Покажут перстом — и рекут:

«Вот тот летит, что, строя лиру,
Языком сердца говорил,
И, проповедуя мир миру,
Себя всех счастьем веселил».

Прочь с пышным, славным погребеньем,
Друзья мои! Хор муз, не пой!
Супруга! облекись терпеньем!
Над мнимым мертвецом не вой.

1804

ФАЛКОНЕТОВ КУПИДОН

Дружеской вчерась мы свалкой
На охоту собрались,
На полу в избе повалкой
Спать на сене улеглись.
В полночь, самой той порою,
Как заснула тишина,
Сребряной на нас рукою
Сыпала свой свет луна;
Вдруг из окон Лель блестящих
Въехал на луче верхом
И меня, нашед меж спящих,
Тихо в бок толкнул крылом.
«Ну, — сказал он, — на охоту
Если хочешь, так пойдем;
Мне оставь стрелять заботу,
Ты иди за мной с мешком».
Встал я и, держась за стенку,
Шел на цыпках, чуть дышал,
За спиной он в туле стрелку,
Палец на устах — держал.
Тихой выступкой такою
Мнил он лучше дичь найти;
Мне ж, с плешивой головою,
Как слепцу, велел идти.
Шли, — и только наклонялись
На гнездо младых куниц,
Молодежь вкруг засмеялись,
Нас схватили у девиц.
Испугавшися смертельно,
Камнем стал мой Купидон;
Я проснулся, рад безмерно,
Что то был один лишь сон.
Сна, однако, столь живого
Голова моя полна;
Вижу в мраморе такого
Точно Купидона я.
«Не шути, имев грудь целу, —
Улыбаясь, он грозит. —
Вмиг из тула выну стрелу», —
Слышу, будто говорит.

1804

ЦЫГАНСКАЯ ПЛЯСКА

Возьми, египтянка, гитару,
Ударь по струнам, восклицай;
Исполнясь сладострастна жару,
Твоей всех пляской восхищай.
Жги души, огнь бросай в сердца
От смуглого лица.

Неистово, роскошно чувство,
Нерв трепет, мление любви,
Волшебное зараз искусство
Бакханок древних оживи.
Жги души, огнь бросай в сердца
От смуглого лица.

Как ночь — с ланит сверкай зарями,
Как вихорь — прах плащом сметай,
Как птица — подлетай крылами,
И в длани с визгом ударяй.
Жги души, огнь бросай в сердца
От смуглого лица.

Под лесом нощию сосновым,
При блеске бледныя луны,
Топоча по доскам гробовым,
Буди сон мертвой тишины.
Жги души, огнь бросай в сердца
От смуглого лица.

Да вопль твой, эвоа! ужасный,
Вдали мешаясь с воем псов,
Лиет повсюду гулы страшны,
А сластолюбию — любовь.
Жги души, огнь бросай в сердца
От смуглого лица.

Нет, стой, прелестница! довольно,
Муз скромных больше не страши;

Из Гамсена. Пляска

Возьми, египтянка, гитару,
[illegible], возыграй,
исполнясь сладострастия жару
твоей волшебной песней воспламеняй
Сон души, огонь брось в сердце
о страстного лица

Мечтательно, распалены чувства,
нервы трепетны, пламя любви,
волшебные звуки искусства,
базарных древних [illegible]
Сон души, огонь брось в сердце
о страстного лица

Как [illegible]
Как [illegible] пляшет [illegible],
в ладони ударь руками
[illegible]
как птица, [illegible]
Сон души, огонь брось в сердце
о страстного лица

[illegible] довольно,
мир [illegible]
[illegible] родно
Как [illegible]
Сон души, огонь брось в сердце
о страстного лица.

Ах нет, стой! престань, довольно,
мир [illegible] больше не страшен,
ты плавно [illegible], благородно,
как реки два [illegible]

Но плавно, важно, благородно,
Как русска дева, пропляши.
Жги души, огнь бросай в сердца
И в нежного певца.

10 января 1805

ОТВЕТ ТРОМПЕТИНА К БУЛАВКИНУ

Трубит Тромпетин как в тромпету,
Трубы звук вторит холм и дол;
Но колет как Булавкин в мету,
Кому слышна булавки боль?
Блистали царствы — царств тех нету;
Пиндар в стихах своих живет.
Толпой толпятся мошки к свету,
Но дунет ветр — и мошек нет.

Лето 1805

МЩЕНИЕ

Бог любви и восхищенья
У пчелы похитил сот,
И пчелой зато в отмщенье
Был ужален тут Эрот.
Встрепенувшися, несчастный
Крадены, сердясь, соты
В розовы уста прекрасны
Спрятал юной красоты.
«На, — сказал, — мои хищеньи
Ты для памяти возьми,
И отныне наслажденьи
Ты в устах своих храни.
С тех пор Хлою дорогую
Поцелую лишь когда,
Сласть и боль я в сердце злую
Ощущаю завсегда.
Хлоя, жаля, услаждает,
Как пчелиная стрела:
Мед и яд в меня вливает,
И, томя меня, мила.

1805

НА БАГРАТИОНА

О, как велик, велик На-поле-он!
Он хитр, и быстр, и тверд во брани;
Но дрогнул, как к нему простер в бой длани
С штыком Бог-рати-он.

Конец 1805 или начало 1806

ОБЛАКО

Из тонкой влаги и паров
Исшед невидимо, сгущенно,
Помалу, тихо вознесенно
Лучом над высотой холмов,
Отливом света осветяся,
По бездне голубой носяся,
Гордится облако собой,
Блистая солнца красотой.

Или прозрачностью сквозясь
И в разны виды пременяясь,
Рубином, златом испещряясь
И багряницею стелясь,
Струясь, сбираясь в сизы тучи,
И вдруг, схолмяся в холм пловучий,
Застенивает солнца зрак;
Забыв свой долг и благодарность,
Его любезну светозарность
Сокрыв от всех, наводит мрак.

Или недолго временщик
На светлой высоте бывает;
Но, вздувшись туком, исчезает
Скорей, чем сделался велик.
Под лучезнойной тяготою
Разорван молнии стрелою,
Обрушась, каплями падет, —
И уж его на небе нет!

Хотя ж он в чадах где своих,
Во мглах, в туманах возродится
И к выспренностям вновь стремится,

Но редко достигает их:
Давленьем воздуха гнетомый
И влагой вниз своей влекомый,
На блаты, тундры опустясь,
Ложится в них, — и зрится грязь.

Не видим ли вельмож, царей
Живого здесь изображенья?
Одни: из праха, из презренья
Пренизких возводя людей
На степени первейших санов,
Творят богов в них истуканов,
Им вверя власть и скипетр свой;
Не видя, их что ослепляют,
Любезной доброты лишают,
Темня своею чернотой.

Другие: счастья быв рабы,
Его рукою вознесенны,
Сияньем ложным украшенны,
Страстей не выдержав борьбы
И доблестей путь презря, правды,
Превесясь злом, как водопады,
Падут стремглав на низ во мглах, —
Быв идолы — бывают прах.

Но добродетель красотой
Своею собственной сияет;
Пускай несчастье помрачает,
Светла она сама собой.
Как Антонины на престоле,
Так Эпиктиты и в неволе
Почтенны суть красой их душ.
Пускай чей злобой блеск затмится, —
Но днесь иль завтра прояснится
Бессмертной правды солнца луч.

О вы, имеющи богов
В руках всю власть и всю возможность,
В себе же смертного ничтожность,
Ввергающую бедствий в ров!
Цари! От вас ваш трон зависит

Унизить злом, добром возвысить;
Имейте вкруг себя людей,
Незлобьем, мудростью младенцев;
Но бойтесь счастья возведенцев,
Ползущих пестрых вкруг вас змей.

И вы, наперсники царей,
Друзья, цветущи их красою!
Их пишущи жизнь, смерть рукою
Поверх земель, поверх морей!
Познайте: с вашим всем собором
Вы с тем равны лишь метеором,
Который блещет от зари;
А сами по себе — пары.

И ты, кто потерял красу
Наружну мрачной клеветою!
Зри мудрой, твердою душою:
Подобен мир сей колесу.
Се спица вниз и вверх вратится,
Се капля мглой иль тучей зрится, —
Так что ж снедаешься тоской?
В кругу творений обращаясь,
Той вниз, другою вверх вздымаясь, —
Умей и в прахе быть златой.

20 марта 1806

ГРОМ

В тяжелой колеснице грома
Гроза, на тьме воздушных крыл,
Как страшная гора несома,
Жмет воздух под собой, — и пыль
И понт кипят, летят волнами,
Древа вверх вержутся корнями,
Ревут брега и воет лес.
Средь тучных туч, раздранных с треском,
В тьме молнии багряным блеском
Чертят гремящих след колес.

И се, как ночь осення, темна,
Нахмурясь надо мной челом,

Хлябь пламенем расселась черна,
Сверкнул, взревел, ударил гром;
И своды потряслися звездны;
Стократно отгласились бездны,
Гул восшумел, и дождь и град,
Простерся синий дым полетом,
Дуб вспыхнул, холм стал водометом,
И капли радугой блестят.

Утихло дуновенье бурно,
Чуть слышен шум и серный смрад;
Пространство воздуха лазурно
И чéла в злате гор горят.
Природе уж не страшны грозы,
Дыхают ароматом розы,
Пернатых раздается хор;
Зефиры легки, насекомы
Целуют злаков зыбки холмы,
И путник осклабляет взор.

Кто сей, который тучи гонит
По небу, как стада овнов,
И перстом быстры реки водит
Между гористых берегов?
Кто море очертил в пределы,
На шумны, яры волны белы
Незримы наложил бразды?
Чьим манием ветр вземлет крыла,
Стихиев засыпает сила,
Блеск в хаосе возник звезды?

И в миг единый миллионы
Кто дланию возжег планет?
О боже! се твои законы,
Твой взор миры творит, блюдет.
Как сталью камень сыплет искры,
Так от твоей струятся митры
В мрак солнцы средь безмерных мест.
Ты дхнешь — как прах, вновь сферы встанут;
Ты прервешь дух — как злак, увянут;
Твои следы суть бездны звезд.

О вы, безбожники! не чтущи
Всевышней власти над собой,
В развратных мыслях тех живущи,
Что случай всё творит слепой,
Что ум лишь ваш есть царь вселенной, —
Взгляните в буйности надменной
На сей ревущий страшный мрак,
На те огнем блестящи реки, —
И верьте, дерзки человеки,
Что всё величье ваше — прах.

Но если вы и впрямь всемочны,
Почто ж вам грома трепетать?
Нет! гордости пути порочны
Бог правды должен наказать.
Где ваша мочь тогда, коварствы,
Вновь созданы цари и царствы,
Как рок на вас свой склонит перст?
Огонь и воды съединятся,
Земля и небо ополчатся,
И меч и лук сотрется в персть.

Но тот, кто почитает бога,
Надежду на него кладет,
Сей не боится время строга,
Как холм средь волн, не упадет.
Пусть зельна буря устремится,
Душой всех превзойти он тщится,
Бесстрашен, мужествен средь бед;
И под всесильным даже гневом,
Под зыблющим, падущим небом,
Благословя творца, уснет.

Труба величья сил верховных,
Вития бога и посол!
О гром! гроза духов тех гордых,
Кем колебался звезд престол!
Земли ты чрево растворяешь
И плодородьем мир венчаешь,
Но твой же может бросить тул
И жуплов тьмы на князя ада.

Встань! грянь! — и вслед его упада
По безднам возгрохочет гул.

1 апреля 1806

РАДУГА

Взглянь, Апеллес! взглянь в небеса!
В сумрачном облаке там,
Видишь, какая из лент полоса,
Огненна ткань блещет очам,
Склонясь над твоею главою
Дугою!

Пурпур, лазурь, злато, багрянец,
С зеленью тень, слиясь с серебром,
Чудный, отливный, блещущий глянец
Сыплют вокруг, тихим лучом
Зениц к утешенью сияют,
Пленяют!

Где красота, блеск разноцветных
Камней драгих, светлость порфир,
Прелести красок ярких, несметных,
Чем завсегда славится мир,
Чем могут монархи хвалиться,
Светиться?

О Апеллес! взявши орудье,
Кисти свои, дерзкой рукой
С разных цветов вмиг полукружье
Сделай, составь твердой чертой, —
Составь — и сзови зреть Афины
Картины.

Нет, изограф! — хоть превосходишь
Всех мастерством дивным твоим,
Вижу, что средств ты не находишь
С мастером в том спорить таким,
Чей взгляд всё один образует,
Рисует.

Только одно солнце лучами
В каплях дождя, в дол отразясь,

Может писать сими цветами,
В мраке и мгле вечно светясь.
Умей подражать ты ему,
Лей свет в тьму.

Зри, как оно лишь отвращает
Светлый свой взор с облака вспять,
Живость цветов вмиг исчезает,
Краски картин тмятся опять:
Беги ты такого труда
От стыда.

Может ли кто в свете небесном
Чтиться равно солнцу тому,
В сердце моем мрачном, телесном
Что, озарив тяжкую тьму,
Творит его радугой мира?
Пой, лира!

Бога воспой, смелым пареньем
Чистого внутрь сердца взноси
Дух мой к нему утренним пеньем,
Чтобы творец, вняв с небеси,
Влиял чувств моих в глубину
Тишину.

Светлая чтоб радуга мира,
В небе явясь в цвете зарей,
Стала в залог тихих дней мира,
К счастию всех царств и царей.
Он всех их один просветит,
Примирит.

25 апреля 1806

ЦЕПОЧКА

Послал я средь сего листочка
Из мелких колец тонку нить,
Искусная сия цепочка
Удобна грудь твою покрыть.

Позволь с нежнейшим дерзновеньем
Обнять твою ей шею вкруг;

Захочешь — будет украшеньем;
Не хочешь — спрячь ее в сундук.

Иной вить на тебя такую
Наложит цепь, что — ах! — грузна.
Обдумай мысль сию простую,
Красавица! — и будь умна.

Февраль 1807

ПЕРСЕЙ И АНДРОМЕДА

Прикованна цепьми к утесистой скале,
Огромной, каменной, досягшей тверди звездной,
Нахмуренной над бездной,
Средь яра рева волн, в нощи, во тьме, во мгле,
Напасти Андромеда жертва,
По ветру распустя власы,
Трепещуща, бледна, чуть дышаща, полмертва,
Лишенная красы,
На небо тусклый взор вперя, ломая персты,
Себе ждет скорой смерти;
Лия потоки слез в рыдании стенет
И тако вопиет:

Ах! кто спасет несчастну?
Кто гибель отвратит?
Прогонит смерть ужасну,
Которая грозит?

Чье мужество, чья сила,
Чрез меч и крепкий лук,
Покой мне возвратила
И оживила б дух?

Увы! мне нет помоги,
Надежд, отрады нет;
Прогневалися боги,
Скрежеща рок идет.

Чудовище... Ах! вскоре
Сверкнет зубов коса.

О, горе мне! о, горе!
Избавьте, небеса!

Но небеса к ее молению не склонны.
На скачущи вокруг седые, шумны волны
Змеями молнии летя из мрачных туч,
Жгут воздух, пламенем горюч,
И рдяным заревом понт синий обагряют.
За громом громы ударяют,
Освечивая в тьме бездонну ада дверь,
Из коей дивий вол, иль преисподний зверь,
Стальночешуйчатый, крылатый,
Серпокохтистый, двурогатый,
С наполненным зубов ножей, разверстым ртом,
Стоящим на хребте щетинным тростником,
С горящими, как угль, кровавыми глазами,
От коих по водам огнь стелется струями,
Между раздавшихся воспе́ненных валов,
Как остров между стен, меж синих льда бугров
Восстал, плывет, на брег заносит лапы мшисты,
Колеблет холм кремнистый
Прикосновением одним.
Прочь ропщущи бегут гнетомы волны им.

Печальная страна
Вокруг молчит,
Из облаков луна
Чуть-чуть глядит;
Чуть дышат ветерки,
Чуть слышен стон
Царевниной тоски
Сквозь смертный сон;
Никто ей не дерзает
Защитой быть:
Чудовище зияет,
Идет сглотить.

Но внемлет плач и стон Зевес
Везде без помощи несчастных.
Вскрыл вежди он очес
И всемогущий скиптр судеб всевластных
Подъял. — И се герой

С Олимпа на коне крылатом,
Как быстро облако, блестяще златом,
Летит на дол, на бой,
Избавить страждущую деву;
Уже не внемлет он его гортани реву,
Ни свисту бурных крыл, ни зареву очей,
Ни ужасу рогов, ни остроте кохтей,
Ни жалу, издали смертельный яд точащу,
Всё в трепет приводящу.
Но, светлы звезды как чрез сине небо рея,
Так стрелы быстрые, копье стремит на змея.

Частая сеча меча
Сильна, могуща плеча,
Стали о плиты стуча,
Ночью блеща, как свеча,
Эхо за эхами мча,
Гулы сугубят, звуча.

Уж чувствует дракон, что сил его превыше
Небесна воя мочь;
Он становится будто тише
И удаляется коварно прочь;
Но, кольцами склубясь, вдруг с яростию злою,
О бездны опершись изгибистым хвостом,
До звезд восстав, как дуб, ветвистою главою,
Он сердце раздробить рогатым адским лбом
У витязя мечтает;
Бросается — и вспять от молний упадает
Священного меча,
Чуть движа по земле свой труп, в крови влача.
От воя зверя вкруг вздрогнули черны враны,
Шумит их в дебрях крик: сокрыло море раны,
Но чермна кровь его по пенным вод буграм
Как рдяный блеск видна пожара по снегам.

Вздохи и стоны царевны
Сердца уж больше не жмут;
Трубят тритоны, сирены,
Музы и нимфы поют.
Вольность поют Андромеды,
Храбрость Персея гласят;

Плеск их и звук про победы
Холмы и долы твердят.

Победа! победа!
Жива Андромеда!
Живи, о Персей,
Век славой твоей!

Не зрим ли образа в Европе Андромеды,
Во россе бранный дух — Персея славны следы,
В Губителе мы баснь живого Саламандра,
Не насытима кровью?
Во плоти божества могуща Александра?
Полн милосердием, к отечеству любовью,
Он рек: «Когда еще злодею попущу,
Я царства моего пространна не сыщу,
И честолюбию вселенной не достанет.
Лети, орел! — да гром мой грянет!»

Грянул меж Бельта заливов,
Вислы и Шпреи брегов;
Галлы средь жарких порывов
Зрели, дух русских каков!
Знайте, языки, страшна колосса:
С нами бог, с нами; чтите все росса!

Весело росс проливает
Кровь за закон и царя;
Страху в бою он не знает,
К ним лишь любовью горя.
Знайте, языки, страшна колосса:
С нами бог, с нами; чтите все росса!

Росс добродетель и славу
Чтит лишь наградой своей;
Труд и походы в забаву,
Ищет побед иль смертей.
Знайте, языки, страшна колосса:
С нами бог, с нами; чтите все росса!

Жизнь тех прославим полезну,
Кто суть отчизны щитом:
Слава монарху любезну!

Слава тебе, Бенингсон!
Знайте, языки, страшна колосса:
С нами бог, с нами; чтите все росса!

Повеся шлем на меч, им в землю водруженный,
Пред воинства лицем хвалу творцу вселенной,
Колено преклоня с простертьем рук, воспел
На месте брани вождь, — в России гром взгремел.

Начало 1807

АТАМАНУ И ВОЙСКУ ДОНСКОМУ

Платов! Европе уж известно,
Что сил Донских ты страшный вождь.
Врасплох, как бы колдун, всеместно
Падешь, как снег ты с туч иль дождь.
По черных воронов полету,
По дыму, гулу, мхам, звездам,
По рыску волчью видя мету,
Подходишь к вражьим вдруг носам;
И, зря на туск, на блеск червонца,
По солнцу иль противу солнца
Свой учреждаешь ертаул
И тайный ставишь караул.

В траве идешь — с травою равен;
В лесу — и равен лес с главой;
На конь вскокнешь — конь тих, не нравен,
Но вихрем мчится под тобой. —
По камню ль черну змеем черным
Ползешь ты в ночь — и следу нет. —
По влаге ль белой гусем белым
Плывешь ты в день — лишь струйка след. —
Орлом ли в мгле паришь сгущенной,
Стрелу сечешь ей вслед пущенной
И, брося петли округ шей,
Фазанов удишь, как ершей.

Разил ты Льва, Луне гнул роги,
Ходил противу Солнца в бой;
Медведей, тигров средь берлоги
Могучей задушал рукой:

Почто ж вепря́ щетиночерна,
Залегшего в лесах средь блат,
С клыков которого кровь, пена
Течет — зловоние и яд, —
От рыла взрыты вкруг могилы,
От взоров пламенны светилы
Край заревом покрыли весь, —
Арканом не схватил поднесь?

Что ж стал? Борза ль коня не стало?
Возьми ковер свой самолет.
Ружейного ль снаряду мало?
Махни ширинкой, лес падет.
Запаса ли не видишь хлебна?
Гложи железны просфиры.
Жупан ли, епанча ль потребна?
Сам невидимкой всё бери.
Сапог нет? Ступни самоходны
Надень, перчатки самородны
И дуй на огнь, на мраз, на глад:
Российской силе нет преград.

Бывало, ведь и в прежни годы
Взлетала саранча на Русь,
Многообразные уроды
Грозили ей налогом уз.
Был грех, от свар своих кряхтели,
Теряли янством и главы;
Но лишь на бога мы воззрели,
От сна вспряну́ли, будто львы.
Был враг чипчак, — и где чипчаки?
Был недруг лях, — и где те ляхи?
Был сей, был тот, — их нет; а Русь?..
Всяк знай, мотай себе на ус.

Да как же это так случалось?
Заботились, как днесь, цари;
Премудро всё распоряжалось,
Водили рать богатыри:
При Святославиче Добрыня
Убил дракона в облаках;
Чернец Донского — исполина

Татарского поверг во прах.
Голицын, Шереметев, львовы
Крушили зубы в дни Петровы;
Побед Екатерины лавр:
Чесма, Кагул, Крым, Рымник, Тавр.

Неужто Альпы в мире шашка?
Там молньи Павла видел галл;
На кляче белая рубашка
Не раз его в усы щелкал;
Или теперь у Александра
При войске нету молодца?
С крестом на адска Саламандра
Ужель не сыщется бойца?
Внемли же моему ты гласу:
Усердно помоляся спасу,
В четыре стороны поклон,
И из ножен булат ты вон!

И с свистом звонким, молодецким
Разбойника сбрось Соловья
С дубов копьем вновь мурзавецким,
И будь у нас второй Илья;
И, заперши в железной клетке,
Как желтоглазого сыча,
Уранга, сфинкса на веревке
Примчи, за плечьми второча.
Иль двадцать молодцов отборных,
Лицом, летами, ростом сходных,
Пошли ты за себя за злым, —
Двадцатый хоть: приедет с ним.

Для лучшей храбрых душ поджоги
Ты расскажи им русску быль;
Что старики, быв в службе строги,
Все невозможности чли в пыль:
Сжигали грады воробьями,
Ходили в лодках по земле,
Топили вражий стан прудами,
Имели пищу в киселе,
Спускались в мрачны подземелья,
Живот считали за безделья;

К отчизне ревностью горя
За веру мерли и царя.

Однако ж, чтоб не быть и жертвой,
Ты меч им кладенец отдай,
Живой водой их спрысни, мертвой
И горы злата обещай;
Черкесенок, грузинок милых,
У коих зарьные уста,
Бровь черна, жил по телу синих
Сквозь виден огнь и красота;
А на грудях, как пух зыбучих,
Лилей кусты и роз пахучих
Манят к себе и старцев длань, —
Ты, словом, всё сули им в дань.

Я дочь свою и сам крестову,
Красотку юную, во брак
Отдам тому, кто грудь орлову
На славный сей отважит шаг;
Денисовым и Краснощеким,
Орловым, Иловайским вслед,
По безднам, по горам высоким
В дом отчий лавр кто принесет, —
Девицы, барыни донские,
Вздев платья русские, златые,
Введут его в крестов чертог
И воспоют: велик наш бог!

Под вечер, утром, на зарянке,
Сей радостный услыша глас,
Живя уединенным в Званке,
Так-сяк взбреду я на Парнас
И песню войску там Донскому,
Тебе на гуслях пробренчу,
Да белому царю, младому,
В венце алмазы расцвечу.
Пусть звук ужасных днешних боев
Сподвижников его героев
Мой повторяет холм и лес,
И гул шумит, как гром небес!

Май 1807

ЛУЧ

Князь-Гром имел Умилу,
Прекрасну, нежну дочь.
Очей прелестных силу
Кто зрел, тлел день и ночь.
У этого ж князь-Грома
Был щитоносец Луч.
С геройством грудь знакома
Не ужасалась туч;
Ко князю он услужен,
В опасностях с ним был,
И князь ему тож дружен,
Его за сына чтил.

Сосед тогда княжною
Пленился Ветер-хан,
С влюбленною душою
Простер ко браку длань.
Нужна была князь-Грому
Соседа Ветра мочь,
Любовнику такому
И обещал он дочь.
Нельзя было тут силе
Противиться никак:
Пришло сказать Умиле,
Хоть не по сердцу, — так!

Души волненья страстной
Не мог тут Луч сносить,
За сердце он прекрасной
Умилы хочет мстить.
Но в рыцари как небом
Он не был посвящен,
Сражаться Ветра с ревом
Природой не рожден,
То чтоб отцу любезной
Ничем не согрубить,
Решился огнь свой нежный
В туманах, в мраках скрыть.

Май 1807

КРЕСТЬЯНСКИЙ ПРАЗДНИК

Горшки не боги обжигают,
Не всё пьют пиво богачи:
Пусть, Муза! нас хоть осуждают,
Но ты днесь в кобас пробренчи
И, всшед на холм высокий, званский,
Прогаркни праздник сей крестьянский,
Который господá дают, —
Где все молодки с молодцами,
Под балалайками, гудками,
С парнями, с девками поют.

Поют под пляской в песнях сельских,
Что можно и крестьянам быть
По упражненьях деревенских
Счастливым, радостным — и пить.
Раздайтесь же, кругѝ, пошире,
И на преславном этом пире
Гуляй, удала голова!
Ничто теперь уже не диво:
Коль есть в глазах вино и пиво,
Всё, братцы, в свете трын-трава.

Гуляйте, бороды с усами,
Купайтесь по уши в чанах,
И вы, повойники с чепцами,
Не оставайтесь на дрожжах;
Но кто что хочет, то тяните,
Проказьте, вздорьте, курамшите;
Тут нет вины, где пир горой;
Но, в домы вшед, питьем не лейтесь;
С женой муж яицами бейтесь
Или скачите чехардой.

Но только, встав поутру рано,
Перекрестите шумный лоб,
Умыв водой лицо багряно;
С похмелья чару водки троп —
Уж не влекитесь больше к пьянству,
Здоровью вредну, христианству
И разорительну всем вам;
А в руки взяв серп, соху, косу,

Пребудьте, не поднявши носу,
Любезны богу, господам.

Не зря на ветреных французов,
Что мнили ровны быть царям,
И, не подняв их вздорных грузов,
Спустилися в навоз к скотам,
И днесь, как звери, с ревом, с воем
Пьют кровь немецкую разбоем,
Мечтав, и Русь что мишура;
Но вы не трусы ведь, ребята,
Штыками ваша грудь рогата;
В милицьи гаркнете: ура!

Ура, российские крестьяне,
В труде и в бое молодцы!
Когда вы в сердце христиане,
Не вероломцы, не срамцы,
То всех пред вами див явленье,
Бесов французских наважденье
Пред ветром убежит, как прах.
Вы всё на свете в грязь попрете,
Вселенну кулаком тряхнете,
Жить славой будете в веках.

Лето 1807

ЕВГЕНИЮ. ЖИЗНЬ ЗВАНСКАЯ

Блажен, кто менее зависит от людей,
Свободен от долгов и от хлопот приказных,
Не ищет при дворе ни злата, ни честей
И чужд сует разнообразных!

Зачем же в Петрополь на вольну ехать страсть,
С пространства в тесноту, с свободы за затворы,
Под бремя роскоши, богатств, сирен под власть
И пред вельможей пышны взоры?

Возможно ли сравнять что с вольностью златой,
С уединением и тишиной на Званке?
Довольство, здравие, согласие с женой,
Покой мне нужен дней — в останке.

Восстав от сна, взвожу на небо скромный взор;
Мой утреннюет дух правителю вселенной;
Благодарю, что вновь чудес, красот позор
Открыл мне в жизни толь блаженной.

Пройдя минувшую и не нашедши в ней,
Чтоб черная змия мне сердце угрызала,
О! коль доволен я, оставил что людей
И честолюбия избег от жала!

Дыша невинностью, пью воздух, влагу рос,
Зрю на багрянец зарь, на солнце восходяще,
Ищу красивых мест между лилей и роз,
Средь сада храм жезлом чертяще.

Иль, накормя моих пшеницей голубей,
Смотрю над чашей вод, как вьют под небом круги;
На разноперых птиц, поющих средь сетей,
На кроющих, как снегом, луги.

Пастушьего вблизи внимаю рога зов,
Вдали тетеревей глухое токованье,
Барашков в воздухе, в кустах свист соловьев,
Рев крав, гром жолн и коней ржанье.

На кровле ж зазвенит как ласточка, и пар
Повеет с дома мне манжурской иль левантской,
Иду за круглый стол: и тут-то раздобар
О снах, молве градской, крестьянской;

О славных подвигах великих тех мужей,
Чьи в рамах по стенам златых блистают лицы
Для вспоминанья их деяний, славных дней,
И для прикрас моей светлицы,

В которой поутру иль ввечеру порой
Дивлюся в Вестнике, в газетах иль журналах
Россиян храбрости, как всяк из них герой,
Где есть Суворов в генералах!

В которой к госпоже, для похвалы гостей,
Приносят разные полотна, сукна, ткани,
Узорны, образцы салфеток, скатертей,
Ковров и кружев, и вязани.

Где с скотен, пчельников и с птичников, прудов
То в масле, то в сотах зрю злато под ветвями,
То пурпур в ягодах, то бархат-пух грибов,
Сребро, трепещуще лещами.

В которой, обозрев больных в больнице, врач
Приходит доносить о их вреде, здоровье,
Прося на пищу им: тем с поливкой калач,
А тем лекарствица, в подспорье.

Где также иногда по палкам, по костям
Усатый староста иль скопидом брюхатый
Дают отчет казне, и хлебу, и вещам,
С улыбкой часто плутоватой.

И где, случается, художники млады
Работы кажут их на древе, на холстине,
И получают в дар подачи за труды,
А в час и денег по полтине.

И где до ужина, чтобы прогнать как сон,
В задоре иногда, в игры зело горячи,
Играем в карты мы, в ерошки, в фараон,
По грошу в долг и без отдачи.

Оттуда прихожу в святилище я муз,
И с Флакком, Пиндаром, богов восседши в пире,
К царям, к друзьям моим, иль к небу возношусь,
Иль славлю сельску жизнь на лире.

Иль в зеркало времен, качая головой,
На страсти, на дела зрю древних, новых веков,
Не видя ничего, кроме любви одной
К себе и драки человеков.

Всё суета сует! я, воздыхая, мню,
Но, бросив взор на блеск светила полудневна,
О, коль прекрасен мир! Что ж дух мой бременю?
Творцом содержится вселенна.

Да будет на земли и в небесах его
Единого во всем вседействующа воля!
Он видит глубину всю сердца моего,
И строится моя им доля.

Дворовых между тем, крестьянских рой детей
Сбираются ко мне не для какой науки,
А взять по нескольку баранок, кренделей,
Чтобы во мне не зрели буки.

Письмоводитель мой тут должен на моих
Бумагах мараных, пастух как на овечках,
Репейник вычищать, — хоть мыслей нет больших,
Блестят и жучки в епанечках.

Бьет полдня час, рабы служить к столу бегут;
Идет за трапезу гостей хозяйка с хором.
Я озреваю стол — и вижу разных блюд
Цветник, поставленный узором.

Багряна ветчина, зелены щи с желтком,
Румяно-желт пирог, сыр белый, раки красны,
Что смоль, янтарь — икра, и с голубым пером
Там щука пестрая: прекрасны!

Прекрасны потому, что взор манят мой, вкус;
Но не обилием иль чуждых стран приправой,
А что опрятно всё и представляет Русь:
Припас домашний, свежий, здравый.

Когда же мы донских и крымских кубки вин,
И липца́, воронка́ и чернопенна пива
Запустим несколько в румяный лоб хмелин, —
Беседа за сластьми шутлива.

Но молча вдруг встаем: бьет, искрами горя,
Древ русских сладкий сок до подвенечных бревен;
За здравье с громом пьем любезного царя,
Цариц, царевичей, царевен.

Тут кофе два глотка; схрапну минут пяток;
Там в шахматы, в шары иль из лука стрелами,
Пернатый к потолку лаптой мечу леток
И тешусь разными играми.

Иль из кристальных вод, купален, между древ,
От солнца, от людей под скромным осененьем,
Там внемлю юношей, а здесь плесканье дев,
С душевным неким восхищеньем.

Иль в стекла оптики картинные места
Смотрю моих усадьб; на свитках грады, ца́рства,
Моря, леса, — лежит вся мира красота
В глазах, искусств через коварства.

Иль в мрачном фонаре любуюсь, звезды зря
Бегущи в тишине по синю волн стремленью:
Так солнцы в воздухе, я мню, текут горя,
Премудрости ко прославленью.

Иль смотрим, как вода с плотины с ревом льет
И, движа ма́шину, древа́ на доски делит;
Как сквозь чугунных пар столпов на воздух бьет,
Клокоча огнь, толчет и мелет.

Иль любопытны, как бумажны руны волн
В лотки сквозь игл, колес, подобно снегу, льются
В пушистых локонах, и тьмы вдруг веретен
Марииной рукой прядутся.

Иль как на лен, на шелк цвет, пестрота и лоск,
Все прелести, красы берутся с поль царицы;
Сталь жесткая, глядим, как мягкий, алый воск,
Куется в бердыши милицы.

И сельски ратники как, царства став щитом,
Бегут с стремленьем в строй во рыцарском убранстве,
«За веру, за царя мы, — говорят, — помрем,
Чем у французов быть в подданстве».

Иль в лодке вдоль реки, по брегу пеш, верхом,
Качусь на дрожках я соседей с вереницей;
То рыбу удами, то дичь громим свинцом,
То зайцев ловим псов станицей.

Иль стоя внемлем шум зеленых, черных волн,
Как дерн бугрит соха, злак трав падет косами,
Серпами злато нив, — и, ароматов полн,
Порхает ветр меж нимф рядами.

Иль смотрим, как бежит под черной тучей тень
По копнам, по снопам, коврам желто-зеленым,
И сходит солнышко на нижнюю степень
К холмам и рощам сине-темным.

Иль, утомясь, идем скирдов, дубов под сень;
На бреге Волхова разводим огнь дымистый;
Глядим, как на воду ложится красный день,
И пьем под небом чай душистый.

Забавно! в тьме челнов с сетьми как рыбаки,
Ленивым строем плыв, страшат тварь влаги стуком;
Как парусы суда и лямкой бурлаки
Влекут одним под песнью духом.

Прекрасно! тихие, отлогие брега
И редки холмики, селений мелких полны,
Как, полосаты их клоня поля, луга,
Стоят над током струй безмолвны.

Приятно! как вдали сверкает луч с косы
И эхо за́ лесом под мглой гамит народа,
Жнецов поющих, жниц полк идет с полосы,
Когда мы едем из похода.

Стекл заревом горит мой храмовидный дом,
На гору желтый всход меж роз осиявая,
Где встречу водомет шумит лучей дождем,
Звучит музы́ка духовая.

Из жерл чугунных гром по праздникам ревет;
Под звездной молнией, под светлыми древами
Толпа крестьян, их жен вино и пиво пьет,
Поет и пляшет под гудками.

Но скучит как сия забава сельска нам,
Внутрь дома тешимся столиц увеселеньем;
Велим талантами родных своих детя́м
Блистать: музы́кой, пляской, пеньем.

Амурчиков, харит плетень, иль хоровод,
Заняв у Талии игру и Терпсихоры,
Цветочные венки пастух пастушке вьет,
А мы на них и пялим взоры.

Там с арфы звучныя порывный в души гром,
Здесь *тихогрома* с струн смягченны, плавны тоны
Бегут, — и в естестве согласия во всем
Дают нам чувствовать законы.

Но нет как праздника, и в будни я один,
На возвышении сидя столпов перильных,
При гуслях под вечер, челом моих седин
Склонясь, ношусь в мечтах умильных;

Чего в мой дремлющий тогда не входит ум?
Мимолетящи суть все времени мечтаньи:
Проходят годы, дни, рев морь и бурей шум,
И всех зефиров повеваньи.

Ах! где ж, ищу я вкруг, минувший красный день?
Победы слава где, лучи Екатерины?
Где Павловы дела? Сокрылось солнце, — тень!..
Кто весть и впредь полет орлиный?

Вид лета красного нам Александров век:
Он сердцем нежных лир удобен двигать струны;
Блаженствовал под ним в спокойстве человек,
Но мещет днесь и он перуны.

Умолкнут ли они? — Сие лишь знает тот,
Который к одному концу все правит сферы;
Он перстом их своим, как строй какой ведет,
Ко благу общему склоняя меры.

Он корни помыслов, он зрит полет всех мечт
И поглумляется безумству человеков:
Тех освещает мрак, тех помрачает свет
И днешних и грядущих веков.

Грудь россов утвердил, как стену, он в отпор
Темиру новому под Пультуском, Прейсш-лау;
Младых вождей расцвел победами там взор
И скрыл орла седого славу.

Так самых светлых звезд блеск меркнет от нощей.
Что жизнь ничтожная? Моя скудельна лира!
Увы! и даже прах спахнет моих костей
Сатурн крылами с тленна мира.

Разрушится сей дом, засохнет бор и сад,
Не воспомянется нигде и имя Званки;
Но сов, сычей из дупл огнезеленый взгляд
И разве дым сверкнет с землянки.

Иль нет, Евгений! ты, быв некогда моих
Свидетель песен здесь, взойдешь на холм тот страшный,
Который тощих недр и сводов внутрь своих
Вождя, волхва гроб кроет мрачный,

От коего, как гром катается над ним,
С булатных ржавых врат и збруи медной гулы
Так слышны под землей, как грохотом глухим,
В лесах трясясь, звучат стрел тулы.

Так, разве ты, отец! святым своим жезлом
Ударив об доски, заросши мхом, железны,
И свитых вкруг моей могилы змей гнездом
Прогонишь — бледну зависть — в бездны.

Не зря на колесо веселых, мрачных дней,
На возвышение, на пониженье счастья,
Единой правдою меня в умах людей
Чрез Клии воскресишь согласья

Так, в мраке вечности она своей трубой
Удобна лишь явить то место, где отзывы
От лиры моея шумящею рекой
Неслись чрез холмы, долы, нивы.

Ты слышал их, и ты, будя твоим пером
Потомков ото сна, близ севера столицы,
Шепнешь в слух страннику, в дали как тихий гром:
«Здесь бога жил певец, — Фелицы».

Май — июль 1807

ПОХВАЛА КОМАРУ

Пиндар воспевал орла,
Митрофанов — сокола́,
А Гомер, хоть для игрушек,
Прославлял в грязи лягушек;
Попе — женских клок власов,
И Вольтер, я мню, в издевку
Величал простую девку,
Ломоносов — честь усов.
Я, в деревне, для забавы,
В подражание их славы,
Проворчу тара-бара.
Стройся, лира восхищенна,
Слышь Виргилья вновь, вселенна:
Я пою днесь Комара!

Блаты, лес, луга, моря,
Комаров летящих зря,
Как гудят повсюду гулом,
Иль как стрел с гремящим тулом
Марс несется на войну, —

Так с комарьей похвалою
На Пегасе вскачь трубою
Я колеблю тишину.
Стихотворцы! став парадом,
С лирами, с свирельми, рядом,
Честь воздайте Комару,
И согласным восклицаньем,
Звоном, грохотом, бряцаньем,
В бубны бейте: туру-ру.

Мгла упала тлена с глаз:
Мне предстал Микромегас,
Головой небес касаясь,
Через море нагибаясь,
Как чрез чашу молока,
И ужасною рукою
Ловит, горстию одною,
Корабли сквозь облака.
Так с метлою я гайду́ка,
Великанов древних внука,
Комаров от барских яств
Прочь гонящего, взираю;
Я с гигантом рок равняю,
С комарами — силы царств.

Глас народа мне вещал:
С дуба-де комар упал.
Се по лесу звук раздался,
Холм и дол восколебался,
Океан встал из брегов.
Не на быль ли баснь похожа,
Что упал какой вельможа
Из высоких вниз чинов?
Встав из дрязгу теплым летом,
Под блестящим солнца светом,
Счастья плыл он на крылах.
Комара, мудрец, паденьем
Возгреми нравоученьем:
Суета, скажи, всё — ах!

Мужик корень вырвет древ;
Комары, оттоль взлетев,

Его роем окружают,
Жалят всюду и пронзают:
Не подобным ли война
Из бездн ада, Люцифёром,
Излетела нам примером?
Небо ей, земля полна:
Ей Гомеры и Мароны,
Воздавали честь Мильтоны,
Чтили брань в людях, в духах.
Для чего ж полки комарны,
Буйством столь же быстропарны,
Не воспеть мне на стихах?

Насекома мелка тварь,
Хоть ничтожный прах Комар;
Но по подвигах толиких,
На крылах своих великих,
Не преславен ли войной?
Не равняется ли чванством,
Своим бранным шарлатанством
С первым вождем сей герой?
Так, не храбрых воев свойством
И не личным он геройством
Города, страны берет;
Но лишь издали пужаньем,
Вводит в скуку, в страх жужжаньем
И врасплох всех кровь пиет.

Неисчетна тьма врагов,
Как татар и калмыков,
Саранчи рои, летая,
Древле с визгом окружая,
Ужас тщились навести;
Из луко́в дождь стрел пущали,
Остры копья простирали,
Русских мнили погребсти;
Мы от орд сих в защищенье
Тактики ввели ученье
И воздвигли города.
Так от жал комарьих ныне,
От носов их, жив в пустыне,
Много вышло нам труда.

Терпят взоры наши, нос,
Что там верес, там навоз
Жгут от войск сих в защищенье;
Пологов там расширенье
Доставляет сладкий сон;
Для прохлады там в окошки
Ставят из кисей рогожки;
Но нельзя как выйти вон
Без ограды из покоев,
То, как лучший вождь героев,
Бить чтоб турок, ввел каре, —
Так боярыни средь Званки,
С стеклом капор из серпянки
Сшив, гуляют в фонаре.

Так, друзья, мой слыша зов,
Вы не бойтесь комаров!
Комары не бесполезны,
Могут быть еще любезны:
Вялых двигают недвиг,
Искусств служат к обретенью,
Дают случай к дерзновенью
Гордых щелкать в нос и шлык,
У красавицы спесивой
Сметь с улыбкою учтивой
С нежной их согнать руки,
И своим они мученьем
Нрав мягчат нам сожаленьем,
Как грызут их пауки.

Что за туча на крылах
Синим дымом на полях
Поднималась, расширялась,
Вдруг на землю опускалась?
Затемнился солнца свет,
Зачернелись небеса,
Затопилися леса,
Затруднился бег планет,
Затуманились народы,
Закипели мухой воды,
Застенал и сам Нептун;
На египетски границы

Гнев небесной лег десницы,
И Комар — ее перун!

Столп из пламени был дан
Весть юдеев в Ханаан.
Пред грядущею весною
В вечер, тихою зарею,
Столп толчется комаров:
Служит знаком селянину
В поле гнать свою скотину
И впрягать в плуга волов;
Рыбакам метать сеть в воды,
Идти девам в хороводы,
Воспевать любви их жар,
Жаворонкам вверх взвиваться,
Соловьям вдаль раздаваться...
И предтеча всем — Комар.

Но ужели огнь мой весь
К пенью комаров исчез?
Мысль за мыслию стремится,
Бездна бездн чудес их зрится:
Булдыхана зрю я трон!
Мандарины вкруг с усами,
С черными сидят косами,
С лысым, блещущим челом.
Им рабы их на коленях
Подают там на ступенях
С насекомыми тьмы блюд.
Лица радостны их, взоры;
Сребро, злато и фарфоры
С комарами им несут.

Иль китайцам лишь Комар
Дан природой в сладкий дар?
Сколько птичек сладкопевных
И козявок разноперных!
Как китов, их чукчи ждут;
Напротив того, и сами
Комары сколь их носами
Земнородных крови льют!
Пролезают в узки щелки,

Как пьянчуги для горелки,
Где бы было что попить,
И подьячий с их примеру
В петлю рад хоть через веру
И чрез совесть пощечить.

Ах! на то ли мир создáн,
Чтоб был жертва и тиран?
Вижу, в пышной колеснице,
Уподобяся деннице,
Выезжает исполин!
Перстом делит он Европу,
Угрожает ефиопу;
Над ягненком зев там львин
Уж разверзт, его хватает,
Но Комар как вихрь влетает
Алчущих тиранов в нос;
Они чхают, упадают,
Жертв в покое оставляют.
Филосóфам тут вопрос:

Силен ли над нами рок?
Комар агнца, мир сберег.
Есть ли звезд определенье?
Есть ли вышнее правленье?
О, велик и ты, Комар!
Общей цепи всех твореньев
Не последний ты из звеньев.
Не напрáсно ль я мой дар
В похвалу одних великих,
Блеском тщетным отменитых,
Приносил всегда людей?
Между звезд и преисподней
Кто суть пользой благородней?
Дайте, дайте мне судей.

Но найду ль я мыслей, слов,
Чтоб прославить комаров?
Слабы струны моей лиры.
Окружает и порфиры
Рой их, трон и алтари;
И наушников бояться,

Над зоилом издеваться,
Брать их могут в цель цари,
А геройства звуку, грому,
Славы тщетныя содому
Точный образ есть Комар:
Зефир пóрхнет — к небу вьется;
Борей дунет — и свернется:
Он чудовище и пар.

В микроскопе он, поверь,
На ходулях дивий зверь;
Хоботом — слону подобен;
По крылам — дракон всем злобен;
О шести ногах кулик;
Тощ и мал, а льва тревожит;
В конях, в тиграх ярость множит,
Буйвол им ревет и бык,
А Цербéр с досады воет,
Что, кусая, беспокоит
Столь его живая грязь;
Он по лёту — дух небесный!
Алчбой крови — вождь известный,
По усам — ордынский князь.

Больше ж ты, Комар, во всем
Схож с военным кораблем:
Ты на парусах летаешь,
Страшны громы испущаешь,
Жжешь свирепо и язвишь;
Ты снабжен кормой и носом
И с предлинным тож насосом
Часто на мелях сидишь,
Грязнув в патоке, в сметане,
И на зимнем твоем стане
Замерзаешь тож, как он;
А тепло лишь дхнет весною,
Ты попутною порою
Сам средь моря фараон!

Но большую коль с меньшой
Сравним вещь между собой,
То поэзии пареньем

Нам нельзя ль воображеньем
Комаров равнять душам,
Кои в вечности витают,
Мириадами летают
По полям и по лесам;
В плоти светлой и прозрачной
Воспевая век свой злачный,
Не кусают, — нет там жал.
О! когда бы я, в восторге
Песни в райском пев чертоге,
Комаром небесным стал!

Здесь же в мире что, любя,
Прославлял я столь тебя,
То прошу теперь послушать
И живьем меня не кушать,
Не лезть в очи, не дуть в слух;
Здесь жилище не небесно,
Часто тварям в оном тесно, —
Мы поссоримся, мой друг.
Там духов одна порода,
Братство, равенство, свобода;
Пифагорцы можем быть,
Ввек ничем не разделяться,
Друг все другом насыщаться,
Царь и раб друзьями жить.

О Комар! колико свойств,
Разных доблестей, геройств
Тебя в свете отличают!
Все народы величают
Во свою тебя чреду.
Ты лесник, травник и тундрик,
Пикинер, трубач, цырульник,
Мастер петь, пускать руду.
Сколь мужей было великих
Между нас и между диких!
Всех была, прошла пора;
Но тебя не позабудут:
Мои песни вечно будут
Эхом звучным Комара.

1807

НА ПРОГУЛКУ В ГРУ́ЗИНСКОМ САДУ

О, как пленительно, умно там, мило всё!
Где естества красы художеством сугубы
И сеннолистны где Ижорска князя дубы
В ветр шепчут, преклонясь, про счастья колесо!

1807

ПРИЗНАНИЕ

Не умел я притворяться,
На святого походить,
Важным саном надуваться
И философа брать вид;
Я любил чистосердечье,
Думал нравиться лишь им,
Ум и сердце человечье
Были гением моим.
Если я блистал восторгом,
С струн моих огонь летел,
Не собой блистал я — богом;
Вне себя я бога пел.
Если звуки посвящались
Лиры моея царям, —
Добродетельми казались
Мне они равны богам.
Если за победы громки
Я венцы сплетал вождям, —
Думал перелить в потомки
Души их и их детям.
Если где вельможам властным
Смел я правду брякнуть в слух, —
Мнил быть сердцем беспристрастным
Им, царю, отчизне друг.
Если ж я и суетою
Сам был света обольщен, —
Признаюся, красотою
Быв плененным, пел и жен.
Словом: жег любви коль пламень,

Падал я, вставал в мой век.
Брось, мудрец! на гроб мой камень,
Если ты не человек.

1807

ЗАДУМЧИВОСТЬ

Задумчиво, один, широкими шагами
Хожу, и меряю пустых пространство мест;
Очами мрачными смотрю перед ногами,
Не зрится ль на песке где человечий след.

Увы! я помощи себе между людями
Не вижу, не ищу, как лишь оставить свет;
Веселье коль прошло, грусть обладает нами,
Зол внутренних печать на взорах всякий чтет.

И мнится мне, кричат долины, реки, холмы,
Каким огнем мой дух и чувствия жегомы
И от дражайших глаз что взор скрывает мой.

Но нет пустынь таких, ни дебрей мрачных, дальных,
Куда любовь моя в мечтах моих печальных
Не приходила бы беседовать со мной.

1807(?)

ВОДОМЕТ

Луч шумящий, водометный,
Свыше сыплюща роса!
Где в тени в день знойный, летний
Совершенная краса,
Раскидав по дерну члены
И сквозясь меж струй, ветвей,
Сном объята в виде пены,
Взгляд влекла души моей;
Где на зыблющу склонялись
Лилии блестящу грудь,
Зарьных розы уст касались
И желали к ним прильнуть;
Воздух свежестью своею
Ей спешил благоухать;

Травки, смятые под нею,
Не хотели восставать;
Где я очи голубые
Небесам подобно зрел,
С коих стрелы огневые
В грудь бросал мне злобный Лель.
О места, места священны!
Хоть лишен я вас судьбой,
Но прелестны вы, волшебны
И столь милы мне собой,
Что поднесь о вас вздыхаю
И забыть никак не мог,
С жалобой напоминаю:
Мой последний слышьте вздох.

1807(?)

ПРИВРАТНИКУ

Един есть бог, един Державин,
Я в глупой гордости мечтал;
Одна мне рифма — древний Навин,
Что солнца бег остановлял.
Теперь другой Державин зрится,
И рифма та ж ему годится;
Но тот Державин — поп, не я:
На мне парик, на нем скуфья.

Итак, чтоб врат моих приставу
В Державиных различье знать,
Пакетов, чести по уставу,
Чужих мне в дом не принимать,
Не брать от *имреков* пасквилей,
Цидул, листов — не быть впредь филей,
Даю сей вратнику приказ
Не выпускать сего из глаз:

На имя кто б мое пакеты
Какие, письма ни принес,
Вопросы должен на ответы
Тотчас он дать, бумаг тех в вес,
Сказать: отколь, к кому писанья?

И те все произнесть признанья
Свободным, без запинок, ртом;
Подметны сплетни жги огнем.

А чтоб Державина со мною
Другого различал ты сам, —
Вот знак: тот млад, но с бородою,
Я стар — юн духом по грехам.
Он в рясе длинной и широкой;
Мой фрак кургуз и полубокой.
Он в волосах, я гол главой;
Я подлинник — он список мой.

Он пел молебны, панихиды,
И их поныне всё поет;
Слуга был Марса я, Фемиды,
А ныне — отставной поэт;
Он пастырь, чад отец духовный,
А я правитель был народный.
Он обер-поп, я ктитор муз,
И днесь пресвитер их зовусь.

Кропит водой, курит кадилом,
Он тянет руку дам к устам;
За честь я чту тянуться с рылом
И целовать их ручки сам.
Он молит небеса о мире,
Героев славлю я на лире;
Он тайны сердца исповесть,
Скрывать я шашни чту за честь.

Различен также и делами:
Он ест кутью, а я салму;
Он громок многими псалмами,
Я в день шепчу по одному.
Державин род с потопа влекся;
Он в семинарьи им нарекся
Лиш сходством рифм моих и стоп.
Мой дед мурза, его дед поп.

И словом, он со мной не сходен
Ни видом, ростом, ни лицом;

Душой, быть может, благороден,
Но гербом не Державин он!
В моем звезда рукой держима,
А им клюка иль трость носима.
Он может четки взнесть в печать,
Я лирою златой блистать.

А потому почталионов,
Его носящих письма мне,
Отправя множеством поклонов,
Ни средь обедов, ни во сне
Не рушь ты моего покою;
Но позлащенной булавою
С двора их с честью провожай;
Державу с митрой различай.

Январь 1808

АСПАЗИИ

Блещет Аттика жена́ми,
Всех Аспазия милей:
Черными очей огнями,
Грудью пенною своей.
Удивляючи Афины,
Превосходит всех собой;
Взоры орли, души львины
Жжет, как солнце, красотой.

Ре́звятся вокруг утехи,
Улыбается любовь,
Неги, радости и смехи
Плетеницы из цветов
На героев налагают
И влекут сердца к ней в плен;
Мудрецы по ней вздыхают,
И Перикл в нее влюблен.

Угождают ей науки,
Дань художества дают,
Мусикийски сладки звуки
В взгляды томность ей лиют.

Она чувствует, вздыхает,
Нежная видна душа,
И сама того не знает,
Чем всех больше хороша.

Зависть с злобой, содружася,
Смотрят косо на нее,
С черной клеветой свияся,
Уподобяся змее,
Тонкие кидают жалы
И винят в хуле богов, —
Уж Перикла силы малы
Быть щитом ей от врагов.

Уж ведется всенародно
Пред судей она на суд,
Злы молвы о ней свободно
Уж не шепчут — вопиют;
Уж собранье заседало,
Уж архонты все в очках;
Но сняла лишь покрывало —
Пал пред ней Ареопаг!

24 апреля 1809

СИНИЧКА

Синичка весення!
Тиликать престань:
Во время осенне
Зяблику дань
Ты платишь, и таешь,
Вздыхаешь, вздыхаешь, вздыхаешь.

Любить всем в природе
Судьбой суждено,
Но в птичьем народе,
Ах! нужно одно,
Что если пылаешь,
Вздыхаешь, вздыхаешь, вздыхаешь,

То помни, что лето
Тотчас протечет;

Что сердце, нагрето
Лишь страстью, поет;
Но хлад как встречаешь,
  Вздыхаешь, вздыхаешь, вздыхаешь.

Так выбери ж птичку
Такую себе,
И в осень синичку
Чтоб жала к себе
И хладу не знала,
  Вздыхала, вздыхала, вздыхала.

15 июля 1809

НЕЗАБУДОЧКА

Милый незабудка-цветик,
Видишь, друг мой, я, стеня,
Еду от тебя, мой светик:
  Не забудь меня.

Встретишься ль где с розой нежной,
Иль лилеей взор пленя,
В самой страсти неизбежной
  Не забудь меня.

Ручейком ли где журчащим
Зной омоешь летня дня,
И в жемчу́ге вод шумящих
  Не забудь меня.

Ветерок ли где порханьем
Кликнет, в тень тебя маня,
И под уст его дыханьем
  Не забудь меня.

22 июля 1809

ОКОВЫ

Лиза голову чесала
Скромно гребнем золотым;
Взявши волос, привязала
К красотам меня своим.

Быв окован цепью нежной,
Я шутил — прервать хотел;
Попытался — и железной
Тверже цепь сию нашел.
С самой той поры я в скуке,
В тяжком плене нахожусь:
Не могу уж быть в разлуке,
Волоском за ней влекусь.
И лишь тем я облегчаюсь,
Успокоиваю грусть,
Что к ней ближе прививаюсь
И касаюсь сладких уст.

1809

АРИСТИППОВА БАНЯ

Что вы, аркадские утехи,
Темпейский дол, гесперский сад,
Цитерски резвости и смехи
И скрытых тысячи прохлад
Средь рощ и средь пещер тенистых,
Между цветов и токов чистых —
Пред тем, где Аристипп живет?
Что вы? — Дом полн его довольством,
Свободой, тишиной, спокойством,
И всех блаженств он чашу пьет!

Жизнь мудрого — жизнь наслажденья
Всем тем, природа что дает.
Не спать в свой век и с попеченья
Не чахнуть, коль богатства нет;
Знать малым пробавляться скромно,
Жить с беззаконными законно;
Чтить доблесть, не любить порок,
Со всеми и всегда ужиться,
Но только с добрыми дружиться:
Вот в чем был Аристиппов толк!

Взгляните ж на него. Он в бане! —
Се роскоши и вкуса храм!

Цвет роз рассыпан на диване;
Как тонка мгла иль фимиам,
Завеса вкруг его сквозится;
Взор всюду из нее стремится,
В нее ж чуть дует ветерок;
Льет чрез камин, сквозь свод, в купальню,
В книгохранилище и спальню
Огнистый с шумом ручеек.

Он нежится, и Апеллеса
Картины вкруг его стоят:
Сверкают битвы Геркулеса;
Сократ с улыбкою пьет яд;
Звучат пиры Анакреона;
Видна и ссылка Аполлона,
Стада пасет как по земле,
Как с музами свирелку ладит,
В румянец роз пастушек рядит:
Цветет спокойство на челе.

Иль мирт под тенью, под луною,
Он зрит, на чистом ручейке
Наяды плещутся водою,
Шумят, — их хохот вдалеке
Погодкою повсюду мчится,
От тел златых кристалл златится,
И прелесть светится сквозь мрак.
Всё старцу из окна то видно;
Но нимф невинности не стыдно,
Что скрытый с них не сходит зрак.

А здесь — в соседственном покое,
В очках друзей его собор
Над книгой, видной на налое,
Сидит, склоня дум полный взор,
Стихов его занявшись чтеньем;
Младая дщерь на цитре пеньем
Между фиялов вторит их.
Глас мудрости живей несется,
Как дев он с розовых уст льется,
Подобно мед с сотов златых.

«О смертные! — поет Арета, —
Коль странники страны вы сей,
Вкушать спешите блага света:
Теченье кратко ваших дней.
Блаженство нам дарует время;
Бывает и порфира бремя,
И не прекрасна красота.
Едино счастье в том неложно,
Коль услаждать дух с чувством можно,
А всё другое — суета.

Не в том беда, чтоб чем прельщаться,
Беда пороку сдаться в плен.
Не должен мудрым называться,
Кто духа твердости лишен.
Но если тело услаждаем
И душу благостьми питаем,
Почто с небес перуна ждать?
Для жизни человек родится,
Его стихия — веселиться;
Лишь нужно страсти побеждать.

И в счастии не забываться,
В довольстве помнить о других;
Добро творить не собираться,
А должно делать, — делать вмиг.
Вот мудра мужа в чем отличность!
И будет ли вредна тут пышность,
Коль миро на браду занес
И час в дом царский призывает,
Но сирота пришел, рыдает:
Он встал, отер его ток слез?

Порочно ль и столов обилье,
Блеск блюд, вин запах, сладость яств,
Коль гонят прочь они унынье,
Крепят здоровье и приятств
Живут душой друзьям в досугах;
Коль тучный полк стоит в прислугах
И с гладу вкруг не воют псы?
Себя лишь мудрый умеряет

И смерть, как гостью, ожидает,
Крутя, задумавшись, усы».

Но вдруг вошли, пресекли пенье
От Дионисья три жены,
Мужам рожденны на прельщенье:
Как нощь — власы, лицом — луны́,
Как небо — голубые взоры;
Блеск уст, ланит их — блеск Авроры,
И холмы — в дар ему плодов
При персях отдают в прохладу.
«Хвала царю, — рек, — за награду;
Но выдьте вон: я философ».

Как? — Нет, мудрец! скорей винися,
Что ты лишь слабостью не слаб.
Без зуб воздержностью не дмися:
Всяк смертный искушенья раб.
Блажен, и в средственной кто доле
Возмог обуздывать по воле
Своих стремленье прихотей!
Но быть богатым, купно святу,
Так трудно, как орлу крылату
Иглы сквозь пролететь ушей.

1811

ЦАРЬ ДЕВИЦА

Царь жила-была девица, —
Шепчет русска старина, —
Будто солнце светлолица,
Будто тихая весна.

Очи светлы голубые,
Брови черные дугой,
Огнь — уста, власы — златые,
Грудь — как лебедь белизной.

В жилках рук ее пуховых,
Как эфир, струилась кровь;
Между роз, зубов перловых,
Усмехалася любовь.

Родилась она в сорочке
Самой счастливой порой,
Ни в полудни, ни в полночке —
Алой, утренней зарей.

Кочет хлопал на нашесте
Крыльями, крича сто раз:
Северной звезды на свете
Нет прекрасней, как у нас.

Маковка злата церковна
Как горит средь красных дней,
Так священная корона
Мило теплилась на ней,

И вливала чувство тайно
С страхом чтить ее, дивясь;
К ней прийти необычайно
Было, не перекрестясь.

На нее смотреть не смели
И великие цари;
За решеткою сидели
На часах богатыри.

И Полканы всюду чудны
Дом стрегли ее и трон;
С колоколен самогудный
Слышался и ночью звон.

Терем был ее украшен
В солнцах, в месяцах, в звездах;
Отливались блески с башен
Во осьми ее морях.

В рощах злачных, в лукоморье
Въявь гуляла и в саду,
Летом в лодочке на взморье,
На санка́х зимой по льду.

Конь под ней, как вихрь, крутился,
Чув девицу ездока, —

Полк за нею нимф тащился
По следам издалека.

Коз и зайцев быстроногих
Страсть была ее гонять,
Гладить ланей златорогих
И дерев под тенью спать.

Ей ни мошки не мешали,
Ни кузнечики дремать;
Тихо ветерки порхали,
Чтоб ее лишь обвевать.

И по веткам птички райски,
Скакивал заморский кот,
Пели соловьи китайски
И жужукал водомет.

Статно стоя, няньки, мамки
Одаль смели чуть дышать
И бояр к ней спозаранки
В спальню с делом допущать.

С ними так она вещала,
Как из облак божество;
Лежа царством управляла,
Их журя за шаловство.

Иногда же и тазала
Не одним уж язычком,
Если больно рассерчала,
То по кудрям башмачком.

Все они царя-девицы
Так боялись, как огня,
Крыли, прятали их лицы
От малейшего пятна.

И без памяти любили,
Что бесхитростна была;
Ей неправд не говорили,
Что сама им не лгала.

Шила ризы золотые,
Сплошь низала жемчугом,
Маслила брады седые
И не ссорилась с умом.

Жить давала всем в раздолье,
Плавали как в масле сыр;
Ездила на богомолье, —
Божеством ее всяк чтил.

Все поля ее златились
И шумели под серпом,
Тучные стада водились,
Горы капали сребром.

Слава доброго правленья
Разливалась всюду в свет;
Все кричали с восхищенья,
Что ее мудрее нет.

Стиходеи ту ж бряцали
И на гуслях милу ложь;
В царствах инших повторяли
О царе-девице то ж.

И от этого-то грому
Поднялись к ней женихи
Вереницей к ее дому,
Как фазаньи петухи.

Царств за тридевять мудруя,
Вымышляли, как хвалить;
Вздохами любовь толкуя,
К ней боялись подступить.

На слонах и на верблюдах
Хан иной дары ей шлет,
Под ковром, на хинских блюдах,
Камень с гору самосвет.

Тот эдемского индея:
Гребень — звезд на нем нарост,

Пурпур — крылья, яхонт — шея,
Изумрудный — зоб и хвост.

Колпиц алы черевички
Нес — с бандорой тот плясать,
Горлиц нежные яички —
Нежно петь и воздыхать.

Но она им не склонялась,
Набожна была чресчур.
Только в шутках забавлялась,
Напущая на них дур.

Иль велела им трудиться:
Яблок райских ей искать,
Хохлик солнцев, чтоб светиться,
В тьме век младостью блистать.

Но они понадорвали
Свой живот — и стали в пень;
Что искали — не сыскали,
И исчезли будто тень.

Тут откуда ни явился
Царь-царевич, или круль,
Ни людям не поклонился,
Ни на спаса не взглянул.

По бедру коня хлесть задню —
И в тот миг невидим стал, —
Шасть к царю-девице в спальню
И ее поцеловал.

Хоронилася платочком
И ворчала хоть в сердцах,
Но как вслед его окошком
Хлопнула, — вскричала: ах!

Конь к тому ж в пути обратном
Тронул сеть садовых струн:
Град познал в сем звуке страшном,
Что был дерзок Маркобрун.

Вот и встал дым коромыслом
От маяков по горам;
В мрачном воздухе навислом
Рев завыл и по церквам.

Клич прокликали в столице,
И гонцы всем дали весть,
Чтоб скакать к царю-девице
И, служа ей, — мстить за честь.

Заскрипели двери ржавы
Оружейниц древних лет,
Воспрянули мужи славы
И среди пустынных мест.

Правят снасти боевые
И булат и сталь острят;
Старые орлы, седые
С соколами в бой летят.

И свирепы кони в стойлах
Топают, храпят и ржут,
На холмах и на раздольях
Пыль вздымают, пену льют.

В слух пищали стенобойны,
Растворя чугунны рты,
Воют в час полночный, сонный,
Чтоб скорей в поход идти.

Идет в шкурах рать звериных,
С дубом, с пращей, с кистенем;
В перьях птичьих, в кожах рыбных,
И как холм течет чрез холм.

Занимает степи, луги
И насадами моря,
И кричит: помремте, други,
За девицу и царя!

Не пленила златом, сбойством
Нас она, ни серебром;

Но лишь девичьим геройством,
Здравым и простым умом.

И так сими вождь речами
Взбудоражил войнов дух,
Что, подняв бугры плечами,
Растрепали круля в пух.

И еще в его бы царстве
Только раз один шагнуть,
Света б не было в пространстве,
Чем его и вспомянуть.

Кровь народа Маркобруна
Уподобилась реке;
Он дрожал ее перуна
И в своем уж чердаке.

Но как он царя-девицы
Нежный нрав довольно знал,
Стал пастух — и глас цевницы
Часто ей своей внушал.

«Виноват, — пел, — пред тобою,
Что прекрасна ты, мила». —
«Сердце тронь мое рукою.
Сядь со мной!» — она рекла...

Так и все красотки славны
Дерзостей не могут несть;
Все бывают своенравны,
Любят жены, девы честь.

1812

КНЯЗЬ КУТУЗОВ-СМОЛЕНСКОЙ

Когда в виду ты всей вселенны
Наполеона посрамил,
Языки одолел сгущенны,
Защитником полсвета был;
Когда тебе судьбы предвечны
Ум дали — троны царств сберечь,

Трофеи заслужить сердечны,
Усилить Александров меч;
Злодеев истребить враждебных,
Обресть бессмертный лавр побед,
В вратах Европы растворенных
Смыть кровью злобы дерзкий след;
Москву освободить попранну,
Отечество спасти от зол,
Лезть дале путь пресечь тирану,
Един основывать престол, —
Не умолчит потомств глагол!
Се мать твоя, Россия, — зри —
Ко гробу руки простирает,
Ожившая тобой, рыдает,
И плачут о тебе цари!

1813(?)

ПОЛИГИМНИИ

Муза Эллады, пылкая Сафа,
Северных стран Полигимния!
Твоя ли сладкозвучная арфа?
Твои ли то струны златые,
Что, молнии в души бросая,
Что, громами тихо гремя,
        Грудь раздробляют мою!

Иль, о румянощека, чернокудра,
Агатовоокая дева!
Ты мне древнего слога премудра
Витиев эольских напева
С розовых уст глас проливаешь?
Слышу журчащие токи
        И во гармоньи тону!

Так, ты, греко-российска Харита!
Вблизи как меня восседая,
Коснулась ко мне дланью пиита,
Со мной однодушно дыхая,
Мой гимн возглашаючи богу,
Сердце во мне воспламенялось;
        Слезы ручьями лились!

И если б миг еще продолжила
Твое небозвучное чтенье,
Всю жизнь бы мою, как былье, спалила,
Растаял бы я в восхищенье,
Юной красой упояся,
Блаженства снести бы не мог,
Умер, любовью сгорев.

Но холодная старость, седая,
Бледным покрыв щитом костяным,
Стрелы твоих очес отражая,
Хоть упасть ко стопам мне твоим
Строго тогда воспретила,
Избег я тебя, — но твой взгляд,
Луч как в льде, блещет во мне.

Зрится в моем, горит воображенье,
Ах! как солнце, твоя красота!
Слышу. тобой, мое выраженье
И очаровательна мечта
Всю душу мою наполняет
Пеньем твоим песен моих. —
Буду я, буду бессмертен!

1816

* * *

Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы.

6 июля 1816

ПРИМЕЧАНИЯ

Стихотворения Державина издавались неоднократно. Из всех изданий наибольшего внимания заслуживают три: 1) Сочинения Державина, ч. 1—5. СПб., 1808—1816; 2) Сочинения Державина, с объяснительными примечаниями Я. Грота, т. 1—9. Имп. Акад. наук, СПб., 1864—1883; 3) Державин. Стихотворения. Редакция и примечания Гр. Гуковского, вступительная статья И. А. Виноградова. Изд-во писателей в Ленинграде, Л., 1933.

Первое из них в пяти частях было подготовлено самим поэтом в последние годы его жизни (четыре части-книги вышли в 1808 г., пятая — в 1816 г., в год смерти поэта). В «Предуведомлении к читателям» в начале первой части Державин подробно рассказывает о характере и принципах данного издания. Одним из основных побуждений к осуществлению его было, по словам поэта, желание дать наиболее точный текст своих стихотворений, освободив их от всякого рода «погрешностей», вкравшихся в прежние печатные публикации или в списки, ходившие по рукам. Главное значение издания и состоит в том, что оно полностью авторизовано — содержит в себе, как правило, последние редакции стихотворений Державина и тем самым наиболее выражает его авторскую волю. Самим же поэтом установлены распределение стихотворений по книгам-частям и порядок расположения их внутри каждой части. В распределении стихов по частям Державин стремился сочетать хронологический и жанровый принципы. В первой и во второй частях поэт поместил все виды «од», за исключением так называемых анакреонтических. В первую часть, посвященную Екатерине II, он ввел произведения, написанные при жизни Екатерины. Он поднес их императрице в 1795 г. в рукописном виде в расчете на разрешение их напечатать, которого, однако, не последовало. Во вторую часть, посвященную Александру I, вошли произведения, написанные в основном после 1796 г., т. е. после смерти Екатерины. Не включенные в обе первые части издания произведения «легкого слога» — анакреонтику — Державин опубликовал в 1804 г. отдельным сборником под названием «Анакреонтические песни», они и составили со значительными дополнениями третью часть. В четвертую часть вошли драматические произведения Державина, к которым он отнес и

«Описание торжества, бывшего по случаю взятия города Измаила в доме генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического. . .». Наконец, в пятую часть вошли произведения, написанные в основном после 1808 г. Что касается расположения стихов внутри каждой из частей-книг, то Державин не придерживался здесь хронологического порядка. Первая часть, поднесенная Екатерине II. была построена поэтом таким образом, что сперва шли стихотворения религиозного характера; за ними следовали стихи, обращенные к императрице, потом — стихи, обращенные к современникам, и в конце были даны стихотворения более или менее личного характера. Это определило также и композицию второй, пятой и отчасти четвертой частей. В том же «Предуведомлении» Державин обещал сопроводить следующее издание своих сочинений примечаниями, в которых должны были быть объяснены читателям всякого рода «иносказательные» места, раскрыты некоторые собственные имена и т. п. «Со временем я или кто другой по мне, — писал Державин, — объяснят как их, так и те речения, которые в скрытом смысле употреблены и заключают в себе двойное знаменование, а равно и случаи, для которых что писано и что к кому относится».

Во исполнение этого обещания Державин вскоре после выхода в свет первых четырех частей собрания своих сочинений приступил к составлению «Объяснений» к ним. Сами эти «Объяснения» были опубликованы в очень неточном, а порой и прямо искаженном виде, с многочисленными купюрами, только через много лет после смерти поэта, в 1834 г. Полностью же они были напечатаны лишь в 1866 г. в третьем томе сочинений Державина, изданных Академией наук под редакцией Я. Грота. Это монументальное издание в девяти больших томах было осуществлено в результате многолетнего труда редактора и явилось не только первым критическим научным изданием Державина, но и своего рода образцом изданий так называемого академического типа. Я. Грот проделал большую работу по собиранию рукописных и других архивных материалов, хранящихся в настоящее время в Государственной Публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина в Ленинграде и в Институте русской литературы АН СССР в Ленинграде. В распределении художественных произведений Державина по томам Я. Грот следовал в значительной мере за изданием 1808—1816 гг. В первых трех томах он поместил стихотворения Державина, в четвертом томе — его драматургию. Однако все стихотворения, напечатанные при жизни Державина, редактор дал не в той последовательности, какая была установлена самим поэтом, а в общей хронологической цепи, в которую им были включены и стихотворения, не вошедшие в издание 1808—1816 гг. В особый большой раздел в конце третьего тома были выделены стихотворения неизвестных годов, большей частью публиковавшиеся редактором впервые (значительно больше ста новых стихотворений).

Все стихотворения в осуществление замысла Державина были сопровождены обстоятельными редакторскими комментариями, в которых были широко использованы примечания самого поэта. Помимо художественных произведений Державина, в издание были включены обширнейшая и впервые собранная Я. Гротом переписка Державина, его автобиографические «Записки» и прозаические произведения (томы V—VII). Восьмой том содержит объемистую биографию

Державина, написанную Я. Гротом, девятый и последний — дополнительные материалы биографического и библиографического характера, статью о языке Державина, сопровождаемую кратким словарем к стихотворениям поэта, и общий именной указатель ко всем девяти томам.

К настоящему времени издание Я. Грота во многом устарело и нуждается в существенных коррективах. Прежде всего оно не отличается необходимой для академического издания, в современном понимании изданий этого рода, исчерпывающей полнотой: редактор сознательно не включил в него некоторые стихотворные произведения Державина, сохранившиеся в рукописях, считая их по тем или иным причинам не заслуживающими внимания. Я. Грот сличил все печатные и рукописные тексты Державина, в результате чего были исправлены некоторые неточности и ошибки издания 1808—1816 гг., уточнены даты написания ряда стихотворений и т. п. Но работа эта не всегда доведена им до конца. Наконец, в комментариях к изданию порой сказалась охранительная политическая позиция редактора; в этом отношении самый выбор для академического издания поэта-классика XVIII в. был вызван обстановкой общественно-политической борьбы 60-х годов и явился своего рода демонстрацией по адресу революционно-демократической критики.

Ошибки издания Я. Грота были указаны советским исследователем литературы XVIII века Г. А. Гуковским (см. его статью «Литературное наследство Державина» в сб. «Литературное наследство», кн. 9—10, 1933, стр. 369—396), под редакцией которого вышло в 1933 г. издание избранных произведений Державина в серии «Библиотека поэта». (Это издание и начало всю серию; при нем была напечатана вступительная статья ее инициатора М. Горького «О „Библиотеке поэта"».) В издание было включено шестьдесят новых стихотворных произведений Державина; была уточнена датировка некоторых стихотворений. В качестве основного текста редактор правильно избрал текст издания 1808—1816 гг., приняв во внимание уточнения, внесенные в него Я. Гротом, и с этой целью еще раз сверив его с рукописями. В то же время в осуществлении принятых им текстологических принципов редактор проявил непоследовательность. Так, при ряде стихотворений, опубликованных им по тексту издания 1808—1816 гг., он сохранил более ранние полные их названия, заимствовав их из предшествующих публикаций. В расположении стихотворений редактор, с одной стороны, стремился сохранить порядок, установленный самим Державиным в издании 1808—1816 гг., с другой — внес в него ряд изменений, иногда связанных с тем, что в данное издание вошли лишь избранные произведения поэта, порой же вызванных соображениями другого порядка. Увлекшись желанием опубликовать ряд извлеченных из рукописей неизвестных произведений Державина (большей частью всякого рода стихотворных мелочей или произведений самого раннего периода творчества поэта), редактор не включил в издание некоторые гораздо более значительные стихотворения.

Настоящее издание ставит своей задачей, учитывая результаты текстологической и комментаторской работы Я. Грота и Г. Гуковского, представить облик Державина по возможности во всей его сложности и многогранности. Отобранные стихотворения, в основу

текста которых положено издание 1808—1816 гг. с последующими уточнениями Грота — Гуковского, вновь проверены по рукописям. В частности, учтена правка Державина, сделанная им на экземплярах Изд. 1798 г. (хранится в ЦГАЛИ, см. В. А. Западов. «Неизвестный Державин» — «Известия отд. литературы и языка АН СССР», 1958, № 1) и «Анакреонтических песен» 1804 г. (собрание В. Г. Лидина). Все стихотворения расположены в хронологической последовательности. Даты даются в тексте, причем предположительные сопровождаются вопросительным знаком, а год, не позднее которого написано стихотворение, ставится в угловых скобках. В примечаниях дата не указывается, за исключением тех случаев, когда дата в тексте отличается от принятой ранее или является не совсем точной.

Условные сокращения, принятые в примечаниях

Изд. 1798 г. — Сочинения Державина. Часть 1. М., 1798.
Ан. п. — «Анакреонтические песни» Державина. СПб., 1804.
Изд. 1808 г. — Сочинения Державина. Части 1—4. СПб., 1808.
Изд. 1816 г. — Сочинения Державина. Часть 5. СПб., 1816.
Грот. — Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота. Тома 1—9. СПб., 1864—1883.
Об. Д. — Объяснения Державина к своим сочинениям (полностью напечатаны в третьем томе издания Грота).
Гуковский. — Державин. Стихотворения. Редакция и примечания Гр. Гуковского. Вступительная статья И. А. Виноградова. Л., 1933.
Ильинский. — Л. К. Ильинский. Из рукописных текстов Г. Р. Державина. Пг., 1917 (отдельный оттиск из «Известий отделения русского языка и словесности Российской Академии наук, т. XXII /1917/, кн. 1).
«СПб. вестник» — журнал «Санктпетербургский вестник».
«Собеседник» — журнал «Собеседник любителей российского слова».
Арх. ГПБ — фонд Г. Р. Державина, хранящийся в Рукописном отделе Государственной публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде (шифры рукописей Державина, находящиеся в других фондах ГПБ, указываются полностью в тексте примечаний).
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства в Москве.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Объявление любви (стр. 77). Впервые — Ан. п., стр. 128. Печ. по Изд. 1808 г., т. 3, стр. 146. Ранних рукописей не сохранилось. Датируется на основании Об. Д.: «Соч. в 1770 в Пб» (720). В первой редакции примечаний на свои сочинения (так называемая тетрадь 1805 г., или «рукопись Анастасевича») Державин отнес это стихотворение к 1776 г., как и стихотворение «Пламиде». Там же стихотворение «Нине» датировано 1778 г. (Грот, 9, 231—232). Нами сохранена датировка Об. Д., так как эта рукопись является более полной и поздней редакцией объяснений, чем рукопись

Анастасевича. По предположению Грота, «Объявление любви», как и два следующих стихотворения, было переработано Державиным при подготовке издания Ан. п. (Грот, 1, 1). В Изд. 1808 г. последняя строка была несколько изменена: «Нам может в жизни подарить», но в личном экземпляре третьего тома Державин исправил ее в соответствии с Ан. п.

Пламиде (стр. 77). Впервые — Ан. п., стр. 129. Печ. по Изд. 1808 г., т. 3, стр. 147. См. также прим. к предыдущему стихотворению.

Нине (стр. 78). Впервые — Ан. п., стр. 131. Печ. по Изд. 1808 г., т. 3, стр. 150. «Подражательный отрывок 29-й оды Клопштока» (Об. Д., 720). В сочинениях Клопштока оригинала державинских стихов не обнаружено (Грот, 1, 7). См. также прим. к стих. «Объявление любви».

Разлука (стр. 79). Впервые — «Московский журнал», 1792, № 2, стр. 167, под заглавием «Прощание» и с припиской: «Из Петербурга от неизвестной особы». В переработанном виде вошло в «театральное представление» «Добрыня» (Изд. 1808 г., т. 4, стр. 197). В первоначальной редакции находится в рукописи 1776 г.: «Песни, сочиненные Г....... Р.......... Д.........» (т. е. «Гавриломъ Романовичемъ Державинымъ») (Арх. ГПБ, т. 3, л. 14) под № 17. Кроме этой «песни», в оперу «Добрыня» вошло еще две песни из этого же сборника, а не одна, как полагал Гуковский (стр. 550), который отметил в «Добрыне» песни № 1 и № 17, но пропустил песню № 11 («Ко мне ты страстью тлеешь...»). Печ. по тексту «Московского журнала».

Пикники (стр. 79). Впервые — Ан. п., стр. 107. Печ. по Изд. 1808 г., т. 3, стр. 123. «Соч. в Пб. 1776 по случаю бывших пикников у А. П. Мельгунова, на которые собирались к нему в назначенные места за городом, на островах или в садах, молодые офицеры и дамы, в которых и автор участвовал» (Об. Д., 719). Мельгунов Алексей Петрович (1722—1788) — видный государственный деятель, в это время был директором казенных винокуренных заводов и президентом камер-коллегии (учреждение, в функции которого входило «высшее надзирание» за всеми государственными доходами).

Модное остроумие (стр. 80). Впервые — «Собеседник», 1783, ч. 3, стр. 115, с пояснительным письмом от автора к «почтеннейшим господам издателям «Собеседника» и за подписью «X. X. ****». Первоначальная редакция стихотворения под заглавием «Остроумие» находится в рукописи 1776 г. (см. Гуковский, стр. 420). Державин включил стихотворение в VII часть своих сочинений, подготовленную им к печати, но оставшуюся в рукописи после смерти поэта (заглавие по оглавлению: «На модное остроумие 1780 г.» — вероятно, дата переделки первоначальной редакции). Датировано по рукописи, в которой стихотворение встречается впервые. Печ. по тексту «Собеседника». В статье «Собеседник любителей российского слова» Н. А. До-

бролюбов полностью привел стихотворение «г. XX» и, не зная, кто был автором стихотворения, с похвалою отозвался о нем (Соч., т. 1, Л., 1934, стр. 73 и 77).

Кружка (стр. 81). Впервые — «СПб. вестник», 1780, № 9, стр. 203, под заглавием «Застольная песня». В рукописи 90-х гг. «песня эта названа мещанскою, тогда как пьеса «Пикники»... рядом с нею отмечена заглавием дружеская — обе под общею рубрикою Застольные песни» (Грот, 1, 49). Затем — Ан. п., стр. 132. Печ. по Изд. 1808 г., т. 3, стр. 151. «Застольная песня граждан» (т. е. горожан) (Об. Д., 720) была положена на музыку певцом, гусляром, композитором, собирателем народных песен В. Ф. Трутовским (ок. 1740—1810). *Куликать* — выпивать. *Вист, банк, макао* — модные в то время карточные игры. *С гренками пивом пенна кружка.* «Граждан гуляк обыкновенная приятельская попойка из старинных серебряных кружек, наполненных сушеным хлебом с лимонною коркою и налитых пополам английским и русским пивом» (Об. Д., 720).

Невесте (стр. 83). Впервые — Изд. 1808 г., т. 3, стр. 196. Первоначальная редакция стихотворения, написанного в приветствие невесте великого князя Павла Петровича Марии Федоровне при ее приезде в Россию, относится к 1776 г. Двумя годами позднее стихотворение было несколько переделано Державиным и под заглавием «Стансы» посвящено сговору поэта с его первой женой, Екатериной Яковлевной Бастидон (1760—1794) (Грот, 8, 245). Вновь переделывает Державин стихотворение в 90-х гг. (заглавие — «К Пленире»); окончательную редакцию стихотворение получает при подготовке Изд. 1808 г.

Ключ (стр. 83). Впервые — «СПб. вестник», 1779, № 10, стр. 267. В переделанном виде — «Собеседник», 1783, ч. 3, стр. 3, и с новыми поправками — 1 т. Изд. 1808 г., стр. 129. Печатается по Изд. 1808 г. с уточнениями Грота: в Изд. 1798 г. в 8-й строфе было неверно напечатано вместо «вкусившего» и «увенчанна» — «вкусившему» и «увенчанну». Эта ошибка механически перешла и в Изд. 1808 г. Написано в связи с выходом в свет эпической поэмы М. М. Хераскова «Россияда», над которой он работал восемь лет. Это грандиозное по размерам произведение было первым завершенным образцом русской эпической поэмы, за что восхищенные современники поспешили объявить автора «русским Гомером». Державин обращается к ключу, находившемуся в подмосковном селе Хераскова Гребенево, «в котором он сочинял сказанную поэму» (Об. Д., 620) и где Державин неоднократно бывал. *Поил водой ты стихотворства.* Державин как бы отождествляет «священный Гребеневский ключ» со знаменитым в древнегреческой мифологии Кастальским ключом. Кастальский ключ был связан с именем Аполлона, бога поэзии и искусств, и считался источником поэтического вдохновения. По поводу этой строки П. А. Вяземский иронически заметил: «Лучшая эпиграмма на Хераскова отпущена Державиным без умысла в оде «Ключ». Вода стихотворства, говоря о поэзии Хераскова, выражение удивительно верное и забавное!» («Северные цветы на 1827 г.», стр. 127).

На смерть князя Мещерского (стр. 85). Впервые — «СПб. вестник», 1779, № 9, стр. 175, под заглавием «Ода на смерть к М. к***», Новая редакция — «Собеседник», 1783, ч. 1, стр. 93; с названием «К Степану Васильевичу Перфильеву, на смерть князя Александра Ивановича Мещерского» — Изд. 1798 г., стр. 154. Печ. по Изд. 1808 г., т. 1, стр. 132. Написано в связи с получением известия о внезапной кончине кн. А. И. Мещерского (ум. 1779), известного богача, любившего давать пышные пиры, на которых бывал и Державин. С. В. Перфильев (1734—1793) — друг А. И. Мещерского, генерал-майор, один из воспитателей великого князя, будущего императора Павла I. *Глагол времен, металла звон* — бой часов, олицетворяющих неизбежный ход времени. *Лик (лики)* — здесь имеет значение: «хор певцов» (см. Грот, 2, 707—708).

На рождение в Севере порфирородного отрока (стр. 87). Впервые — «СПб. вестник», 1779, № 12, стр. 410, под заглавием «Стихи на рождение в Севере порфирородного отрока декабря во второй на десять день, в который солнце начинает возврат свой от зимы на лето». Под названием «На рождение в Севере порфирородного отрока декабря во вторый на десять день 1777 года» — Изд. 1798 г., стр. 60. Печ. по Изд. 1808 г., т. 3, стр. 3. Рождение великого князя Александра (будущего императора), старшего сына наследника престола Павла Петровича и его жены Марии Федоровны, приветствовали одами Е. Костров и В. Майков. Написал оду и Державин, «но как в несоответственном дару автора вкусе, а в ломоносовском, к чему он чувствовал себя неспособным, то та ода в сочинениях его и не напечатана, а сия написана после, года три спустя, т. е. в 1780 г.» (Об. Д., 712). Державин несколько ошибся в дате, ибо стихи напечатаны уже в декабре 1779 г. По характеру своему стихотворение сильно отличается от традиционных торжественных од, и поэт включил его в число анакреонтических стихотворений. *Родился — и в ту минуту* и т. д. Державин поэтически использует то обстоятельство, что Александр родился 12 декабря по старому стилю, когда «солнце начинает возврат свой от зимы на лето», т. е. день начинает увеличиваться. *С их ты матерью* — с императрицей Екатериной II.

К первому соседу (стр. 90). Впервые — «СПб. вестник», 1780, № 8, стр. 108, под заглавием «Ода к соседу моему господину N». С незначительными поправками и под заглавием «К соседу моему Г.» — «Собеседник», 1783, ч. 1, стр. 90. С указанием даты написания: «1780 года» — Изд. 1798 г., стр. 150. В Изд. 1808 г., т. 1, стр. 199, дано новое заглавие: «К первому соседу», так как в 1791 г. Державин написал стихотворение «Ко второму соседу», вошедшее во 2-ю часть этого издания. Державин обращается в стихотворении к купцу М. С. Голикову, взявшему на откуп питейные сборы в Петербурге и Москве. Позднее Голиков сделался «по худому своему оным (откупом. — *В. З.)* управлению и роскошной жизни несчастливым, что отдан был под суд за непозволенный провоз французской водки» (Об. Д., 632). М. С. Голиков (ум. 1788), известный курский купец, одно время живший в Сибири, был одним из организаторов компании, впоследствии названной Русско-Американской. Сотоварищами его были Г. И. Шелехов, выдающийся путешественник и иссле-

дователь Сибири (1747—1795), и двоюродный брат И. Л. Голиков. На капиталы М. С. Голикова в значительной степени снаряжались экспедиции Шелехова. Около 1780 г. М. С. Голиков вместе с другим двоюродным братом — И. И. Голиковым (1735—1801) был посажен в тюрьму. В 1782 г. они были амнистированы в связи с открытием памятника Петру I. Согласно легенде, именно поэтому И. И. Голиков поклялся написать историю Петра I и в 1788—1789 гг. выпустил «Деяния Петра Великого», а в 1790—1797 гг. издал 18 томов дополнений. *Златошвенные* — златошвейные. *Из глин китайских драгоценных* — из фарфора. *Алиатико* — итальянское вино. *Мозель* — мозельское вино. *И нежной нимфой ты сидишь.* «Он имел италиянку у себя на содержании, театральную певицу, с которой проведя жизнь роскошную, повергнул себя в вышесказанное бедство» (Об. Д., 632). *Парки* (римск. миф.) — три богини судьбы. Третья Парка перерезáла нить жизни человека, которую пряла первая. *Петрополь сосны осеняли* и т. д. Вероятно, имеется в виду буря, сопровождавшая сильное наводнение в Петербурге 10 сентября 1777 г., когда многие самые высокие и лучшие деревья в лесу на Васильевском острове и в Коломне были вырваны с корнем. *Петрополь* — Петербург. *Твоя уж Пенелопа в скуке Ковер не будет распускать* — т. е. ты вернешься к своей жене. «Пенелопа, супруга Улисса (Одиссея. — *В. З.*), царя Итакского, которая во время десятилетней его отлучки под Трою обеспокоивана была женихами, сватавшимися к ней по удостоверению, что Улисса уже нет в живых; но она, храня к нему верность, день от дня отлагая, обнадежила их, что тотчас, коль скоро дотчет ковер, то выйдет из них за кого-нибудь замуж, а между тем что́ в день наткала, то в ночь распускала, дабы через то продлить время, покуда возвратится ее супруг. К Голикову же сие сравнение относится потому, что он был сибирский житель и, поехав в Петербург для снятия откупа, оставил там жену, обнадеживая ее, что скоро возвратится» (Об. Д., 632).

Властителям и судиям (стр. 92). Впервые — «СПб. вестник», 1780, № 11, стр. 315. Затем — «Зеркало света», 1787, № 53, стр. 1. Печ. по Изд. 1808 г., т. 1, стр. 10. Ранняя редакция сохранилась в рукописях поэта (Арх. ГПБ, т. 1, л. 17):

ПСАЛОМ 81

Восстал среди богов в совете
Богов судити вышний бог.
Доколь, рек, правду продаете
И смотрите на грешных рог? [1]
  С богатыми судите бедных;
  Не зрите на высокость лиц;
  Из рук измите душевредных —
  Несчастных, сирых и вдовиц.

---

[1] Рог — сила, крепость, власть, могущество; киченье, надменность (Даль). Ильинский (стр. 29) дважды неверно прочитал это слово как «рок», что по меньшей мере приводит к обессмысливанию строки. Во всех пяти вариантах рукописи написано совершенно ясно: «рог» (см. литографическое воспроизведение рукописи у Грота, 1, 109).

Но есть безумцы и средь трона:
Сидят и царствуют дремля,
Не ведают, что с бедных стона
Неправдой движется земля.
    Я думал, боги вы вселенной,
    Владыка,[1] царь и судия;
    Но вы из персти также бренной
    И так же смертны, как и я.
И так, коль истины не стало,
И правды в свете нет нигде,
Исторгнь, творец, неправды жало,
Приди и царствуй сам везде.

В черновом варианте 4-й строфы первоначально было: «монархи, князи и судья» (см. Ильинский, 29—30). При дальнейшей переработке Державин заменил эти слова одним общим и в то же время более выразительным понятием: «земные боги». Первая редакция поэта не удовлетворила, и он вскоре коренным образом переработал ее. Три последние строфы второй редакции полностью совпадают с окончательной редакцией, три первых значительно отличаются и от первой и от окончательной:

ОДА. ПРЕЛОЖЕНИЕ 81-ГО ПСАЛМА

Се бог богов восстал судити
Земных богов во сонме их:
«Доколе, — рек, — неправду чтите,
Доколе вам щадити злых?
    Ваш долг — законы сохраняти
    И не взирать на знатность лиц,
    От рук гонителей спасати
    Убогих, сирых и вдовиц!»
Не внемлют: грабежи, коварства,
Мучительства и бедных стон
Смущают, потрясают царства
И в гибель повергают трон...

Вторая редакция оды была опубликована в «СПб. вестнике». Резко обличительный характер стихотворения Державина, очевидно, обратил на себя внимание. Номер журнала, открывавшийся одой, был приостановлен, листок, на котором раньше была ода, перепечатан, причем на нем было разгонисто напечатано начало переводной повести «Розалия», прежде начинавшейся лишь со следующей страницы. Экземпляров журнала с невырезанной одой Державина дошло до нас крайне мало. По-настоящему ода увидала свет только в 1787 г., когда она была в окончательной редакции напечатана в журнале «Зеркало

[1] Владыка (владыко) — для XVIII в. постоянное наименование и обращение к высшим сановникам церкви (митрополитам, архиепископам и т. д.). По-видимому, в этой строке поэт перечисляет все высшие «земные» власти: духовную, политическую и административную.

света» под заглавием «Ода. Извлечена из псальма 81». В 1795 г., пытаясь испросить разрешение на издание собрания своих сочинений, Державин поднес Екатерине рукописный экземпляр первой части, куда включил и оду. То, что в 1787 г. прошло незамеченным, в 1795 г., после Великой французской революции, казни короля Людовика XVI и т. п., произвело впечатление разорвавшейся бомбы, так как, не говоря уже о резкости содержания оды, распространился слух, что 81-й псалом был использован революционерами-якобинцами против короля. Когда поэт появлялся при дворе, вельможи сторонились и попросту «бегали» от него. Говорили даже, что «кнутобойце» Шешковскому, секретарю Тайной канцелярии, в ведении которого находились и дела о «крамольных» и «вредных» сочинениях (Радищева, Княжнина и многих других), поручено было «допросить» Державина. Не дожидаясь, пока Шешковский «спросит» его, почему он пишет «такие дерзкие стихи», поэт решил сам перейти в наступление и немедленно написал особую объяснительную записку — «Анекдот», в которой, как он позднее писал, «ясно доказал», что автор псалма «царь Давид не был якобинцем», и разослал ее наиболее влиятельным при дворе лицам: статс-секретарю императрицы Трощинскому, у которого находились на рассмотрении его сочинения, вице-канцлеру графу Безбородко и фавориту Екатерины II П. А. Зубову. После этого все «как рукой сняло: все обошлись с ним так, как ничего не бывало» (Грот, 6, 696. Также см. «Анекдот»: 1, 113—115). Несмотря на это, разрешения на издание своих сочинений Державин не получил, а рукопись была отдана князю Зубову, у которого и находилась до самой смерти Екатерины II. В Изд. 1798 г. ода была вычеркнута цензурой, и в окончательной редакции она под заглавием «Властителям и судиям» появилась только в I т. Изд. 1808 г. Возможно, что непосредственным внешним толчком к написанию оды послужил следующий случай, описанный самим поэтом: «В 1779 г. был перестроен под смотрением его (Державина. — *В. З.*) Сенат, а особливо зала общего собрания, украшенная... лепными барельефами..., между прочими фигурами была изображена скульптором Рашетом Истина нагая, и стоял тот барельеф к лицу сенаторов, присутствующих за столом; то когда изготовлена была та зала и генерал-прокурор князь Вяземский осматривал оную, то, увидев обнаженную Истину, сказал экзекутору: «Вели ее, брат, несколько прикрыть». И подлинно, с тех пор стали отчасу более прикрывать правду в правительстве» (Грот, 6, 546—547). Ср. с этим строки первоначальной редакции: «И так, коль истины не стало, И правды в свете нет нигде...»

На Новый год (стр. 93). Впервые — «СПб. вестник», 1781, № 1, стр. 3. После получения критических замечаний И. И. Хемницера и В. В. Капниста в письме, присланном из имения последнего — Обуховки (см. «Отчет Публичной библиотеки за 1892 г.», СПб., 1895, где в приложениях, стр. 10—27, помещены выправленный Хемницером и Капнистом текст оды и объяснительное письмо от 5 марта 1781 г.), стихотворение было переработано Державиным и напечатано в «Собеседнике», 1783, ч. 1, стр. 36. Печ. по Изд. 1808 г., т. 1, стр. 117, с поправками Державина к этому изданию, впервые опубликованными Гротом, 1, 116—119. *Лукулл* (I в. до н. э.) — Луций Луциний Лукулл, прозванный Понтийским, римский полководец, государ-

ственный деятель и известный богач. Его имя стало нарицательным для обозначения богача, живущего в чрезвычайной роскоши, и вошло в поговорку («лукулловы пиры»). *Пленира* — первая жена Державина, Е. Я. Бастидон (см. выше, стр. 368). От *должностей в часы свободны Пою моих я радость дней.* «Сим выражением автор оправдывает себя перед начальником своим, князем Вяземским, давая знать, что стихотворством занимается в свободные часы от должности» (Об. Д., 616). *Россов матерь* — Екатерина II. *Петры, и Генрихи, и Титы.* Имеются в виду русский император Петр I, французский король Генрих IV Наваррский, римский император Тит Флавий Веспасиан, имена которых в литературе классицизма употреблялись в качестве образцов правителей — «благодетелей» своих подданных. *Екатерины.* Имеется в виду Екатерина II.

На выздоровление Мецената (стр. 94). Впервые — отдельное издание, М., 1781, под заглавием «Стихи на выздоровление И. И. Шувалова». Затем — с названием «Дифирамб на выздоровление покровителя наук», М., 1781, и «Собеседник», 1783, ч. 1, стр. 24. С изменениями и без слова «Дифирамб» в заглавии — Изд. 1798 г., стр. 145. Печ. по Изд. 1808 г., т. 1, стр. 168. Стихотворение посвящено И. И. Шувалову (1727—1797), крупному государственному деятелю, фавориту императрицы Елизаветы Петровны, способствовавшему основанию Московского университета и его «попечителю», основателю Академии художеств, покровителю многих поэтов (Ломоносова, Сумарокова и др.) «и вообще стихотворства и прочих художеств» (Об. Д., 626). При Екатерине II Шувалов был не «в силе», поэтому Державин хвалит его совершенно бескорыстно. Ему Державин в 1777 г. посвятил «Эпистолу И. И. Шувалову на прибытие его из чужих краев» (Грот, 1, 50—57). Державин знал Шувалова еще со времени учения в казанской гимназии, куратором которой был Шувалов. Шувалов покровительствовал ему и позднее, вплоть до 1797 г., когда по желанию Шувалова в типографии Московского университета было начато печатание первого тома собрания сочинений Державина. Признательность и уважение к Шувалову и его памяти Державин сохранил на всю жизнь (см. также стих. «Урна» и прим. к нему). Державин написал стихотворение по поводу выздоровления Шувалова «от жестокой болезни, в изъявление своей радости... В то самое время, когда получил известие о том, луна, взошед, багряным своим светом освещала воды и некто ехал по ней в лодке, а потом сделался сильный ветер, то и снята здесь самая живая картина натуры» (Грот, 9, 234—235). *Старик угрюмый и седой* и т. д. — Харон, перевозящий, согласно греческой мифологии, тени умерших в ад (Тартар). *Себя ужасною косой.* У Державина образ Харона совпадает с образом смерти; в мифологии Харон изображался с веслом в руке, а не с косой. *Цепями фурии ужасны К морскому брегу их вели.* Здесь также отступление Державина от мифологии. Харон перевозил тени не через море, а через подземные реки Стикс, Коцит и Ахерон. Тени к нему приводил в подземное царство Гермес (Меркурий), а не фурии. *Фарос младых вельмож и мой.* Фарос — маяк (по имени знаменитого маяка в г. Фаросе). Здесь имеется в виду Шувалов, «фонарь или просветитель через университет и гимназии, бывшие под его попечением, молодого дворянства, из которого многие дослужились

знатных чинов, как то: Потемкин, Попов и прочие, а также и автор обучался в казанской гимназии» (Об. Д., 626). *Во зраке божества младого* — т. е. в образе богини здоровья Гигеи. *Перикл* — древнегреческий политический деятель (V в. до н. э.), при котором культура Афин достигла расцвета; покровитель наук, литературы и искусства. *Меценат* — римский вельможа I в. до н. э., чье имя стало символом покровителя искусства и наук. *А дщерь его ввела к нам вкус* — императрица Елизавета Петровна. *Нестор, Улисс* (Одиссей) — герои Троянской войны в «Илиаде» Гомера, славившиеся умом. *Равно бессмертен в «Петриаде» Ты Ломоносовым пером.* М. В. Ломоносов задумал создать эпическую поэму о Петре I — «Петр Великий», но успел написать только две «песни» (части), которые были опубликованы в 1760 г. с посвящением И. И. Шувалову.

Разные вина (стр. 97). Впервые — Ан. п., стр. 109. В оглавлении к заглавию прибавлено: «или пирушка молодых холостых людей 1782 г.» Печ. по Изд. 1808 г., т. 3, стр. 125. Об. Д.: «Писано без всякой цели для молодых людей» (719). *Вот черно-тинтово вино* — красное испанское вино, vino tinto. *Вот слезы ангельски вино* — измененное название итальянского вина Lacrimae Christi («Слезы Христа»).

Фелица (стр. 97). Впервые — «Собеседник», 1783, ч. 1, стр. 5, без подписи, под заглавием: «Ода к премудрой киргизкайсацкой царевне Фелице, писанная татарским мурзою, издавна поселившимся в Москве, а живущим по делам своим в Санктпетербурге. Переведена с арабского языка 1782». К последним словам редакция дала примечание: «Хотя имя сочинителя нам и неизвестно, но известно нам то, что сия ода точно сочинена на российском языке». Печ. по Изд. 1808 г., т. 1, стр. 36. Написав оду в 1782 г., Державин не решился напечатать ее, опасаясь мести знатных вельмож, изображенных в сатирическом плане. Такого же мнения были и друзья поэта — Н. А. Львов и В. В. Капнист. Случайно ода попала в руки одному хорошему знакомому Державина, советнику при директоре Академии наук, литератору, деятелю в области народного образования, впоследствии министру Осипу Петровичу Козодавлеву (нач. 1750-х гг. — 1819), который стал показывать ее разным лицам и в том числе познакомил с ней княгиню Е. Р. Дашкову, назначенную с 1783 г. директором Академии наук. Дашковой ода понравилась, и, когда в мае 1783 г. было предпринято издание «Собеседника» (Козодавлев стал редактором журнала), решено было открыть первый номер «Фелицей» (Об. Д., 601). Издание «Собеседника» было обусловлено политическими событиями начала 1780-х гг., усилением борьбы Екатерины с дворянской оппозицией, стремлением императрицы «использовать журналистику в качестве средства воздействия на умы, в качестве аппарата для распространения благоприятных для нее истолкований явлений внутриполитической жизни страны» (П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII в. М.—Л., 1952, стр. 332). Одной из идей, настойчиво проводившихся Екатериной в огромных «Записках касательно российской истории», была отмеченная еще Добролюбовым мысль о том, что государь «никогда не является виною междоусобий, но всегда решителем распрей, миротворцем князей,

защитником правого, если только он следует внушениям собственного сердца. Как скоро он делает несправедливость, которую нельзя скрыть или оправдать, то вся вина слагается на злых советчиков, всего чаще на бояр и на духовенство» (Н. А. Добролюбов. Сочинения, т. 1. Л., 1934, стр. 49). Поэтому «Фелица», панегирически изображавшая Екатерину и сатирически — ее вельмож, пришлась на руку правительству, понравилась Екатерине. Державин получил в подарок от императрицы золотую табакерку с 500 червонцев и был лично представлен ей. Высокие достоинства оды принесли ей успех в кругах наиболее передовых современников, широкую по тому времени популярность. А. Н. Радищев, например, писал: «Преложи многие строфы из оды к Ф е л и ц е, а особливо, где мурза описывает сам себя, без стихов останется почти та же поэзия» (Полн. собр. соч., т. 2, 1941, стр. 217). «У каждого, умеющего читать по-русски, очутилась она в руках», — свидетельствовал Козодавлев («Собеседник», 1784, ч. 16, стр. 8). Само имя «Фелица» Державин взял из «Сказки о царевиче Хлоре», написанной Екатериной II для своего внука Александра (1781). «Мурзой именовал себя автор потому, . . .что произошел он от татарского племени; а императрицу — Фелицею и киргизскою царевною для того, что покойная императрица сочинила сказку под именем Царевича Хлора, которого Фелица, то есть богиня блаженства, сопровождала на гору, где роза без шипов цветет, и что автор имел свои деревни в Оренбургской губернии в соседстве от киргизской орды, которая в подданстве не числилась» (Об. Д., 593). В рукописи 1795 г. (см. выше, стр. 363) толкование имени «Фелица» несколько иное: «премудрость, благодать, добродетель» (Рукописный отдел ГПБ, F. XIV. 16, стр. 408). Имя это образовано Екатериной от латинских слов «felix» — «счастливый», «felicitas» — «счастье». *Меня твой сын препровождает.* В сказке Екатерины Фелица дала в проводники царевичу Хлору своего сына Рассудок. *Мурзам твоим не подражая* — т. е. придворным, вельможам. Слово «мурза» употребляет Державин в двух планах. Когда мурза говорит о Фелице, то под мурзой подразумевается автор оды. Когда он говорит как бы о самом себе, тогда мурза — собирательный образ вельможи-придворного. *Читаешь, пишешь пред налоем.* Державин имеет в виду законодательную деятельность императрицы. Налой (устар., простореч.), точнее «аналой» (церк.) — высокий столик с покатым верхом, на который в церкви кладут иконы или книги. Здесь употреблено в смысле «столик», «конторка». *Коня парнасска не седлаешь.* Екатерина не умела писать стихов. Арии и стихи для ее литературных сочинений писали ее статс-секретари Елагин, Храповицкий и др. Парнасский конь — Пегас. *К духам в собранье не въезжаешь, Не ходишь с трона на Восток* — т. е. не посещаешь масонских лож, собраний. Екатерина называла масонов «сектой духов» (Дневник Храповицкого. М., 1902, стр. 31). «Востоками» назывались иногда масонские ложи (Грот, 2, 709—710). Масоны в 80-х гг. XVIII в. — члены организаций («лож»), исповедовавших мистико-моралистическое учение и находившихся в оппозиции екатерининскому правительству. Масонство разделялось на различные течения. К одному из них, иллюминатству, принадлежал ряд руководителей Французской революции 1789 г. В России так называемые «московские мартинисты» (крупнейшими из них в 1780-е гг. были Н. И. Новиков, замечательный русский просветитель, писатель и кни-

гоиздатель, его помощники по издательскому делу И. В. Лопухин, С. И. Гамалея и др.) были особенно враждебно настроены по отношению к императрице. Они считали ее захватчицей престола и желали видеть на троне «законного государя» — наследника престола Павла Петровича, сына свергнутого с престола Екатериной императора Петра III. Павел, пока ему было это выгодно, весьма сочувственно относился к «мартинистам» (по некоторым свидетельствам, он даже придерживался их учения). Особенно активизировались масоны с середины 1780-х гг., и Екатерина сочиняет три комедии: «Шаман сибирский», «Обманщик» и «Обольщенный», пишет «Тайну противонелепого общества» — пародию на масонский устав. Но разгромить московское масонство ей удалось только в 1789—1793 гг. при помощи полицейских мер. *А я, проспавши до полудни* и т. д. «Относится к прихотливому нраву князя Потемкина, как и все три нижеследующие куплеты, который то собирался на войну, то упражнялся в нарядах, в пирах и всякого рода роскошах» (Об. Д., 598). *Цуг* — упряжка в четыре или шесть лошадей попарно. Право езды цугом было привилегией высшего дворянства. *Лечу на резвом бегуне.* Это относится также к Потемкину, но «более к гр. Ал. Гр. Орлову, который был охотник до скачки лошадиной» (Об. Д., 598). На конных заводах Орлова было выведено несколько новых пород лошадей, из которых наиболее известна порода знаменитых «орловских рысаков». *Или кулачными бойцами* — также относится к А. Г. Орлову. *И забавляюсь лаем псов* — относится к П. И. Панину, который любил псовую охоту (Об. Д., 598). *Я тешусь по ночам рогами* и т. д. «Относится к Семену Кирилловичу Нарышкину, бывшему тогда егермейстером, который первый завел роговую музыку» (Об. Д., 598). Роговая музыка — оркестр, состоящий из крепостных музыкантов, в котором из каждого рога можно извлечь только одну ноту, а все вместе являются как бы одним инструментом. Прогулки знатных вельмож по Неве в сопровождении рогового оркестра были распространенным явлением в XVIII в. *Иль, сидя дома, я прокажу.* «Сей куплет относится вообще до старинных обычаев и забав русских» (Об. Д., 958). *Полкана и Бову читаю.* «Относится до кн. Вяземского, любившего читать романы (которые часто автор, служа у него в команде, перед ним читывал, и случалось, что тот и другой дремали и не понимали ничего) — Полкана и Бову и известные старинные русские повести» (Об. Д., 599). Державин имеет в виду переводной роман о Бове, который позднее превратился в русскую сказку. *Но всякий человек есть ложь* — цитата из Псалтыри, из 115 псалма. *Между лентяем и брюзгой.* Лентяг и Брюзга — персонажи сказки о царевиче Хлоре. «Сколько известно, разумела она под первым кн. Потемкина, а под другим кн. Вяземского, потому что первый, как выше сказано, вел ленивую и роскошную жизнь, а второй часто брюзжал, когда у него, как управляющего казной, денег требовали» (Об. Д., 599). *Деля Хаос на сферы стройно* и т. д. — намек на учреждение губерний. В 1775 г. Екатерина издала «Учреждение о губерниях», согласно которому вся Россия была разделена на губернии. *Что отреклась и мудрой слыть.* Екатерина II с наигранной скромностью отклонила от себя титулы «Великой», «Премудрой», «Матери отечества», которые были поднесены ей в 1767 г. Сенатом и Комиссией по выработке проекта нового уложения; так же она поступила и в 1779 г., когда петербургское дворянство

предложило принять ей титул «Великой». *И знать и мыслить позволяешь.* В «Наказе» Екатерины II, составленном ею для Комиссии по выработке проекта нового уложения и являвшемся компиляцией из сочинений Монтескье и других философов-просветителей XVIII в., действительно есть ряд статей, кратким изложением которых является эта строфа. Однако недаром Пушкин назвал «Наказ» «лицемерным»: до нас дошло огромное количество «дел» людей, арестованных Тайной экспедицией именно по обвинению «в говорении» «неприличных», «поносных» и пр. слов по адресу императрицы, наследника престола, кн. Потемкина и пр. Почти все эти люди были жестоко пытаемы «кнутобойцей» Шешковским и сурово наказаны секретными судами. *Там можно пошептать в беседах* и т. д. и следующая строфа — изображение жестоких законов и нравов при дворе императрицы Анны Иоанновны. Как отмечает Державин (Об. Д., 599—600), существовали законы, согласно которым два человека, перешептывавшиеся между собой, считались злоумышленниками против императрицы или государства; не выпивший большого бокала вина, «за здравие царицы подносимого», уронивший нечаянно монету с ее изображением подозревались в злом умысле и попадали в Тайную канцелярию. Описка, поправка, подскабливание, ошибка в императорском титуле влекли за собой наказание плетьми, равно как и перенос титула с одной строки на другую. При дворе широко распространены были грубые шутовские «забавы» вроде известной свадьбы князя Голицына, бывшего при дворе шутом, для которой был выстроен «ледяной дом»; титулованные шуты усаживались в лукошки и клохтали курицами и т. д. *Ты пишешь в сказках поученьи.* Екатерина II написала для своего внука, кроме «Сказки о царевиче Хлоре», «Сказку о царевиче Февее» (см. прим. на стр. 378). *Не делай ничего худого.* «Наставление» Хлору, переложенное Державиным в стихи, находится в приложении к «Российской азбуке для обучения юношества чтению, напечатанной для общественных школ по высочайшему повелению» (СПб., 1781), которая также была сочинена Екатериной для внуков ее. *Ланцетов средства* — т. е. кровопролитие. *Тамерлан* (Тимур, Тимурленг) — среднеазиатский полководец и завоеватель (1336—1405), отличавшийся крайней жестокостью. *Который брани усмирил* и т. д. «Сей куплет относится на мирное тогдашнее время, по окончании первой турецкой войны (1768—1774 гг. — *В. З.*) в России процветавшее, когда многие человеколюбивые сделаны были императрицею учреждения, как то: воспитательный дом, больницы и прочие» (Об. Д., 600). *Который даровал свободу* и т. д. Державин перечисляет некоторые законы, изданные Екатериной II, которые были выгодны дворянам-помещикам и купцам: она подтвердила данное Петром III дворянам разрешение совершать заграничные путешествия; разрешила помещикам разрабатывать рудные месторождения в их владениях в собственную пользу; сняла запрещение рубить лес на своих землях без контроля власти; «позволила свободное плавание по морям и рекам для торговли» (Об. Д., 600) и т. д.

Благодарность Фелице (стр. 104). Впервые — «Собеседник», 1783, ч. 2, стр. 142. С незначительными поправками — Изд. 1798 г., стр. 83. Печ. по Изд. 1808 г., т. 1, стр 49. За «Фелицу» Державин получил подарок и был приглашен во дворец (см. выше,

стр. 375). В знак благодарности поэт ответил данной одой, написанной сразу же. *Когда от бремя дел случится И мне свободный час иметь* — см. прим. на стр. 373.

Решемыслу (стр. 106). Впервые — «Собеседник», 1783, ч. 6, стр. 3, с подписью «сочинял З...» и под заглавием: «Ода великому боярину и воеводе Решемыслу, писанная подражанием оде к Фелице 1783 году». Редакционная сноска к заглавию объясняла название оды: «Решемысл был ближний вельможа Тао-ау, царя китайского, которого супруга, то есть царица, езжала на оленях златорогих и одевалася соболиными одеялами, о чем читатель может достоверно выправиться в книжке о царевиче Февее, напечатанной в здешней академии прошлого 1782 года, которая повесть и взята в основание сей оды». «Сказка о царевиче Февее», как и «Сказка о царевиче Хлоре» (см. выше, стр. 375), была написана императрицей Екатериной II для ее внука, великого князя Александра Павловича. *Решемысл* — мудрый советник царя, отца Февея. С изменениями — Изд. 1798 г., стр. 129. Печ. по Изд. 1808 г., т. 1, стр. 120. Державин воспользовался сказкой о Февее потому, что под именем Решемысла, «сколько известно, разумела императрица кн. Потемкина» (Об. Д., 617). Любопытно, однако, что поэт приписывает Решемыслу не только такие достоинства и положительные черты, которыми Потемкин обладал в действительности, но и такие, каких у него заведомо не было. В последней строфе сам Державин указал, что Решемысл не портрет Потемкина, а образ идеального вельможи. Впоследствии, комментируя свою оду, Державин в «Объяснениях» подчеркнул ряд положительных качеств Потемкина, оставив без разъяснения те, которые не имели к Потемкину отношения или даже противоречили его характеру («не горд», «не празден, не ленив», «о себе никак не тужит» и др.). Следует отметить также, что в одной из рукописей (по-видимому, 1790-х гг.) к заглавию оды прибавлены слова: «Или изображение, каковым быть вельможам должно» (Грот, 1, 177). *Подруга Флаккова и дщерь* — «Подруга, или собеседница Горациева, дщерь природного таланта» (Об. Д., 617). Квинт Гораций Флакк — великий древнеримский поэт (1 в. до н. э.). *Блистала славой и красой Под соболиным одеялом.* «В помянутой сказке Февея, сколько известно, императрица пошутила весьма слегка насчет предместницы ее, императрицы Елисаветы, которая известно, что мало занималась делами, блистая славой и красотой, в роскоши одеваяся соболиным одеялом» (Об. Д., 617). *Которая сама трудится* и т. д. и две следующие строфы — «портрет» Екатерины II (ср. соответствующие строки «Фелицы»). Данная здесь характеристика «трудолюбивой царицы» разительно совпадает с «портретом», который нарисован самой Екатериной в сказке о царевиче Февее. Поэтому вернее было бы сказать, что это не портрет Екатерины II, а ее автопортрет, но только переложенный Державиным в стихи. *Пленит соседей без оков.* «Через сие разумеется приобретение Крыма без военных действий» (Об. Д., 617). *Ты можешь в былях, небылицах* — намек на серию нравоучительно-сатирических рассказов Екатерины II, печатавшихся под названием «Были и небылицы» в «Собеседнике». *Представь мне Решемысла в лицах* — «то есть: изобрази мне иносказательно, или аллегорически князя Потемкина» (Об. Д., 617). *Которые их кровь*

сосали. «Сия мысль относится на бывшего любимца императрицы Анны, герцога Бирона, который жестоким своим нравом много пролил крови невинных людей» (Об. Д., 617). *А он парит как бы орел.* «Сие, в противоречие к предыдущему, относится к острому разуму кн. Потемкина, который был не зол и прозорлив, и если что пожелал, то не полз черепахой и не употреблял топора и плахи» (Об. Д., 617). *Он в сердце злобы не имел И даже мухи не обидит.* «Сей любимец Екатерины был не мстительный человек, и сие потому доказательно, что хотя автор на счет его и шутил в сочинениях своих, но ему никакого зла не делал, но, напротив того, под конец его жизни оказывал желание подружиться с ним. . .» (Об. Д., 617). Это утверждение Державина не лишено оснований. Известно, например, что Потемкин крайне неодобрительно воспринимал назначение на должность московского главнокомандующего кн. А. А. Прозоровского, который был выдвинут Екатериной для борьбы с масонами (см. выше, стр. 375). Потемкин, к которому масоны относились резко отрицательно и, в противовес пожалованному ему Екатериной титулу «светлейший», называли, каламбурно используя его фамилию, «князем тьмы», предостерегал Екатерину от расправы с масонами: «Ваше величество выдвинули из вашего арсенала самую старую пушку, которая будет непременно стрелять в вашу цель, потому что своей собственной не имеет. Только берегитесь, чтобы она не запятнала кровью в потомстве имя вашего величества». (М. Н. Лонгинов. Новиков и московские мартинисты. М., 1867, стр. 301). Хотя в «Путешествии из Петербурга в Москву» А. Н. Радищев резко выступил против Потемкина (в главе «Спасская Полесть»), Потемкин не только не преследовал его, но и неоднократно впоследствии перечитывал его книгу (из показаний В. В. Пассека, ЦГАДА, Госархив, р. VII, № 2846, л. 21 об.). *Кубарить кубари.* Кубарь — волчок. Выражение это заимствовано из «Былей и небылиц» Екатерины II. По ее разъяснению, означает: мешкать на одном месте, не делая ничего, или слоняться без толку, когда предстоит дело. *Как был когда метатель грома.* Имеется в виду участие Потемкина в первой турецкой войне. *Он вольность пленникам дарит, Героям шьет коты да шубы.* «Кн. Потемкин, командуя армией в Крыму, выпустил из оного всех крымских татар, куда они хотели. . ., и облегчил сей полководец российскую армию, что исходатайствовал у императрицы панталоны и широкие мундиры, не пудриться и обрезать косы, которые прежде были в обыкновении по прусскому манеру, а зимой в морозы носить коты и шубы» (Об. Д., 618). *Коты* — род валяной обуви.

Видение мурзы (стр. 109). Впервые — «Московский журнал», 1791, № 1, стр. 8. В том же году появился немецкий перевод стихотворения, сделанный Коцебу (1761—1819), а в 1792 г. вышло отдельное издание «Видения мурзы», в котором к русскому тексту был приложен перевод Коцебу. Печ. по Изд. 1808 г., т. 1, стр. 60. «Фелица» поставила Державина в центр общественного внимания и литературной жизни. Подарок, сделанный ему Екатериной, вызвал обвинения в лести, новизна формы стихотворения вызвала нападки литературные. В свою защиту от тех и других и задумал поэт «Видение мурзы». По Об. Д. (604) стихотворение «соч. в Пб. 1783 мая 9 дня». Та же дата указана в примечании к заглавию в «Московском журнале».

В «Записках» же поэт вспоминает, что окончил «Видение мурзы» в феврале — марте 1784 г., будучи в Нарве (Грот, 6, 559). А в «Записках» И. И. Дмитриева указано, что стихотворение не было готово еще и в 1790 г. (Соч. И. И. Дмитриева, ред. и прим. А. А. Флоридова, т. 2, СПб., 1893, стр. 36). *Пленира* — см. выше, стр. 368. *Из теремов своих янтарных И сребро-розовых светлиц.* «В Царском селе была одна комната убрана вся янтарем, а другая розовая фольговая с серебряною резьбою» (Об. Д., 604). *Украдкой от придворных лиц.* «Императрица притворялась, что будто не к ней относится вышеупомянутое сочинение «Фелица», и для того подарок к автору был послан без огласки» (Об. Д., 604). *Досканец* — коробочка, ящичек. Державин употребил это старинное слово потому, что в древние времена «в России табаку не нюхали и потому табакерок не знали» (Об. Д., 604). *Сошла — и жрицей очутилась... Держал, как будто бы уснув.* «Вся сия картина... — подлинный список с портрета покойной императрицы, писанного г. Левицким, — изобретения г. Львова» (т. е. выполненного по замыслу Н. А. Львова) (Об. Д., 604). Д. Г. Левицкий (1735—1822) — крупнейший русский художник-портретист. Данный портрет сейчас хранится в Государственном Русском музее в Ленинграде. *Градская на главе корона.* «Вместо обыкновенной императорской короны увенчана она лавровым венцом, украшающим гражданскую корону» (Объяснение Д. Г. Левицкого, см. «Собеседник», ч. 6, стр. 18). *Из черно-огненна виссона... Висел на левую бедру.* Имеется в виду орден св. Владимира. Виссон — драгоценная белая или пурпурная ткань, употреблявшаяся в древнем Египте, Греции и Риме. *Плечо десное* — правое. *Потухший гром... как будто бы уснув.* Потухший гром, оливные ветви, сон орла — символы мира (Россия не вела войн с 1774 по 1787). *Сей дар богов лишь к чести.* В этом стихе не хватает одной стопы по сравнению с другими стихами. В прежних изданиях было:

Сей дар богов, кроме лишь к чести
И к поученью их путей,
Не должен обращен быть к лести
И тленной похвале людей.

Запутанность синтаксиса не удовлетворила поэта, и в Изд. 1808 г. он дал другую редакцию первого и третьего стихов, причем не остановился перед изменением метрики. *Кади* — судья в мусульманских странах. *Факир* — бродячий нищенствующий мусульманский монах. *Что не дерут его усов... Что он наседкой не сидит* — см. выше, стр. 102 и стр. 377. *И словом, И тот хотел арбуза, А тот соленых огурцов.* Намек на кн. Потемкина, который для удовлетворения своих прихотей посылал специальных курьеров за арбузами и т. д. в другие города (Об. Д., 605).

Бог (стр. 114). Впервые — «Собеседник», 1784, ч. 13, стр. 125; ода вскоре была издана отдельно (по-видимому, в Петербурге), снова отдельным изданием вышла около 1792 г. (в Москве). Ею открываются Издание 1798 г., стр. 1, и 1 т. Изд. 1808 г., стр. 1. Печ. по Изд. 1808 г. Первое произведение русской литературы, заслужившее столь широкую мировую известность. По сообщению Грота (1, 190), она была переведена на английский,

испанский, итальянский, польский, чешский, греческий, латинский, шведский, японский языки. Существует не менее 15 французских переводов и 8 немецких. Державин задумал оду «в 1780 г., быв во дворце у всенощной в Светлое воскресенье» (Об. Д., 594), тогда же начал писать, но не смог исполнить замысла из-за занятости по службе. Закончена ода была в Нарве в феврале или марте 1784 г. *Без лиц, в трех лицах божества.* «Автор, кроме богословского православной нашей веры понятия, разумел тут три лица метафизические, то есть: бесконечное пространство, беспрерывную жизнь в движении вещества и неокончаемое течение времени, которое бог в себе совмещает» (Об. Д., 593). Метафизические — по терминологии XVIII в. и, в частности, Державина — означает «философские». Это «разъяснение» Державина, как и ряд других стихов оды (например, «Так солнцы от тебя родятся»), явно противоречит церковным представлениям, согласно которым пространство, время и «жизнь в движении вещества» имели «начало» и будут иметь «конец»; земля же была центром мироздания, и солнце создано богом только одно. Не удивительно, что ода Державина вызвала протесты со стороны ревнителей православия, например М. М. Сперанского (см. Грот, 3, 593). *Природы чин* — порядок природы, законы природы. *Тварь* — т. е. творение.

Желание зимы. Его милости разжалованному отставному сержанту, дворянской думы копиисту, архивариусу без архива, управителю без имения и стихотворцу без вкуса (стр. 117). Впервые — Грот, т. 3, стр. 343, в первой редакции с вариантами из второй. Вторая редакция — Гуковский, стр. 394. Печ. по рукописи второй редакции. Посвящено П. М. Захарьину (1750—1800), козловскому «однодворцу», впоследствии писателю. В 1786 г. он произнес речь, написанную Державиным и посвященную открытию в Тамбове народного училища (см. у Грота, 7, 129). (В. Б. Шкловский бездоказательно утверждает, что «Державин присвоил речь Захарьина». — См. его книгу «Чулков и Левшин». Л., 1933, стр. 195). Речь произвела подлинный фурор, в том же году она была напечатана в трех журналах, а в конце 1787 или в начале 1788 г. — отдельным изданием в Тамбове. «Зрители (т. е. слушатели. — *В. З.*) надавали столько оратору денег, что он несколько недель с приятелями своими не сходил с кабака» (Грот, 6, 584). В позднейшей рукописи Державин сделал примечание к заглавию: «Сей однодворец, к которому сия ода писана, имел большие природные способности к сочинению романов, что доказывает повесть его об Арфаксаде, в стихотворениях же не было вкуса, но непреодолимою побежден страстию к пьянству, от которой был удерживаем разными средствами сочинителем сей оды; но как ничто не успело, то в шутку над ним и написана сия площадная пьеса» (Грот, 3, 343—344). *Нюни* — губы. *Вяха* — удар, затрещина, тумак; чудо, нежданое (Даль). *Козырбацкий* — возможно, молодецкий; может быть, Державин произвел это прилагательное от слова «козырь», которое в старину значило «высокий стоячий воротник» (Даль), т. е. «зимний», «теплый». *Астраханский Красный кабак* — вероятно, название одного из тамбовских кабаков, помещавшегося на дороге Тамбов—Астрахань. *Шлендать* — бродить, таскаться, шататься. *Трык* — ветреник, модник.

Пой, только не стихеры. «Покушался было он (Захарьин. — *В. З.*) сочинять стихеры (церковные песнопения, стихи духовного содержания. — *В. З.*) и перелагать в стихи псальмы; но Гавриил, митрополит санктпетербургский и новгородский не опробовал оные» (т. е. не «апробовал», не утвердил, не одобрил) (Грот, 3, 345). *И будь лишь в стойке дивен* — т. е. у кабацкой стойки. *Ори ширень да вирень, Да лист, братцы, трава.* Возможно, это переделанный припев из «Хора ко гордости» Сумарокова (напечатан в книге «Торжествующая Минерва», СПб, 1763): «Шерин да берин Лис тра фа». «Не исключена, впрочем, возможность обратного хода, т. е. что Сумароков заумно спародировал ходившую песню» (Гуковский, 548).

На смерть графини Румянцевой (стр. 118). Впервые — «Московский журнал», 1791, № 3, стр. 269, под заглавием «Ода на смерть графини Румянцевой к Н***». Печ. по Изд. 1808 г., т. 1, стр. 142. Державин обращается к кн. Е. Р. Дашковой, «потому что она была в крайнем огорчении о женитьбе ее сына без ее позволения, в противоположность гр. Румянцевой, которая в свой долгий век много переносила горестей равнодушно» (Об. Д., 621). П. М. Дашков женился около 1788 г. на небогатой и незнатной провинциальной дворянке А. С. Алферовой, причем попросил у матери разрешения на женитьбу через два месяца после венчания (Зап. Е. Р. Дашковой. Лондон, 1859, стр. 228 и след.). Известие о «неравном» браке сына привело честолюбивую княгиню, которая втайне рассчитывала, что он станет фаворитом императрицы, в отчаяние. «Признаюсь, уронить меня ниже в общем мнении никто не мог», — писала она впоследствии (там же, 230). Гр. М. А. Румянцева (1698 (?) — 1788) — мать знаменитого русского полководца П. А. Румянцева-Задунайского, фрейлина, впоследствии статс-дама и обер-гофмейстерина (с 1776 г.) русских императриц. По некоторым данным (Дневник Храповицкого. М., 1902, стр. 46), умерла на 96-м году жизни (в данном стихотворении: «Она жила почти сто лет»). Первые стихи оды являются подражанием первым стихам девятой оды Горация (II книга). *Не должно, Дашкова, всегда.* Во всех изданиях до Грота печаталось: «Не должно, Н....., всегда». Этот стих восстановлен Державиным в Об. Д. (621). *По английским твоим коврам.* Е. Р. Дашкова, как и ее братья А. Р. и С. Р. Воронцовы (оба были послами в Англии), «привержена быв к английскому народу, имела у себя в доме английские украшения, ковры и проч.» (Об. Д., 621). *Кипарис.* В древней Греции и Риме кипарисы сажали на могилах, кипарисовыми ветвями украшали дома в знак траура и т. д. *Порода* — знатность, род. *Монархам осмерым служила.* М. А. Румянцева начала служить при Петре I. «С него начиная до Екатерины было восемь монархов, коим она служила в придворных домах» (Об. Д., 621). *Затмившего мать лунный свет.* «Мать того, который победил турок» (Об. Д., 621). Луна (полумесяц) — герб и символ Турции. *Румяная заря.* Слово «румяная» намеренно перекликается с фамилией Румянцева — прием, неоднократно применявшийся Державиным (см. «Вельможа», «Водопад»). *Когда не ищешь вышней власти* (в Об. Д., 621: «Когда не ищешь царской власти»). «Княгиня Дашкова была честолюбивая женщина, добивалась первого места при государыне, даже желала заседать в Сенате». *Пожди;*

и сын твой с страшна бою. П. М. Дашков во время второй турецкой войны находился в действующей армии. *Фессальский насаждая сад.* «То есть российский Парнас, или академию» (Об. Д., 622). Державин имеет в виду Российскую Академию, которая была учреждена по проекту кн. Дашковой для разработки русского языка и «словесности» (литературы) и директором которой (так же, как и Академии наук) она была. По-видимому, Державин ошибочно предполагал, что гора Парнас находится в Фессалии, тогда как она находится в Фокиде. *Ареопаг* — верховное судилище в древних Афинах. «Под сим разумеется Сенат, который по делам делал ей (Дашковой. — *В. З.*) некоторые неприятности или, лучше сказать, князь Вяземский, с которым они были неприятели» (Об. Д., 622). *Аристид* (VI—V вв. до н. э.) — афинский государственный деятель и полководец. В результате интриг был изгнан, но по окончании срока изгнания способствовал победам над персидским войском; впоследствии снова стал видным государственным деятелем Афин. В литературе классицизма его именем называли честного, стойкого человека. *Терпи! — Самсон сотрет льву зубы, А Навин потемнит луну.* Лев был в шведском гербе, луна (полумесяц) — герб Турции (в 1788 г. Россия воевала одновременно с этими двумя государствами). Самсон — библейский герой, голыми руками одолевший льва; Навин (по Библии) — вождь евреев, остановивший на время движение солнца. *Румянцев молньи дхнет сугубы.* Румянцев, прославленный победитель турок в первой турецкой войне, во время второй был командующим одной из армий, но вскоре (уже после написания стихотворения) был заменен кн. Репниным (в 1789 г.). *Екатерина тишину* — т. е. Екатерина в результате побед Румянцева заключит выгодный для России мир. *Я злобу твердостью сотру.* В это время Державин, бывший в должности тамбовского губернатора, имел по службе крупные неприятности от генерал-губернатора Гудовича. Вскоре он был отрешен от должности и предан суду Сената.

Осень во время осады Очакова (стр. 121). Впервые — отдельное издание, Тамбов, около 1788—1789 гг. под заглавием «Осень в селе Зубриловке» (см. «Реэстр российским книгам, продающимся в вольной тамбовской типографии 1793 года»). Затем с измененным заглавием — Изд. 1798 г., стр. 122. Печ. по Изд. 1808 г., т. 1, стр. 136, с учетом поправок к нему, сделанных самим Державиным. Написано в Тамбове 1 ноября 1788 г. — в тот период, когда долго не было известий из армии, осаждавшей турецкую крепость Очаков. Участником осады был князь С. Ф. Голицын (1748—1810). Его жена, В. В. Голицына, жила в селе Зубриловке около Тамбова. Державин, «не имея тоже известия о наших войсках, между страхом и надеждой послал ей сию оду» (Об. Д., 621). Очаков был взят 6 декабря, и Голицын вернулся в Зубриловку. 25 декабря Державин поздравил его с победой и с возвращением домой. Поэт И. И. Дмитриев предложил внести в текст стихотворения ряд поправок, но Державин принял далеко не все из них. *Криле* (крылья) — архаическая форма винительного падежа двойственного числа. Первоначально у Державина было «крыла», форму «криле» предложил Дмитриев. *Колпик* (колпица) — птица белого цвета, водящаяся на юге России. *И выжлиц лай и гул гремит.* В Изд. 1798 г.

была явная опечатка: «И выжлят лай и гул гремит». Державин исправил опечатку в принадлежавшем ему экземпляре книги (ЦГАЛИ, ф. 180, ед. хр. 3, стр. 123), однако по недосмотру она сохранилась как в Изд. 1808 г., так и в позднейших (в том числе у Грота и Гуковского). Выжлицы — гончие собаки, выжлята — их щенки. Разумеется, охотиться можно только со взрослыми собаками, тем более — не может «греметь» «лай и гул» щенков. *Орел* — российский герб (т. е. Россия), *луна* — турецкий (т. е. Турция). *Древнее царство Митридата* — Крым, Таврида (Об. Д., 621). Митридат Великий (II—I вв. до н. э.) — царь понтийский и боспорский (страны на севере и востоке Черного моря). *Хотя вы в Стикс не погружались, Но вы бессмертны по делам.* «Фетида, по баснословию, мать Ахиллеса (герой древнегреческих мифов, «баснословия». *В. З.)*, держа его за пяту, погружала его в Стикс, чтоб был неуязвляем» (Об. Д., 621). *Стикс* — одна из рек мифического подземного царства, купание в водах которой сделало Ахиллеса неуязвимым для оружия, за исключением одной его пяты. *Принесть в твой дом с оливой лавр* — т. е. победу и мир. *Пленира сердцем и лицом.* В данном случае имя «Пленира» употребляется Державиным как нарицательное. *Ее ты дяди и отца* — т. е. кн. Г. А. Потемкина, племянницей которому по матери приходилась В. В. Голицына. Потемкин любил ее, «как отец» (Об. Д., 621). По слухам, Голицына была любовницей Потемкина. *Томный* — удрученный, печальный.

На счастие (стр. 124). Впервые — Изд. 1798 г., стр. 179: «На счастие. Писано на маслянице, 1790 года» (в одной из рукописей 1790-х гг. прибавлено: «когда и сам автор был под хмельком» — см. Грот, 1, 244). Печ. по Изд. 1808 г., т. 1, стр. 157. Державин написал оду в Москве, где он жил с января по июнь 1789 г. «в чрезвычайном гонении», ожидая суда Сената. В Изд. 1798 г. «сказано на маслянице, потому что, описывая разные проказы того времени, автор хотел скрыть прямое свое намерение, ибо он, по притеснению некоторых вельмож находясь тогда отлученным от губернаторства тамбовского, был под ответом в московском сенате, то в свое утешение и забаву хотел посмеяться ироническим слогом над всем тем, что делается в сем развратном и непостоянном мире» (Грот, 9, 238). Для поэзии эпохи классицизма тема счастья, «фортуны» была одной из характернейших. Одной из наиболее известных од на эту тему была ода французского поэта Ж.-Б. Руссо (1670—1741) «A la Fortune» («К счастию»), которую ранее перевели в порядке поэтического соревнования А. П. Сумароков и М. В. Ломоносов. Несколько позднее Державина (в 1792 г.) оду «На счастие» написал и друг Державина, поэт В. В. Капнист. Державинская ода отличается от всех других шуточным тоном. *На шаровидной колеснице* и т. д. Богиня счастья Фортуна изображалась обычно стоящей с завязанными глазами на колесе или на шаре, который катится неведомо куда. *Султанов заключаешь в клетку.* Державин имеет в виду турецкого султана Баязета (1347—1403), который был захвачен в плен и посажен в клетку Тамерланом. *На казнь выводишь королей.* «Разумелся тогда английский король Карл I, а после может служить и Людовик XVI» (Об. Д., 623). Карл I был казнен в 1649 г., во время английской революции. Людовик XVI был казнен во время

Великой французской буржуазной революции в 1793 г. *Раба творишь владыкой миру.* «Тогда разумелся Надир, из разбойника сделавшийся шахом персидским, а после и Наполеон может служить примером» (Об. Д., 623). Надир стал шахом в 1736 г. *Как нет кикиморов явленья.* «В непросвещенные времена России верили, что есть лешие, домовые и кикиморы, из коих первые духи лесные, вторые живущие в конюшнях, а третьи по избам, за печками» (Об. Д., 623). *Девиц и дам магнизируешь.* В конце XVIII в. получило популярность учение о присутствии в человеке особой магнетической силы — так называемом «животном магнетизме». Магнетизм был «в великом употреблении» в 1780-х гг., «так что генерал-майорша Ковалинская публично делала опыты, дозволяла к себе приходить, когда она находилась в сем таинственном усыплении, делала разные прорицания и читала молитвы» (Об. Д., 623). *Из камней золото варишь.* Масоны пытались возродить средневековую алхимию, в особенности «учение» о «философском камне», с помощью которого якобы можно было любой минерал превратить в золото. В частности, Державин имеет в виду гр. А. С. Строганова, «который хотел быть великим алхимистом» (Об. Д., 623). *Полна земля вся кавалеров И целый свет стал бригадир.* Кавалер в данном случае означает «награжденный орденом». Бригадир — чин в русской армии XVIII в. (выше полковника, но ниже генерала). «Во времена прежние... награждались орденами чрезвычайно редко по особливому благоволению государей и за заслуги; но с 1782 г., когда учрежден был владимирский орден, таковые украшения на многих появились, и также бригадирами из гвардии полков многие молодые люди отставлялись, а при Петре В. почти законом было, чтоб стариков только из гвардии капитанов каждого полка в год по одному отставлять с бригадирским чином» (Об. Д., 624). *Стамбулу бороду ерошишь* и т. д. и следующая строфа описывают «счастливые военные действия России и политические выгодные для России союзы, в которых императрица (Екатерина II. — *В. З.)* брала пред всеми в Европе перевес, так что под ее лицом должно понимать Счастие» (Об. Д., 624). Державин имеет здесь в виду следующие события: вторую русско-турецкую войну 1787—1791 гг. и победу русских войск под Очаковом зимой 1788 г.; присоединение Крыма к России (Тавр, Таврида — древнее название Крыма); русско-шведскую войну, начавшуюся в 1788 г.; переговоры и слухи о заключении союза с Пруссией и Голландией; попытку английской королевы Софии-Шарлотты обеспечить себе поддержку русского правительства в 1788 г., когда она добивалась отстранения от престола Георга III, время от времени страдавшего помешательством (фижмы — род женской одежды XVIII — нач. XIX вв., юбка с широким каркасом в виде обруча); союз с Польшей; союз с Австрией в войне с турками, неудачные действия австрийских войск и радость венского двора при известии о взятии Очакова; переговоры о союзе с Францией и Испанией; двуличную политику датского правительства, которое, вступив первоначально в союз с Россией против Швеции, заключило с последней перемирие; в связи с этим Екатерина написала датскому королю и наследнику крайне резкие письма («На Копенгаген иней сеешь»); противодействие России намерению Пруссии захватить «вольный город» Гданск (Данциг); враждебные отношения к Венеции и Мальте, правительства которых

были под английским влиянием; поддержку антипапской политики Неаполя. *В те дни, как все везде в разгулье.* «Написана сия ода якобы на масляннице, когда всякие терпимы бывают народные забавы; то под сим предлогом изображаются разные народные проказы, роскошные пиршества, игры и проч.» (Об. Д., 624). *Пунтируют* (понтируют), *трантелево* — карточные термины. *Ерихонцы.* «Под Ерихонцами... здесь разумеются подьячие» (Об. Д., 624). *Весь мир стал полосатый шут.* «Вкусы и нравы распестрились от чрезвычайного обращения с иностранцами и в великой моде были тогда полосатые фраки» (Об. Д., 624). *Мартышки в воздухе явились.* Выпад против московских мартинистов (см. выше, стр. 375). Екатерина II в своих комедиях «Обольщенный» и «Обманщик», направленных против московских масонов-мартинистов, называла их в издевку «мартышками». Державин объяснил впоследствии свой выпад так: «Мартинисты хвалились, что они видят в воздухе духов, с коими якобы они обращались» (т. е. общались. — *В. З.*) (Об. Д., 624). *По свету светят фонари.* Возможно, Державин имеет в виду французскую просветительскую материалистическую философию XVIII в. (И. И. Шувалова он называл «фонарем, или просветителем» — см. выше, стр. 373). Вероятнее другое толкование: под фонарями имеются в виду иллюминаты, другое течение в масонстве, политической целью которого была замена монархического правления республиканским. *Витийствуют уранги в школах.* «Уранги (т. е. орангутанги. — *В. З.*) — большие обезьяны; то относится сей стих на народное училище, где простолюдины говаривали на кафедрах речи, как то и в Тамбове во время открытия народного училища говорил однодворец речь, которую сочинил не он, а автор» (т. е. Державин. — *В. З.*) (Об. Д., 624). Державин имеет в виду П. М. Захарьина (см. выше, стр. 381). *Сидят мишурные цари.* «Тут разумеются наместники, которых все почести хотя зависели от мановения императрицы, но они чрезвычайно дурачились, представляя ее лицо, сидя великолепно на тронах, когда допускали к себе при открытиях губерний народных депутатов и выбранных судей» (Об. Д., 624). Вероятно, Державин имеет в виду И. В. Гудовича, генерал-губернатора («наместника») Тамбовской и Рязанской губерний, под начальством которого Державин одно время служил. *В те дни, как мудрость среди тронов* и т. д. «В делании макаронов упражнялся испанский король, а в слесарной французский, Людовик XVI; под именем же Мудрости, управляющей многими царствами, разумеется императрица» (Об. Д., 624). *И припевает хем, хем, хем!* Державин имеет в виду «Были и небылицы» Екатерины II (см. выше, стр. 378). «Хем, хем, хем» — кашель дедушки, одного из главных персонажей этого произведения, который зачастую выражал мысли самой Екатерины. *Нельзя ни в сказках рассказать* и т. д. В Изд. 1798 г. и в 1 т. Изд. 1808 г. эта и следующие строки напечатаны иначе:

Ни в сказках складно рассказать,
Ни написать пером красиво,
Изволит милость проливать,
Изволит царствовать правдиво...

Так же печаталось и во всех последующих изданиях (в том числе у Грота и у Гуковского). Однако в личном экземпляре издания

1798 г. Державин исправил эти четыре строки так, как напечатано в тексте. При подготовке же издания 1808 г. этого экземпляра с поправками у поэта под рукой не оказалось, и ода ошибочно была напечатана по невыправленному тексту. *А разве кое-как вельможи... Тузят иного иногда.* «Сим автор показывает, что без всякой вины, а только по одной привязке вельмож был он удален от губернаторства в Тамбове» (Об. Д., 625). Державин был смещен с губернаторского поста и отдан под суд по проискам его начальника и врага И. В. Гудовича, которого поддерживали П. В. Завадовский и др. вельможи. *Без лат богатырям и в латах.* В начале русско-шведской войны Екатерина II написала два памфлета на шведского короля Густава III — сказку и оперу, объединенные в одной книге: «Сказка о Горе-богатыре Косометовиче и опера комическая, из слов сказки составленная» (СПб., 1789). *Она перун к странам железным... Несет на лунно государство.* «То есть ведет войну со Швециею и с Турками» (Об. Д., 625). Швеция была в то время передовой страной по производству железа и стали. *В мороз камины возжигает, Дрова и сено запасает.* «При театрах и на сборных площадях для согревания народа в жестокие морозы были сделаны камины (разжигались костры — *В. З.*) и устроены не токмо хлебные, но и дровяные и сенные запасные магазины для бедных людей» (Об. Д., 625). *Марьяж* — карточный термин (король и дама одной масти). *Горе-богатырь* — «имя неудачного витязя» (Рукоп. отдел ГПБ, F. XIV. 16, стр. 408) — см. также выше. *Не страстны мной, как прежде, музы; Бояра понадули пузы, И я у всех стал виноват.* «Автор шутит над собою, что похвалой императрице прослужился у всех вельмож, и потому думает, что и музы ему, как прежде были, не благоприятны стали» (Об. Д., 626). Сатирические выпады Державина против «мурз» в «Фелице» и др. стихотворениях создали ему много врагов среди вельмож (кн. Вяземский и др.). *Гудок гудит на тон скрыпицы И вьется локоном хохол.* Под «гудком» подразумевается И. В. Гудович, «человек ума посредственного, но по благоприятству счастия имеющий важные должности; а под хохлом гр. Безбородко и прочие малороссияне, знатные роли счастливо игравшие, ибо всех малороссиян в простонародьи называют хохлами» (Об. Д., 626). Гудок — старинный народный струнный инструмент, особенно распространенный в XVIII в. на Украине (Гудович был родом украинец). Скрыпица — скрипка. *Иль легкий шар Монгольфиера.* Братья Монгольфье изобрели в начале 1780-х гг. воздушный шар, «которому Счастие здесь тем уподобляется, что упадает куды случится» (Об. Д., 626). *Жить буду в тереме богатом* и т. д. «Сии стихи относятся к гр. Петру Васильевичу Завадовскому, который из казачьего рода, быв в канцелярии гр. Румянцева, прославился сочинением пышных от него реляций и педантическим слогом указа при издании учреждения о управлении губерний и прочими речами, от лица сената императрице говоренными. Он вошел в родство через брак к большим боярам и в роскошных пирах повторял часто известную оду Горация, которая начинается Беатус, то есть Блажен» (Об. Д., 626). П. В. Завадовский (1739—1812), «который был Гудовичу не токмо земляк и родственник..., но и старинный друг» (Грот, 6, 595), вместе с Вяземским сумел добиться отдачи Державина под суд. «Beatus» («Блажен») — одно из наиболее известных стихотворений Горация, с которым Дер-

жавин был знаком по подстрочному переводу Капниста. Впоследствии Державин переработал это стихотворение Горация «на русский лад» (см. стих. «Похвала сельской жизни»).

Философы, пьяный и трезвый (стр. 130). Впервые — «Московский журнал», 1792, № 3, стр. 301, под заглавием «Песня роскошного и трезвого философа» и с припиской «Из Петербурга». Слово «роскошный» везде заменяло слово «пьяный» и в тексте. С переделками и измененным заглавием — Ан. п., стр. 110. Печ. по Изд. 1808 г., т. 3, стр. 127. «Соч. в Пб. 1789 без всякой цели. Напеч. в «Московском журнале» в том же или в последующем годе» (Об. Д., 719). Правда, в одной из позднейших рукописей есть пометка «1782», но, по-видимому, это ошибка, так как, по указанию поэта, стихотворение напечатано вскоре после написания. Державин пытался продолжить стихотворение, однако не довел работу до конца. Более или менее завершена была лишь первая новая строфа — реплика пьяного философа:

Хотел я сделаться вельможей
И при лице царей служить,
Усердно чтить в них образ божий
И им лишь правду говорить.
Но видел: с верностью служить
Нельзя им.....
А должно их всегда хвалить,
Подчас обманывать и льстить.

(Грот, 2, 264)

Законом правду тенетить — т. е. опутывать тенетами.

Праведный судия (стр. 132). Впервые — Изд. 1798 г., стр. 18, с подзаголовком: «Псалом 100. Милость и суд воспою тебе, господи». Печ. по Изд. 1808 г., т. 1, стр. 18. Ода была написана в Петербурге в 1789 г., когда Державин приехал туда после разбора его дела в московском департаменте сената. *Преподобье* — святость, праведность. *Изженутся* — изгонятся.

Изображение Фелицы (стр. 133). Впервые — «Новые ежемесячные сочинения», 1789, ч. 41, стр. 63, с посвящением: «Автор Фелицы тебе же, богоподобная, и изображение твое посвятить дерзает. Плод усердия, благодарности, покоя и свободы». Без посвящения — Изд. 1798 г., стр. 94. Печ. по Изд. 1808 г., т. 1, стр. 97. Отдельное издание вместе с переводом на немецкий язык, сделанным Коцебу, — Ревель, 1792. В 1789 г. Державин был под судом сената. Ему не оставалось ничего больше, как обратиться к помощи его таланта. Он написал эту оду, был допущен к императрице, однако «место» по службе получил лишь в 1791 г. Основная мысль оды отчасти перекликается с «Разговором с Анакреоном» Ломоносова (заключительная пара стихотворений). *Рафаэль* Санти (1483—1520) — великий итальянский художник эпохи Возрождения. Наиболее известная его картина — «Сикстинская мадонна» («изобразитель божества»). *Богоподобная царевна* — Фелица, т. е. Екатерина II.

Одень в доспехи, в брони златы И в мужество ее красы. «Сим изображается восшествие на престол императрицы, когда она, в воинском одеянии, ехала на белом бодром коне, сама предводительствовала гвардиею, имея обнаженный меч в руке» (Об. Д., 611). В 1762 г. гвардия, руководимая сторонниками Екатерины — братьями Орловыми, Пассеком и др., — свергла с престола императора Петра III. Державин, служивший тогда солдатом Преображенского полка, был очевидцем и участником этих событий. *Поднес бы скиптр ей и венец.* «Сей стих относится к избранию и возведению ее на престол единогласно гвардиею и всеми войсками, потом и всей империею» (Об. Д., 611). *Седый Норд* — Россия. *Свободой бы рабов пленила.* «Она подтвердила манифест супруга своего Петра III о вольности дворянства, что <дворянин>, прослужа офицером год, мог оставить службу, когда хотел» (Об. Д., 611). *Престол ее на скандинавских* и т. д. «Окружное описание границ Российской империи: а на сорок двух столбах — что тогда было 42 губернии» (Об. Д., 611). *Скрыжаль заповедей святых.* Имеется в виду «Наказ» Екатерины II (см. выше, стр. 377). *Чтоб люди дики, отдаленны* и т. д. «Сим изображается созыв всех народов, по Российской империи обитающих, для сочинения законов, от коих были присланы депутаты от каждой области по 2 человека, даже из самых отдаленнейших краев Сибири, как то: камчадалы, тунгузы, калмыки и проч.» (Об. Д., 612). *Финн... гунн...* — «Финны и гунны — северные и восточные главные народы, из коих Россия составилась» (Об. Д., 612). *Халдеям, новым чудотворцам* и т. д. Имеются в виду масоны («халдей» здесь означает «волхв, чародей»). *Махать* — кокетничать, волочиться. *Хаос на сферы б разделился.* См. прим. к «Фелице» на стр. 376. *Чтобы с ристалища мне громы И плески доходили в слух.* «Изображение карусели (турнира. — *В. З.*), бывшего в 1766 г., в котором рыцарские подвиги представлены были» (Об. Д., 613). *И зрел бы я ее на троне* и т. д. «Изображение величества ее на престоле и самодержавного ее могущества, что всем сама она управляла...» (Об. Д., 613). *В диване зрелись, как цари.* «Под диваном здесь надо понимать сенат, а под мурзами, пашами и визирями сенаторов и прочих, служащих с ними» (Об. Д., 613). Диван — высший государственный совет в Турции. *Почто писать уставы, Коль их в диванах не творят?* — «Изречение Петра Великого, что не надо писать законов, коль их не исполнять; сие подтверждала в указах императрица несколько раз» (Об. Д. 613). *Чтоб совесть всюду председала* — намек на учреждение так называемых «совестных судов». *Чрез почту письма к ней писать.* Екатерина разрешила обращаться к ней по почте, но только дворянам и купечеству. Крестьянам же вообще было запрещено подавать императрице какие бы то ни было прошения или жалобы. *Зороастров истукан* — бюст, статуя Зороастра (Заратуштры) — мифического мудреца, основателя восточной религии, так называемого зороастризма. В данном случае Державин разумеет Петра I (то же в строфах 40 и 49), бюст которого стоял в кабинете Екатерины. *Самодержавства скиптр железный Моей щедротой позлащу.* «Сим означается снисходительное правление...» (Об. Д., 614). Эти два стиха были вычеркнуты цензурой при подготовке Издания 1798 г. Державин, незадолго перед этим согласившийся на исключение из книги нескольких стихотворений (см. Грот, 6, 80), пытался возражать. Он

обратился к куратору Московского университета, в типографии которого печаталась книга, Ф. Н. Голицыну, с просьбой добиться от генерал-прокурора кн. А. Б. Куракина разрешения напечатать эти стихи. Голицын, по-видимому, ничего не предпринял, и 3 марта 1798 г. Державин сам написал генерал-прокурору. Куракин доложил об этом деле императору Павлу I. Резолюция Павла, записанная рукой Куракина на письме Державина, сохранилась в делах Тайной экспедиции (ЦГАДА, Госархив, р. VII, № 3271, л. 2): «Государь император приказать соизволил внушить господину Державину, что по искусству его в сочинении стихов подчеркнутые бы переменил, чтоб получить дозволение сочинении его напечатать» (не вполне точно опубликовано у Грота, 6, 81). Неизвестно, «внушали» ли Державину приказание императора, но в Издании 1798 г. на месте этого двустишия — пробел. Однако поэт вписал в несколько экземпляров запрещенные два стиха (например, в экземпляры ЦГАЛИ, ф. 180, ед. хр. 3, ГПБ, 18.45.5.6 и др.) *Свинцова грифеля чертами.* Графитный карандаш в России вошел в употребление приблизительно с конца XVIII в., а до этого пользовались свинцовыми палочками, вделанными в деревянную оправу. *Чтоб сей рекой благодеяний Покрылась вся ее страна.* «Сим изображается учреждение ею народных больниц, богаделен, сиротских воспитательных домов, которых, а особливо последних, до царствования ее совсем в России не было» (Об. Д., 615). *Орлы младые разбудились.* В этой строфе Державин говорит о «воспитании военного юношества». *Так в царство бы текли Фелицы Народы из чужих краев.* При Екатерине II саратовские степи были колонизированы выходцами из Германии. *Царя великого поставить Велела на мольбу орде.* Речь идет о памятнике Петру I работы Фальконе (открыт в 1782 г.) — так называемом «Медном всаднике», на постаменте которого написано по-латыни и по-русски: «Петру Первому Екатерина Вторая». Следующая строфа посвящена тому же событию. *Чтоб зреть ее цари пришли.* К Екатерине II приезжали шведский король Густав III, немецкий император Иосиф II, польский король Станислав-Август, прусский принц Генрих, прусский принц Фридрих-Вильгельм и др. *Соломон* — библейский царь-мудрец. *Великой бы ее нарек.* Комиссия по составлению нового уложения поднесла Екатерине титулы «Великой», «Премудрой» и «Матери отечества», от которых Екатерина демонстративно отказалась (см. выше, стр. 376). *Исполин* — Россия. *Полсвета* — Россия. *Без ужаса пила бы яд.* Первый в России опыт оспопрививания Екатерина приказала проделать на себе; затем оспа была привита ее сыну, Павлу Петровичу. *Младенцев миллионы вдруг.* «Сим изображается картина младенцев, которые спаслись от смерти прививанием оспы» (Об. Д., 615). После первых удачных опытов оспопрививания на самой императрице и ее сыне «оспенные дома» были заведены во всех губерниях. *Стоглаву гидру разъяренну И фурий от земель своих.* «Под стоглавой гидрой разумеются внутренние бунты и мятежи, произведенные известным разбойником Пугачевым; а под фуриями — мор и глад, тогда же бывшие, которые попечительными и премудрыми учреждениями государыни скоро прекращены» (Об. Д., 615). *Сребролунно государство* — Турция. *Железно-каменное царство* — Швеция. В 1789 г., когда Державин писал «Изображение Фелицы», Россия воевала с обоими этими государствами (вторая турецкая война 1787—1791 гг.

и война со Швецией 1788—1790 гг.). Лев изображен в шведском гербе. *Никто в бою им не равнялся, кроме души великой их.* «Подлинные речи одного шведского вице-адмирала (графа Вахтмейстера. — *В. З.*), взятого в плен на морском сражении адмиралом Грейгом» (в битве при о. Гогланде 6 июля 1788 г., в которой русская эскадра под командой С. К. Грейга одержала победу над шведским флотом. — *В. З.*) (Об. Д., 616). *Как страшна буря вдалеке.* В этой строфе речь идет о Тешенском мире (1779), заключенном между Австрией и Пруссией после того, как Екатерина пригрозила, что пошлет русские войска на помощь Пруссии (Об. Д., 616). *И самое недоуменье Ей плесков поднесло в венец.* Державин намекает на комедию Екатерины «Недоразумение», первые представления которой состоялись в начале сентября 1789 г. *Щедроту, славу и любовь.* «Ежели бы страсти сии во всяком случае оказывались по правосудию, то бы были они добродетели; то для того автор и именовал их, чтобы ничего не скрыть, до изображения сей государыни касающегося» (Об. Д., 616). То есть Державин в завуалированной форме намекает на расточительство, честолюбие и распущенность императрицы. Впрочем, возможно, что такое объяснение — результат позднейшего переосмысления поэта, происшедшего после того, как он вблизи вместо «идеала» увидел «подлинник человеческий с великими слабостями». *Мурза в в восторге, в удивленьи* и т. д. и следующая строфа. Державин имеет в виду себя самого. Речь идет о тех обстоятельствах, в которых оказался поэт после отрешения с поста тамбовского губернатора. *Бросай кто хочет, — остры стрелы От чистой совести скользят.* «Как автор имел много недоброжелателей из знатных людей, которые его явно гнали (т. е. преследовали. — *В. З.*) и тайно оклеветывали, то и не хотел отмщать какой-либо сатирою, а довольствовался петь, им в досаду, государыне похвалу, не страшась за правду зла» (Об. Д., 616).

К Эвтерпе (стр. 146). Впервые — «Московский журнал», 1791, № 4, стр. 3, под заглавием: «Ода к Эвтерпе, по случаю пляски, бывшей на мызе у Ивана Ивановича Шувалова 1789 г. августа 24 дня». С поправками — Ан. п., стр 57. Печ. по Изд. 1808 г., т. 3, стр. 63. Сочинено «на случай частного посещения князем Таврическим Потемкиным Марьи Львовны Нарышкиной..., которая пела и играла на арфе» (Об. Д., 715). *Эвтерпа* — «муза песни и оперы» (Об. Д., 715). *Голиаф пред ним падет* — т. е. Потемкин победит Турцию. Во время второй турецкой войны Потемкин командовал русской армией, действовавшей против турок. Голиаф — библейский великан, побежденный пастухом Давидом, который впоследствии стал царем. Возможно, Державин намекает на судьбу самого Потемкина, который из небогатого и незнатного дворянина стал всесильным правителем России. *И венец ему лавровый* — т. е. венец победителя. *Кубариться кубарем* — см. выше, стр. 379. *Горем быть богатырем* — см. выше, стр. 387. *Марс устанет — и любимец Счастья возьмет свой покой.* Державин намекает на возможность брака М. Л. Нарышкиной с Потемкиным, а также на слухи о постепенном отстранении Потемкина от власти при новом фаворите П. А. Зубове.

На коварство французского возмущения и в честь князя Пожарского (стр. 147). Впервые — Изд. 1798 г., стр.162, под заглавием: «На коварство во время возмущения французов, к чести князя Дмитрия Михайловича Пожарского, яко укротителя междоусобия и утвердителя монаршей власти». Печ. по Изд. 1808 г., т. 1, стр. 178. Об истории создания оды сам Державин писал: «Так как всякая несправедливость сильным образом, как бы какая болезнь, даже физически поражала автора, то, читая древнюю и новую историю и упражняясь сам в делах, видел, каким образом коварство сильных людей закрывает свои ухищрения, выдает самые гнусные деяния за добродетельные, — исполнен был горячими чувствованиями против того и также против деспотизма: то долгое время собирал мысли к объяснению подобных дел. Наконец написал сию оду по отлучении его от тамбовского губернаторства, в Петербурге (т. е. во второй половине 1789 г. — *В. З.*). Но как нельзя было ее тогда сделать известною, дабы не подать никакого подозрения правительству, что тут против него было писано, то и скрывал ее до 1790 года. А как тогда открылась французская революция и можно было против тиранства и коварства их говорить, то и сделал ее известною, с осторожностью однако тою, что в 28 строфе употребил мысли Тацита о свободе мыслить, отнеся оное к милосердию предержащей тогда власти, а притом переменя в 5-м куплете речи: вместо «любить прельстило ложну», сказал: «злую славу», а вместо «под игом рабску жизнь» сказал: «жизнь безначальную в спокойство», и приготовясь отвечать, если б спросили, что он разумел под равенством свободы? то бы он сослался на наказ императрицы, данный Комиссии проекта нового уложения, где сказано, что о ней иначе разуметь нельзя, как только в том, что исполняются законы, а именно: 1) в правосудии всякому лицу, а 2) в хотении того, что закону не противно» (Грот, 9, 240—241). Впрочем, по справедливому замечанию Я. К. Грота, «в оде очень мало отношения к французской революции и у Державина не было бы особенного повода говорить о Пожарском, если б он не хотел противопоставить его некоторым из русских вельмож своего времени» (1, 316). Окончательная редакция оды «На коварство» является одним из наиболее сильных гражданских стихотворений Державина. *Исчез его блаженства сад.* Имеется в виду библейская легенда об Адаме и Еве, совращенных дьяволом и изгнанных из «сада блаженства». *Не раз ты честность очерняло* — намек на обстоятельства, вызвавшие отстранение Державина от тамбовского губернаторства. *Невинность, равенство, свободу.* «Равенство и свобода здесь поставлены в том самом смысле, как и в Наказе о них сказано. Они нигде инде не существуют, как в том только царстве, где исполняются законы: первое — в правосудии всякому лицу; а вторая — в хотении того, что законам не противно» (примечание Державина в рукописи — см. Грот, 1, 318). *Агнец* (ягненок) — «символ кротости» (Об. Д., 628). *Под любострастный алкоран.* Коран, или Алкоран — «книга, содержащая закон магометанский, дозволяющая многоженство» (Об. Д., 628). В *Варфоломеев день тиран.* Державин имеет в виду так называемую «Варфоломеевскую ночь» под 24 августа 1572 г., когда около 30 тысяч протестантов («гугенотов») было перерезано католиками якобы по приказу короля Карла IX. *Цезарь* — Кай Юлий Цезарь (I в. до н. э.) выступил про-

тив республиканского правления древнего Рима. *Нерон* (I в. н. э.) — римский император. До вступления на престол и в первые годы своего правления выказывал себя «человеколюбивым», «смирным», приверженным интересам народа; впоследствии стал одним из наиболее жестоких императоров древнего Рима. Он убил свою мать, своих воспитателей и т. п. *Но им гремит народов плеск.* «Когда Цесарь по одержании победы при Фарсале, пролив реки крови граждан своих, а Нерон, по убиении матери своей Агриппины, торжественно вступал в Рим, тогда народ, как бы за какие полезные роду человеческому деяния, встречал их с радостными плесками и восклицаниями» (Об. Д., 629). *Расстриги, Кромвели, Надыры.* «Гришка Отрепьев, или Расстрига, известный похититель российского престола. Кромвель, тоже известный истребитель в Англии монархической власти и основатель нового образа республиканского правления. Надир-шах (Тамасп-Кули-хан), похититель скипетра Персидской империи» (Об. Д., 629). *Горорытство* — рудокопство. *Место лобно.* На лобном месте казнили и наказывали преступников. *Клятва вечна* — вечное проклятие. *Когда б Октавий козни злые* и т. д. «Кай Юлий Октавий, император римский (I в. до н. э. — I в. н. э. — *В. З.)*, домогся престола и утвердил себя на оном сперва кровопролитием и коварством; но, покоря Рим под единоначальную власть свою, щедростию и снисхождением приобрел любовь народа. Сенат почтил его именем Августа, т. е. величественного, а стихотворцы время царствования его назвали золотым веком» (Об. Д., 629). *И сирых гласу не внушишь.* Сирый — сирота, бедный. Внушить — внимать. *В душе и страстна человека Ее взывает глас от века.* В Изд. 1798 г. и в 1 т. Изд. 1808 г. читалось:

Когда есть долг у человека,
Ее в нем слышен глас от века.

В. В. Капнист приписал против этого стиха: «невнятно» (т. е. неясно). И. И. Дмитриев предложил свою редакцию:

Глас истины святой от века
Так наставляет человека...

Державин учел критику своих друзей и в личном экземпляре Изд. 1798 г. исправил эти два стиха, что по недосмотру не учтено в Изд. 1808 г. *Где Леониды, Аристиды?* и т. д. «Леонид, вождь лакедемонский (спартанский. — *В. З.)*, заслужил себе бессмертную славу, защищая с 300 воинов залив Термопильский (на самом деле — Фермопильский проход в горах. — *В. З.)* противу Ксерксовой армии, в десять тысяч раз его превосходящей. Аристид — полководец и казначей Афинской республики, прозванный п р а в д и в ы м; он заслужил себе бессмертие бескорыстною своею справедливостью. Со всем тем сей великий муж не избежал клеветы и осужден был остракизмом к изгнанию. Эпаминонд, славный полководец фивский, освободил отечество свое от ига лакедемонцев и был столько не самолюбив, что величайших своих качеств не признавал в себе только он один. Катон, славный римский сенатор, простирал любовь свою к отечеству до исступления, а добродетель до строгости. Публий Корнелий Сципион, прозванный Африканским, римский полководец, победивший Анни-

бала, Сифакса и Карфагену, а превосходнее всего то, что умел обладать своими страстями» (Об. Д., 630). *Пожарский, муж великий мой.* Пожарский был одним из любимейших исторических героев Державина. Около 1780 г. Державин начал большую поэму «Пожарский» (план ее и отрывок см. у Грота, 3, 469—473) и написал эпитафию «На гроб Пожарского». В данной оде он противопоставил Пожарского вельможам своего времени. Наконец, в 1805 г. Державин написал «героическое представление» «Пожарской, или Освобождение Москвы». В обращении «К читателю», приложенном к этой пьесе, Державин почти дословно повторил характеристику князя Пожарского, данную в оде «На коварство»: «Когда Пожарской, пренебрегши свое спокойствие и несмотря на раны свои, в смутное время принял на себя главное предводительство собранного войска; не поступил по тогдашним обычаям жестоко со злодеями, на убивство его покушавшимися; не прельстился богатством бояр, из осажденной Москвы им выпущенных; не обходился с пленниками сурово, как другие, которые их имение (т. е. имущество. — *В. З.*) ограбили, а самих лишили жизни; не принял короны, от народа ему поднесенной, как некоторые иностранные писатели и все обстоятельства утверждают, а возложил ее на наследника по крови царской, учредя монархическое правление, — то не был ли он Герой высшей степени, человек самый добродетельный, великий, каковых мало история представляет и каковым я его представляю, придав ему слабости, не победя которых, никто великим почитаться не может?» (Изд. 1808 г., т. 4, стр. 215—216). *Твой сильный глас, как Цицеронов.* «Цицерон, сенатор и консул, римский великий вития (т. е. оратор. — *В. З.*), прославился открытием заговора Катилины и спасением республики» (Об. Д., 630). *Нарэес* — полководец византийского императора Юстиниана, победитель готов. *Велизарий* — полководец Юстиниана, победитель Сиракуз, готов, вандалов, Рима, Неаполя и др. Готы, по преданию, поднесли ему корону, но Велизарий ее не принял. «Быв оклеветан, что будто домогается престола, лишен милости, брошен в тюрьму, ослеплен, скитался по миру, прося: «Дайте Велисарию полушку, которому зависть выколола глаза» (Об. Д., 630). *Катилина* (I в. до н. э.) — организатор заговора против Римской республики. *Бедемар* (Бедмар — XVI — XVII вв.) — испанский посланник в Венеции. Организовал заговор против Венецианской республики. *Мирабо и Лафайет* — выдающиеся деятели первого этапа Великой французской буржуазной революции 1789 г. *Пускай коварство Годунову* и т. д. «Борис Годунов, ближний боярин и брат царицы Ирины Феодоровны, супруги царя Феодора Ивановича, честолюбивыми своими происками и, наконец, опоением ядом царя Феодора и убийством царевича Дмитрия Иоанновича домогся всероссийского престола, имел великие качества государственного человека, издал многие полезные законы и учреждения, между прочими памятниками своими воздвиг известную колокольню Ивана Великого. . .» (Об. Д., 630—631).

На взятие Измаила (стр. 156). Впервые напечатано тремя отдельными изданиями: в Петербурге, Тамбове и Москве. Грот неверно предполагал, что напечатана ода была «все три раза. . . без означения места и времени» (1, 336). В «Реэстре российским книгам, продающимся в вольной тамбовской типографии 1793 года», зна-

чится: «Песнь (Лирическая) Россу по взятии Измаила. Тамб. 791. 35 коп.». Затем — «Новые ежемесячные сочинения», 1791, ч. 58, стр. 3. С изменениями в тексте и заглавии («Россу по взятии Измаила») — Изд. 1798 г., стр. 206. Печ. по Изд. 1808 г., т. 1, стр. 77 (см. также прим. к стих. «Оленину»). Эпиграф к оде взят из «Оды императрице Екатерине Алексеевне на ея восшествие на престол июля 28 дня 1762 года» Ломоносова (строфа 22). Оду правили друзья Державина Н. А. Львов, В. В. Капнист и И. И. Дмитриев. Некоторые поправки были приняты Державиным, но многие — отвергнуты. *Вождя веленьем.* Державин имеет в виду Г. А. Потемкина, командовавшего русской армией на юге. Непосредственным штурмом Измаила (11 декабря 1790 г.) командовал великий русский полководец А. В. Суворов. *Из трех сот жерл огнем дышали.* Русские войска взяли в Измаиле 285 пушек. *Пастырь вдохновенный Пред ними идет со крестом.* Первым на измаильские стены ворвался священник одного из полков (Об. Д., 610). *Стогны* — площади, улицы. *Всяк Курций, Деций, Буароз.* «Первый — всадник римский, бросившийся в разверзтую бездну, чтоб утишить в Риме моровое поветрие; второй — полководец римский, бросившийся в первые ряды, чтоб одержать победу над неприятелем; третий — капитан французский, влез во время бури на скалу вышиною в 80 сажень по веревочной лестнице и взял крепость» (Об. Д., 610). *Рог* — сила, могущество. *Пря* — раздор, распря, война. В данном случае «стихийные при» — «борьба стихий», ветра, наводнений и пр. *Тьма* — множество. *Персть* — прах, пыль. *И если приступ славен к Тиру* и т. д. «Александр Великий, отправившийся для покорения Персии, когда не мог взять на пути лежащего города Тира, то чтоб ближе подвесть стенобитные машины или тараны, запрудил он Тирский залив и взял город приступом» (Об. Д., 610). *Я вижу страшную годину* и т. д. Имеется в виду татарское иго. *Лжецарь коварный* — Лжедмитрий, Григорий Отрепьев. *Монархий света разрушитель.* «Разрушили Римскую монархию племена татарские и прочие северные обитатели, которые покорены напоследок россиянами» (Об. Д., 610). *Лишь твой орел луну затмил.* «Герб российский — Орел, а турецкий — Луна» (Об. Д., 610). *Поляк, турк, перс, прусс, хин и шведы.* «Соседние народы, окружающие Российскую империю» (Об. Д., 610). Хин — китаец. Прусс — пруссак. *Среда вселенной.* «Под сим разумеется Византия, или Константинополь, почитавшийся древними за центр земной» (Об. Д., 610). *Под ним плывут дремучи рощи.* «Под парусами многие суда, или флоты» (Об. Д., 610). *Иль мужа нека тень седая.* По-видимому, Державин говорит о «северном исполине», т. е. России вообще. *Как сосна, рында обожженна.* «Рында, дубина или палица, орудие древних княжеских придворных, которые и сами назывались рындами» (Об. Д., 610). Это объяснение явно ошибочно, ибо рынды (княжеские или царские телохранители) были вооружены серебряными топориками, а палица рындой не называлась. *Сидящая на ней царица.* Имеется в виду Екатерина II. *Олег* — киевский князь, завоевавший Царьград (Константинополь). *Ольга* — киевская княгиня, по преданию принявшая в Константинополе христианство. «Одним из лозунгов предполагавшегося завоевания Константинополя было восстановление в нем православия как правительственной религии» (Гуковский, стр. 447). *Ахеян спасть, агарян стерть.* «Ахеяне — греки, агаряне — турки»

(Об. Д., 610), т. е. освободить греков от турецкого владычества (Константинополь был столицей греческой Византийской империи). *Пророки, камни возглашают.* «В Византии находятся камни с надписями древних восточных народов, которые пророчествуют о взятии северными народами Константинополя; мистики находят о том пророчество в самом священном писании» (Об. Д., 610). *О! вы, что в мыслях суетитесь* и т. д. «Эта строфа относится преимущественно к Англии и Пруссии, которые оказывали самое сильное сопротивление видам России на Турцию» (Грот, 1, 357). *Темир* — Тамерлан (см. выше, стр. 377), «которого племена, будучи россиянами побеждены, защищают ныне Европу от варварских набегов» (Об. Д., 610). *Блюсть ваших от Омаров муз.* «Омар, зять Магомета, завоевавши Александрию, сжег славную библиотеку» (Об. Д., 611). *Афинам возвратить Афину.* «Т. е. город Афины возвратить богине его Минерве (в греческой мифологии — Афина. *В. З.*), под которою разумеется императрица Екатерина» (Об. Д., 611). *Град Константинов Константину.* «Константинополь подвергнуть державе великого князя Константина Павловича, к чему покойная государыня все мысли свои устремляла» (Об. Д., 611). *И мир Афету водворить.* Под именем Иафета, сына Ноя, бывшего, согласно Библии, родоначальником арийских племен, Державин разумеет Европу. *Великими людьми желанный!* «Генрих IV и многие другие большие люди желали всеобщий в Европе мир утвердить; на сей системе и поныне у многих голова вертится» (Об. Д., 611). *Архимед* (III в. до н. э.), «славный греческий механик, сказал, что ежели бы нашел место, где утвердить машину, то бы он, ввернув в землю кольцо, повернул всю вселенную» (Об. Д., 611).

Любителю художеств (стр. 166). Впервые — отдельное издание, СПб., 1791. Затем — «Московский журнал», 1791, № 2, стр. 137, под заглавием «Новый год, песнь дому, любящему науки и художества» и с подписью «***». С поправками, под заглавием «Песнь любителю художеств» и с примечанием «Музыка Бортнянского» — Изд. 1798 г., стр. 196. Печ. по Изд. 1808 г., т. 1, стр. 147. В «Московском журнале» куплеты, напечатанные нами в соответствии с Изд. 1808 г. обыкновенным шрифтом, имели заголовок «Хор», а напечатанные курсивом — «Ария». Стихотворение написано на новый год и на день рождения графа А. С. Строганова (1733—1811) — 3 января 1791 г. Строганов, крупный вельможа и промышленник, «имел знатное собрание картин, принимал хорошо упражняющихся в науках и после был главный директор императорской академии художеств» (Об. Д., 622). В это время Строганов был приятелем Державина, но впоследствии, в бытность Державина министром юстиции, их дружба прервалась из-за расхождения во взглядах на взаимоотношения и права дворянства и самодержавия. *С горы зеленой, двухолмистой* — т. е. с Парнаса. *Тифон* — великан-чудовище, побежденное Зевсом. Державин запамятовал или просто описáлся: Аполлоном был сражен дракон («ужасная змия») Пифон. *Ее белорумяны персты* и т. д. — «4-й куплет относится к Сафе и изображает лицо, характер и дарования первой жены автора» (Грот, 9, 242).

Анакреон в собрании (стр. 171). Впервые — в 1792 г. в «Описании празднества, бывшего по случаю взятия Измаила у его

светлости г. генерал-фельдмаршала и великого гетмана кн. Г. А. Потемкина-Таврического, в присутствии ее императорского величества и их императорских высочеств, в Петербурге в доме близ Конной гвардии, 1791 г. апреля 28 дня», составленном Державиным и изданном отдельной брошюрой в Петербурге, на стр. 20. С поправками — Ан. п., стр. 48 (в оглавлении прибавлено: «На любовные приветствия К. П. Т. во время торжества, бывшего» и пр.). Печ. по Изд. 1808 г., т. 3, стр. 51, с включением поправок, внесенных Державиным в личный экземпляр этого издания (впервые опубликованы у Грота, т. 1, стр. 421—422). В приготовлениях к грандиозному празднику, данному Потемкиным в Таврическом дворце, принял участие и Державин, которому было поручено написать «хоры». Поэт написал четыре хора, понравившиеся Потемкину, а после праздника составил подробное его «Описание». Стихотворение в Об. Д. датировано апрелем 1791 г., однако ясно, что написано оно позднее, так как самый праздник состоялся 28 апреля. В так называемой «казанской рукописи» Ан. п. стихотворение названо «Анакреону в собрании девиц» или «К Анакреону в собрании» и датировано 1792 г. *Во жемчужной колеснице.* В издании 1792 г. и в тексте стихотворения, включенном в состав «Описания торжества» в Изд. 1808 г., т. 4, стр. 41, после этого стиха был стих «Иль на аленьком листочке», пропущенный (возможно, по ошибке) в Ан. п. и в 3-м томе Изд. 1808 г. *Мальчик* — Амур (Эрот). *Паллада* — Минерва, богиня мудрости. Поскольку под Анакреоном Державин имеет в виду Потемкина, то под «Палладой», очевидно, скрывается намек на Екатерину II, охладевшую в это время к Потемкину.

Прогулка в Сарском селе (стр. 172). Впервые — «Московский журнал», 1791, № 8, стр. 125, с припиской: «Из Петербурга от неизвестной особы». С означением в заглавии даты: «1791 года, маия 3 дня» — Изд. 1798 г., стр. 226. Печ. по Изд. 1808 г., т. 1, стр. 253. «Сарское село» — так первоначально называлось в XVIII в. Царское село, ныне г. Пушкин (по имени финской деревни Саари-мойс, т. е. Верхняя мыза, на месте которой было создано Царское село). *И как между столпов И зданиев Фемиды.* Фемида (греч. миф.) — богиня правосудия. Под этим именем Державин разумеет императрицу Екатерину II. При Екатерине II в Царском селе, ее любимой резиденции, было возведено много новых зданий и установлены памятники в честь полководцев ее времени — Орловых, Румянцева, И. А. Ганнибала и др. *Пленира* — первая жена Державина (см. выше, стр. 368). *Багряным златом кровы.* Крыши царскосельского дворца были позолочены. Багряным — от лучей зари. *Карамзин.* Николай Михайлович Карамзин (1766—1826) — глава русского сентиментализма. Характерные черты нового литературного направления особенно ярко сказались в прозаических повестях Карамзина, склад речи которых во многом был еще близок стихам. В журналах и альманахах, издававшихся Карамзиным («Московский журнал», «Аониды» и др.), неоднократно печатались произведения Державина. Карамзин был хорошим приятелем Державина; в 1798 г. последний поручил ему «смотрение» за изданием первого тома своих сочинений, который выходил в Москве.

Памятник герою (стр. 174). Впервые — «Московский журнал», 1791, № 10, стр. 46, без подписи и со следующим примечанием Карамзина к заглавию: «Сие стихотворение, которое, конечно, будет приятно для всех читателей «Московского журнала», прислано от неизвестной особы при следующем письме: «Испросив позволения у автора издать в свет *Памятник герою*, имею честь препроводить список с оного к вам для напечатания в «Московском журнале». Сочинитель не хочет быть известен, подражая, может быть, скромной памяти героя, в честь которого сооружен им сей памятник. Да и в самом деле, имена писателей не столько нужны для потомства, сколько изображаемые ими современников своих знаменитые добродетели, которые долженствуют озарять грядущие племена в деяниях их». — Издатель, одолженный сим подарком, хотя и мог бы, но не смеет угадать сочинителя. К.». Почти одновременно вышло в свет отдельное издание стихотворения, тоже без подписи, но с обозначением: «Из „Московского журнала" 1791, октябрь», а в следующем, 1792 г. вышло еще одно отдельное издание с эпиграфом:

Друг человечества! Войною
Быть громким может и злодей,
Но славою блестят прямою
Подобны души лишь твоей.

В том же 1791 г. стихотворение было напечатано в Риге отдельным изданием вместе с переводами на немецкий и французский языки. Печ. по Изд. 1808 г., т. 1, стр. 126. Стихотворение посвящено князю Н. В. Репнину (1734—1801), русскому полководцу и победителю турок. Начало стихотворения совпадает с выражениями и мыслями, приписывавшимися Конфуцию (Кунгдзей — у Державина), знаменитому китайскому философу; по преданию, он был также поэт и музыкант. *Кин* — музыкальный инструмент, на котором якобы играл Конфуций. *Которая его вдыхала* — т. е. вдохновляла. *Он строг к себе и благ ко ближним.* «Сие относится к свойствам кн. Репнина, тогда таковым показующегося, когда он был Потемкиным содержан не в великом уважении; но опосле, в первых днях царства императора Павла, явился он совсем других свойств, т. е. обыкновенным царедворцем» (Об. Д., 618). *Благословись, Репнин, потомством!* Незаконный сын Репнина, известный поэт конца XVIII — начала XIX вв. И. П. Пнин (1773—1805), издал книгу «Вопль невинности, отвергаемой законами», в которой буквально проклял своего отца и законы Российской империи.

Ко второму соседу (стр. 176). Впервые — Изд. 1808 г., т. 2, стр. 196. Стихотворение обращено к полковнику М. А. Гарновскому, управителю Потемкина. В 1791 г. Державин купил дом на Фонтанке в Петербурге и начал капитально переделывать его. Соседний же дом строил Гарновский. Написано, вероятно, во второй половине 1791 г. *Колмогоры* (в Об. Д. — Холмогоры) — город в б. Архангельской губ., славящийся косторезным искусством. *Тивда* (или Тифдия) — река и деревня в б. Олонецкой губ., близ которой находились разработки мрамора. *Рифей* — Уральские горы. *Невски зеркала, фарфор.* На берегу Невы находился стеклянный завод и знамени-

тый фарфоровый (ныне завод им. М. В. Ломоносова). *Не шелк Баки, ни глазумея.* Через Баку в XVIII в. шла торговля шелками. «Глазомей, лучший цветочный китайский чай...» (Об. Д., 690). *Мне солнца застеняя свет.* Дом Гарновского был выше дома Державина. *И около, презренным взглядом.* «Презренным» в данном случае означает «презрительным». Когда Гарновский и Державин «строили свои домы, то поелику первый созидал великолепный дом, то он и презирал маленький, строенный автором, посматривая на оный с великим небрежением, ибо он был человек весьма гордый» (Об. Д., 690). *Навесить темный сад кедровый.* Гарновский замышлял устроить в своем доме висячий сад и фонтан. *Назначенны тобой царям.* «Такой великолепный дом Гарновский созидал в надежде, что купят его в казну для водворения какого-нибудь великого князя или великой княжны» (Об. Д., 690). *Во стойлы root конски обратят.* Державин как бы предсказал действительную судьбу дома Гарновского: при Павле I Гарновский был посажен в крепость, а в его доме были размещены конногвардейские конюшни. *И чтоб твой Феб светил век свету.* Феб (Аполлон) — бог солнца. В данном случае имеется в виду Потемкин. *Сокровищи Тавриды... Средь полицейских ссор?* После смерти Потемкина Гарновский пытался вывезти из Таврического дворца в свой дом многочисленные произведения искусства, но ему воспрепятствовал с помощью полиции А. Н. Самойлов, тогдашний генерал-губернатор, племянник Потемкина. *Хижина Петра.* Домик Петра I, до сих пор сохранившийся в Ленинграде. *Гробницы Матвееву принес.* Согласно легенде, боярин Артамон Матвеев (убит стрельцами в 1682 г.) был настолько любим народом, что «когда под строящийся им дом не могли найти камней под фундамент, то народ сбежавшийся собрал с гробов отцов своих каменья и принес ему с прошением, чтоб он принял их в знак усердия» (Об. Д., 691). *Иль плющем зарастет?* «Плющ, трава, символ любви к отечеству» (Об. Д., 691).

Скромность (стр. 178). Впервые — Ан. п., стр. 77. Печ. по Изд. 1808 г., т. 3, стр. 83. Первая редакция стихотворения состоит всего из 9 строк:

Тихий, милый ветерочек,
Коль порхнешь к моей любезной,
Скажи, что ты вздыханье,
Но чье, о том молчи.
Чистый, быстрый ручеечек,
Коль встретишься где с нею,
Скажи ей, что ты слезы;
Но кто их проливает,
О том ты не журчи.

Это буквальный перевод и даже с соблюдением размера подлинника (кроме 1 и 5 строк) девятистишия из кантаты «Amor timido» («Скромность любви» или «Любовная скромность») итальянского поэта XVIII в. Метастазио (с подстрочника, выполненного Н. А. Львовым):

Placido zefiretto,
Se trovi il car oggetto
Digli che sei sospiro;
Ma non gli dir di chi

и т. д.

(Подстрочный перевод: «Тихий ветерочек, если найдешь предмет моей любви, скажи, что ты вздыхаешь, но не говори, кто ты» и т. д.). Вторая редакция стихотворения Державина уже не столько перевод, сколько самостоятельное произведение, как в отношении ритмики, так и по содержанию (две последние строфы прибавлены Державиным).

Водопад (стр. 178). Впервые — Изд. 1798 г., стр. 312. Печ. по Изд. 1808 г., т. 1, стр. 229. 5 октября 1791 г. умер выдающийся государственный деятель, полководец и фаворит Екатерины II князь Г. А. Потемкин. Вскоре после этого и было начато стихотворение. И. И. Дмитриев сообщает, что Державин начал писать «Водопад» еще до смерти Потемкина (см. Записки И. И. Дмитриева в «Сочинениях И. И. Дмитриева» под редакцией А. А. Флоридова. СПб., 1893, т. 2, стр. 36), однако это свидетельство весьма спорно (Дмитриев говорит, что в год их знакомства Державину было 50 лет и т. п.). Первая редакция оды (она до нас не дошла) состояла из 15 строф, но Державин, очень долго работавший над ней, довел ее до 74 строф. Завершение окончательной редакции «Водопада» относится к концу 1794 г. Ода Державина написана под значительным влиянием так называемой поэзии Оссиана. В 1760 г. английский писатель Джемс Макферсон издал книгу, которая якобы содержала песни легендарного ирландского барда Оссиана. Книга Макферсона получила широчайшую популярность и явилась одним из первых проявлений предромантизма в европейских литературах. В 1792 г. в Москве вышел перевод этой книги, выполненный Е. И. Костровым. *Алмазна сыплется гора* и т. д. Державин описывает водопад Кивач на р. Суне. *Четыре скалы* — четыре порога этого водопада. *Стук слышен млатов по ветрам.* «Хотя Кончезерский завод (чугуноплавильный. — *В. З.*) лежит от сего водопада около 40 верст, но в сильную погоду по ветру слышно иногда бывает действие заводских машин, которые, смешавшись с шумом вод, дикую некую составляли гармонию» (Об. Д., 637). *Стекляна* — мелкие стеклышки, стеклянная пыль. Кивач никогда не замерзает, и зимой солнечные лучи, преломляясь в водяной пыли, превращающейся на лету в лед, «представляют весьма удивительное зрелище» (Об. Д., 637). *Волк, лань и конь* — олицетворение трех различных «свойств»: «под волком разумеется злоба, который от ужаса стервенеет или более ярится; под ланью кротость, которая робка при опасности, а под конем гордость или честолюбие, которое от препятств раздражается и растет» (Об. Д., 637). *Некий муж седой* — эта и следующие строфы имеют в виду Румянцева. *Повилика.* «Трава повилика — знак любви к отечеству» (Об. Д., 637). *Как вечер во заре румяной* — намек на возраст Румянцева и «символическое» использование его фамилии. Тот же прием применен в 25 и 26 строфах «Водопада», а также в оде «На смерть графини Румянцевой» и др. стихотворениях. *Поит надменных, кротких, злых.* «По вышеописанным свойствам зверей, автор и род человеческий разде-

ляет натрое, т. е. на злых, гордых и кротких» (Об. Д., 637). Кай Юлий *Цезарь* (I в. до н. э.) — римский государственный деятель, полководец и писатель. Он был убит в сенате заговорщиками-республиканцами, так как захотел превратить Рим из республики в империю. *Велизар.* Византийский полководец Велизарий (VI в.) был обвинен в заговоре, заключен в тюрьму и, по преданию, ослеплен. *Как в лаврах я, в оливах тек.* «Пред несколькими годами фельдмаршал гр. Румянцев, как победитель и благоразумный правитель губерний, ему вверенных, был почтен лаврами и оливами, но в последнюю турецкую войну, по проискам Потемкина, он не командовал главной армией, а оставался в резервной, весьма малочисленной, и жил недалеко от Ясс в маленькой деревне» (Об. Д., 638). *Ослабли силы, буря вдруг Копье из рук моих схватила.* «Буря или немилость императрицы, которая отняла у него власть и лишила побед» (Об. Д., 638). *Морфей* — бог сна. *Сошла октябрьска нощь на землю.* В ночь на 5 октября 1791 г. в степи, на пути из Ясс в Николаев, скончался Г. А. Потемкин. *Пред старцем преклонив рога.* В первой турецкой войне Румянцев одержал над турками ряд блестящих побед. Луна — турецкий герб. *Огнедышащи ограды* — каре, один из видов боевого построения войск, усовершенствованный Румянцевым. *Как волхв невидимый в шатре.* «Планы свои располагал по ландкартам, уединенно, в великой тайности, представляя неприятелям в слабых местах ложные силы, а на высотах большие отряды, как обыкновенно делают искусные вожди, обманывая своих неприятелей» (Об Д., 638). *Что орлю дерзость, гордость лунну* и след. «Орлю дерзость у янтарных, а гордость лунну у черных, т. е. пруссаков у Балтийского моря, а турок у Черного побеждал; первых в семилетнюю, а последних в первую турецкую войну» (Об. Д., 638). *Смирил Колхиду златорунну.* Державин ошибочно называет Колхидой Крым, который был «усмирен» во время первой турецкой войны. Колхидой древние греки называли черноморское побережье Кавказа, где, по преданию, у царя Эета хранилось золотое руно волшебного барана, приносящее счастье той стране, в которой оно находится. *И белого царя урон* и т. д. «Под белым царем разумеется царь православный русский; под границею рая вечернего река Прут, граничащая Молдавию от северных областей, на которой был окружен турками великий Петр, не имея провианту, и должен был уступить польскую Украйну и прочие места, — некоторые полякам, другие туркам, а гр. Румянцев своими победами отмстил ту победу с большими для России выгодами» (Об. Д., 638—639). *Триумфами превознесли.* «После первой турецкой войны великие оказываны были фельдмаршалу Румянцеву почести и деланы торжества на Ходынке и в прочих местах» (Об. Д., 639). *Стенанье филинов и сов.* «В простом народе почитаются за дурные предвестия крики филинов и сов и прочие такого роду естественные явления» (Об. Д., 639). *И самых жизнь врагов щадил.* Потемкин отпустил без выкупа всех взятых в Крыму пленников. *Не лучше ль менее известным, А более полезным быть.* Г. А. Потемкин сделал очень много и для возвышения России и для усиления русской армии. Но на личные увеселения, на «представительства» иностранным послам он истратил огромную сумму из государственной казны. *Сидит глубока дума в мгле!* «Сим стихом описывается изображение лица кн. Потемкина, на которого челе, когда он был в задум-

чивости, видна была глубокомысленность» (Об. Д., 639). *Обозревает царствы вдруг.* «Он имел обзорчивый и быстрый ум, стремящийся к славе, по следам которого разливалось военное пламя» (Об. Д., 639). *Две лепте покрывают очи.* Всесильный фаворит, крупнейший государственный деятель России Г. А. Потемкин умер в степи, в ночь на 5 октября, по пути из Ясс в Николаев. Почувствовав приближение смерти, Потемкин приказал вынести его из кареты и положить на траву. Тут, на травяной постели, он и скончался. «Гусар, бывший за ним, положил на глаза его две денежки, чтобы они закрылись» (Об. Д., 639). *Лепта* — мелкая греческая монета. «Две лепте» — архаическая форма, двойственное число. *Чей одр — земля...* Потемкин умер в степи под открытым небом. *Великолепный князь Тавриды.* Стараниями Потемкина к России был присоединен Крым (Таврида). В честь этого события Потемкин получил к своей фамилии почетную приставку-титул — «Таврический». *Северная Минерва* — Екатерина II. *Во храме муз друг Аполлона.* Потемкин покровительствовал многим поэтам и писателям своего времени, например Петрову. Державин также пользовался расположением Потемкина, хотя и бескорыстно. *Вознесть твой гром на те стремнины.* Имеется в виду Константинополь и завоевательные планы Потемкина, который хотел «избавить» Европу от турок. Далее (в следующей строфе) говорится о деятельности Потемкина по завоеванию юга России (присоединение Крыма, уничтожение Запорожской сечи) и колонизации его: «им населены губернии Екатеринославской и Таврической области; он пространные тамошние степи населил нивами и покрыл городами, он на Черном море основал флот, чего и Петр В<еликий> своим усилием, заводя в Воронеже и в Таганроге флотилии, не мог прочно основать; он потрясал среду земли, т. е. Константинополь, флотом, которым командовал под его ордером адмирал Ушаков» (Об. Д., 639). *Быть дивом храбрости самой?* «По взятии Измаила солдаты российские сами удивлялись своей невероятной храбрости, что имея короткие лестницы, а иные почти без оных, опираясь на штыки свои, взлезли на измаиловский страшный вал и взяли крепость сию штурмом» (Об. Д., 640). *Не шел ты средь путей известных, Но проложил их сам.* «Кн. Потемкин, а паче кн. Суворов мало надеялись на регулярную тактику, или правила, предписанные для взятия городов, но полагали удачу в храбрости и пролагали пути к цели своей изобретенными средствами при встречавшихся обстоятельствах, и потому многие искусные тактики удивлялись предводительству Потемкина, что он своим манером и, кратко сказать, русскою грудию приобретал победы» (Об. Д., 640). *Се ты, которому врата Торжественные созидали.* В честь побед русских войск на юге, которыми командовал Потемкин, в Царском селе в 1791 г. были поставлены триумфальные мраморные ворота. *Воспел победу Измаила.* Державин имеет в виду составленное им в прозе и стихах «Описание потемкинского праздника» (см. прим. к стих. «Анакреон в собрании»), а также оду «На взятие Измаила». В некоторых «песнях», вошедших в состав «Описания», Державин подражал «Пиндару, славному греческому лирику» (Об. Д., 640). *Где бездна разноцветных звезд.* Праздник в Таврическом дворце был великолепно иллюминован. «Считают, что в сей вечер горело 140 тысяч ламп и 20 тысяч свеч восковых», — писал один из современников (см. у Грота, 1, 40). *Полки твои осиротели.*

«По многим выгодам, деланным кн. Потемкиным солдатам, они его любили и кончину его оплакивали общим рыданием». (Об. Д., 640). *Потух лавровый твой венок, Гранена булава упала.* Лавровый венок, сделанный из бриллиантов, был пожалован Потемкину Екатериной за его победы. Булава — фельдмаршальский жезл и одновременно знак гетманства (с 1790 г. Потемкин был гетманом казацких екатеринославских и черноморских войск). *Меч в полножны войти чуть мог.* «Сей стих пиитическим образом сказывает, что мир только был при Потемкине начат, т. е. что меч еще был не совсем положен в ножны» (Об. Д., 640). *И муз ахейских жалкий звук* и т. д. Ахейские — греческие. Архиепископ Евгений Булгар написал на смерть Потемкина эпитафию на греческом языке, в которой Потемкин уподобляется Периклу, знаменитому государственному вождю, полководцу и покровителю наук и искусств древней Греции (V в. до н. э.). *Марон по Меценате рвется.* «Марон, или Виргилий, славный писатель латинский, в эклогах своих прославлял Мецената, любимца Августа, а г. Петров (В. П. Петров, 1736—1799, — одописец и переводчик. — *В. З.)*, переводивший Виргилия на российский язык, писал элегию на смерть кн. Потемкина, который его покровительствовал, как Меценат Виргилия» (Об. Д., 641). *На сребро-розовых конях.* «У кн. Потемкина был славный цуг сребро-розовых или рыже-соловых лошадей, на которых он на раззолоченном фаэтоне езжал в армии» (Об. Д., 641). *И в смертный черный одр упал.* «По погребении принца виртембергского, брата государыне императрице Марии (умер 13 августа 1791 г. Мария Федоровна — жена Павла, наследника престола. — *В. З.)*, скончавшегося в армии, когда кн. Потемкин вышел из церкви и хотел сесть в свой фаэтон, но, будучи в печальных мыслях, ошибся и сел на смертный одр, на котором привезен был в церковь принц, — опомнившись, чрезвычайно оробел, что и почли предвестием его смерти, а особливо тогда, когда случилась его кончина, ибо это пред нею незадолго последовало» (Об. Д., 641). *Мафусаила долголетье.* Библейский патриарх Мафусаил — самый долговечный из людей, он жил 969 лет. *Вкруг гроба Вейсмана лежат.* Барон Отто Вейсман фон Вейсенштейн, «славный генерал..., убитый в первую турецкую войну (22 июня 1773 г. — *В. З.*) за Дунаем, погребен в Измаиле, в котором было около 40 тысяч гарнизону (в то время как брал его штурмом Суворов), который весь порублен в сей крепости» (Об. Д., 641). *Столпы на небесах горят.* «Пожары, бывшие при взятии крепостей и при поражении турецких флотов, показывали в небе заревы в подобие огненных столпов» (Об. Д., 641). *Течет его и мерзнет кровь.* «Очаков штурмом был взят в Николин день, 6-го декабря, в такой жестокий мороз, что текущая из ран кровь тот же час замерзала» (Об. Д., 641). *Как ходят рыбы в небесах.* «В тихий ясный летний день бывают видимы в воде облака и развевающиеся флаги корабельные» (Об. Д., 641). *Перлова* — жемчужная. *Геройский образ оживляет.* «Многие почитавшие кн. Потемкина женщины носили в медалионах его портреты на грудных цепочках; то вздохами движа, его, казалось, оживляли» (Об. Д., 641). *Алцибиадов прах.* «По роскошной жизни здесь кн. Потемкин уподобляется Алцибиаду» (Об. Д., 641). Алкивиад — афинский государственный деятель и полководец V в. до н. э. *Ахилл* (Ахиллес) — герой древнегреческой мифологии и главный герой поэмы Гомера «Илиада». *Фирс.* «Фирс;

или Тирсис (Терсит. — *В. З.*)... превеликий трус, который, однако, осуждал Ахиллеса; отношение к кн. Зубову (Платону. — *В.З.*), который, счастьем приобретши его власть (т. е. Потемкина. — *В. З.*), осуждал иногда дела кн. Потемкина, но при восшествии на престол императора Павла показал, что сам не имел великой души» (Об. Д., 642). *Чтоб счастие доставить свету*. «Водопады, или сильные люди мира тогда только заслуживают истинныя похвалы, когда споспешествовали благоденствию смертных» (Об. Д., 642). *Разжженный гром и черный дым* — «т. е. разорение, происшедшее от честолюбия водопада и людей сильных» (Об. Д., 642). *И ты, о водопадов мать*. «Матерью водопада» Державин называет реку Суну, впадающую в Онежское озеро. «Относится сие к императрице, которая делала водопады, то есть сильных людей, и блистала чрез них военными делами, или победами» (Об. Д., 642).

На умеренность (стр. 191). Впервые — Изд. 1798 г., стр. 248. Печ. по Изд. 1808 г., т. 1, стр. 172. Первые четыре строфы стихотворения, по указанию самого Державина, посвящены его взаимоотношениям с императрицей, статс-секретарем которой он стал в декабре 1791 г. Екатерина II была недовольна «докладами» Державина, в которых он зачастую отстаивал справедливые, по его мнению, позиции, вопреки точке зрения самой императрицы и ее фаворитов. Начало оды отчасти представляет собой подражание Горацию (10-я ода III кн.). *Царств метафизикой не строя*. Эта и следующая строфы относятся «до французской революции, над которой он шутит, что философы тогдашнего времени метафизической души, воображая равенство и свободу, как пузыри возвышаются в своих мнениях, желая взлететь в горнее блаженство или иметь его на земле с грузом своим, то есть с плотью» (Об. Д., 627). *Пускай Язон с Колхиды древней* и т. д. «Под Колхидой разумеется Крым, а под Язоном князь Потемкин, приобретший его своей министерской расторопностью» (Об. Д., 627). Язон — герой древнегреческих мифов, который добыл в Колхиде (т. е. на Кавказе) золотое руно священного барана, приносящее счастье той стране, где оно находится. *Крез завладел чужой деревней*. «Обер-прокурор Зубов, отец фаворита императрицы, в то время отнял было нагло у Бехтеева (в рукописи фамилия пропущена, пробел восполнен Гротом. — *В. З.*) деревню, которую автор своей твердостию, представя сыну несправедливость отца, возвратил владельцу» (Об. Д., 627). Крез — древнегреческий царь VI в. до н. э., владевший огромными сокровищами. Имя его стало нарицательным для обозначения богача. *Марс откуп взял*. «Князь Долгорукий (Юрий Владимирович, полководец 1760-х — 1790-х гг. — *В. З.*) и граф Салтыков, генерал-аншеф, бывший потом фельдмаршалом, содержали винные откупа» (Об. Д., 627). *И царских сумм на святотатство*. Во время второй турецкой войны Потемкин растратил значительную сумму казенных денег на увеселения и любовниц. *Нет дел — играю на бирюльке*. Бирюлька — дудка, сопелка, свирель. Играть на бирюльке — заниматься пустяками, ничего не делать. «Императрица, занята будучи политическими и военными делами, неохотно занималась в последнюю турецкую войну гражданскими делами, а как автор был по части оных докладчик, то и не допущен бывал по неделе и по две» (Об. Д., 627). *Велел мне грамотки писать*. В это

время Державин был статс-секретарем императрицы. *Благословляю часть мою* — т. е. мою участь. *Я б душу не вертел рулеткой* — т. е. не кривил душой. *И шел к нему опять со вздором.* А. В. Храповицкий, другой статс-секретарь Екатерины, сообщает в своих записках, что императрица выразилась по поводу одного из докладов Державина: «Он со всяким вздором ко мне лезет» (Записки Храповицкого, М., 1902, стр. 229). «Императрица иногда скучала, что автор обременял ее докладами о правосудии и милости к бедным» (Об. Д., 628). *И у меня просить прощенья.* Согласно Об. Д., императрица нередко «прашивала у автора прощения», сознаваясь в своем несправедливом гневе на него (Об. Д., 628). *Не вдруг на похвалы пускался.* Екатерина неоднократно говорила Державину о том, что желает, чтоб он написал оду в духе «Фелицы», но поэт так и не выполнил ее желания (см. подробнее прим. к стих. «Храповицкому» на стр. 407). *Хотя б чрез шашни.* Державин имеет в виду П. А. Зубова, фаворита Екатерины, «который по любовным шашням сделался большим человеком» (Об. Д., 628). Далее и до конца стихотворения речь идет о Зубове. *Златых змей с башни.* Державин пишет, что Зубов любил пускать воздушных змеев с башен царскосельского дворца (Об. Д., 628). *Умей их не сронить и в буре.* «Т. е. умей при несчастии быть твердым; но он (Зубов. — *В. З.*) сего качества душевного не имел, а когда взошел на престол император Павел, то он так струсил, что жалко было на него смотреть» (Об. Д., 628). В рукописи при заглавии приписано: «К***», т. е., очевидно, «К Зубову» (см. Гуковский, 465).

К Н. А. Львову (стр. 194). Впервые — «Московский журнал», 1792, № 8, стр. 105, под заглавием «Ода к Н. А. Л.» и с припиской: «Из П. Б. (т. е. Петербурга. — *В. З.*) от неизвестной особы». В тексте вместо имени стояла только первая буква. Затем — Изд. 1798 г., стр. 244 (в тексте фамилия Львова полностью). Печ. по Изд. 1808 г., т. 1, стр. 226. Николай Александрович Львов (1751—1803) — близкий друг, а впоследствии и свойственник Державина (их жены были сестрами), известный архитектор, живописец, поэт и теоретик поэзии и искусства конца XVIII в., глава кружка, куда входили Державин, Капнист, Хемницер и др. Зачастую он правил стихотворения Державина, причем многие из его поправок были приняты последним. В начале 1790-х гг. Державин задумал издать свои сочинения с гравированными рисунками. Беловые рукописи 1 тома его сочинений были украшены акварельными иллюстрациями, выполненными А. Н. Олениным (см. ниже, стр. 440). Но общая идея иллюстрирования и значительная часть «программ» отдельных рисунков принадлежат Львову. *Не жмут, не гонят от двора.* «Автор был тогда статс-секретарем при императрице и чувствовал некоторые неприятности от приближенных к ней господ; а г. Львов тогда жил в деревне» (Об. Д., 636). *Градской своей подруге шьет.* Первая жена Державина, Е. Я. Бастидон, была дружна с М. А. Львовой (женой Н. А. Львова и родной сестрой второй жены Державина).

На птичку (стр. 196). Впервые — «Памятник отечественных муз», 1827, стр. 102. Стихотворение написано, по-видимому, в 1792 или 1793 гг., а не в 1791 г., как предположил Грот (3, 482),

ибо статс-секретарем Екатерины Державин стал только 13 декабря 1791 г. и оставался в этой должности по конец 1793 г. (см. прим. к стих. «Храповицкому» на стр. 407).

На смерть собачки Милушки, которая при получении известия о смерти Людовика XVI упала с колен хозяйки и убилась до смерти (стр. 196). Впервые — Гуковский, стр. 538 — вторая редакция, стр. 370 — третья. Стихотворение в его первоначальном виде написано не в 1792 г., как указывает сам Державин в одном из вариантов заглавия, а не раньше последних чисел января 1793 г., потому что Людовик XVI был казнен 21 января 1793 г. Державин неоднократно перерабатывал это стихотворение. Всего до нас дошло шесть вариантов трех разных редакций. В первом из них имя Людовика еще отсутствует.

НА СМЕРТЬ МИЛУШКИ

Прохожий, посмотри!
Упала здесь Милушка
И тотчас умерла;
Пример нам подала:
Что смерти все игрушка —
Собачки и цари.

(Арх. ГПБ, т. 22, л. 364)

Однако Державин перечеркнул написанное и на том же листке написал два варианта второй редакции. Третий вариант вошел в первый, собственноручный список «Части VII сочинений Державина», где значительно изменены и текст и заглавие стихотворения:

НА СМЕРТЬ МИЛУШКИ, ПОСТЕЛЬНОЙ СОБАЧКИ, ВО ВРЕМЯ ПОЛУЧЕННОГО ИЗВЕСТИЯ О НЕСЧАСТНОЙ КОНЧИНЕ ФРАНЦУЗСКОГО КОРОЛЯ ЛЮДОВИКА 16

Там с трона Людвиг пал,
А здесь с колен — Милушка.
Надменный смертный, зри!
Еще рок сильный показал,
Что все его игрушка —
Собачки и цари.

(Арх. ГПБ, т. 3, л. 145)

В следующем, 1-м абрамовском, списке «Части VII» появляется третья редакция этого стихотворения (пятый вариант). Весьма изменен и текст и заголовок: «На смерть Людовика XVI, короля французского, при получении о которой известия маленькая собачка упала с колен хозяйки и убилась до смерти, 1792 года» (там же, л. 201). Как уже сказано, эта дата ошибочна. В оглавлении этого списка название стихотворения сокращено: «На смерть Людовика XVI и собачки Милушки». Слова «Людовика XVI» зачеркнуты самим Дер-

жавиным. Окончательное заглавие и текст стихотворение приобретает во втором абрамовском списке (там же, л. 257). В 3-й строке, видимо, описка: «судеб».

Амур и Псишея (стр. 196). Впервые — отдельное издание в 1793 г. под заглавием «Песня». Затем — Изд. 1798 г., стр. 341, под заглавием «Амур и Психея». Печ. по Изд. 1808 г., т. 3, стр. 7. В большинстве рукописей и в двух первых печатных текстах имя — «Психея», в последних изданиях — «Псишея» (это созвучно с французским произношением этого имени: Psyché). По-видимому, так произносил это слово и сам Державин: в одном из экземпляров рукописи 1795 г. зачеркнуто заглавие («Амур и Психея») и рукой поэта сделана надпись вокруг рисунка (рисунок остался в рукописи, ибо Державин потребовал, чтобы вместо медальона с портретами Александра и Елизаветы была изображена античная статуя Амура и Психеи): «Амуру и Псишее» (Рукоп. отдел ГПБ, F. XIV. 16, л. 266). Стихотворение написано в начале мая 1793 г. (Дневник Храповицкого, М., 1902, стр. 250) на сговор великого князя Александра (будущего императора) с баденской принцессой Елизаветой (Луизой). Во время празднества по поводу сговора в игре «Заплетися плетень» «жених и невеста запутались в нем так лентою, что должно было разрезывать оную» (см. оглавление к Ан. п.). Песня была положена на музыку известным русским композитором В. А. Пашкевичем (ок. 1742 — ок. 1800).

Храповицкому («Товарищ давний, вновь сосед...») (стр. 197). Впервые — Изд. 1808 г., т. 1, стр. 317. А. В. Храповицкий (1749—1801) — литератор, приятель и сослуживец Державина (сперва по службе в Сенате, в данное время оба были статс-секретарями императрицы). «Храповицкий был хороший стихотворец и прозаический писатель, который ввел легкий и приятный слог в канцелярские дела» (Об. Д., 655). Храповицкий написал Державину стихотворное послание, в котором, выражая желание Екатерины, уговаривал его снова сочинять оды, восхваляющие императрицу (опубликовано у Гуковского, 485—486). О том же намекала и даже прямо говорила Державину и сама Екатерина. Однако поэт, познакомившись ближе с ее характером и делами, не мог и не хотел писать больше од в честь «владычицы киргизской», т. е. в духе «Фелицы». «Издалека те предметы, которые ему казались божественными и приводили дух его в воспламенение, явились ему, при приближении ко двору, весьма человеческими и даже низкими и недостойными великой Екатерины, то и охладел так его дух, что он почти ничего не мог написать горячим, чистым сердцем в похвалу ее» (Грот, 6, 654). «Не мог он воспламенить так своего духа, чтоб поддержать свой высокий прежний идеал, когда вблизи увидел подлинник человеческий с великими слабостями. Сколько раз ни принимался, сидя по неделе для того запершись в своем кабинете, но ничего не в состоянии был такого сделать, чем бы он был доволен: все выходило холодное, натянутое и обыкновенное, как у прочих цеховых стихотворцев, у коих только слышны слова, а не мысли и чувства» (там же, 693—694). *Вновь сосед.* Летом 1793 г. Державин и Храповицкий жили в царскосельском дворце. *И был — гудком — Давно мурза с большим*

усом. «Т. е. лестию больше бы нравился и получал награждения перстнями и прочими драгоценными вещами» (Об. Д., 655). Начиная с оды «Фелица», Державин зачастую называл себя мурзой. *Лучистый милый бог* — Аполлон, бог поэзии. *Экстракт* — краткое изложение судебного или следственного дела, прошения и т. п. *Был чтец и пономарь Фемиды.* «Т. е. докладчик и служитель богини правосудия, или императрицы» (Об. Д., 656). *Омофор* — полоса материи, надеваемая поверх облачения архиерея. «Отпуская грехи» исповедывающемуся, архиерей накрывал его омофором. *Якобий* — иркутский генерал-губернатор И. В. Якоби. Он был под следствием и судом по обвинению в том, что пытался разжечь войну между китайцами и Россией. Расследовав это дело, Державин установил невиновность Якоби. *Логинов* — И. В. Логинов, петербургский купец, незаконным путем получил откуп и крупную ссуду в 400 000 руб. от казны. Его дело разбиралось около 20 лет. Окончательно доказал его виновность Державин — вопреки генерал-прокурору Сената гр. Самойлову, покровительствовавшему Логинову. Имена Якоби и Логинова в изд. 1808 г. обозначены только начальными буквами.

Горелки (стр. 198). Впервые — Изд. 1808 г., т. 1, стр. 310. Летом 1793 г. Державин, бывший в то время статс-секретарем Екатерины, часто бывал и подолгу жил в Царском селе, резиденции императрицы. Вечером 15 июля в саду, где прогуливалась Екатерина, придворные стали играть в горелки и вовлекли в игру пятидесятилетнего поэта. Ему выпало ловить великих князей Александра и Константина Павловичей. Погнавшись за Александром, Державин поскользнулся «на покатистом лугу», сильно повредил себе руку и пролежал шесть недель в постели. «Сей столь непредвидимый неприятный случай и был политическим падением автора, ибо в сие время вошел было он в великую милость у императрицы, так что все знатнейшие люди стали ему завидовать; но в продолжение шести недель, на лечение его употребленных, когда он не мог выезжать ко двору, успели его осудить у императрицы, так что, появясь, почувствовал он ее равнодушие» (Об. Д., 653). *О! вы, рожденные судьбою* и т. д. Речь идет о великих князьях, внуках Екатерины, — Александре и Константине.

Меркурию (стр 199). Впервые — Изд. 1798 г., стр. 278, под заглавием «К Меркурию. В новый 1794 год». Печ. по Изд. 1808 г., т. 1, стр. 155. 1 января 1794 г. Державин был назначен президентом коммерц-коллегии «против его желания, ибо он никогда сей частью не занимался» (Об. Д., 623). *Меркурий* — бог торговли (коммерц-коллегия ведала вопросами торговли) и богатства (это не совсем точно, но так указывает сам Державин, разумея в третьей строфе под «златым богом» императрицу — см. Об. Д., 623). *Встречать с переднего крыльца.* К Державину, незадолго перед этим назначенному сенатором, ходило много посетителей, «но не с заднего крыльца, то есть со взятками» (Об. Д., 623). *За золото — солому чтет.* В доме Державина, построенном как «храмик», был зал, обитый соломенными обоями, сделанными его первой женой. *Среброчешуйну океану.* «Под сим изображается мореходство, приносящее богатство» (Об. Д., 623). *Позволь, как грянет гром* и след. «При императрице открывалась

и закрывалась таможня по пушечному выстрелу, когда били утреннюю и вечернюю зорю, то чтоб сие время мог бы он быть свободен в своих упражнениях» (Об. Д., 623). *Да, вместо виста и бостону.* Согласно занимаемому им теперь высокому положению, Державин должен был зачастую бывать вечерами во дворце и играть в карты, что любила Екатерина II (вист и бостон — карточные игры).

Мой истукан (стр. 200). Впервые — Изд. 1798 г., стр. 266. Печ. по Изд. 1808 г., т. 1, стр. 266. Стихотворение написано в первой половине 1794 г. в связи с тем, что скульптор Рашет изваял из мрамора бюст («истукан», «кумир») Державина. *Батыев и Маратов слава.* Для убежденного монархиста Державина одинаково «ужасны» и «кровожаждущий завоеватель России» Батый и «подписавший смертный приговор на Людовика XVI, короля французского» — Марат (Об. Д., 646). *До Герострата только шаг.* Герострат (IV в. до н. э.) сжег одно из «семи чудес» древности — храм Дианы в Эфесе, чтобы сделать свое имя бессмертным. *Пожарский, Минин, Филарет И ты, друг правды, Долгоруков.* Филарет — Федор Никитич Романов, отец Михаила, первого царя из династии Романовых. В литературе XVIII в. Филарет изображался русским патриотом, не согласившимся признать царем России католика, «для чего истязан был разными мучениями и содержался 9 лет в подземчой тюрьме в Польше, но, однако, не уступил в своей твердости» (Об. Д., 647). Кн. Я. Ф. Долгоруков (1659—1720) — один из ближайших сподвижников и советников Петра I, славившийся своим прямодушием и неподкупностью. Он, «ничего не убоясь, говорил правду, так что иногда государь Петр I от него бегал» (Об. Д., 648). В русской литературе XVIII в., как и позже, в поэзии Рылеева, Пушкина кн. Долгоруков был образцом прямодушного, смелого и неподкупного вельможи. *Румянцова лица ваятель.* Рашет изваял статую Румянцева во весь рост. *Хотя б я с пленных снял железы.* Державин имеет в виду освобождение им большого количества поволжских колонистов, взятых в плен восставшими пугачевцами. Далее он напоминает о своей службе в Сенате, где он «защищал сколько можно закон и правду, — отирал сиротские, вдовьи слезы», оправдывал невинных. «Наконец, при торжествовании с турками последнего мира, будучи статс-секретарем, читал на троне объявление об оном и награждения отличившимся в заслугах, а потому и был органом благ и мира» (Об. Д., 648). *В ее прекрасной колоннаде.* Камеронова галерея в царскосельском дворце, уставленная «бюстами славных мужей, между коими был и Ломоносов; то автор со временем думал иметь на это право» (Об. Д., 648). *Под сенью райских вкруг дерев.* «Осеняли ту колонладу великолепные раины, или род больших тополей» (Об. Д., 648). *Тот будет завтра въявь врагом.* «Как в то время потрясала уже французская революция троны, и наследника империи Павла примечалось неблагорасположение к императрице, матери его, то все сии обстоятельства и подали мысли автору к сему выражению, которое и исполнилось, ибо император Павел, восшедши на престол, все в колоннаде находившиеся бюсты приказал снять» (Об. Д., 648). *Доступим мира мы средины.* «Средина мира» — Константинополь. О планах русского правительства по завоеванию Востока — см. в прим. к оде «На покорение Дербента» (ниже, стр. 420). *Смотря на*

образ Марафона. «Мильтиад, вождь греческий и победитель при Марафоне, и здесь по этой победе назван сим именем» (Об. Д., 649). В Марафонской битве греки разбили персидское войско (490 г. до н. э.). *Зальется Фемистокл слезой.* «Фемистокл, тоже греческий вождь и победитель при Саламине, последователь Мильтиада, когда увидел изображение марафонской баталии, в честь Мильтиада написанное, то облился слезами, ревнуя его славе» (Об. Д., 649). *Отдаст Арману Петр полтрона.* «Когда Петр I был в Париже и увидел бюст Армана Ришелье (первый министр короля Людовика XIII, кардинал. — *В. З.*), то, обняв его, сказал, может быть, во угождение французам: «Великий муж! ежели бы ты был у меня, то я отдал бы тебе половину царства, чтобы ты научил бы меня править другой». Насмешники сказали: Тогда бы он отнял у тебя и другую» (Об. Д., 649). *В их урнах фениксы взродятся.* Т. е. дела и слава великого человека может побудить потомков к подвигам. Феникс — мифическая птица, возрождающаяся из своего пепла. *Его в серпяный твой диван.* Державин называет «диваном» диванную комнату, где, действительно, стояли изваянные Рашетом бюсты самого поэта и его первой жены.

На смерть Катерины Яковлевны, 1794 году июля 15 дня приключившуюся (стр. 207). Впервые — Гуковский, стр. 375. В рукописях Державина сохранилось несколько набросков большого и незаконченного стихотворения на смерть первой жены поэта, Екатерины Яковлевны, скончавшейся 15 июля 1794 г. Настоящее стихотворение является, видимо, непосредственным откликом на ее кончину, перекликающимся в какой-то мере с посвященной тому же событию «Ласточкой». В заглавии стихотворения Державиным допущена явная ошибка («1795 году» вместо «1794»), которую исправляем. Во второй строке 5-й строфы Державин вместо первоначального: «доброй жены» написал было «милой», но затем зачеркнул и этот эпитет (очевидно, постольку, поскольку он уже имеется в предыдущей строфе), ничем его не заменив. *Застреха* — нижний свисающий край крыши в избе; также брус, поддерживающий нижний край крыши. *Зельная* — сильная.

Ласточка (стр. 207). Впервые — «Московский журнал», 1792, № 12, стр. 193, — в первоначальной редакции, без двух последних стихов и с означением вместо подписи: «Из Петербурга». В переделанном виде — Изд. 1798 г., стр. 296. Печ. по Изд. 1808 г., т. 1, стр. 296, с восстановлением по журналу выпавшей 40-й строки. После смерти первой жены, образ которой связался в его творческом сознании с образом ласточки (см. предыдущее стихотворение), Державин значительно переделал данное стихотворение (сохранилось много рукописей разных вариантов этой пьесы), дополнив двумя стихами, и включил в том стихотворений, поднесенных Екатерине II в 1795 г. Однако в издании 1798 г. два последних стиха, написанных на постаменте бюста Екатерины Яковлевны, изображенном на рисунке, завершавшем стихотворение в рукописи, напечатаны не были (вероятно, это и была одна из тех «неисправностей», о которых говорил поэт в предисловии к тому собрания сочинений). Окончательная редакция написана «в память первой жены автора», почему датой сочинения Державин указал 1794 г. (Об. Д., 651). В одной из чер-

новых рукописей Державин сделал попытку продолжить стихотворение, однако не кончил этого (см. у Грота, 1, 578—579). Ритмическое разнообразие стихотворения иногда приводило современников в смущение. Если Н. М. Карамзин в выноске к двум первым стихам первоначальной редакции:

Домовита мила ласточка!
Маленька, сизенька птичка!

заметил: «. . .сие смешение мер может быть очень приятно», то другой поэт и близкий друг Державина, В. В. Капнист, попытался «исправить» ритмику державинского стихотворения, втиснув метрическое богатство «Ласточки» в тесные рамки четырехстопного ямба (переработка Капниста опубликована у Грота, 1, 574—575).

Сафе («Когда брала ты арфу в руки». . .) (стр. 209). Впервые — «Аониды», 1797, кн. 2, стр. 236, с подписью «Д—нъ» и под заглавием «К Сафе» (Державин склонял это имя подобно «земля — земле», «Безбородко — Безбородке» и т. п.). В исправленном виде — Ан. п., стр. 104. Печ. по Изд. 1808 г., т. 3, стр. 119. Стихотворение представляет собою «изображение горести автора по смерти первой жены его 15 июля» 1794 г. (Об. Д., 718). Сафо — древнегреческая поэтесса VII—VI вв. до н. э., по преданию, безответно любившая юношу Фаона и бросившаяся из-за этого в море. *Воспеть твоей подруги страсть.* Одна из двух дошедших до нас полностью од Сафо посвящена ее подруге (см. прим. к стих. «Сафо»).

Призывание и явление Плениры (стр. 209). Впервые — «Аониды», 1797, кн. 2, стр. 291, с подписью «Д—нъ» и с прибавлением в заглавии: «1794». С поправками — Ан. п., стр. 101. Печ. по Изд. 1808 г., т. 3, стр. 116. Сочинено «по случаю, что на другой день смерти первой жены его, лежа на диване, проснувшись поутру, видел, что из дверей буфета течет к нему белый туман и ложится на него, потом как будто чувствовал ласкание около его сердца неизвестного какого-то духа» (Об. Д., 718). *Пленира* — так обыкновенно называл в стихах Державин свою первую жену (умерла 15 июля 1794 г.). *Милена* — аллегорическое имя второй жены Державина, Д. А. Дьяковой, которая была подругой его первой жены.

К лире («Звонкоприятная лира! ..») (стр. 210). Впервые — Изд. 1798 г., стр. 361, с припиской в заглавии: «Ноября 18 дня». Печ. по Изд. 1808 г., т. 1, стр. 206. Стихотворение написано ко дню именин Платона Александровича Зубова (1767—1822), последнего фаворита императрицы Екатерины II. Он начал возвышаться еще при жизни Потемкина и приобрел значительное влияние после смерти последнего. Получив плохое образование, он старался восполнить его чтением и усиленно занимался музыкой (хорошо играл на скрипке). По воцарении императора Павла I Зубовым было приказано жить в своих деревнях, и о них и их посетителях ежемесячно докладывалось Тайной канцелярии. *Ныне железные ль веки?* Согласно мифологии, на земле сначала был счастливый золотой век, затем се-

ребряный, смененный железным веком, веком войн, несправедливости, угнетения. *Кто Аристон сей младой?* «Он был чрезвычайно скромного (т. е. скрытного. — *В. З.*) нрава и вел себя, казалось, по-философически, то сравнен здесь потому с Аристоном (древнегреческий философ Платон, «тезка» Платона Зубова, был сыном Аристона. — *В. З.*)..., а с Орфеем — по склонности к музыке» (Об. Д., 632). Орфей — легендарный певец и поэт. *Истый любимец Астреи.* «Астрея, по баснословию, богиня златого века или справедливости; разумеется под сим императрица Екатерина II» (Об. Д., 632).

Вельможа (стр. 211). Впервые — Изд. 1798 г., стр. 285. Печ. по Изд. 1808 г., т. 1, стр. 209, с небольшими поправками, сделанными в личном экземпляре Державина. Еще в 1774 г. он написал оду «На знатность» (опубликована в первом напечатанном Державиным сборнике его стихов: «Оды, переведенные и сочиненные при горе Читалагае» — без имени автора, без обозначения места и года печати, вышедшем в 1776 г. в Петербурге), из которой ряд строк вошел в оду «Вельможа». Ода сразу же получила широкую известность и распространялась в списках. 6 декабря 1794 г. Бантыш-Каменский писал кн. Куракину: «Появилось еще здесь едкое сочинение «Вельможа». Все целят на Державина, но он отпирается» («Русский архив», 1876, стр. 400). *Поставленный в позор* — выставленный напоказ. *Перлы перские* — персидский жемчуг. *Бразильски звезды* — бриллианты. *Калигула! твой конь в сенате.* Римский император Гай Цезарь Калигула (12—41 гг.), отличавшийся крайней жестокостью и самодурством, по преданию, назначил своего коня консулом (высшая государственная должность). *Он только хлопает ушами.* «Автор, присутствуя тогда в сенате, видел многих своих товарищей без всяких способностей, которые, слушая дело, подобно ослам, хлопали только ушами» (Об. Д., 633). *Чтоб мужу бую умудриться.* Т. е. глупому человеку сделаться мудрым. Державин указывает, что эти стихи относятся к генерал-прокурору сената А. Н. Самойлову (1744—1814) (Об. Д., 633). *Всяк думает, что я Чупятов.* Гжатский купец Чупятов торговал в Петербурге пенькой. После пожара своих кладовых объявил себя банкротом; чтобы избежать неприятностей от верителей, притворился сумасшедшим, навесил на себя разноцветных лент и медалей, будто бы присланных его невестой, марокской принцессой (Об. Д., 634). Смысл этих стихов Державина заключается в том, что всякий, кто не имеет истинных заслуг перед государством, похож в своих орденах на Чупятова. *А ты, второй Сарданапал.* Сарданапал — царь древней Ассирии. Имя его в литературе эпохи классицизма было нарицательным для обозначения человека, окружившего себя сказочной роскошью и погрузившегося в разврат. Из Об. Д. видно, что эта и последующие строфы относятся к ряду крупнейших вельмож екатерининского двора — Потемкину, Безбородко, Зубову и другим (Об. Д., 635). *Мусия* — мозаика. *Токай* — город в Венгрии, в окрестностях которого производится знаменитое токайское вино. *Левант* — т. е. Турция. *Цирцея* — прекрасная волшебница, возлюбленная Одиссея, с которой он жил в довольстве и неге («Одиссея»). *А там израненный герой.* «Многие седые заслуженные генералы у кн. Потемкина и гр. Безбородко и у прочих вельмож сиживали часто несколько часов в передней между их людей,

покуда они проснутся и выйдут в публику» (Об. Д., 635). *А там вдова стоит в сенях.* «Вдова Костогорова, которой был муж полковник, оказывал многие услуги Потемкину и был из числа его приближенных, имел несчастие, поссорясь за него, выйти на поединок с известным Иваном Петровичем Горичем, храбрым человеком, который уже после был генерал-аншефом; сей убил его выстрелом из пистолета, как говорили тогда, умышленно тремя пулями заряженного; вдова Костогорова после смерти мужа, прося покровительства князя, часто хаживала к нему и с грудным младенцем на руках стаивала, ожидая на лестнице его выезду» (Об. Д., 635). *Проснися, сибарит! — Ты спишь.* «Сибаритяне (жители древнегреческого города Сибариса. — *В. З.)* были народ роскошный, изнеженный, который все свое блаженство поставлял в сластолюбии» (Об. Д., 635). *И сил у рук не отнимает.* «Императрица давала нередко волю любимцам своим вмешиваться в дела других министров, как то гр. Зубов чрез генерал-прокурора Самойлова делал что хотел» (Об. Д., 635). *Здесь дал бесстрашный Долгоруков.* «Славный сенатор кн. Яков Федорович Долгоруков, который разодрал определение сената, подписанное Петром I» (Об. Д., 635). В Об. Д. вместо «бесстрашный» значится «бессмертный». Этот эпизод описан и у Пушкина (Полное собрание сочинений, изд. АН СССР, т. VIII. М.—Л., 1949, стр. 90). *Того я славного Камила.* «Камилл был консул и диктатор римский, который, когда не было в нем нужды, слагал с себя сие достоинство и жил в деревне. Сравнение сие относится к гр. Румянцеву-Задунайскому, который, будучи утесняем через интриги кн. Потемкина, считался хоть фельдмаршалом, но почти ничем не командовал, жил в своих деревнях. Но по смерти кн. Потемкина, получа в свое повеление армию, командовал оною и, чрез предводительство славного Суворова обезоружа Польшу, покорил оную российскому скипетру» (Об. Д., 635—636). *Румяна вечера заря!* «Стих, изображающий прозвище (т. е. фамилию. — *В. З.),* преклонность лет и славу Румянцева» (Об. Д., 636).

Мечта (стр. 217). Впервые — «Аониды», 1797, кн. 2, стр. 138, с подписью «Д—нъ». Печ. по Изд. 1808 г., т. 3, стр. 47. «Соч. в Пб. на сговор автора со второю его женою 1794» (Об. Д., 714). Державин сделал предложение Дарье Алексеевне Дьяковой (1767—1842) в конце 1794 г. и женился на ней в январе 1795 г. В это время ей было 27 лет, а ему — 52. Брак был заключен «по рассудку» (Грот, 6, 684). Другая сестра Дарьи Алексеевны была замужем за В. В. Капнистом, третья — за Н. А. Львовым — поэтами и ближайшими друзьями Державина. Одна из рукописей стихотворения представляет собой любопытный образчик, так сказать, «совместного творчества» двух поэтов. Написанный рукой Львова листок в одном столбце дает текст первоначальной редакции державинского стихотворения, в другом же столбце — текст, предлагаемый Львовым. Из 24 стихов ранней редакции Львов оставил без изменения 8, остальные в большей или меньшей степени подверглись правке (см. Грот, 1, 588—591, и Гуковский, 517). Некоторые поправки Львова Державин принял, но многие отверг, хотя и переработал стихотворение в целом (видимо, под влиянием замечаний Львова). *Мальчик в нем сидит* — Амур.

Радость о правосудии (стр. 217). Впервые — Изд. 1808 г., т. 2, стр. 15. Содержание стихотворения заимствовано из Псалтыри, из 74 псалма. По весьма вероятному предположению Грота, стихотворение относится к 1794 г. (1, 595), когда Державин испытал ряд неприятностей, связанных с руководством таможенным управлением. Та же дата указана и в Об. Д. (657). Остолопов полагал, что стихотворение написано в конце 1796 г. (см. «Ключ к сочинениям Державина», 75). *Вельмож меня поставил в лике.* Лик — в данном случае означает «сонм». *Не вздымайте рог.* Рог здесь значит — надменность, кичливость. *А правых вознесется рог.* В данном случае слово «рог» означает — власть, сила, могущество.

На кончину великой княжны Ольги Павловны (стр. 218). Впервые — «Приятное и полезное препровождение времени», 1795, ч. 5, стр. 198, под заглавием «Стихи на кончину ее высочества» и пр. и с примечанием: «Получены из Петербурга от неизвестной особы, но тем не менее с чувствительной благодарностью сообщаются. П.» (т. е. Подшивалов, издатель журнала). С поправками — Изд. 1798 г., стр. 236. Печ. по Изд. 1808 г., т. 1, стр. 291. *Ночь лишь седьмую мрачного трона степень прошла.* Ольга Павловна умерла в седьмом часу пополудни (Об. Д., 651) 15 января 1795 г. *Степень* — ступень. *Краток твой блеск.* Ольга родилась в 1792 г. *Сион* — гора в Иерусалиме, в переносном смысле — местожительство бога. *К бабке любезной* — т. е. к Екатерине II. *Норда царицы* и т. д. «Императрица сама была на погребении, одетая в белом платье, имея седые растрепанные волосы, бледна и безмолвна, что составляло страшный позор (т. е. зрелище. — *В. З.*)» (Об. Д., 651). *Зрит на пииту, Жизнь и успенье Кто ее пел.* В 1792 г. Державин написал оду «На рождение великой княжны Ольги Павловны» (Грот, 1, 500). *Над полвселенной.* «Россия почти занимает полсвета своим пространством» (Об. Д., 651). *Равенства злого.* «Тогда во Франции равенство и вольность проповедывали» (Об. Д., 651). *Где днесь Пленира.* Первая жена поэта, Е. Я. Державина.

К Анжелике Кауфман (стр. 222). Впервые — Изд. 1798 г., стр. 346, под заглавием «К живописице Кауфман». С поправками и под заглавием «К Кауфман» — Ан. п., стр. 47. Печ. по Изд. 1808 г., т. 3, стр. 49. Написано по поводу второго брака Державина, состоявшегося в январе 1795 г.; в стихотворении «описывается портрет второй жены автора («Милены». — *В. З.*), и отнесен потому на имя Кауфман, что сия живописица писала обыкновенно фигуры свои высокие и стройные с греческими лицами, какова была» Дарья Алексеевна (Об. Д., 714). *Анжелика Кауфман* (1741—1807) — известная немецкая художница; портреты ее работы отличались некоторой идеализацией и сентиментальным лиризмом, что обусловило огромный успех ее произведений в аристократических кругах Европы и России.

Флот (стр. 222). Впервые — «Приятное и полезное препровождение времени», 1795, ч. 7, стр. 7, с пометой на месте подписи: «Из Петербурга — от неизвестной особы». С поправками и под заглавием «Флот. 1795 года, июня 2 дня» — Изд. 1798 г., стр. 369. Печ. по изд. 1808 г., т. 1, стр. 298. Сочинено по поводу отплытия объединенного флота разных государств под русским флагом с целью военных дей-

ствий против французского республиканского флота. *Ширинки с шлемов распростерлись.* «На касках у военных российских были лопасти, которыми они завязывались во время стужи; то и воображает поэт, что они ветром распростерлись во время хода корабля» (Об. Д., 651). *Ты смело Сциллы и Харибды.* Т. е. морские опасности и препятствия. Сцилла и Харибда — олицетворения утеса и водоворота, находящихся в проливе между Италией и Сицилией (заимствован из древнегреческих мифов). *И гидр лилейных бледный сонм.* Лилейные — французские (во французском гербе до Великой французской революции было три белых лилии). Сонм гидр — революционные клубы и собрания (в античных мифах гидра — стоглавое чудовище, побежденное Геркулесом, а под Геркулесом Державин неоднократно подразумевал Россию, побеждающую республиканскую Францию. См., напр., стихотворение «На переход Альпийских гор», комментарии и рисунок к нему (Грот, 2, 278). *Людвиг* — Людовик XVI.

Приглашение к обеду (стр. 223). Впервые — Изд. 1798 г., стр. 371. Печ. по Изд. 1808 г., т. 1, стр. 299. *Каймак и борщ уже стоят.* «Малороссийские обыкновенные кушанья» (Об. Д., 652). *Приди, мой благодетель давний.* Первоначально эти строки относились только к И. И. Шувалову (см. прим. к стих. «На выздоровление Мецената» и «Урна», стр. 373 и 425), поэтому в рукописи следующая строка читалась: «Творец чрез тридцать лет добра». Но потом Державин отнес эти строки и в адрес графа А. А. Безбородко (см. также прим. к стих. «Крезов Эрот»), уменьшив соответственно срок знакомства. А. А. Безбородко (1746—1799) — один из виднейших и богатейших вельмож царствования Екатерины II. *А если ты иль кто другие.* «Был зван между прочими любимец императрицы князь Зубов и обещал приехать, но пред обедом прислал сказать, что его государыня удержала; то сей куплет и относится к нему» (Об. Д., 652).

Богине здравия (стр. 225). Впервые — Изд. 1798 г., стр. 375, под заглавием «Гимн Гигее, богине здравия». Печ. по Изд. 1808 г., т. 1, стр. 308. Перевод с немецкого переложения древнегреческого гимна в честь богини здоровья Гигеи.

Спящий Эрот (стр. 226). Впервые — «Аониды», 1796, кн. 1, стр. 30, с подписью «Д—нъ». Печ. по Изд. 1808 г., т. 3, стр. 53, с поправками Державина в личном экземпляре этого издания. Соч. в Пб. на оперу, игранную детьми княгини Татьяны Васильевны Юсуповой» (Об. Д., 714), племянницы князя Г. А. Потемкина, жены князя Н. Б. Юсупова, адресата позднейшего пушкинского послания «К вельможе». Большая часть стихотворения, по указанию самого Державина, «переведена из Платона» (имеется в виду приписываемый философу Платону стихотворный отрывок, находящийся в сборнике стихотворений древнегреческих поэтов «Греческая антология» и озаглавленный «Платона об Эроте, спящем в роще»). Заключительная часть (от слов: «В рощу грации вбежали») «прибавлена автором» (там же). Печатается по изданию 1808 г. с поправками, внесенными Державиным в личный экземпляр этого издания.

Анакреон у печки (стр. 226). Впервые — «Муза», 1796, № 3, стр. 224, под заглавием «Анакреон» и с подписью «***»,

С измененным заглавием — Ан. п., стр. 60. Печ. по Изд. 1808 г., т. 3, стр. 66. «Экспромт во время играния на арфе Марии Львовны Нарышкиной 1795» (Об. Д., 715) (о ней — см. прим. к стих. «К Эвтерпе»). *Случись Анакреону.* «Под Анакреоном автор разумел себя» (Об. Д., 715).

На пребывание Суворова в Таврическом дворце (стр. 227). Впервые — «Муза», 1796, № 2, стр. 99, под заглавием: «Его сиятельству генерал-фельдмаршалу графу А. В. Суворову на пребывание его в Таврическом дворце». Затем было напечатано в Изд. 1798 г., стр. 359, под заглавием: «Фельдмаршалу графу Александру Васильевичу Суворову-Рымникскому, на пребывание его в Таврическом дворце 1795 года». В Изд. 1808—1816 гг. стихотворение не напечатано, так как оно должно было войти (под № 71) в седьмую часть стихотворений Державина, не изданную из-за смерти поэта (Арх. ГПБ, т. 3, лл. 131—149). Печ. по рукописи. После взятия Варшавы и подавления польского восстания под руководством Тадеуша Костюшки (1746—1817) Суворов, получивший за это чин генерал-фельдмаршала, был призван в Петербург, где жил в принадлежавшем ранее Г. А. Потемкину Таврическом дворце. *Марс почиет на соломе.* Под именем Марса Державин разумеет Суворова, который имел привычку спать на охапке соломы. *Эпиктет* (I—II вв.) — греческий философ стоической школы, главными основаниями которой были: терпение, нищета, отречение от всех земных благ и удовольствий.

Заздравный орел (стр. 227). Впервые — Ан. п., стр. 114. Печ. по Изд. 1808 г., т. 3, стр. 131, с поправками, сделанными поэтом в собственном экземпляре Ан. п. «Заздравная песнь воинам, писанная в память фельдмаршалам Суворову и Румянцеву 1795» (Об. Д., 719). *Лев* и *Луна* — Швеция и Турция. *Амазонки* — мифические женщины-воительницы.

Гостю (стр. 228). Впервые — Ан. п., стр. 80. Печ. по Изд. 1808 г., т. 3, стр. 87. Написано около 1795 г. по случаю посещения Державина его приятелем Вельяминовым. П. Л. Вельяминов — переводчик и литератор, автор ряда стихов (см. также прим. к стих. «Зима»).

Другу (стр. 229). Впервые — Ан. п., стр. 81. Печ. по Изд. 1808 г., т. 3, стр. 88. Написано около 1795 г. «на прогулку в саду Н. А. Львова, на даче, что близ Невского монастыря» (Об. Д., 716). *Густыми купами стоят.* «Деревья на сей даче сажали сами друзья Николая Александровича, как то: сам автор (Державин. — *В. З.*), Хемницер, Капнист, Вельяминов, Марья Алексеевна (жена Львова) и Екатерина Яковлевна Державина (Об. Д., 716). *Даша* и *Лиза* — «горничные девушки Николая Александровича» (Об. Д., 716).

Соловей (стр. 230). Впервые — «Приятное и полезное препровождение времени», 1795, ч. 6, стр. 380, с пометой вместо подписи: «Получена из Петербурга от неизвестной особы». Печ. по Изд. 1808 г., т. 1, стр. 303. *Тимотей,* «или Тимофей, славный музыкант греческий, который играл пред Александром В. (Великим, т. е. Македонским. — *В. З.*) и возбуждал его страсть к Таисе, его любовнице, или к войне, так что он в восторге схватывал копье» (Об. Д., 652).

Павлин (стр. 232). Впервые — «Приятное и полезное препровождение времени», 1795, ч. 8, стр. 6, с примечанием: «Это вторая уже птица из прекрасного Петропольского птичника и, чаятельно, не менее первой усладит слух наших читателей» и без подписи. Печ. по Изд. 1808 г., т. 1, стр. 306. «Вообще сия ода относится на вельмож безумных, кичащихся своею пышностию» (Об. Д., 652). По предположению Грота, Державин первоначально (около 1795 г.) имел в виду конкретное лицо: Т. И. Тутолмина (1740—1809), бывшего своего начальника по службе в Олонецкой губернии, причинившего ему много неприятностей, который «жил очень пышно» (Грот, 1, 700). *Пеликана добродетель.* «Пеликан, или аист, по древнему египетскому баснословию, столь благочестивая птица, что, глотая змей, освобождает землю от их яда, и столь милосердая и жалостная, что, источая из груди своей кровь, кормит ею детей своих» (Об. Д., 652). *Сей Феникс опустил вдруг перья.* Согласно египетской мифологии, феникс — прекрасная птица, живущая пятьсот лет. По окончании этого срока она сгорает в огне и вновь восстает из пепла. В данном случае слово «феникс» употреблено иронически.

Памятник (стр. 233). Впервые — «Приятное и полезное препровождение времени», 1795, ч. 7, стр. 147, под заглавием «К Музе. Подражание Горацию». Печ. по Изд. 1808 г., т. 1, стр. 320. Использовав основную мысль и отчасти форму оды Горация «К Мельпомене» (кн. III, ода 30), переведенной до него Ломоносовым, Державин создал самостоятельное стихотворение, которое в известной степени отозвалось в стихах Пушкина «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» Н. Г. Чернышевский впоследствии писал о Державине: «В своей поэзии что ценил он? Служение на пользу общую. То же думал и Пушкин. Любопытно в этом отношении сравнить, как они видоизменяют существенную мысль Горациевой оды «Памятник», выставляя свои права на бессмертие. Гораций говорит: «я считаю себя достойным славы за то, что хорошо писал стихи»; Державин заменяет это другим: «я считаю себя достойным славы за то, что говорил правду и народу и царям» (ср., например, «Афинейскому витязю», прим. на стр. 421. — *В. З.*); Пушкин — «за то, что я благодетельно действовал на общество и защищал страдальцев» (Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. 3. М., 1947, стр. 137).

Хариты (стр. 233). Впервые — «Муза», 1796, № 2, стр. 97, под заглавием: «Хариты. На случай русской пляски их императорских высочеств великих княжен Александры Павловны и Елены Павловны в день 25 декабря 1795 года». Затем — «Аониды», 1796, кн. 1, стр. 117, под заглавием: «Хариты. На случай русской пляски их императорских высочеств великих княжен Александры Павловны и Елены Павловны в тронной зале Зимнего дворца в первый день святок, 25 декабря 1795 года». Печ. по Изд. 1808 г., т. 3, стр. 11. *Геликон* — гора в Греции; согласно мифологии — местопребывание Аполлона и муз. *Хитон* — античная одежда. *Минерва* — богиня мудрости; имеется в виду Екатерина II. *Внук Екатерины* — т. е. ее внучек.

Надгробие Шелехову (стр. 234). Впервые — «Муза», 1796, № 2, стр. 100, под заглавием «Надгробие Шелехову, рыль-

скому именитому гражданину». По позднейшей рукописи — «Памятник отечественных муз», 1827, стр. 34, под заглавием «На гроб Шелехова». Стихотворение должно было войти в седьмую часть стихотворений Державина (Арх. ГПБ, т. 3, автограф VII части под № 69). Печ. по рукописи «Части VII». *Шелехов Г. И.* — русский купец, путешественник и промышленник, открыл и покорил ряд островов у восточных берегов Сибири (см. о нем также выше, стр. 369). *Направил паруса во океан небесный.* В «Музе» стихотворение оканчивалось так:

Направил парус свой во океан небесный
Искать сокровищ горних, неземных.
Сокровище благих!
Его ты душу успокой.

На рождение царицы Гремиславы Л. А. Нарышкину (стр. 235). Впервые — Изд. 1798 г., стр. 391, под заглавием «На рождение царицы Гремиславы Льву Александровичу Нарышкину 1796 года, апреля 21 дня». Печ. по Изд. 1808 г., т. 1, стр. 312. Первоначально стихотворение должно было быть напечатано в журнале «Муза» (сентябрь 1796 г.): в оглавлении сохранилось его название — «В день рождения царицы Гремиславы»; однако по неизвестным причинам в тексте журнала самого стихотворения нет. Л. А. Нарышкин (1733—1799) — один из особенно близких придворных Екатерины II, богатый вельможа и гостеприимный хозяин, человек, отличавшийся рядом странностей. При дворе он играл роль высокопоставленного шута, пользуясь правом «под видом шутки, всегда острой и язвительной... легко и кстати высказывать самую горькую правду» (журнал «Москвитянин», 1842, ч. 1, стр. 483). Хотя Екатерина и резко оборвала Фонвизина, назвавшего Нарышкина «шутом, шпынем и балагуром» (в «Вопросах», посланных в «Собеседник любителей российского слова»), но сама она охарактеризовала его «прирожденным арлекином» (Грот, 1, 730). «Гремислава» — новое имя для обозначения Екатерины II, придуманное Державиным после того, как многие поэты стали называть ее «Фелица». Попытку придумать императрице новое поэтическое имя Державин сделал еще в начале 1790-х гг., назвав ее в одной черновой рукописи «Доброславой». *Живи и жить давай другим, Но только не на счет другого.* Первый стих был «присловицей», любимым выражением Екатерины II, но «автор, видя беспрестанные войны, прибавил, чтоб жить не на счет другого и довольствоваться только своим» (Об. Д., 653—654). *Где дружеский незваный стол.* Нарышкин держал «открытый стол», т. е. к нему мог прийти на обед любой дворянин, «из числа которых хозяин многих не знал по фамилии, и все принимаемы были с одинаковым радушием» (Грот, 1, 732). *Важна хозяйка, домовита.* «Супруга его (Нарышкина. — *В. З.*) управляла домашнею экономиею, и он получал от нее на шалости и на покупку всякого вздору не более, как по рублю в день» (Об. Д., 654). *Подчас и кубари спускал.* «Л. А., забавляя императрицу, нередко пред ней шучивал и нечаянным образом спускал пред ней кубари» (Об. Д., 654). Чем оборачивались иной раз эти «шутки», видно из письма одного из иностранных вельмож: «Намедня обер-шталмейстер Нарышкин, прекраснейший человек и вели-

чайший ребенок, спустил середи нас волчок, огромнее собственной его головы. Позабавив нас своим жужжанием и прыжками, волчок с ужасным свистом разлетелся на три или четыре куска... ранил двоих... и ударился об голову принца Нассауского, который два раза пускал себе кровь» (см. Грот, 1, 733). *Смотрел в толкучем рынке свету.* «Он всякий почти день прохаживался пешком и по большей части в толкучем рынке, перебивая с чернию всякую всячину и покупая всякий вздор, что попадется, на рубль, который ему всякий день определен» (Об. Д., 654). *И мог при случае посольством, Пером и шпагою блистать.* «Он был весьма острый и сметливый человек, и ежели бы не напустил на себя шутовства и шалости, то бы мог по своему уму быть хороший министр или генерал» (Об. Д., 654). *Кто, всё зефиром* — т. е. легко, поверхностно. Зефир — западный ветер (ант.) — в изобразительном искусстве изображался обычно в виде ребенка, порхающего по цветам. *Плясал и сам под тон чужой.* «Он весьма умел угождать сильным людям, и паче любимцам императрицы» (Об. Д., 654). *Сирский царь.* «Сирия» — общее название ряда стран, которыми владел легендарный Гарун аль-Рашид, калиф (властелин) обширного государства, включавшего в свои пределы Сирию, Месопотамию, Вавилонию, западную Персию, Египет, Триполитанию и т. д. Гарун аль-Рашид владел несметными богатствами (см. сборник арабских сказок «Тысяча и одна ночь»). *В семье твоей — как Авраам.* Согласно Библии, Авраам был родоначальником, главой большой семьи (Нарышкин был многодетен). *Салму и соусы едят.* «Салма — татарское кушанье, а соусы — французское» (Об. Д., 654). «Все приезжавшие в Петербург знатные иностранцы были угощаемы Нарышкиным, и кушанье приготовлялось по вкусу каждого, т. е. для татар салма, для французов и немцев соусы и т. п.». (Грот, 9, 248). *Пред дом твой соберется чернь.* «Пред домом его на светлых праздничных неделях обыкновенно поставлялися народные качели, на которых весь день вертелся в воздухе народ, что он чрезвычайно любил и тем забавлялся; а если когда случалось, что приказано было от правительства в другом месте быть качелям, то он чрезвычайно огорчался и прашивал поставить их на прежнее место» (Об. Д., 654—655). *Соломон* — еврейский царь. В Библии рассказывается, что, закончив постройку иерусалимского храма и царского дворца, он собрал на пир весь израильский народ. *Ты родом — богатырь, сын барский* и т. д. Л. А. Нарышкин «по родству своему с Петром Великим был богатырь, или человек сильный» (Об. Д., 655). Наталья Кирилловна, вторая жена царя Алексея Михайловича и мать Петра I, была из рода Нарышкиных. Один из предков Л. А. Нарышкина был кравчим, заведовавшим всеми стольниками («хлебодарами»); сам он с момента вступления Екатерины II на престол и до конца жизни находился в должности обер-шталмейстера (придворный чин, формально означающий: заведующий царскими конюшнями). *Бостон* — карточная игра. *В цветах другой нет розы в мире.* «Т. е. в государях нет блистательнее, как она, потому что поляки по покорении Польши (т. е. после так называемого «третьего раздела Польши». — *В. З.*) выбили в сем году медаль, на которой с одной стороны изобразили портрет императрицы, а на другой розу с иглами, вокруг с надписью: благоухает и страшит, то есть щедротою и войною» (Об. Д., 655).

На кончину г<рафа> Орлова (стр. 238). Впервые — «Аониды», 1796, кн. 1, стр. 173, под заглавием «Стихи на кончину гр. Ф. Г. Орлова» и с подписью «Д—нъ». Печ. по Изд. 1808 г., т. 1, стр. 319. Орлов Федор Григорьевич (1741—1796) — активный участник дворцового переворота 1762 г.; после воцарения Екатерины II стал обер-прокурором сената. В первой русско-турецкой войне находился в эскадре адмирала Спиридова, затем в Чесменской битве (командовал всем флотом брат его Алексей) он одним из первых прорвал линию турецкого флота. С 1775 г. был в отставке. Умер 17 мая 1796 г. *Орел из стаи той высокой.* Аллегорическое использование фамилии. *Впреди Минервы светлоокой.* Минерва — Екатерина II. «Впреди Минервы» — во главе переворота 1762 г., возведшего на престол Екатерину, стояли пять братьев Орловых, П. И. Пассек и др.

На покорение Дербента (стр. 238). Впервые — «Новые ежемесячные сочинения», 1796, ч. 118, стр. 1, с заглавием «На покорение Дербента, графу Валериану Александровичу Зубову. 1796 года»; под заглавием «Стихи на покорение Дербента графом В. А. Зубовым» — «Аониды», 1796, кн. 1, стр. 170. Печ. по Изд. 1808 г., т. 1, стр. 264. В. А. Зубов (1771—1804) был назначен весной 1796 г. главнокомандующим армией, которая должна была осуществить проект его брата П. А. Зубова, фаворита императрицы: завоевать Азию от Кавказа и Персии до Тибета и открыть России путь в Индию. 10 мая русские войска овладели крепостью Дербент. *Герой, который мной воспет.* В 1794 г. Державин посвятил В. А. Зубову оду «К красавцу» (см. Грот, 1, 604). *Уже ты днесь не по фортуне, По подвигам твоим почтен.* «Не потому, что был брат любимца императрицы, но что службою приносил честь и пользу отечеству» (Об. Д., 645). *Ты подарил ему живот.* «Пленникам, взятым в Дербенте, дарована пощада» (Об Д., 645). *Что взял Петровы ты ключи.* В 1722 г. Дербент был взят Петром I. Петру вынес ключи (т. е. знак сдачи города) тот же перс, который 74 годами позже поднес их Зубову уже 120-летним старцем. 23-летний Александр Македонский в середине IV в. до н. э. разбил персидское войско и взял в плен престарелого персидского царя Дария. *Коврами Инда покровенны* и т. д. Державин как бы предвещает конечный результат предпринятого похода — установление торговых связей с Индией. Планам этим не суждено было тогда сбыться: смерть императрицы в ноябре 1796 г. остановила их осуществление. *Кому чертеж дают Платоны.* Платон — греческий философ V—IV вв. до н. э. Здесь имеется в виду Платон Зубов, инициатор похода. *Беллона* — богиня войны, «под коей разумеется здесь императрица» (Об. Д., 646).

Потопление (стр. 239). Впервые — «Муза», 1796, № 8, стр. 152, под заглавием «Романс на потопление NN» и с подписью «***». Под заглавием «Романс на потопление Ф. М. Дубянского 1796 году августа 3 дня» — Изд. 1798 г., стр. 382. Печ. по Изд. 1808 г., т. 3, стр. 58. Федор Михайлович Дубянский — чиновник и любитель-музыкант (ему принадлежит музыка к известной песне И. И. Дмитриева «Стонет сизый голубочек»). Он с большой компанией возвращался с дачи, находившейся на другом берегу Невы.

Лодка дала небольшую течь; один из бывших в лодке вскочил и опрокинул ее; несколько человек, и в частности Дубянский, утонули. *Дружба и любовь, прости!* В «Музе» и в Изд. 1798 г. вариант: «Милый брат и друг, прости!»

Афинейскому витязю (стр. 240). Впервые — Изд. 1808 г., т. 2, стр. 76. Посвящено гр. А. Г. Орлову-Чесменскому (1737—1808). Ода написана в духе од древнегреческого поэта Пиндара (в рукописи названа «пиндарической»), воспевавшего победителей на Олимпийских играх. С этим связано и сопоставление А. Г. Орлова, славившегося своей силой и ловкостью, с древнегреческим атлетом — афинейским витязем. *Чрез поприще на колеснице.* В 1762 г. Орлов вывез Екатерину II из Петергофа, где она была под присмотром, в Петербург. Там гвардейские полки присягнули ей. *Протекшего в венце Нептуна.* Во время первой русско-турецкой войны Орлов командовал русским флотом. За разгром турецкого флота под Чесмой ему был присвоен титул «Чесменский». *Носила в чаше золотой.* — «т. е. кому благоприятствовало счастие» (Об. Д., 667). *Примешивал я правды глас... Мрачит бог света очи их.* «Читатели могут заметить, что во всех сочинениях автора множество правды и нравоучения». «Правда глаза колет: сколь ни хвалили его сочинения, но многим они были весьма неприятны, для чего он и терпел довольно неприятностей» (Об. Д., 667). *Шумихи любят блеск.* «Это относится на всех любимцев императрицы, а паче на последнего, кн. Зубова, которые иногда и дрянные сочинения предпочитали лучшим, когда в первых их хвалили» (Об. Д., 668). *Который сшел с театра славы.* Орлов вышел в отставку в 1774 г. *Из одного благодаренья.* «Автор был уже сенатором и до отставного гр. Орлова не имел никакого дела, но написал сию похвалу ему из чувствования одной благодарности за то, что когда первый был гвардии Преображенского полка майором, а последний в том полку солдатом, то он ему, пришед без всякой протекции, сказал, что он обижен, что моложе его произвели в капралы, а он остается <рядовым>; то граф тотчас произвел его в капральский чин; сие было 1762 в Москве» (Об. Д., 668). *В его как богатырски дни.* Т. е. до того, как Орлов вышел в отставку. Тут и далее (почти до конца оды) в ряде строк и строф Державин противопоставляет «первоначальные дни царствования Екатерины II», когда, с его точки зрения, «как двор состоял, гвардия, так и сенат из людей видных, крепких как духом, так и телом» (Об. Д., 668), последующему периоду, когда руководить государством стали люди, подобные последнему фавориту императрицы, Платону Зубову, и его окружению. *На бурном видел я коне* и далее. В этой строфе говорится о петербургской «карусели» (турнире) 14 июня 1766 г., предпринятой для того, чтобы «несколько развлечь россиян, между которыми начинали обнаруживаться неудовольствие и волнение» (см. Грот, 1, 767). Устроена карусель была по предложению Орловых. «Карусель» состояла из нескольких «кадрилей»; Григорий Орлов (фаворит императрицы) предводительствовал «римской кадрилью», Алексей — «турецкой» (Троя — город в Малой Азии, т. е. в Турции). *Пентезилея* — царица амазонок, племени воинственных женщин (см. «Илиаду» Гомера). «С нею сравниваются здесь те девицы и дамы, которые были в кадрили, ездили на колесницах и сни-

мали эротиками венцы» (Об. Д., 668). *Он шесть коней на ипподроме.* Алексей Орлов отличался легендарной физической силой: он «мог удерживать шесть лошадей, скачущих во весь опор в колеснице, схватя оную за колесо» (Об. Д., 668). *Минерву удержал в паденье.* «Гр. Орлов спас императрицу Екатерину от неизбежной смерти, когда в Царском селе на устроенных деревянных высоких горах катилась она в колеснице и выпрыгнуло из колеи медное колесо: граф, стоя на запятках, на всем раскате, спустя одну ногу на сторону, куда упадала колесница, а рукой схватясь за перилы, удержал от падения оную» (Об. Д., 669). *Его покой движенье* и т. д. Орлов любил русские народные игры, пляски, песни, кулачный бой, бег, скачки и т. п. и был радушным хозяином. *Дьяки, взяв шапку, выходили.* «10-я строфа изображает того времени сенаторов твердых и благородных истиною, в числе коих и брат Орлова граф Федор Григорьевич был прокурором. Хотя тогда бояре как человеки также хотели иногда помогать друг другу, но обер-секретари, взяв шапку, выходили с поклоном из присутствия, не подписав несправедливого приговора. Будучи в чрезвычайной силе, Орловы однако ж никогда не вмешивались в не принадлежавшие до них дела. С сего куплета начинается тонкая критика или ирония на последние дни правления императрицы, когда она от старости уже ослабла» (Грот, 9, 249). *Мамон.* Маммона — бог богатства у древних. Здесь употреблено в значении «богатство», «состояние», «карман». *Пиявиц унимали.* Державин считает, что в начале царствования Екатерины II «взятки строго наказаны были»; например, калужский воевода Мясоедов за взятки был привязан к позорному столбу, «а под конец царствования так послаблено сие злоупотребление, что можно сказать: на словах запрещалось, а на деле одобрялось» (Об. Д., 670). *Кубарить не любили.* См. выше, стр. 379. *Тогда Кулибинский фонарь* и т. д. Кулибин И. П. (1735—1818) — выдающийся русский самоучка механик. Известный «фонарь» его отличался тем, что светил на далекое расстояние от одной свечи, причем чем ближе к фонарю, тем слабее был свет. Этим сравнением Державин намекает на некоторых вельмож конца царствования Екатерины II, занимавших высокие государственные должности, но совершенно не пригодных к ним, например на генерал-прокурора сената А. Н. Самойлова, «который по фавору употреблен был во многие должности, будучи совсем неспособен, что время доказало» (Об. Д., 670). Самойлов был родственником Г. А. Потемкина, стал генерал-прокурором уже после смерти Потемкина и вскоре после того, как тяжело заболел бывший генерал-прокурор кн. А. А. Вяземский. Был уволен с должности генерал-прокурора вскоре по вступлении на престол Павла I. *Опрись о них, и — не солома.* «Т. е. были подпорой государства люди твердые и не так, как Зубов, в то время подобный соломе, которая тотчас гнулась, кто на нее опирался, ибо часто случалось, что сам, приказывая что, не мог того поддерживать» (Об. Д., 671). *И ты, о милый Вакх!* «Бог винограда и веселий, ибо гр. Орлов любил иногда русские увеселения» (Об. Д., 671).

Крезов Эрот (стр. 245). Впервые — Ан. п., стр. 56. Печ. по изд. 1808 г., т. 3, стр. 62. *Крез* — царь в Малой Азии (VI в. до н. э.), славившийся в античном мире своим богатством. Имя его

стало нарицательным для обозначения богача. *Окруженный лесом стрел.* «Таковой Эрот был изображен в доме князя А. А. Безбородко, огражденный стрелами» (Об. Д., 715) (см. выше, прим. к стих. «Приглашение к обеду»).

Пчелка (стр. 245). Впервые — «Аониды», 1797, кн. 2, стр. 140, за подписью «Д—нъ», Ан. п., стр. 62 (оба раза под заглавием «Пчелка»). Печ. по Изд. 1808 г., т. 3, стр. 68 (заглавие — «Пчела»; это, скорее всего, опечатка, так как во всех предыдущих изданиях и в тексте: «Пчелка»). Стихотворение было положено на музыку и стало весьма популярным. В экземпляре Ан. п., подаренном поэтом второй жене, его рукой против стихотворения вписана пародия (вероятно, ему же и принадлежащая).

Каша златая,
Что ты стоишь?
Пар испущая,
Вкус мой манишь?
    Или ты любишь?
    Пузу мою?
Зерна ль златисты
Полбы в крупах,
Розы ль огнисты
Гречи в горшках,
    Сахар ли белый
    Проса с млеком?
Каша златая,
Что ты стоишь?
Слышу, вздыхая,
Мне говоришь:
    К каше привыкнув,
    С ней и умрешь.

На первом листе экземпляра зачеркнутая Державиным дарственная надпись, под которой написано двустишие: «Пышная надпись черна В память Дашиньке дана» (В. Г. Лидин. Наедине с книгами. «Новый мир», 1957, № 6, стр. 273—274).

Бой (стр. 246). Впервые — Ан. п., стр. 66. Печ. по Изд. 1808 г., т. 3, стр. 72. Последние шесть строк стихотворения являются подражанием XIV оде Анакреона, переведенной Н. А. Львовым (сам Державин греческого языка не знал). *Предо мною Лель предстал.* Согласно представлениям русских писателей XVIII в., в древнеславянской мифологии был бог Лель, соответствовавший античным Амуру или Эроту.

Храповицкому («Храповицкой! дружбы знаки...») (стр. 247). Впервые — Изд. 1808 г., т. 2, стр. 122. Об А. В. Храповицком см. выше, стр. 407. 29 марта 1797 г. Храповицкий обратился к Державину с посланием «Любезному автору Г. Р. Д.» (полностью впервые напечатано у Грота, 2, 49—51), в котором упрекал

Державина в «лести» Потемкину и Зубовым. Державин в ответ немедленно написал стихотворение «Храповицкому». Новое послание Храповицкого — ответ на ответ Державина — помечено 1 апреля:

К НЕМУ ЖЕ

Вижу, вижу беспристрастно,
Что Державин правде друг;
Сердце честно, чисто, ясно,
Всё умом постигнет вдруг.
Грянет громом — все трясутся!
Даст хвалу — и вознесутся!
Не орел — ты сам Зевес.
В пылком, в громком твоем слоге
Пиндар и Орфей[1] воскрес. —
Хоть на грязной я дороге
Средь Коломны[2] нанял дом,
Стары счеты разбираю,
Цифры с цифрами сличаю
И журнал верчу вверх дном:
Но тебя я почитаю,
Восхищен твоим умом.

Державин снова ответил стихами:

А. В. ХРАПОВИЦКОМУ

Как назвал ты меня Зевесом,
От имя божья грянул гром;
Я с страху скрылся под навесом
И бью тебе, мой друг, челом:
Избавь от пышных титл: я пешка.
Чрезмерна похвала — насмешка.

Я лишь в том, что я орел. В первом послании Храповицкого была строка: «Орел державный ты, — я пташка».

Капнисту (стр. 248). Впервые — Изд. 1808 г., т. 2, стр. 93. Василий Васильевич Капнист (1758—1824) — друг и родственник Державина, известный поэт конца XVIII — начала XIX вв., автор сатирической комедии «Ябеда». В начале 1797 г. жил в Петербурге, в связи с судебным процессом. По окончании процесса собирался ехать за границу (этому и посвящено послание Державина), но в феврале уехал обратно в свою деревню Обуховку на реке Псел (Полтавская губерния). Послание Державина было окончено в конце марта — начале апреля (см. Грот, 6, 65) и отослано Капнисту. Капнист ответил из Обуховки стихотворным посланием и приложил список своих поправок к посланию Державина (см. «Отчет Публичной библиотеки за 1892 г.», СПб., 1895, приложение, стр. 21—30).

---

[1] Орфей — мифический певец-поэт.
[2] Коломна — окраина Петербурга.

Однако с большинством поправок Капниста Державин не согласился. Стихотворение Державина является в известной степени подражанием оде Горация (кн. II, ода 16). (См. Грот, 2, 106—112). *Торока* — ремешки у задней луки седла. *Век Задунайского увял.* Румянцев-Задунайский умер в декабре 1796 г. *Рымникского печален стал.* Суворов-Рымникский в это время был в опале и ссылке. *Когда тебя в темно-зелену, Подругу в пурпурову шаль.* «Темно-зеленые тогда нашивали мундиры, а дамы — пурпуровые шали» (Об. Д., 673). «Подруга» — жена Капниста, А. А. Дьякова, сестра второй жены Державина. *Милена* — Д. А. Державина, вторая жена поэта. *Злословну, площадную чернь.* «Разумеются низкие и подлые люди, и богатые и бедные» (Об. Д., 673).

К музе (стр. 250). Впервые — «Аониды», 1797, кн. 2, стр. 271, под заглавием «Даше в светлое Христово воскресенье. Апреля 5, 1797». С измененным заглавием и поправками — Ан. п., стр. 15. Печ. по Изд. 1808 г., т. 3, стр. 15. *Строй, муза, арфу золотую.* В «Аонидах» было: «Строй, Даша, арфу золотую». Даша (Дарья Алексеевна) — вторая жена Державина. *Смеются в люльках и алеют.* «Здесь *люлька* употреблено в том смысле, какой у немцев имеет слово Beet (Bett) — клумба» (Грот, 2, 57). *Или какой себя венчает Короной мира царь?* В день пасхи («светлое Христово воскресенье») состоялась коронация Павла I.

Возвращение Весны (стр. 251). Впервые — Ан. п., стр. 19. Печ. по Изд. 1808 г., т. 3, стр. 19. «Соч. в Пб. на случай приезда императрицы Марии Феодоровны из Москвы в Девичий монастырь» в мае 1797 г. (Об. Д., 713). «Девичий монастырь» — Смольный институт, закрытое учебное заведение для девушек (дворянок и мещанок).

Урна (стр. 252). Впервые — Изд. 1808 г., т. 2, стр. 56. Написано в ноябре 1797 г. по поводу смерти И. И. Шувалова (1727—1797) (см. выше, стр. 373). *Сраженного косой Сатурна.* «Сатурн, отец Юпитеров, или Время, а в урнах у древних хранился прах сожженных тел» (Об. Д., 664). *Крылатый жезл, котурн, личина* и т. д. — атрибуты наук, искусств и поэзии, ибо Шувалов «был покровитель наук и художеств» (Об. Д., 664). *Кто: Меценат иль Медицис.* Медицис — т. е. Медичи. Державин имеет в виду Лоренцо Медичи, по прозвищу Великолепный (1448—1492), флорентийского герцога, поэта, писателя, покровителя наук и художеств, при котором Флоренция стала центром художественной жизни Италии. *Я твой питомец и — судья.* Шувалов был куратором Московского университета, которому была подчинена казанская гимназия, где учился Державин. Судьей Державин называет себя потому, что был избран посредником в тяжбе Шувалова с гр. А. И. Мусиным-Пушкиным, «и он миролюбиво кончил сие дело, однако уже после смерти Ивана Ивановича, к удовольствию обеих сторон» (Об. Д., 665). *Вслед выспренних певцов дерзает.* «Т. е. вслед высоко летающих лебедей, которые, по баснословию, воспевают прекрасно предсмертные себе песни» (Об. Д., 665). *Лучи бросала на других.* «Будучи любимцем Елизаветы, подобно планете, заимствующей лучи от солнца,

щедроты ее источал на других» (Об. Д., 665). *Ты видел смертных, слышал их.* «Он выслушивал всякого и даже самых беднейших людей, к нему приходящих, не уподобляясь истукану или некоторым вельможам, подобным ему» (т. е. истукану) (Об. Д., 665).

К лире («Петь Румянцова сбирался...») (стр. 255). Впервые — Ан. п., стр. 51. Печ. по Изд. 1808 г., т. 3, стр. 55. Это стихотворение — «похвала Румянцову и Суворову, когда первый скончался, а второй находился под гневом императора в его (т. е. в своей. — *В. З.*) деревне» (Об. Д., 714). Вольная переработка 1-й оды Анакреона.

На возвращение графа Зубова из Персии (стр. 255). Впервые — «Друг просвещения», 1804, № 9, стр. 187, под заглавием «На возвращение из Персии чрез Кавказские горы графа В. А. Зубова, 1797 года». Печ. по Изд. 1808 г., т. 2, стр. 86. О В. А. Зубове см. выше, стр. 420. По вступлении на престол Павла I поход на Персию был остановлен, а Зубовым было приказано жить безвыездно в своих деревнях. Местные власти должны были регулярно докладывать о них и о тех, кто к ним приезжает, Тайной канцелярии. Поводом для сочинения оды послужил случай, описанный в Об. Д. (672). Князь С. Ф. Голицын (1748—1810) напомнил Державину об оде «На покорение Дербента», «сказав, что уже теперь герой его не есть Александр и что он уже льстить теперь не найдет за выгодное себе; он (Державин. — *В. З.*) ему ответствовал, что в рассуждении достоинства он никогда не переменяет мыслей и никому не льстит, а пишет истину, что его сердце чувствует. — Это неправда, — ответствовал Голицын, — нынче ему не напишешь. — Вы увидите. Поехав домой, сочинил сию оду в то время, когда Зубов был в совершенном гонении, которая хотя и не была напечатана, но в списке у многих была, несмотря на неблагорасположение императора к Зубову». Поводом для опубликования оды была, по-видимому, смерть Зубова (1804). Некоторые мысли первых строф оды отчасти являются подражанием Горацию. Две строфы этой оды («О юный вождь, сверша походы...» и «Ты зрел, как ясною порою...») Пушкин привел в примечаниях к «Кавказскому пленнику», предварив следующими словами: «Державин в превосходной своей оде графу Зубову первый изобразил в следующих строфах дикие картины Кавказа...» (Полное собрание сочинений, т. 4. М. — Л., 1949, стр. 132—133). *Трезубцем бьет по кораблям.* Каспийское море представлено в образе Нептуна. *Внизу, вверху ты видел все.* «Зубов пошел на знатную степень при дворе из весьма незнатного дворянского состояния, то ему были известны и народ и двор» (Об. Д., 672). *И как в вратах железных... В тебе я Александра чтил!* «Дербент у персиян называется вратами железными, под коим именем Александр Великий (Македонский. — *В. З.*) его завоевал» (Об. Д., 672). *Смотри, — я рек, — триумф минуту, А добродетель век живет.* Эти два стиха напоминают Зубову об оде «На покорение Дербента», в строфе 5 которой Державин предостерегал Зубова от гордости и призывал к добродетели; здесь же Державин «и напоминает то́, говоря, что пророчество его сбылось» (Об. Д., 672). *И был в вельможе человек.* В. А. Зубов «говорил и выслушивал всякого с откровен-

ным сердцем, не так, как брат его, любимец императрицы» (т. е. П. А. Зубов) (Об. Д., 672). *Учиться никогда не поздно.* Будучи в немилости, «Валериан просился в чужие краи, дабы в путешествиях чему-нибудь научиться» (Об. Д., 673). *Исправь поступки юных лет.* «Он был весьма расточительный человек и пристрастен к женщинам, коих часто переменял» (Об. Д., 673). *Тот ближе был к тому покою, К которому мы все идем.* После этих строк в «Друге просвещения» непосредственно следовало четверостишие Державина, посвященное смерти Зубова и заключавшее оду:

Пришел теперь к сему покою
И ты, прекрасный человек;
Когда б толь славною стезею
И мой пресекся век!

Сафо («Блажен, подобится богам...») (стр. 259). Впервые — «Аониды», 1797, кн. 2, стр. 234 с подписью «Д—нъ». С поправками — Ан. п., стр. 103. Печ. по Изд. 1808 г., т. 3, стр. 118. Сафо (VII—VI вв. до н. э.) — древнегреческая поэтесса с острова Лесбос. В трудах греческих и римских философов и поэтов сохранился ряд фрагментов (отрывков) ее произведений, но в более или менее полном виде до нас дошли только две оды. Наиболее знаменитое ее произведение — ода, обращенная к возлюбленной, включена в VIII главу трактата «О высоком» философа Лонгина (III в.). Эта ода вызвала многочисленные переводы и подражания в западной и русской поэзии. Переводом-подражанием этой оды является и стихотворение Державина. Впервые Державин перевел эту оду в 1770 г. (Об. Д., 722), затем, возможно, вторично в 1780 г. («Вестник образования и воспитания», Казань, 1916, № 5—6, стр. 449), но эта редакция не удовлетворила поэта, так как перевод был сделан с французского текста оды. В 1797 г. Державин вновь переводит эту оду, но уже с подстрочного перевода, сделанного непосредственно с греческого текста. Первая черновая редакция опубликована Гротом (2, 42):

Блажен, богам подобен тот,
Кто, сидя напротив, внимает
Глас сладкий уст твоих — и, ах,
Улыбку милую любви!

Я вижу то, — и сердце бьет
Мне в грудь сильней, глас исчезает,
Язык не движется в устах
И быстрый огнь бежит в крови.

Темнеют взоры, шум в ушах,
По телу мраз я ощущаю,
Дрожу, бледнею и, как злак,
Паду без чувства, умираю.

В переработанном виде ода была напечатана в «Аонидах», затем поэт вновь неоднократно возвращается к ней, пока, наконец, ода не приобретает окончательную форму в Ан. п., откуда с незначительными

изменениями перепечатывается в Изд. 1808 г. Там же напечатано стихотворение «Сафы второй перевод» — та же самая ода, но написанная на основании перевода с французского языка. Объясняя причины, по которым он решил в одном томе поместить два перевода одной и той же оды, Державин писал: «Автору рассудилось в сем издании и тот и другой напечатать для сравнения, что французский язык не может иметь той силы в коротких изъяснениях, как греческий; но русским доказывается противное» (т. е. русский язык передает краткость и силу греческого языка лучше, чем французский. — *В. З.*) (Об. Д., 722). По указанию Ильинского (стр. 52), до нас дошло девять редакций обоих переводов. К этому можно добавить и те ранние редакции, о которых писал поэт, — 1770—1780-х гг., неизвестные нам.

Купидон (стр. 259). Впервые — Ан. п., стр. 68. Печ. по Изд. 1808 г., т. 3, стр. 74. «Соч. в Пб. 1797; подражание 3-й анакреонтической оде» (Об. Д., 715).

Дар (стр. 260). Впервые — Ан. п., стр. 78. Печ. по Изд. 1808 г., т. 3, стр. 84.

Развалины (стр. 261). Впервые — «на особенных листках в Саксонии графом Алексеем Григорьевичем Орловым, который выслан был тогда из России императором Павлом» (Об. Д., 713). Печ. по Изд. 1808 г., т. 3, стр. 30. При Павле I Царское село, любимая резиденция Екатерины, приходило в упадок. Стихотворение Державина представляет собой «аллегорическое описание, под образом (т. е. под именем. — *В. З.*) острова Кипра, опустевшего Царского села, а под именем Киприды (т. е. богини любви Афродиты. — *В. З.*) императрицы Екатерины» (Об. Д., 713). *Столпы, подзоры, пирамиды.* Подзор — доска, навесец, выступ над окном. *Полки прекрасных метких слуг* — т. е. крылатых божков любви — Эротов, вооруженных луками и стрелами. *Здесь в полдень уходила в гроты.* Одна из каменных беседок в парке на берегу озера называлась «Гротом». *Тут был Эдем ее прелестный* и т. д. Далее Державин говорит о купальне, в которую вода подводилась через подземные трубы, о так наз. «Китайском театре», «Китайской (или Турецкой) беседке», о горе у Китайского театра, называвшейся «Парнас», о зверинце, о так наз. «розовом поле» — цветнике роз, существовавшем при Екатерине, и т. д. *Вдали музыки роговой.* О роговой музыке см. выше, стр. 376. *Она смотрела: на Алкида* и т. д. Алкид — Геркулес. Державин имеет в виду монумент, поставленный в честь А. Г. Орлова. Другие памятники в Царском селе были поставлены в честь трех братьев Орловых и Румянцева. *По лестнице отлогой шла.* Так как 65-летней императрице было трудно подниматься на второй этаж царскосельского дворца, в 1793 г. для нее была сделана пологая лестница. *Из яшм прозрачных, перлов гнезд.* Т. е. из перламутра. Выражение Державина «перлов гнезд» соответствует немецкому слову Perlenmutter (Perle — перлы, жемчуг; Mutter — кроме основного значения «мать», означает также «углубление или впадину, куда что вкладывается» — см. Грот, 2, 100).

Желание (стр. 264). Впервые — Ан. п., стр. 79. Печ. по Изд. 1808 г., т. 3, стр. 86. Обращено ко второй жене поэта, Дарье Алексеевне. Среди «анакреонтических песен» Державина есть десять, в которых поэтом сознательно, как он это указывает в обращении «К читателям» в начале издания «Анакреонтических песен», не употреблена буква «р». Тем самым Державин хотел показать «изобилие, гибкость, легкость» русского языка, «способность к выражению самых нежнейших чувствований», мягкость. В число этих стихотворений входит «Желание», «Соловей во сне», «Тишина», «Шуточное желание», «Анакреон в собрании» и др.

Люси (стр. 264). Впервые — Ан. п., стр 65. Печ. по Изд. 1808 г., т. 3, стр. 71. Посвящено Елизавете Федоровне Штернберг, воспитаннице невестки Державина Е. А. Стейнбок. «Сия ода почти перевод оды Анакреонтовой» (34-й. — *В. З.*) (Об. Д., 715).

Рождение красоты (стр. 265). Впервые — Ан. п., стр. 74. Печ. по Изд. 1808 г., т. 3, стр. 80. В стихотворении использован древнегреческий миф о том, что богиня любви и красоты Афродита родилась из морской пены. *Ганимед* — юноша, любимец Зевса, взятый им за красоту на Олимп. В «собрании богов» Ганимед разносил божественный напиток — нектар.

К женщинам (стр. 266). Впервые — Ан. п., стр. 71. Печ. по Изд. 1808 г., т. 3, стр. 77. «Соч. в Пб. 1797; подражание 2-й анакреонтической оде» (Об. Д., 716).

Соловей во сне (стр. 267). Впервые — Ан. п., стр. 72. Печ. по Изд. 1808 г., т. 3, стр. 78. *Каллисто* — одна из возлюбленных Зевса. В данном случае это имя употреблено как нарицательное и означает: «возлюбленная», «милая» (см. в конце стихотворения).

Горючий ключ (стр. 267). Впервые — Ан. п., стр. 70. Печ. по Изд. 1808 г., т. 3, стр. 76. Подражание древнегреческой эпиграмме Мариана Схоластика (см. Грот, 2, 129). *Кипридин сын* — Эрот, бог любви. *Перловые* — жемчужные.

Венерин суд (стр. 268). Впервые — Ан. п., стр. 73. Печ. по Изд. 1808 г., т. 3, стр. 79. Подражание 40-й анакреонтической оде. *Венерино дитя* — Эрот.

О удовольствии (стр. 268). Впервые — Изд. 1808 г., т. 2, стр. 64. Переложение оды Горация (кн. III, ода 1). Слово «удовольствие» означает «довольство малым». *Он сверг гигантов с горних мест.* Титанов, которые, согласно мифологии, были ниспровергнуты в Тартар олимпийскими богами во главе с Зевсом, Державин смешивает с титанами других, враждебных олимпийским богам, существ — гигантов. *Медведица и Лев* — названия созвездий. У Горация говорится о созвездиях Арктур и Козлята, что связано с античными приметами: восход Козлят (конец сентября) и заход Арктура

(октябрь) предвещали бурную погоду. Державин не совсем удачно заменила эти созвездия Медведицей и Львом, так что смысл стихов Горация затемнился.

Похвала сельской жизни (стр. 270). Впервые — Изд. 1808 г., т. 2, стр. 70. Начало стихотворения — близкое подражание 2 эподу Горация, затем Державин отходит от античного оригинала, изображая «русские нравы и обычаи» (Об. Д., 666). В рукописи стихотворение называлось: «Горация похвала сельской жизни, сображенная с российскими нравами» (см. Грот, 2, 166). *Пружки* — силки, капканы. *Коновка* — деревянная высокая кружка, жбан. *Младой, к Петрову дню блюденный.* К Петрову дню, к розговенью, в России откармливали лучших баранов. *Устрицы го-гу.* «Охотники до устриц и дичи любят с запахом оные кушать, что называется по-французски го-гу (haut-goût. — *В. З.*), или высокого вкуса» (Об. Д., 667). *Мушель* — раковина (нем. — die Muschel). *Лягушки* — любимое блюдо парижских гурманов. *Зреть карду с тучными волами.* «Кардой называется в понизовых провинциях зимняя загорода для скота, куда в красный день выпускают скотину» (Об. Д., 667).

К самому себе (стр. 273). Впервые — Ан. п., стр. 52. Печ. по Изд. 1808 г., т. 3, стр. 56. По воцарении Павла I генерал-прокурор А. В. Куракин и другие крупные чиновники вельможи беззастенчиво грабили казенных крестьян, отбирая у них землю и перепродавая ее им же втридорога; а затем, якобы для улучшения положения крестьян, стали притеснять и соседних помещиков. Видя это беззаконие и бесчинство, Державин на заседаниях в Межевом департаменте сената «нередко шумливал против генерал-прокуроров, князя Куракина и потом князя Лопухина, также и государственного казначея Васильева, что они так из пристрастия и корыстолюбия во зло употребляли щедроту государя; а как они сие ни во что ставили», то Державин сочинил «песню» «К самому себе» и «распустил по городу, желая, чтобы она дошла до государя и чтоб его (Державина. — *В. З.*) спросили, на чей счет оная писана; тогда бы он и сказал всю правду; но как они боялись до сего довести государя, чем бы открыться могли их пакости, то и терпели, тайно злобясь, делая между тем на его счет неприятные императору внушения» (Грот, 6, 744—745). *И царям сулят доход.* «Разные делали гг. министры проекты ко умножению доходов и получали подарки от императора, как то: князь Куракин, заемный 25-летний банк купонами, а между тем разбирали по себе казенные земли. . .» (Об. Д., 714).

Геркулес (стр. 273). Впервые — Ан. п., стр. 63. Печ. по Изд. 1808 г., т. 3, стр. 69. *Даная* — гречанка. *Мальчиков крылатых строй* — божков любви, амуров.

Богатство (стр. 274). Впервые — Ан. п., стр. 83. Печ. по Изд. 1808 г., т. 3, стр. 94. Перевод 23-й анакреонтической оды.

Параше (стр. 275). Впервые — Ан. п., стр. 82. Печ. по Изд. 1808 г., т. 3, стр. 90. «Соч. в Гатчине 1798 на любовное искание П. А. Нилова, Прасковье Михайловне Бакуниной» (Об. Д., 716).

П. М. Бакунина, свойственница поэта, вместе с двумя сестрами одно время жила в доме Державина. Петр Андреевич Нилов — сын давнего приятеля Державина А. М. Нилова и Е. К. Ниловой, тамбовских литераторов, переводы которых печатались в вольной типографии, организованной Державиным в Тамбове в бытность его там губернатором. Когда П. А. Нилов женился на Бакуниной, они некоторое время жили в одном из флигелей державинского дома. В Гатчине, где летом жили Бакунины, Державин бывал по служебным делам (там находилась резиденция Павла I) и у Н. А. Львова, тоже свойственника Бакуниных. В беловой рукописи Державин сделал шутливое примечание к 3—4 стихам: «Во угождение тех моих приятелей, кои недовольны бывают небогатыми рифмами, должно бы написать:

Как румяна бела каша
С майским, сладким молоком.

Но как я боялся, чтоб на очень сладкую мою Парашу мухи не садились, то и не употребил сей богатой рифмы» (Грот, 3, 737). *Палаша* — сестра Прасковьи, Пелагея Михайловна.

Арфа (стр. 275). Впервые — «Аониды», 1798—1799, кн. 3, стр. 14, под заглавием «К арфе NN». С поправками — Ан. п., стр. 98. Печ. по Изд. 1808 г., т. 3, стр. 110. «Соч. в Званке 1798 Пелагее Михайловне Бакуниной» (Об. Д., 717). Пелагея Михайловна Бакунина (см. выше) играла на арфе. *Как время катится в Казани золотое.* «Потому что тогда император Павел посещал Казань» (Об. Д., 718). Павел I посетил Казань в мае 1798 г. Это событие имеет в виду и стих *«Звучи, как Павел в ней явился благодатен»* (7-я строфа). *Невинности моей и юности обитель* — Казань, где Державин вырос и учился в гимназии. *И гробы обнимать родителей священны?* «В Казанском уезде в селе Егорьеве находится кладбище рода Державина» (Об. Д., 718). *Отечества и дым нам сладок и приятен.* Чацкий в «Горе от ума» приводит этот стих «И дым отечества нам сладок и приятен», как этот стих читался в «Аонидах».

Цепи (стр. 276). Впервые — Ан. п., стр. 100. Печ. по Изд. 1808 г., т. 3, стр. 115. «Соч. на Званке... по случаю потери Анной Михайловной Бакуниной золотой цепочки во время езды ее на Званку» (Об. Д., 718). В Об. Д. датируется 1797 г., у Грота — июлем 1798 г. Принимаем датировку Грота. А. М. Бакунина — одна из пяти сестер Бакуниных, своячениц Державина по второй жене. Званка — имение Державина на берегу Волхова.

Венец бессмертия (стр. 277). Впервые — Ан. п., стр. 155. Печ. по Изд. 1808 г., т. 3, стр. 235. Написано, вероятно, в 1798 г. Посвящено Анакреону (559—474 до н. э.), древнегреческому поэту из г. Теоса. Это стихотворение, по мысли Державина, должно было заключать собрание его анакреонтических пьес (как это было в Ан. п. и в изд. 1808 г.). *Вафиль прекрасный — в рощи, гроты.* Вафиль (точнее — Вафилл) — имя юноши, героя любовной лирики ряда анакреонтических стихотворений, вошедших в сборник «Anacreonteia», приписывавшийся Анакреону, но на самом деле не принадлежащий

ему. *Таланты злата подносили.* Талант — древнегреческая крупная денежная единица. *Так вами, как певец Тиискuй* — т. е. Теосский (Анакреон).

С т р е л о к (стр. 278). Впервые — Ан. п., стр. 91. Печ. по Изд. 1808 г., т. 3, стр. 102. Сочинено «для А. Л. Щербачева, бывшего сенатора и кавалера, человека весьма роскошного», т. е. любителя наслаждений, неги и роскоши (Об. Д., 717).

П е н о ч к а (стр. 278). Впервые — Ан. п., стр. 92. Печ. по Изд. 1808 г., т. 3, стр. 103. «Соч. в Пб. 1799 г. во сне и положена на бумагу тотчас, как проснулся» (Об. Д., 717). В черновой рукописи дата: 11 февраля.

Ж у к о в с к о м у и Р о д з я н к е, п р и с л а в ш и м с б о л ь ш и м и п о х в а л а м и а в т о р у п е р е в о д е г о о д ы «Б о г», н а ф р а н ц у з с к о м я з ы к е (стр. 279). Впервые — Грот, т. 3, стр. 378. Печ. по рукописи. В. А. Жуковский, тогда воспитанник московского университетского пансиона, и его товарищ по пансиону С. Е. Родзянко прислали Державину в январе 1799 г. свой перевод на французский язык его оды «Бог», сопроводив письмом, в котором поэтические заслуги «бессмертного творца «Фелицы», «Памятника герою», «Водопада» и пр. уподоблялись «победам Румянцевых» (см. Грот, 6, 83). *Пиндару русскому, Гомеру* — т. е. Ломоносову.

Н а п о б е д ы в И т а л и и (стр. 279). Впервые — отдельное издание в мае 1799 г. под заглавием «Ода на победы французов в Италии фельдмаршалом графом Суворовым-Рымникским 1799 года». Перепечатано в журнале «Новости», 1799, № 6, стр. 124, с измененным заглавием: «Ода на победы над французами в Италии, одержанные фельдмаршалом» и т. д. и без подписи. Печ. по Изд. 1808 г., т. 2, стр. 99. В 1799 г. Суворов, вызванный из деревни, где он находился в опале, принял командование над объединенной русско-австрийской армией и выступил против французской армии, захватившей Италию. Перейдя с боем реку Адду, в середине апреля он занял Милан. Первым победам Суворова и посвящена ода Державина. Ода построена на использовании образов, заимствованных из Оссиана (см. выше, стр. 400). Однако Державин допускает смешение сказаний и образов скандинавской мифологии с германской. *Далекозвонкий, Валка! щит.* «Древние северные народы... возвещали войну и сбирались на оную по ударению в щит; а Валками назывались у них военные девы...» (Об. Д., 674). Валками Державин называет валькирий, бессмертных красавиц дев, носящихся во время битв по воздуху в золотом вооружении и распределяющих смерть или победу между воинами; валькирии подбирают души героев, павших в бою, относят в Валгаллу (Валгалла — рай в скандинавских сказаниях) и там служат им. *Пред ними сто дубов горят.* «У северных народов было обыкновение торжествовать их победы под звуком арф при зажженных дубах, где и пили они круговую чашу» (Об. Д., 674). *Потряс парижских твердость стен?* Здесь и далее Державин говорит о русском князе Рюрике, якобы завоевавшем часть Франции. *В Валкале звук своих побед.* «По древнему варяго-русскому баснословию

(так Державин называет скандинавскую мифологию. — *В. З.*), герои их по смерти своей торжествовали свои победы в Валкале (т. е. Валгалле. — *В. З.*), т. е. в раю» (Об. Д., 674), куда их души уносят валькирии. *Воспитанный в огнях, во льдах.* «Суворов, чтоб лучше переносить военные трудности, приучил себя измлада к холоду и к жару, ходя в самые знойные дни с открытою головою и окачиваясь всякое утро холодною со льдом...» (Об. Д., 675). *Звезда, прешедша мира тропы.* «Комета, прошедшая тропики, или пути солнечные, т. е. Суворов с оружием многие прошел страны» (Об. Д., 675). *Сбылось пророчество, сбылось.* В оде «На возвращение графа Зубова из Персии» Державин говорил о Суворове, бывшем тогда в опале: «Еще горит его звезда». *Луч, воссиявший из-под спуда.* «Т. е. бывший под угнетением или в ссылке воссиял вновь славою» (Об. Д., 675).

Русские девушки (стр. 280). Впервые — Ан. п., стр. 93. Печ. по Изд. 1808 г., т. 3, стр. 104. *Певец Тииский* — Анакреон. *Бычок* — крестьянский танец. В экземпляре Ан. п., подаренном жене, поэт исправил строки 20-ю и 23-ю: «Льва, орла, сердца разят» и «К ним на крыльях сладострастных».

Виша (стр. 282). Впервые — Ан. п., стр. 87. Печ. по Изд. 1808 г., т. 3, стр. 98. «Соч. в Више (маленькой деревне г. Жуковского, в Белоруссии находящейся...), где автор угащиван был в 1799» (Об. Д., 717). *Жуковский* — белорусский помещик.

Мельник (стр. 282). Впервые — Ан. п., стр. 88. Печ. по Изд. 1808 г., т. 3, стр. 99. «Сочинено... для Ф. М. Колокольцова (приятеля и сослуживца Державина по сенату. — *В. З.*) в шутку» (Об. Д., 717). *Назол (назола)* — досада, огорчение.

Снигирь (стр. 283). Впервые — «Друг просвещения», 1805, № 6, стр. 186, под заглавием «К снигирю. По кончине князя Суворова» и с примечанием: «Сия пьеса прислана от неизвестного». Печ. по Изд. 1808 г., т. 2, стр. 117. Стихотворение написано на смерть Суворова, скончавшегося 6 мая 1800 г. в присутствии Державина. «У автора в клетке был снигирь, выученный петь одно колено военного марша; когда автор по преставлении сего героя возвратился в дом, то, услыша, что сия птичка поет военную песнь, написал сию оду в память столь славного мужа» (Об. Д., 677). *С кем мы пойдем войной на Гиену?* «Гиена, злейший африканский зверь, под коей здесь разумеется революционный дух Франции» (Об. Д., 677). Последние годы жизни Суворов командовал русско-австрийской армией, действовавшей против французов. *Скиптры давая, зваться рабом.* На завоеванные Суворовым территории возвращались монархи, изгнанные оттуда французскими республиканскими войсками. В то же время сам Суворов находился в немилости у Павла I, подвергаясь с его стороны неоднократным унижениям и преследованиям. С этим, возможно, связан следующий набросок Державина, впервые опубликованный Гротом (3, 373) с пропуском во второй строфе имени Суворова; правильный текст восстановлен И. А. Бычковым в «Отчете императорской Публичной библиотеки за 1892 г.», СПб., 1895, стр. 15, и Гуковским, прямо считающим, что «тираном» Державин называет здесь Павла I (см. стр. 376 и 542):

Всторжествовал — и усмехнулся
Внутри души своей тиран,
Что гром его не промахнулся,
Что им удар последний дан
Непобедимому герою,
Который в тысящи боях
Боролся твердой с ним душою
И презирал угрозы страх.

Нет, не тиран, не лютый рок,
Не смерть Суворова сразила:
Венцедаятель, славы бог
Архистратига Михаила
Послал, небесных вождя сил,
Да приведет к нему вождя земного
Приять возмездия венец,
Как луч от свода голубого.

На смерть Суворова (стр. 284). Впервые — Грот, т. 3, стр. 380. Печ. по рукописи. Державин же составил следующую замечательную своим предельным лаконизмом и высокой простотой надпись, которая вырезана на гробнице Суворова в Александро-Невской лавре в Ленинграде: «Здесь лежит Суворов».

Гитара (стр. 284). Впервые — Ан. п., стр. 142. Печ. по Изд. 1808 г., т. 3, стр. 161. Стихотворение написано для Авдотьи Семеновны Жегулиной, в замужестве Ершовой. *Пиндар* — выдающийся греческий поэт V—IV вв. до н. э., автор торжественных од. В 1800 г. Державин перевел оду Пиндара «Первая Пиндарова пифическая песнь Этнянину Хирону, королю сиракузскому, на победу его колесницы» (см. Грот, 2, 329). *Отлики* — отличия.

Тишина (стр. 285). Впервые — Ан. п., стр. 138. Печ. по Изд. 1808 г., т. 3, стр. 157. Первоначально (в Ан. п.) было напечатано без буквы «р», но затем Державин заменил в предпоследней строке слово «восшумела» словом «возгремела». *Не колыхнет Волхов темный.* На левом берегу Волхова было имение Державина Званка. *Певец Тиисский* — Анакреон. В экземпляре Ан. п. поэт поправил строку 8-ю: «Как в могиле, так во сне».

Тончию (стр. 285). Впервые — Ан. п., стр. 105. Печ. по Изд. 1808 г., т. 3, стр. 121. Стихотворение написано как «программа для портрета автора (т. е. Державина. — *В. З.*), данная сему живописцу 1801 ноября дня» (Об. Д., 718). Итальянский художник Сальватор *Тончи* (1756—1844), приехавший в Россию в середине 1790-х гг., начал писать портрет Державина. Некоторые советовали ему изобразить поэта в мундире и во всех орденах, другие — без всяких украшений. Тончи обратился к самому Державину, «который, чтоб удовлетворить и ту и другую сторону спорильщиков, велел представить себя так, как в сей оде он описан». Художник точно воплотил замысел поэта, передав в картине содержание 4-й и 5-й строф стихотворения. Он даже попытался передать содержание

строки «Чтоб шел, природой лишь водим», изобразив на снегу следы Державина. В настоящее время картина хранится в Государственной Третьяковской галерее, в Москве. *В Омире древнем, Аристиде, Сократе и Катоне ввек.* Омир — Гомер. Марк Порций Катон Утический (I в. до н. э.) — римский государственный деятель, отличавшийся твердостью, постоянством и преданностью республиканскому строю. Об Аристиде см. выше, стр. 393. *Но тога иль мундир кургузый.* Тога — «плащ, или мантия сенаторов римских» (Об. Д., 719). *Чтоб шел, природой лишь водим.* «Сими стихами автор хотел изобразить, первое: что он без всяких почти наук, одной природою стал поэтом; второе: что в службе своей многие имел препятствия, но характером своим без всякого покровительства их преодолевал» (Об. Д., 719). *Что был прапращур мой Багрим.* Державины вели свой род от татарского мурзы Багрима.

Приношение красавицам (стр. 287). Впервые — Ан. п., стр. 3. Печ. по Изд. 1808 г., т. 3, стр. 1. В обоих изданиях это стихотворение является посвящением или вступлением к собранию анакреонтических песен Державина. Задумано оно, по предположению Грота, в 1797 г. (2, 364), написано около 1801 г.

Крестьянин и дуб (стр. 287). Впервые — «Сын отечества», 1816, ч. 34, стр. 154. По рукописи — Грот, т. 2, стр. 449. Печ. по этому изданию. В начале 1802 г. Державин по поручению Александра I находился в Калуге для расследования преступлений и бесчинств губернатора Д. И. Лопухина. Проведенное следствие установило, что Лопухин виновен как во многих серьезных преступлениях, так и во всякого рода безобразиях (бил в городе стекла, ездил верхом на дьяконе в губернском правлении и т. п.). Но Лопухин надеялся на заступничество влиятельных родственников и друзей, близких ко двору (их Державин разумеет в басне под «корнями» дуба). Под мужиком, рубящим дуб, подразумевается сам Державин, а «листья и ветви» — мелкие чиновники, участвовавшие в злоупотреблениях губернатора. Басня, несомненно, написана в Калуге (т. е. в январе — феврале 1802 г.). До нас дошла тетрадь одного из калужских жителей (вероятно, чиновника), где вслед за басней Державина следует ответ неизвестного автора, без сомнения принадлежавшего к «сподвижникам» Лопухина по злоупотреблениям:

ОТВЕТ

Мужик, ты, видно, глуп,
    Когда не зришь,
Что весь топор твой туп, —
    Не то творишь.
Из древ ты рубишь крепко древо,
Кто комлем лишь налево,
    А корень весь в земле.
Ему нельзя совсем свалиться.
Смотри, не даром чтоб трудиться,
    Подобно мгле.

Напрасный труд ничуть не дивен,
Себе, не людям он противен.
    Но если дуб падет,
Храни, боже, как к той стране,
Где ты стоишь, да сучья брякнут
    И сила их махнет,
То так тебя прижамкнут,
Уж вряд на плечах быть главе.

(ГБ СССР им. В. И. Ленина, Рукописный отдел, М. 2239/6, лл. об. 1—2)

Анонимный автор «Ответа» в значительной степени оказался прав. «Листья и ветви» были осуждены, но самому Лопухину помогли «корни»: он был оправдан.

Охотник (стр. 288). Впервые — Ан. п., стр. 127. Печ. по Изд. 1808 г., т. 3, стр. 145. Михаил Петрович Яхонтов, двоюродный брат жены Державина, «увидел двух девиц (вероятно, Бакуниных. — *В. З.*), приехав в гости к автору, влюбился — и по сему случаю песнь сия сочинена» (Об. Д., 720).

Шуточное желание (стр. 288). Впервые — Ан. п., стр. 144. Печ. по Изд. 1808 г., т. 3, стр. 163. В опере П. И. Чайковского «Пиковая дама» это стихотворение, положенное на музыку, вложено в уста Томскому.

Старик (стр. 289). Впервые — Ан. п., стр. 148. Печ. по Изд. 1808 г., т. 3, стр. 169. Подражание 11-й анакреонтической оде («На себя самого»).

Деревенская жизнь (стр. 289). Впервые — Ан. п., стр. 126, под заглавием «Жизнь деревенская». Печ. по Изд. 1808 г., т. 3, стр. 143. Некоторые мотивы стихотворения перекликаются с 15-й анакреонтической одой. *Богат, коль Лель и Лада Мне дружны, и Услад.* «Славянские божества: Лель — Амур, Лада — Венера. Услад — Бахус» (Об. Д., 720).

К Скопихину (стр. 290). Впервые — «Друг просвещения», 1805, № 4, стр. 7, с подписью «От неизвестного». Имена Шереметева и др. приведены полностью. Печ. по Изд. 1808 г., т. 2, стр. 193, но вместо фамилий здесь стоит только начальная буква и несколько точек. Подражание оде Горация (кн. II, ода 2). *Скопихин! враг его ты злой.* «Под именем Скопихина разумеется Собакин, миллионщик, но весьма скупой, который, по крайней мере, неизвестен публике, — не сделал никакого народного благодеяния, хотя прочие, несравненно меньше его имения имущие, оказали себя полезными бедным людям разными добрыми учреждениями» (Об. Д., 689). *Бессмертно Минин будет жить.* Нижегородский купец Козьма Минин, один из организаторов народного ополчения, отдавший все свое состояние на борьбу с польскими интервентами. *И тот Демидов, что с терпеньем.* П. Г. Демидов (1738—1821), уральский заводчик, в 1803 г. «до

двух миллионов капиталу отдал в пользу училищ» (Об. Д., 689). *О! если Шереметев к дням.* Н. П. Шереметев (1751—1809), «первый богач из русского дворянства, делал великолепные пиры в Москве и в Петербурге для угощения императорских величеств и народа. А в 1803 г. <пожертвовал> капиталу до двух миллионов на построение и содержание славной московской больницы» (Об. Д., 690). *Держа Владимиров равенство.* «Владимиров, купец петербургский, торговавший во время императрицы Елизаветы, который, быв великий капиталист, не давал утеснять иностранным купцам русских, скупая у них товары за хорошую цену, и после продавал своим за умеренную цену, поддерживая тем торг и дешевизну в товарах» (Об. Д., 690). Слова из этого стихотворения («Престань и ты жить в погребах, Как крот в ущельях подземельных») Пушкин сперва хотел предпослать в качестве эпиграфа своей «маленькой трагедии» «Скупой рыцарь».

Свобода (стр. 292). Впервые — Ан. п., стр. 152. Печ. по Изд. 1808 г., т. 3, стр. 173. «Соч. в Пб. 1803 октября 8 числа; относится на отставку из службы автора» (Об. Д., 721). В октябре 1803 г. Державин был уволен от должности министра юстиции. Александр I предлагал ему остаться в сенате и государственном совете с сохранением министерского жалованья и обещал дать высший русский орден — Андрея Первозванного. Но Державин «отказал, сказав самому императору, что он (т. е. император. — *В. З.*) в сенате не услышит, а в совете не увидит, когда надобно менять справедливость на чьи-нибудь прихоти, и что тогда хорошо служить, когда гладки воды не могут колебать непогоды, т. е. законы нарушать пристрастие» (Об. Д., 721). В первоначальной редакции стихотворения буква «р» отсутствовала (вместо «На высоком вдруг холму» было «На высоком миг холму»). *На высоком вдруг холму* — т. е. был в высоком чине. *Я носил на плечах холм* — т. е. исполнял тяжелую должность министра юстиции (или, как называли по привычке, — генерал-прокурора).

Фонарь (стр. 292). Впервые — отдельное издание вместе со стихотворением «Колесница», 1804, без имени автора. Затем — «Друг просвещения», 1804, № 7, стр. 3. Печ. по Изд. 1808 г., т. 2, стр. 170. Фонарь — «оптическая машина, изображающая на полотне» различные картины. В конце XVIII в. «волшебный фонарь» был усовершенствован, и стала возможной публичная демонстрация гравюр, диапозитивов и пр. Стихотворение написано в конце 1803 или в начале 1804 г. Поводом к написанию было «оптическое зрелище и смена автора с поста министра юстиции: для того, чтоб равнодушно это переносить и положиться во всем на волю вышнего, написал он в собственное утешение сию пьесу, в которой смеялся над суетою мира» (Грот, 9, 258). *Стогны* — площади, улицы в городе. *Озетить* — высмотреть, увидеть. *Агница* — овечка, ягненок. *Лысть* — рыбья кожа. *Стремит в свои вод реки трубы.* «Киты в свои поверхностные отверстия устремляют так воду, как реки или водометы» (т. е. фонтаны) (Об. Д., 685—686). *Жупел* — горящая смола, жар и смрад. *Торговый гость* — купец. *Тук* — удобрение, перегной, жир.

Угобзить — удобрить. *Бразды* — борозды; здесь — пашня, поле. *Отважный, дерзкий вождь, счастливый.* Вся эта строфа относится к Наполеону.

Зима (стр. 297). Впервые — Изд. 1808 г., т. 2, стр. 202. Все имена означены заглавными буквами и несколькими точками. Стихотворение написано зимой 1803—1804 гг. (Вельяминов не дожил до следующей зимы). В Об. Д. ошибочно указан 1805 г. *Хариты* — имеются в виду великие княжны Александра (ум. 1801) и Елена (ум. 1803) Павловны, которым было ранее посвящено стихотворение «Хариты» (см. стр. 417). *За Днепром Капнист живет.* Имение Капниста Обуховка было в Полтавской губернии. *Вельяминов* П. Л. (ум. в ноябре 1804 г.) — друг Державина и Н. А. Львова. Одной из «скорбей», «согнувших в дугу» Вельяминова, была смерть Львова. Вельяминов занимался литературой, писал стихи. *Хлор* — Александр I (см. выше, стр. 375). *Добрада* — его мать, императрица Мария Федоровна. *Алый сок* — пунш. *Воспоем наш хлад прекрасный.* «Александр император прекрасен лицом и весьма хладнокровен, то автор, разумея его Зимой, желает ему здоровья» (Об. Д., 693).

Весна (стр. 298). Впервые — Изд. 1808 г., т. 2, стр. 207. Послание обращено к Федору Петровичу Львову (ум. 1835), дальнему свойственнику жены Державина (двоюродному брату Н. А. Львова). В 1834 г. Львов издал «Объяснения Державина к своим сочинениям», которые поэт диктовал своей родственнице Е. Н. Львовой, будущей второй жене Ф. П. Львова. Начало стихотворения представляет собою вольное подражание Горацию (кн. I, ода 4, и кн. IV, ода 7). *Фавон* — римское название Зефира, теплого западного ветра. *Стогнов согреть не пышет огонь.* «На стогнах, или на площадях, в большие морозы раскладывается огонь для согревания народа» (Об. Д., 693). *Петрополь вкушать Свежий зефир валит в лукоморье.* Ежегодно на взморье, в Екатерингофе, 1 мая бывали народные гулянья. По указанию Н. Ф. Остолопова («Ключ к сочинениям Державина». СПб., 1822, стр. 94), стихотворение написано по поводу того, что Ф. П. Львов пригласил Державина и других в загородный дом 1 мая 1804 г. Петрополь — Петербург. *Милу жену, вкруг рощу сынов.* От первой жены у Львова было десять сыновей. *Ревель что дал и Кронштадт.* «При городе Ревеле и Кронштадте были таможни, которые иногда контрабандою полученные товары по закону арестовав (т. е. конфисковав. — *В. З.*), присылали по обыкновению г. Львову» (Об. Д., 693). Сам Ф. П. Львов эту строфу объяснял так: «Г. Львов, будучи неоднократно посылан для прекращения тайного привоза иностранных товаров (Львов служил директором канцелярии министра коммерции. — *В. З.*), известен был по значительным конфискациям, какие он сделал, и, возбуждая зависть, озабочен был клеветою, почему автор и говорит выше: «Что ж ты стоишь, так мало утешен» («Объяснения Державина на свои сочинения», изданные Ф. П. Львовым. СПб., 1834, ч. 1, стр. 59). *В свертках травы что слаще сота.* «Итальянские сладкие вина обыкновенно присылаются в стклянках, оплетенных травою» (Об. Д., 693).

Лето (стр. 299). Впервые — «Вестник Европы», 1805, № 18, стр. 107, без подписи и с примечанием: «Автор не подписал своего имени — это и не нужно. Читатели узнают российского барда по напеву. *Изд.*» Печ. по Изд. 1808 г., т. 2, стр. 228, причем имя Дмитриева означено только начальной буквой. Стихотворение написано летом 1804 г. в Званке (в Об. Д. ошибочно указан 1805 г.). Думая, что поэт И. И. Дмитриев (1760—1837), его давний друг, также находится в своем сызранском поместье, Державин отправил ему стихи без подписи. Дмитриев догадался, кто был автором послания, и ответил тоже стихами:

Бард безымянный, тебя ль не узнаю?
Орлий издавна знаком мне полет.
Я не в отчизне, в Москве обитаю —
В жилище сует.

Тщетно поэту искать вдохновений
Тамо, где враны глушат соловьев:
Тщетно в дубравах здесь бродит мой гений
Близ светлых ручьев.

Тамо встречает на каждом он шаге
Рдяных сатиров и Вакховых жриц,
Скачущих с воплем и плеском в отваге
Вкруг древних гробниц...
и т. д.

Ответ Дмитриева был напечатан в октябрьском номере «Вестника Европы». Получив ответное послание, Державин в свою очередь написал стихотворение «Цыганская пляска» (о цыганах идет речь в третьей и следующих строфах послания Дмитриева) (см. ниже, стр. 441).

Осень (стр. 300). Впервые — «Вестник Европы», 1805, № 23, стр. 189, с подписью «Д — нъ». Печ. по Изд. 1808 г., т. 2, стр. 230. *Ярцов* А. Н. (1737—1819) — родственник и приятель Державина. В журнале вместо фамилии «Ярцов» было напечатано «Шахтин», в Изд. 1808 г. — «Я.....». Это стихотворение, как и три других из цикла «времен года» («Зима», «Весна», «Лето»), отнесено Державиным в Об. Д. к 1805 г. Однако три последних написаны, бесспорно, в 1804 г. Поэтому и по взаимному расположению стихотворений в рукописях датируем и стихотворение «Осень» осенью 1804 г. Позволяет уточнить датировку и упоминание о подготовке к войне. *Там в бледных туманах ржет нам война.* Россия начала готовиться к новой войне с Францией с середины 1804 г. Непосредственным поводом послужила казнь герцога Энгиенского 21 марта 1804 г., после которой Александр I порвал союз с Наполеоном и примкнул к коалиции стран, боровшихся против Франции. *Так если с Урала златые ключи в царский лил кладезь, их сам не пьючи.* «Г. Ярцов, в горном правлении, в Екатеринбурге находящемся, был главный директор всех заводов, открыл многие золотые рудники и добывал золота более, нежели предместники и последователи его, по бескоры-

стию сам ничего не пользуясь» (Об. Д., 696). *Я дни мнил Астреи, мир и покой.* «Астрея, богиня правосудия, которая, сошедши на землю, принесла золотой век. Автор говорит про себя, что, будучи генерал-прокурором (т. е. министром юстиции. — *В. Э.*), хотел ввести правосудие, желая общих благ» (Об. Д., 696).

На пастуший балет (стр. 301). Впервые — Ан. п., стр. 154. Печ. по Изд. 1808 г., т. 3, стр. 175. Сочинено в ноябре 1804 г. «по случаю представленного при дворе пастушьего балета» (Об. Д., 721). *Дитя* — Амур.

Оленину (стр. 302). Впервые — Изд. 1808 г., т. 2, стр. 190. *Оленин* Алексей Николаевич (1763—1843) — друг Державина и иллюстратор его сочинений, видный деятель русской культуры: директор Петербургской Публичной библиотеки, президент Академии художеств, археолог, лингвист и художник. Он сделал большое количество рисунков для сочинений Державина. Не найдя в России граверов, которые бы смогли выполнить гравюры для печати, Державин послал рисунки в Англию, но безрезультатно. Рукопись была возвращена Державину, однако без рисунка к оде «На взятие Измаила», на котором был изображен русский гренадер, идущий против Везувия. Державин просил Оленина, «чтоб вновь сделал оный; он медлил более года, и для того побудил его автора сей одою к исполнению обещанного им сего труда» (Об. Д., 689). Иллюстрации Оленина к стихам Державина воспроизведены в издании Грота. *Моей поэзьи изограф.* «Изограф, или живописец» (Об. Д. 688). *Не снес, красе возревновав.* «Английские художники, как думают, из зависти к славе российской или чрезвычайно живо изображенному рисунку, выдрали тот лист» (Об. Д., 689). *В чьем рашкуле, мелу, чернилах...* Рашкуль — карандаш, употребляемый в живописи; мел — для рисования. *Представь* мне *воина идуща... Лежат Иракловы столпы.* Эта строфа представляет собой точное описание картинки к оде «На взятие Измаила» (см. рис. у Грота, 1, 341). Иракловы столпы — Геркулесовы столбы (мыс Цеута в Африке и Гибралтар в Европе) — пределы мира, по представлениям древних. На рисунке русский солдат опрокинул Иракловы столпы, т. е. совершил невозможное. *И за зерцалом дел в вершенье.* Т. е. за чиновничьим, судейским столом. Зерцала — находившаяся на столе в каждом присутственном месте трехгранная призма с тремя указами Петра I, напоминающими судьям «строго законы и правосудие» (Об. Д., 689). *Три дщери своего рожденья* — т. е. три главные искусства: поэзия, живопись и музыка. *Пришли в полнощь, как Петр предрек.* «Петр В<еликий> сказал, что науки и художества странствуют по всему свету, — придет время, что посетят и наш край» (Об. Д., 689). Полнощь («полночные страны») — в данном случае Россия. *Пойдем Сатурна побеждать.* «Т. е. побеждать время или забвение» (Об. Д., 689).

Лебедь (стр. 303). Впервые — Изд. 1808 г., т. 2, стр. 315. Стихотворение замыкает том, как «Памятник» заключает первый, а «Венец бессмертия» — третий. Подражание оде Горация «К Меценату» (кн. II, ода 20). Лебедь — символ поэзии и света. Державин писал об этом стихотворении: «Непростительно бы было так само-

хвальствовать; но как Гораций и прочие древние поэты присвоили себе сие преимущество, то и автор тем пользуется, не думая быть осужденным за то своими соотечественниками, тем паче что поэзия его — истинная картина натуры» (Грот, 9, 260). *Не задержусь в вратах мытарств.* «Как у католиков признается чистилище, — в греко-российской церкви мытарства, или заставы, из духов состоящие, где умершие души должны дать отчет в злых и добрых своих делах добрым и злым духам по имеющимся у них записным тетрадям» (Об. Д., 711). *Средь звезд не превращусь я в прах.* «Средь звезд, или орденов совсем не сгнию так, как другие» (Об. Д., 711). *Чтобы услышать богу песнь.* Державин имеет в виду свою оду «Бог». *И, проповедуя мир миру, себя всех счастьем веселил.* «Сими двумя стихами означает автор, что он сочинил миролюбивые правила третейского совестного суда, которые хотя императором Александром благосклонно приняты во время его отправления должности министра юстиции, но чрез пронырство его завистников в свет не вышли» (Об. Д., 711).

Фалконетов Купидон (стр. 305). Впервые — Ан. п., стр. 150. Печ. по Изд. 1808 г., т. 3, стр. 171. Этьен-Морис *Фальконе* (1716—1791) — выдающийся французский скульптор, работавший в России с 1766 по 1778 г. Из работ его наибольшей известностью пользуется памятник Петру I («Медный всадник»). Скульптура сидящего Амура, о которой идет речь в стихотворении, принадлежала князю А. А. Безбородко и была выставлена в его картинной галерее. В настоящее время находится в Государственном Эрмитаже в Ленинграде.

Цыганская пляска (стр. 306). Впервые — «Вестник Европы», 1805, № 22, стр. 134, с подписью «Д — нъ». Печ. по Изд. 1808 г., т. 3, стр. 113. Написано по поводу ответного послания И. И. Дмитриева (см. выше, стр. 439). В рукописи дата: «10 Генваря 1805 года» (Арх. ГПБ, т. 1, л. 313). *Египтянка* — цыганка. В XVIII в. полагали, что цыгане являются потомками древних египтян. *Эвоа!* — «Известный припев или восклицание древних вакханок при их пьянственных играх» (Об. Д., 718). *И в нежного певца.* «И. И. Дмитриев упражнялся в песнях нежного рода, в баснях и сказках» (Об. Д., 718).

Ответ Тромпетина к Булавкину (стр. 308). Впервые — «Друг просвещения», 1805, № 9, стр. 198. С поправками — Грот, т. 3, стр. 514. Печ. по рукописи. Державин отвечает здесь на направленную против него эпиграмму, опубликованную в майской книжке «Журнала российской словесности» Н. И. Брусилова за подписью «Б. . .» (вероятнее всего, самого Брусилова):

Проходит слава царств, и царства исчезают!
Пальмира гордая, где ты? .. Увы! не знают!
И Александров гроб и город разрушен,
В котором сильный царь земли был погребен,
Героев град забыт, забыт и с их делами —
А ты жить в вечности с великими мужами,
Тромпетин! захотел стихами!

Тромпетин (фр. trompette — труба) — персонаж из комедии Я. Б. Княжнина «Чудаки».

Мщение (стр. 308). Впервые — Изд. 1808 г., т. 3, стр. 176. Мотив, лежащий в основе этого стихотворения, впервые встречается в античной повести Лонга (IV или V в.) «Дафнис и Хлоя». Затем его обработал итальянский поэт Гварини (XVI в.), которому подражал немецкий поэт XVIII в. Гец. По-видимому, Державин воспользовался немецким вариантом стихотворения, автором которого был Гец. С итальянского подлинника стихотворение было переведено А. С. Шишковым (см. Грот, 2, 550). *Был ужаленным Эрот.* В первоначальном тексте было: «Был ужален тут Эрот». Исправлено Державиным (см. Грот, 2, 550).

На Багратиона (стр. 309). Впервые — отдельный листок, СПб., 1806. Затем — «Благонамеренный», 1818, № 2, стр. 278. Печ. последняя рукописная редакция. *Багратион* Петр Иванович (1765—1812) особенную популярность приобрел после Шенграбенского сражения 4 ноября 1805 г., в котором он, имея 6000 гренадеров, устоял против 30 000 французов, прикрыв тем самым русскую армию от двухсоттысячной армии Наполеона и дав возможность главным силам М. И. Кутузова соединиться с вспомогательным корпусом. После этого отряд его прорвал кольцо французских войск и присоединился к армии. В начале 1806 г. Петербург и Москва устроили Багратиону торжественную встречу. Стихи Державина отразили общее восхищение подвигами будущего героя Отечественной войны 1812 г.

Облако (стр. 309). Впервые — отдельная брошюра, СПб., 1806, вместе со стихотворениями «Гром» и «Радуга». Печ. по Изд. 1808 г., т. 2, стр. 257. *Как Антонины на престоле, так Эпиктиты и в неволе.* Марк Аврелий Антонин (II в.) — римский император; в литературе эпохи классицизма его имя стало нарицательным для обозначения добродетельного и мудрого государя. Эпиктит (Эпиктет — I—II вв.) — греческий философ-стоик; был рабом.

Гром (стр. 311). Впервые — отдельная брошюра, СПб., 1806, вместе со стихотворениями «Облако» и «Радуга». Печ. по Изд. 1808 г., т. 2, стр. 261. *Дуб вспыхнул, холм стал водометом.* «Случается, что одним ударом громовым загорается лес и из пробитой земли подымаются источники» (Об. Д., 700). *Митра* — «папская корона» (Об. Д., 701). *Зельный* — сильный, великий. *О гром! гроза духов тех гордых.* По библейской легенде, Люцифер и другие восставшие против бога ангелы были повержены молнией в ад. *И жуплов тьмы на князя ада.* Тьма — здесь: множество. Князь ада — Люцифер. Жупел — горящая смола, «серный огонь» (Об. Д., 701).

Радуга (стр. 314). Впервые — отдельная брошюра, СПб., 1806, вместе со стихотворениями «Облако» и «Гром». Печ. по Изд. 1808 г., т. 2, стр. 266. *Апеллес* (IV в. до н. э.) — великий древнегреческий художник. Имя его стало нарицательным для обозначе-

ния талантливого художника. *Составь, — и зови зреть Афины Картины.* «Афины, главный город в Аттике, где было обыкновение выставлять для суждения знатоков на площади картины» (Об. Д., 701). *Изограф* — живописец. *Стала в залог тихих дней мира.* Речь идет о русско-французской войне 1805—1807 гг.

Цепочка (стр. 315). Впервые — Изд. 1808 г., т. 3, стр. 180. Перевод стихотворения Гете «С золотой цепочкой» («Mit einem goldenen Halskettchen»).

Персей и Андромеда (стр. 316). Впервые — отдельное издание, СПб., 1807. Печ. по Изд. 1808 г., т. 2, стр. 275. В рукописи к заглавию прибавлено: «Кантата на победу французов русскими». «Кантата» посвящена сражению при Прейсиш-Эйлау (26—27 января 1807 г.). На самом деле в этой кровопролитной битве не победили ни русские, ни французы, но в Петербурге результат сражения был объявлен победой. Для прославления этой «победы» Державин воспользовался древнегреческим мифом о Персее и Андромеде. Прикованную к скале Андромеду (т. е. Европу) спасает от чудовища (Наполеона) герой Персей (Россия или Александр I). *Дивий* — удивительный, чудовищный *В Губителе мы баснь живого Саламандра.* Саламандр — сказочное существо, живущее в огне и обладающее подобием человека. «В 1-м издании напечатано было: в Наполеоне; но когда издание сие выходило (т. е. в 1807—1808 гг. — *В. З.*), заключен мир, и потому уже написано: в Губителе» (Об. Д., 701). *Повеся шлем на меч, им в землю водруженный.* «По одержании победы Бенигсон (Л. Л. Беннигсен — 1745 — 1826 — русский главнокомандующий. — *В. З.*) воткнул свою шпагу в землю, повесил на ней свой шлем и <положив> на барабан крест, приказал в виду стоящей всей в параде армии священнику петь благодарный молебен и во все время стоял на коленях» (Об. Д,. 701).

Атаману и войску Донскому (стр. 320). Впервые — отдельное издание, СПб., 1807. Печ. по Изд. 1808 г., т. 2, стр. 287. В рукописи заглавие: «Платову». «Писано в Пб. 1807 г. мая дня по случаю многих удачных сшибок легких войск наших, под предводительством атамана Донского, т. е. Платова, с французами» (Об. Д., 703). Матвей Иванович Платов (1751—1818) — выдающийся русский генерал, возглавлявший Донское казачье войско, «прославился в войне с французами 1807 года разными своими нечаянными нападениями на неприятеля» (Об. Д., 703); герой Отечественной войны 1812 г. Стихотворение рассматривалось Державиным как образец «шутливого вдохновения» (см. Грот, 7, 535). Жуковский, описывая подвиги Платова в «Певце во стане русских воинов», во многом следовал за Державиным. *И зря на туск, на блеск червонца* и т. д. Державин пишет о казаках: «Они по червонцу или по другим золотым вещам, когда они потускнеют или светлы бывают, узнают, ведро или ненастье будет завтра, и потому ближе или дале ставят свои потаенные караулы; ертаул у них называется отводной караул, из часового состоящий, который как завидит неприятеля вдали, то вертится на лошади по солнцу или

против солнца, давая через то знать, далеко ли или близко неприятель, во многом ли или малом числе» (Об. Д., 703). *Фазанов удишь, как ершей.* «Под фазанами разумеются и под ершами французы, которые, как первые, хорохорятся или тщеславятся, а как вторые, колются или защищаются сильно. Во время войны (т. е. при первой публикации стихотворения. — *В. З.)* они названы были настоящим их именем; но когда состоялся мир, то из уважения к союзникам настоящее их имя переменено на аллегорическое» (Об. Д., 703). *Разил ты Льва, Луне гнул роги, Ходил противу Солнца в бой.* Лев — символическое обозначение Швеции, Луна — Турции, Солнце — Персии. *Почто ж вепря щетинночерна.* «Под лютым сим зверем разумеется здесь неприятель, который, обрывшись в укрепленном лагере, стоял всю зиму, окруженный артиллериею» (Об. Д., 703). *Был грех: от свар своих кряхтели, Теряли янством и главы.* «Т. е. от междоусобия своего страдали и от эгоизма погибали: янство, или эгоизм» (Об. Д., 704). *Был враг чипчак, и где чипчаки.* «Чипчаки (или Золотая Орда), которые прежде магометанства в идолопоклонстве так назывались» (Об. Д., 704). *При Святославиче Добрыня.* Имеется в виду герой русских былин Добрыня Никитич, который, по преданию, жил при кн. Владимире Святославиче (Крестителе). *Убил дракона.* Державин имеет в виду былину о борьбе Добрыни со Змеем Горынычем. *Чернец Донского — исполина Татарского поверг во прах.* Монах Пересвет победил в единоборстве татарского богатыря-великана Челубея. Этим поединком началась Куликовская битва 1380 г., в которой русское войско под командованием великого князя Московского Дмитрия Ивановича, прозванного впоследствии Донским, одержало победу над татарами. *Голицын, Шереметев.* «При Петре Великом побеждали шведов» (Об. Д., 704). *Львовы зубы.* Имеется в виду Швеция. *Чесма, Кагул, Крым, Рымник, Тавр.* «При императрице Екатерине II под Чесмой сжег турецкий флот граф Орлов, и потому назван Чесменским. Под Кагулом полтораста тысяч турков осьмнадцатью тысячами разбил граф Румянцев, и по переходу за Дунай назван Задунайским. Крымом завладел князь В. М. Долгорукий-Крымский. На реке Рымнике одержал пятью тысячами победу над многочисленною армией турков граф Суворов, и прозван Рымникским. Древнею Тавридою овладел князь Потемкин, и потому прозван Таврическим» (там же). *На кляче белая рубашка Не раз его в усы щелкал.* «В итальянскую войну, предводительствуя русскою армией, граф Суворов на простой казачьей лошади езжал в одной рубашке и разбивал французов» (там же). *Саламандр* (см. выше, стр. 443, — здесь: Наполеон (ср. следующее примечание). *Уранга, сфинкса на верёвке.* «Уранг, большого роду обезьяна (орангутанг. — *В. З.)*, сфинкс — баснословное чудовище: автор позволил себе сими именами назвать вождя французов тогда, когда были военные действия между Россией и Францией и когда в публичных манифестах не щадя друг друга поносили; Наполеон нарицался Антихристом» (там же). *Сжигали грады воробьями.* По летописному рассказу, «великая княгиня Ольга сожгла воробьями у древлян город Коростень» (там же). *Ходили в лодках по земле.* «Великий князь Олег под Царьградом ходил на судах, подделав колеса, с парусами, дождавшись попутного ветра» (Об. Д., 705). *Топили вражий стан*

прудами. Второй самозванец, «Лжедимитрий засел в Туле и так укрепился, что нельзя было взять; то запрудили реку, которая так разлилась, что потопила город, и он должен был выйти, где и разбит» (там же). *Имели пищу в киселе.* «В княжение великого князя Владимира печенеги осадили город Васильков, состоящий в 35 верстах от Киева. Жители оного, не имея никакого способу к освобождению града, прибегнули к хитрости: разболтали в колодцах муки овсяной и ржаной, уверяя неприятеля, что оной пищи у них источники. Печенеги, желавшие принудить голодом к сдаче града, поверив сему, принуждены были отступить». (там же). *Спускались в мрачны подземелья.* Имеется в виду заключение Федора Никитича Романова (патриарха Филарета) и находившихся вместе с ним бояр в подземную тюрьму в Варшаве за отказ подписать грамоту, согласно которой Польша должна была получить право на русский престол; «многие из них померли» (там же). *Я дочь свою и сам крестову.* «У покойного гр. Васильева дочь Мария Алексеевна была крестница автора, которая вышла в замужество за донского уроженца, гр. Орлова-Денисова, полковника казачьего» (там же). Алексей Иванович Васильев (1742—1807) — сослуживец и приятель Державина. По смерти Екатерины II занимал должность государственного казначея, а потом министра финансов. При сочинении этого стихотворения он был еще жив (умер в августе) (Грот, 2, 654). *Денисов, Краснощекий (Краснощеков), Орлов, Иловайский.* Атаманы Донского казачьего войска, прославленные храбростью. *Введут его в крестов чертог.* «В домах древних русских бояр и знатных людей была всегда большая, так называемая крестовая комната, в которой принимались гости и прочее людство, когда случалося в большом количестве» (Об. Д., 705).

Луч (стр. 324). Впервые — Изд. 1808 г., т. 3, стр. 206. Написано «по просьбе Ивана Семеновича Захарова (сенатор и писатель, ум. 1816. — *В. З.*), который сочинил комедию и желал, чтобы автор написал романс» (Об. Д., 722).

Крестьянский праздник (стр. 325). Впервые — Грот, т. 3, стр. 398. Печ. по рукописи. *Кобас* (кобыс, варган) — «простонародное музыкальное орудие, зубанка; железная полоска, согнутая лирой, со вставленным вдоль посредине стальным язычком» (Даль). *Курамшить* — вероятно, куролесить. *Троп.* Тропнуть — сильно ударить. В данном контексте «троп» означает то же, что «хлоп». *Пьют кровь немецкую разбоем.* В войне 1806—1807 гг. Наполеон разбил Пруссию. *Милиция* — ополчение, набиравшееся преимущественно из крестьян. В конце 1806 г. ввиду войны с Францией был опубликован манифест об организации «внутренней временной милиции» в 612 000 человек.

Евгению. Жизнь Званская (стр. 326). Впервые — «Вестник Европы», 1807, № 16, стр. 268, с указанием при заглавии даты: «1807 г. в мае». Печ. по Изд. 1808 г., т. 2, стр. 302. Стихотворение посвящено другу Державина епископу *Евгению* Болховитинову (1767—1837), историку, археологу и историку литературы. Евгений с 1804 по 1808 г. жил в Хутынском монастыре, в

60 верстах от имения Державина Званки, где последний проводил каждое лето. Писать стихотворение Державин начал в мае 1807 г., кончил в июле (первоначальные заглавия: «Жизнь моя на Званке» или «Картина жизни Званской»). В конце июня Евгений посетил Державина, который написал на обороте рисунка с изображением Званки стихи:

На память твоего, Евгений, посещенья
Усадьбы маленькой изображен здесь вид.
Гораций как бывал Меценом в восхищеньи,
Так был обрадован мурза-пиит.

Мецен — Меценат. Мурза-пиит — сам Державин. Ниже этих стихов (датированных 22 июня 1807 г.) Евгений приписал ответное четверостишие:

Средь сих болот и ржавин
С бессмертным эхом вечных скал
Бессмертны песни повторял
Бессмертный наш певец Державин.

«Евгений... любил слушать эхо от выстрелов пушечных (у Державина было несколько маленьких пушек. — *В. З.*), которые несколько раз по лесам Волхова удивительно отдаются» (Об. Д., 710). *Красот позор* — т. е. зрелище. *Барашков в воздухе, в кустах свист соловьев.* «Т. е. бекасы, кои кричат, как барашки...» (Об. Д., 707). *Рев крав, гром жолн и коней ржанье.* Желна — дятел. Гром жолн — «отголоски их, когда они долбят деревья и производят звук» (Об. Д., 707). *Повеет с дома мне манжурской иль левантской.* «Манжурский, т. е. запах чайный; левантский — кофейный, т. е. что первый родится в Китае <а второй в Аравии> и доставляется чрез торг левантский» (Об. Д., 707). *Дивлюся в Вестнике* — в журнале «Вестник Европы», основанном Н. М. Карамзиным и издававшемся в это время В. А. Жуковским. *Ковров и кружев и вязани.* В Званке были небольшие фабрики: ковровая и суконная. *В которой, обозрев больных в больнице, врач.* «Была там небольшая для крестьян больница» (Об. Д., 708). *В ерошки, в фараон.* «Ерошки — карточная шутовская игра... Фараон — шуточное название карточной игры банку» (Об. Д., 708). *Иль в зеркало времен, качая головой.* «Зеркало времен здесь называется история» (Об. Д., 708). *Флакк* — Гораций. *Блестят и жучки в епанечках.* «Т. е. посредственные мысли, хорошо сказанные, чистым слогом, делают красоту сочинения» (Об. Д., 708). *И липца, воронка и чернопенна пива.* «Липец, мед, наподобие вина приуготовленный, желтого цвета, воронок — тоже мед, но черный, с воском варенный, — напитки, которые бывают очень пьяны, особливо последний, так что у человека при всей памяти и рассудке отнимутся руки и ноги; пиво черное кабацкое тоже весьма крепкое» (Об. Д., 708). *Древ русских сладкий сок до подвенечных бревен.* Яблочный или березовый сок, который делали наподобие шампанского. *За здравье с громом пьем.* «Т. е. с пушечной пальбой» (Об. Д., 708). *Пернатый к потолку лаптой мечу леток* — игра в волан. *Иль в стекла оптики.* Имеется в виду разновидность волшебного фонаря. *Иль в мрачном фонаре.*

Державин имеет в виду камеру-обскуру, в которой «супротивные натуральные предметы представляются в малом виде весьма живо...» (Об. Д., 708). *Как сквозь чугунных пар столпов на воздух бьет.* «Огненная паровая машина» (Об. Д., 709). *Марииной рукой прядутся.* «Императрица Мария Феодоровна выписала из Англии прядильную машину, на которой один человек более нежели на сто веретенах может прясть» (Об. Д., 709). *Все прелести, красы берутся с поль царицы.* «Т. е. красильня, где красят шелк, шерсть, лен и бумагу травными растениями, сбирая оные с царицы полей, т. е. Флоры» (Об. Д., 709). *Куется в бердыши милицы* — т. е. ополчения (см. выше, стр. 445). *Ленивым строем плыв, страшат тварь влаги стуком.* «Рыбная ловля, называемая колотом, в которой несколько десятков лодочек, в каждой с двумя человеками, опустя в воду сетки, тихохонько или лениво ездят и стучат палками в лодки, производя страшный звук, от чего рыба мечется как бешеная в реке и попадает в сетки» (Об. Д., 709). *Мой храмовидный дом.* «Дом автора был с куполом и с колоннами и немного похожий на храмик» (Об. Д., 709). *Здесь с тихогрома струн смягченны, плавны тоны.* Тихогром — перевод слова «фортепьяно». *Но мещет днесь и он перуны.* Державин имеет в виду войну 1806—1807 гг. *Темиру новому под Пультуском, Прейсиш-лау.* Темир (Тамерлан) — азиатский завоеватель XIV в. Имеется в виду Наполеон. Сражения под Пултуском и Прейсиш-Эйлау были относительно успешны для русской армии. *И скрыл орла седого славу.* Граф М. Ф. Каменский (1738—1809) был назначен главнокомандующим, но через несколько дней был сменен Беннигсеном. *Взойдешь на холм тот страшный.* В саду был холмик, на котором любил сидеть Державин. Далее Державин имеет в виду легенду о том, что один из новгородских вождей был волхв, от которого и получила свое название река Волхов. Этот волхв якобы был похоронен под холмом у дома Державина. *Чрез Клии воскресишь согласья.* Клио — муза истории. Евгений в 1806 г. напечатал в журнале «Друг просвещения» биографии ряда писателей, в том числе и самого Державина.

Похвала Комару (стр. 334). Впервые — Грот, т. 3, стр. 401. Печ. по рукописи. «Чрезвычайное обилие комаров над болотистым грунтом Званки на берегах Волхова подало Державину повод сказать о ней однажды:

Здесь царство комарье,
Царица в нем Дарья,

т. е. жена его; этим же объясняется происхождение настоящей шуточной пьесы. Комар есть один из любимых предметов русского народного остроумия, как показывает множество относящихся к нему замысловатых поговорок и загадок (см. Словарь Даля), и у Державина встречаются здесь иногда образы, несколько сходные с теми, которые создала народная фантазия» (Грот, 3, 401). *Пиндар воспевал орла* и т. д. Державин имеет в виду переведенную им (по немецкому переложению в прозе Гедике) «Первую песнь Пиндара пифическую» (см. ее — Грот, 2, 332). Далее поэт разумеет песню «Высоко сокол...», которая с большим успехом исполнялась

известным певцом Митрофановым; приписывавшуюся Гомеру «Батрахомиомахию» («Война мышей с лягушками»), ирои-комическую поэму Попа «Похищение локона» («The rape of the lock»), антицерковную поэму Вольтера «Орлеанская девственница» («La Pucelle») и «Гимн бороде» Ломоносова. *Слышь Виргилья вновь, вселенна.* Виргилию приписывается стихотворение «Culex» («Комар»). *Микромегас* — имя героя одной из философских повестей Вольтера того же названия, великана с звезды Сириус. *С дуба-де комар упал.* Державин имеет в виду народную песню, начинающуюся словами:

Стукнуло, грянуло в лесе,
Комар с дуба свалился

(см. Сказания Сахорова, т. 1, СПб., 1841, стр. 217). *Люцифер* — сатана, здесь намек на Наполеона. *Марон* — см. выше, стр. 403. *Воздавали честь Мильтоны.* Державин имеет в виду поэму знаменитого английского поэта Джона Мильтона (1608—1674) «Потерянный рай», воспевающую борьбу восставших ангелов, возглавляемых Сатаной, с богом. *То, как лучший вождь героев... ввел каре.* Державин имеет в виду одно из военно-тактических нововведений генерал-фельдмаршала П. А. Румянцева. *Столп из пламени был дан Весть юдеев в Ханаан.* «Огненный столп», по библейскому преданию, показавший евреям ночью в пустыне путь в «землю обетованную». *Булдыхан* (богдыхан) — название китайского императора. *Мандарин* — высший чиновник в старом Китае. *Выезжает исполин* — намек на Наполеона. *Хоботом — слону подобен* и пр. «Хоботец комара — трубочка от рыльца, для присосу, с жальцем внутри ее» (Даль); ср. народную загадку: «Крылья орловы, хобота слоновы, груди кониные, ноги львиные, голос медный, нос железный; мы их бить, а они нашу кровь лить» (там же, слово «комар»). *Тундрик* — обитатель тундры. *Пикинер* — солдат, вооруженный пикой. *Руда* — кровь.

На прогулку в Грузинском саду (стр. 342). Впервые — Грот, т. 3, стр. 400. В 30 километрах от Званки находилось имение временщика Александра I — Аракчеева. В начале XVIII в. Грузино принадлежало Меншикову, который, по преданию, посадил там дубовую аллею. Напоминая одному временщику — Аракчееву — о падении другого (князя Ижорского, т. е. Меншикова), Державин намекает на возможный поворот «колеса фортуны» и для самого Аракчеева.

Признание (стр. 342). Впервые — Изд. 1808 г., т. 3, стр. 208. Это стихотворение как бы подводит итог поэтической деятельности Державина. Так его расценивал и сам поэт: «Объяснение на все свои сочинения» (Об. Д., 722). Это и два следующих стихотворения написаны не позднее 1807 г., ибо они вошли в издание 1808 г., печатание которого началось в августе 1807 г. Первый том был отпечатан в декабре, а все издание вышло в свет в феврале 1808 г.

Задумчивость (стр. 343). Впервые — Изд. 1808 г., т. 3, стр. 232. Перевод 28-го сонета Петрарки. Первоначальная редакция перевода озаглавлена: «Любовная меланхолия».

Водомет (стр. 343). Впервые — Изд. 1808 г., т. 3, стр. 233. По предположению Грота, «Водомет», как и стихотворение «Задумчивость», посвящен Н. А. Колтовской, в которую Державин был влюблен. *Водомет* — фонтан. *Зарьные.* Это прилагательное образовано Державиным от слова «заря».

Привратнику (стр. 344). Впервые — «Библиографические записки», 1859, № 11, стр. 329, под заглавием «Приказ моему привратнику». По рукописи — Грот, т. 3, стр. 420, под тем же заглавием, хотя в рукописи два первых слова заглавия зачеркнуты. Печ. по рукописи. Стихотворение написано в январе 1808 г. по поводу того, что привратник Державина принял пакет, адресованный его соседу — обер-священнику И. С. Державину. Стихотворная шутка Державина быстро разошлась в списках и вызвала злобное ответное послание, написанное или самим обер-священником, или кем-то другим от его имени, «Приказ моему секретарю», которое содержит много не только резких выпадов, но и грубой брани, например:

Строфа 4:

Зоиловых держась ты правил,
Искал в чужой сорочке блох;
Но свой лишь вшивый плащ представил
В сатире сей, как Архилох...[1]

Строфа 10:

Кто там мурзой именовался,
О том совсем не знаю я;
Но, как историк отозвался,
Была в ковчеге и свинья...[2]
и т. п.

(См. Грот, 3, 427—428)

«Переписка» двух Державиных пользовалась большим успехом и разошлась во множестве списков, иногда под объединяющим названием: «Спор Державиных», «Ссора Державиных» и т. п. На стихотворение своего противника Державин ответил четверостишием «Отзыв на пасквиль» (в первой редакции было иное название: «Ответ попу Державину на ругательство»):

Ужель мне отвечать
На то, что так меня за шутку злобно колют?
Благоразумнее молчать:
Избытком лишь сердец уста у нас глаголют.

(Грот, 3, 430)

---

[1] Архилох — знаменитый древнегреческий поэт-сатирик VII в. до н. э.

[2] По библейскому преданию, Ной во время всемирного потопа поместил в построенное им судно (ковчег) семь пар «чистых» животных и семь пар «нечистых».

Ктитор — церковный староста. *Пресвитер* — священник; выражение «пресвитер муз» равносильно «жрец муз». *Салма* — вареное тесто (татарское кушанье). *Он в семинарьи им нарекся.* Сыновья священников в семинарии принимали новую фамилию. *В моем звезда рукой держима.* В гербе Державина изображена рука среди облаков, держащая звезду.

Аспазии (стр. 346). Впервые — Изд. 1816 г., т. 5, стр. 160. Написано 24 апреля 1809 г. для М. А. Нарышкиной, любовницы Александра I. *Аспазия* (V в. до н. э.) — знаменитая своей красотой и умом гетера, жившая в Афинах, главном городе Аттики. *Мудрецы по ней вздыхают, и Перикл в нее влюблен.* Дом Аспазии посещали многие выдающиеся люди: Сократ, Перикл и др. Перикл, разведясь со своей первой женой, женился на Аспазии. *И винят в хуле богов.* «Алцибиад (т. е. Алкивиад, афинский политический деятель и военачальник. — *В. З.*) часто посещал Аспазию, и когда в одну ночь молодые люди сделали из шалости надругательство над кумиром, что приписано было Алцибиаду и Аспазии, то она была призвана на суд в Ареопаг (верховное судилище в Афинах. — *В. З.*), куда вошла в покрывале, но когда сняла с себя оное, то красота ее всех поразила, и никто уж не хотел ее судить» (Об. Д., 724). Алкивиада действительно обвиняли в «надругательстве над кумирами», но это было через 17 лет после суда над Аспазией. Аспазию же в непочитании богов обвиняли противники Перикла, не осмелившиеся выступить против него самого. Перикл выступил на суде и добился ее оправдания. История же об обвиняемой, оправданной благодаря ее красоте, взята из предания о знаменитой греческой гетере Фрине (IV в. до н. э.). Она была обвинена в безбожии. Защитник ее, не добившись цели своей речью, показал ее судьям нагой, и те, обезоруженные красотой ее тела, оправдали ее. *Архонт* — высшая должность в Афинах.

Синичка (стр. 347). Впервые — «Объяснения на сочинения Державина, им самим диктованные родной его племяннице, Елизавете Николаевне Львовой, в 1809 году», изданные Ф. П. Львовым, СПб., 1834, стр. 49. В первых трех строфах слово «Вздыхаешь» напечатано только по одному разу. Так и у Грота (3, 11), хотя он и оговорил в примечании, что «в рукописи слово «вздыхаешь» повторено по три раза в конце первых трех куплетов». Ошибка исправлена Гуковским (стр. 361). Печ. по рукописи. «Соч. на Званке 15 июля 1809» (Об. Д., 724).

Незабудочка (стр. 348). Впервые — «Объяснения на сочинения Державина...», изданные Ф. П. Львовым, СПб., 1834, стр. 49. Печ. по рукописи. «Соч. на Званке в 1809 г. 22 июля» (Об. Д., 724).

Оковы (стр. 348). Впервые — «Чтения в Беседе любителей русского слова», 1811, кн. 2, стр. 103, в «Рассуждении о лирической поэзии, или об оде», как пример «вкуса в простом слоге». С вариантами — «Объяснения на сочинения Державина...», издан-

ные Ф. П. Львовым, СПб., 1834, стр. 50. Печ. по тексту «Рассуждения». Написано в 1809 г. «для племянницы автора Елисаветы Львовой» (Об. Д., 724). Перевод-переложение стихотворения Павла Силенциария (VI в.), помещенного в «Греческой антологии» (сборник небольших произведений разных поэтов).

Аристиппова баня (стр. 349). Впервые — «Чтение в Беседе любителей русского слова», 1812, кн. 6, стр. 65. Печ. по Изд. 1816 г., т. 5, стр. 162. *Аристипп* (V—IV вв. до н. э.) — греческий философ, учивший, что высшее благо заключается в разумном наслаждении, причем удовольствия должны наполнять душу человека только мирными радостями, чуждыми страстных увлечений. *Что вы, аркадские утехи, Темпейский дол, гесперский сад, Цитерски резвости и смехи.* Аркадия — страна в Греции; в литературе эпохи классицизма — идиллическая страна счастливых пастухов. Темпейская долина (славилась в древности красивой природой) — символ земного рая. Сад Гесперид — согласно мифологии, сад на счастливом острове, где росли золотые яблоки. Остров Цитера (Кифера) — один из островов греческого Архипелага, на котором процветал культ Афродиты, богини любви и красоты. *Не спать в свой век... коль богатства нет.* В первоначальной редакции было: «Не вешать рук»; очевидно, таков смысл и выражения в окончательном тексте стихотворения. *Видна и ссылка Аполлона.* Зевс убил молнией сына Аполлона Эскулапа, великого врача, за то, что он своим искусством не давал людям умирать и сделал их фактически бессмертными. Аполлон убил циклопов, сковавших молнию, и в наказание за это должен был некоторое время жить на земле и пасти коров фессалийского царя Адмета. *Фиял* — кубок, чаша. *Арета* — «дочь его (Аристиппа. — *В. З.*), им воспитанная, была дивом красоты и добродетели» (прим. Державина к журнальному тексту). Арета (точнее, Аретэ) — значит в переводе: добродетель, достоинство. *Но выдьте вон: я философ.* «Дионисий, царь сиракузский, подарил Аристиппу трех красавиц. Он привел их к себе и отпустил назад, не прикасаясь к ним» (прим. Державина к журнальному тексту). *Но быть богатым, купно святу* и т. д. — т. е. богатому трудно быть святым. *Орлу крылату Иглы сквозь пролететь ушей.* Перефразировка евангельского выражения: «верблюду пролезть сквозь игольное ушко». В первоначальной редакции, озаглавленной «Баня», было 11 строф; 12-я приписана позднее (см. Грот, 3, 90).

Царь-девица (стр. 352). Впервые — Изд. 1816 г., т. 5, стр. 181. В рукописи подзаголовок «Романс». *Полкан* — получеловек-полуконь, действующее лицо переводного романа о Бове-королевиче, превратившегося в народную сказку. *Во осьми ее морях.* «Державин представляет себе Царь-девицу владетельницей всей России» (Грот, 3, 124). Ср. «восемь морей» в 8-й строфе «Изображения Фелицы». По предположению Грота, в образе Царь-девицы Державин дал портрет императрицы Елизаветы Петровны, а в событиях, описанных в «романсе», нашли отражение исторические события царствования Елизаветы (см. Грот, 3, 745—746). *Инший* — иной, другой, чужой. *Эдемский индей* (т. е. райский индюк) — павлин. *Колпица (колпик)* — белая птица вроде аиста.

Маркобрун. Это имя также заимствовано из сказки о Бове-королевиче. *Насад* — плоскодонное судно. *Сбойство* — хитрость.

Князь Кутузов-Смоленской (стр. 358). Печатается впервые. Как пример акростиха, стихотворение заключает «Продолжение о лирической поэзии» (т. е. продолжение «Рассуждения о лирической поэзии»), до настоящего времени не опубликованное (Арх. ГПБ, т. 5, лл. 132—133). Датируется годом смерти М. И. Кутузова.

Полигимнии (стр. 359). Впервые — Изд. 1816 г., т. 5, стр. 237. Ода заключает собой том. *Полигимния* — в греческой мифологии одна из девяти муз, муза гимнов (религиозных песен). Так Державин назвал А. С. Стурдзу, «которая однажды очаровала его на вечере у г-жи Свечиной (писательница, хозяйка салона; 1782—1859. — *В. З.*), прочитав ему в совершенстве всю оду «Бог» (Грот, 8, 992). *Эольские* — греческие. *Так, ты, греко-российска Харита*. Стурдза была по происхождению полурусской-полугречанкой. *Мой гимн возглашаючи богу* — т. е. оду Державина «Бог».

«Река времен в своем стремленьи...» (стр. 360). Впервые — «Сын отечества», 1816, № 30, стр. 175. Затем вошло во все посмертные издания сочинений Державина под заглавием «Последние стихи Державина». В заметке, приложенной к этим стихам в «Сыне отечества», сказано: «За три дня до кончины своей (8 июля 1816 г. — *В. З.)*, глядя на висевшую в кабинете его известную историческую карту: Река времен («Река времен, или Эмблематическое изображение всемирной истории», составлена Страссом, пер. с нем. А. Варенцова. — *В. З.*), начал он стихотворение На тленность и успел написать первый куплет».

Исправления

Стр. 143, строка 9 св. *Вместо* И фуриев с земель своих *нужно* И фурий от земель своих.

Стр. 149, строка 10 св. *Вместо* червь *нужно* чернь.

Стр. 175, строка 3 св. *Вместо* слабым смертным *нужно* слабых смертных.

Стр. 190, строка 6 сн. *Вместо* Поит *нужно* Поя.

Эти исправления, сделанные самим Г. Р. Державиным, были обнаружены после подписания книги в печать и потому не могли быть внесены в текст.

СЛОВАРЬ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ИМЕН, УСТАРЕЛЫХ И РЕДКО УПОТРЕБЛЯЕМЫХ СЛОВ[1]

Амброзия — пища богов.

Баснословие — мифология.
Бельт — Балтийское море.
Бешмет (бешметь) — стеганое татарское полукафтанье.
Болван — статуя, истукан, идол, языческий изваянный бог.
Борей — холодный северный ветер, бог этого ветра.
Братина — ковш, чаша.
Бразды (борозды) — удила.

Вежды — веки.
Водомет — фонтан.

Горний — небесный, высший, неземной.

Данаи — греки.
Дмиться — становиться гордым, надменным.
Днешний — нынешний, сегодняшний.
Доброгласие — благополучие, гармония.

Железы — оковы.
Живность — жизненность.
Живот — жизнь.

Застенять — заслонить, загораживать.
Зефир — бог западного ветра, олицетворение легкости, кротости.
Зиждитель — творец, создатель.
Зоил — греческий критик (IV—III вв. до н. э.), поносивший Гомера. Имя его стало нарицательным для обозначения ругателя, недоброжелателя.

---

[1] В словарь включены слова, неоднократно повторяющиеся в текстах Державина и поддающиеся объяснению вне контекста. Непонятные современному читателю слова, встречающиеся в стихах редко, а также меняющие смысл в зависимости от контекста, разъяснены в Примечаниях.

Истукан — статуя, бюст; идол, языческий божок.

Кипарис — символ смерти.
Киприда — Афродита, богиня любви и красоты.
Кумир — статуя, бюст; изваяние языческого божества; идол или болван.

Лавр — символ славы, побед.
Ласкать — льстить.
Лик — хор, сонм.

Мармора — Мраморное море.
Миро — благовонное масло.
Мирт — символ любви.

Наяда — водяное божество.
Нектар — напиток богов.
Нимфы — божества женского пола, олицетворяющие различные стихийные силы природы. В переносном смысле нимфа: прекрасная девушка.

Олива (маслина) — символ мира.
Омир — Гомер.
Орать — пахать.

Пегас — крылатый конь, олицетворение поэтического вдохновения.
Перлы — жемчуг. Перловый цвет — жемчужный (белый с сизым отливом).
Перун — гром.
Персть — прах, пыль.
Пинд — гора в Греции, посвященная Аполлону и музам.
Плески — аплодисменты.
Полнощь, полнощный — север, северный; часто означает: Россия.
Помавать — кивать, подавать знак, манить.
Понт — море.
Пря — спор, ссора, распря.

Раздобары — растабары, бездельные разговоры, болтовня.
Рамена — плечи.
Ристанье — состязание.
Ристалище — место для состязаний.

Сирены — мифологические женщины, чудесным пением очаровывающие моряков и приводящие их к гибели.
Скудельный — глиняный; в переносном значении — непрочный, бренный.
Стогны — площади, улицы в городе.

Тазать — бранить, бить.
Талия — муза комедии.
Терпсихора — муза танцев.
Тул — колчан.

Фемида — богиня правосудия.
Фурии — богини ужаса и мести.

Цитра — музыкальный струнный инструмент.

Ширинка — платок.
Шумиха — сусальное золото.

Эвксин, Понт Эвксинский — Черное море.
Эгида — атрибут Афины-Паллады (Минервы), а также Зевса и Аполлона, олицетворяющий грозные атмосферные явления: грозовые тучи и т. д.
Эдем — рай.
Эол — бог ветров.
Эрата — муза лирики.
Эреб — подземное царство; ад.

Хариты (грации) — три богини красоты и грации.

Языки — народы.

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ

СОДЕРЖАНИЕ[1]

---

[1] Первая цифра обозначает страницу текста, вторая (курсивом) — страницу примечания.

*

Державин Гаврила Романович
СТИХОТВОРЕНИЯ

Редактор *Я. С. Билинкис*

Художник *И. С. Серов*
Худож. редактор *М. Е. Новиков*
Техн. редактор *В. Г. Комм*
Корректор *Ф. С. Флейтман*

Сдано в набор 6/IX 1957 г. Подписано в печать 11/XII 1957 г. Бумага 84×108/32. Печ. л. 30 1/2 (25,01). Уч.-изд. л. 27,32. Тираж 30 000. Заказ № 826. Цена 10 р.

Ленинградское отделение издательства «Советский писатель»
Ленинград, Невский пр., д. 28.

Типография № 5 УПП Ленсовнархоза
Ленинград, Красная ул., 1/3.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
207	2 св.	приключившую	приключившуюся
239	16 св.	у́дивит	удивит
255	13 сн.	Возвращение	На возвращение
326	1 сн.	Покой мне нужен дней — в останке.	Покой мне нужен — дней в останке.
408	19 сн.	осудить	остудить